

Казанцев А.А.

«Большая игра»
с неизвестными
правилами:
Мировая политика
и Центральная Азия

Москва 2008

Казанцев А.А.

**«БОЛЬШАЯ ИГРА» С НЕИЗВЕСТНЫМИ ПРАВИЛАМИ:
МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ**

В работе анализируется структура международных взаимодействий, сложившаяся в Центральной Азии в 1991–2008 годах, и ее влияние на региональные политики крупнейших государств мира. Книга состоит из двух частей.

В 1–й части исследования рассматривается влияние фактора неопределенности на международные отношения в различных регионах мира. В частности, выясняется ее взаимосвязь с трудностью проведения оптимальной и последовательной политики, высокой конфликтностью, политической нестабильностью и неуспешным функционированием интеграционных структур. Далее вычленяются различные факторы, приведшие к беспрецедентному росту неопределенности в международных отношениях в Центральной Азии.

Во 2–й части работы анализируются особенности политик всех ведущих внерегиональных игроков (России, США, стран ЕС, Китая, Турции, Ирана, Индии, Пакистана, Японии и Южной Кореи) в 1991–2008 годах. При этом вычленяется сложная динамика столкновения интересов или, напротив, сотрудничества внешних игроков в регионе. Большое внимание уделяется также вопросам влияния высокой неопределенности на региональные политики. Монография получила 2 премию Российской ассоциации политической науки за 2008 г. по разделу «научные работы».

This monograph analyzes the structure of international relations in Post-Soviet Central Asia and Caspian Sea region. In the first part of the book the author studies historical evolution of this international region and assesses the influence of history on present situation. He also analyzes the influence of uncertainty and unpredictability of the situation in the region on present day policies of major international actors. Combinations of different policy instruments (military, economical, soft power) used by major groups of international actors and different types of their strategies are studied.

The second part of the book contains detailed study of Russian, American, European, Turkish, Iranian, Pakistani, Saudi, Chinese, Japanese, South Korean and Indian policies in the region. Complex combinations of common and diverging interests and different types of unstable ad hoc coalitions in different periods and on different issues are studied. Special attention is paid to combinations of interests and policies around different routes of resource (mostly, oil and gas) transportation routes. The book was awarded a second prize of Russian Political Science Association in nomination "scientific research" in 2008.

Дизайн и оформление: Digital ARTS

Формат 70x108 1/16
Бумага офсетная
Усл.печ.л.
Тираж 1000 экз.

(с) Фонд «Наследие Евразии»

ISBN

УДК

ББК

*Что там, за ветхой занавеской тьмы?
В гаданиях запутались умы.*

Омар Хайям. Рубаи

*Теперь я о Сухрабе и Рустаме
Вам расскажу правдивыми устами.
Когда палящий вихрь пески взметет
И плод незрелый на землю собьет,
Он прав или неправ в своем деянье?
Зло иль добро – его именованье?..
Здесь расскажу я про отца и сына,
Как в битву два вступили исполина.*

Абулькасим Фирдоуси. Шах-намэ

Содержание

Лирическое предисловие: что такое Центральная Азия?	7
--	---

Часть 1. 11

Конструирование Центральной Азии: институты, неопределенность и мировая политика	11
--	----

Глава 1. «Институты имеют значение» 11

1. Институты в современной социально-политической теории	11
2. Роль институтов в международных отношениях	16

Глава 2. Институты и неопределенность в Центральной Азии 29

1. Центральная Азия: множественность геополитических ориентаций	32
2. Неопатримониализм или неопределенность с выбором новыми независимыми государствами Центральной Азии модели социально-политического развития	51
3. Внешняя политика и объективные политико-экономические интересы стран Центральной Азии	70
4. Исторические особенности внешних политик номадических обществ и участие современных государств Центральной Азии в международных организациях	77

Глава 3. Мировая политика и конструирование Центральной Азии	87
1. Центральная Азия: международный регион в контексте внешних сравнений	87
2. Внешние «конструкторы» Центральной Азии, неопределенность и связанные с ней политические дилеммы	95
3. «Большая игра»: новая или старая?	101
4. Региональная нестабильность в Центральной Азии и мировая политика	105

Часть 2.	119
«Большая игра» с неопределенностью	119

Глава 1. Политика России в Центральной Азии	119
1. Противоречия советской модернизации Центральной Азии и первый проект региональной политики независимой России к 1991 году	120
2. Попытки ухода России из Центральной Азии и последствия порожденной этим «геополитической пустоты» (1991–1994)	128
3. Активизация центральноазиатской политики России и усиление соперничества с США и странами ЕС (1995–1998)	132
4. Рост влияния России в Центральной Азии в начале нового тысячелетия как результат увеличения стратегической нестабильности (1999–2001)	135
5. Доктринальное и организационное упорядочение российской внешней политики в Центральной Азии и его пределы	138
6. ШОС и попытки координации политики России с другими великими державами в Центральной Азии	142
7. Россия и война с терроризмом в Центральной Азии (2001–2003.)	145
9. Центральная Азия и политика «энергетической сверхдержавы»	150
10. Дилеммы российской внешней политики в Центральной Азии, или есть ли у РФ вообще свой проект для региона?	153
Глава 2. Политика Запада в Центральной Азии	157
1. Западная коалиция в Центральной Азии: участники, интересы, дилеммы и проекты	157
2. Этапы политики США в Центральной Азии (1991 – 2008)	165
3. Центральноазиатская политика стран ЕС	177
4. Израиль – центральноазиатский посредник Запада?	189

Глава 3. «Исламская коалиция» в Центральной Азии: существует ли она вообще?	193
1. Центральноазиатские политики государств исламской исторической традиции: общность и конфликт	193
2. Турция – геополитические зигзаги?	199
3. Иран в Центральной Азии: фантомный кошмар Запада	207
4. Пакистан и аравийские монархии в Центральной Азии: трагедия ошибок и несбывшихся надежд	215
Глава 4. Азиатские страны и Центральная Азия	221
1. Общее и особенное в центральноазиатских политиках стран Азии	221
2. Китай – наиболее перспективный игрок в регионе?	223
3. Южная Корея и Япония: региональные экономические политики	232
4. Индия – не определившийся и изолированный игрок на центральноазиатской арене?	236
 Заключение.	 241
Структура региональных взаимодействий и стратегии крупных международных игроков в Центральной Азии	
 Об авторе	 248

Лирическое предисловие: Что такое Центральная Азия?

Эта книга посвящена двум взаимосвязанным «геополитическим» проблемам: столкновениям различных международных сил в современной Центральной Азии и взаимному непониманию, непредсказуемости, неопределенности, которые затрудняют диалог между нациями и государствами, ведут к конфликтам и обостряют соперничество. Именно это сочетание двух факторов придает проблемам современной Центральной Азии поистине глобальный масштаб.

Взаимосвязь конфликта и неопределенности, смерти и взаимного непонимания – тема, на которую размышляли великие мыслители во все периоды жизни человечества. В частности, эта взаимосвязь отражена в двух цитатах из классиков мировой литературы, которые мы включили в качестве эпиграфа данной работы.

Фирдоуси рассказывает о смертном бое между отцом и сыном, о первом геополитическом расколе, который пережила Центральная Азия, о борьбе между Ираном и Тураном. Однако столкновение между ближайшими родственниками произошло из-за взаимного неузнавания. Поэтому далее Фирдоуси пишет: «Познания путь завеса преграждает. Стремится мысль к вратам заветным тем... Но дверь не открывалась ни пред кем». Слова Хайяма о занавеске тоже можно понять как рассказ о смерти. Ведь дальше он пишет: «Когда же с треском рухнет занавеска, увидим все, как ошибались мы...»

Центральноазиатский международно-политический регион, возникший как самоназвание 4-х бывших советских республик Средней Азии (Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Киргизии) и Казахстана после 1991 года, в последнее время привлекает пристальное внимание исследователей в различных областях социально-гуманитарных наук. Есть достаточно много причин для этого: активное соперничество между великими

державами за влияние в Центральной Азии; большое количество различного рода трансграничных угроз и вызовов, исходящих с территории региона; серьезная недоиспользованность его природных (особенно, нефтегазовых) ресурсов из-за трудностей с выходом на мировые рынки и т.д.

В то же время, до сих пор неизвестно, является ли Центральная Азия как отдельная часть мира преходящим краткосрочным казусом, или существование этого региона представляет собой важную константу современной мировой политики? И вообще, до какой степени мы можем говорить о существовании Центральной Азии как международного региона? Уже сейчас его существование во многом условно. Чрезвычайно различны политические и социальные системы, культуры и внешние политики входящих в него государств. А это заставляет как исследователей, так и практических политиков постоянно ставить вопрос, не идет ли речь просто о конгломерате ничем не связанных между собой стран? И, если это так, то нельзя ли эти страны перегруппировать с соседними каким-то другим образом?

Не исчезнет ли вскоре столь недавно возникший международный регион, распавшись на составные части или будучи «разорван» между другими частями мира (АТР, Ближним Востоком, Южной Азией и т. д.)? Вопрос об исчезновении Центральной Азии в ее нынешних границах постоянно возникает в связи с ее пестротой, изменчивостью ее идентификаций во всех измерениях (географическом, культурном, экономическом, пространстве безопасности), постоянным появлением таких поддерживаемых Западом проектов ее реорганизации, как «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия» и т. д.

Прежде чем перейти к строго научному, очищенному от всяких эмоций анализу перечисленных выше проблем, я хотел бы признаться читателю в тех движущих эмоциональных силах, которые породили к жизни эту книгу.

Это, прежде всего, *любовь*. Фернан Бродель начал свою книгу «Что такое Франция?» словами о своей любви к родной стране. Я тоже не стесняюсь признаться в том, что люблю Центральную Азию. Я родился, вырос и все еще большую часть своей жизни прожил в Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане... Мне равно близок мир ее русифицированных городов советского времени и пронизанный ярким солнцем традиционный космос сельских районов (именно в таком месте работал мой отец). До сих пор главный сюжет моих снов – благоухающие и манящие невероятными сладостями сады Хорасана, Согдианы и Бадахшана...

Место, в котором я вырос, был подлинно евразийским миром, где русское население дарило мусульманам яйца на православную Пасху, а те в ответ угощали бараниной на Курбан-байрам. Мой лучший друг детства был сыном известного туркменского артиста и драматурга. Другие мои друзья происходили из священного племени ходжа, т. е. возводили свое происхождение к воинственным соплеменникам Пророка, принесшим сюда ислам на остриях своих сабель. Я помню дервиша, собиравшего подаяние на праздники, и экстрасенса-суфия, пассами рук ставившего диагнозы и лечившего любые болезни... Я помню шумные базары, растворенные в окружающем мире прекрасные образы восточной поэзии, пасущихся в городе верблюдов и невероятные, в стиле Делакруа или даже Ван Гога, круто замешанные на солнечной энергии краски детства... Одни из моих предков создавали русский мир в Централь-

ной Азии, другие – жили в этом регионе еще до появления в нем русского проекта (в Центральной Азии, на Южном Кавказе, в Северном Иране и Западном Китае, т. е. на разных отрезках Великого шелкового пути).

Поэтому, во-вторых, это – *реквием* по целому погибшему миру, по брошенным, разрушенным и заросшим верблюжьей колючкой могилам предков. Это – плач по тем руинам, которые оставило катастрофическое свертывание русского проекта в регионе. После падения коммунистической системы со стороны России как бывшей метрополии было бы честно отдать свой долг, компенсировать страдания, нанесенные колониальными завоеваниями имперской эпохи и плохо сбалансированной насильственной модернизацией советского времени, помочь в постепенном становлении независимых государств. Только это могло сохранить все то хорошее, что было в российско-советском модернизационном проекте в Центральной Азии. Только это могло спасти от разрушения русский мир, сложившийся в этом регионе. Вместо этого Среднюю Азию и Казахстан в одностороннем порядке выкинули из союзного государства в результате Беловежских соглашений. Их судьбу в очередной раз решили внешние силы, даже не спросив их мнения.

Наконец, это – *печаль и боль*. За последние 18 лет был уничтожен целый мир русскоязычной Центральной Азии, существовавший более 100 лет и связанный со специфическим модернизационным проектом. Особенно это относится к странам юга региона. Будучи по базовому образованию историко-филологом и все еще сохраняя туркменское гражданство, я проходил полугодовую практику в Национальном институте рукописей Туркменистана, как раз в период, когда там собирали материалы, из которых позже возникла «Рухнама». Таким образом, я получил горькую возможность наблюдать вызревание представлений, которые стали идеологическим обоснованием одномоментного изгнания (с фактической потерей имущества) всего русского населения из этой страны в 2003 году. Моя семья также стала жертвой националистической политики Туркменбаши. Всем, кто пережил это, трудно забыть издевательское равнодушие и коррупционное поведение российской бюрократии по отношению к собственным соотечественникам. Сопровождавшие все это формальные декларации патриотизма, тем более создавали атмосферу фарса.

Центральноазиатский субэтнос русского народа, очень непохожий на другие его части, эмигрировав из своей солнечной родины, как экзотическое дерево очень трудно приживается в суровом климате России. Пестрые обломки этого мира разбросаны теперь повсюду, вплоть до Северной Америки и Австралии...

Я считаю, что эта боль дает мне право объективно оценивать совершенные разными правительствами России ошибки и то, насколько они уменьшили потенциал влияния и перспективы нашей страны в Центральной Азии. Это – мой долг как патриота России, ее народа, как маленькой части погибшего русского проекта в Центральной Азии. В традициях русской, православной культуры судить, прежде всего, себя, а не других.

Наконец, это *попытка правдивого, sine ira et studio* рассказа об ужасах неупорядоченности и нестабильности, о настоящей «черной дыре» в мировой политике, которые породил в Центральной Азии слишком быстрый уход России. Это – исследование того, какую роль сыграли в усилении этого хаоса взаим-

ное непонимание, незнание региона и подлинных позиций друг друга разными участниками развернувшейся международной игры.

И, наконец, это – попытка *воссоздать*, хотя бы в моем воображении и в сухом научном анализе, эту *призрачную империю* снов, детских впечатлений и смутных родовых воспоминаний. Хотя бы описав то, что от нее осталось... Судя по роману «Ким», таким же прекрасным, но мимолетным сном была и Британская империя для великого певца «Большой игры» Р. Киплинга...

Часть 1.

Конструирование Центральной Азии: институты, неопределенность и мировая политика

Глава 1.

«ИНСТИТУТЫ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ»

Англичанин, попавший на необитаемый остров, первым делом построил три хижины. Одну – тот дом, в котором он будет жить. Вторую – клуб, где он будет проводить свободное время. Третью – клуб, куда он ходить не будет.

Московский анекдот

1. **Институты в современной социально-политической теории**

Последние десятилетия экономическая наука лидирует в моделировании социальных взаимодействий. Из нее широко заимствуются модели, которые используются для описания, в том числе, политических процессов (вроде «политического рынка»). Этот феномен распространения экономической модели анализа на сопредельные сферы социальной действительности получил название «экономического империализма». В частности, фраза, вынесенная в заголовок этой главы, принадлежит знаменитому экономисту Д. Норту.

Радикальный шаг вперед в сфере моделирования политических процессов был сделан в 1960—1970-е гг., когда возникла теория «рационального выбора» (rational choice theory) и «общественного выбора» (public choice theory), особенно – в работах Виргинской школы¹. Габриэль Алмонд в своей статье о «рациональном выборе» даже утверждал, что в этот период в политологии произошла научная революция, т. е. радикальный разрыв со старыми способами моделирования политической реальности². В этом новом способе моделирования единицей анализа стал отдельный человек. При этом он стал интерпретироваться как «краткосрочный максимизатор прибыли», стремящийся быстрее и наиболее легким образом удовлетворить свои материальные интересы. Все сферы социально-политических взаимодействий стали, в свою очередь, пониматься как разновидности рынков. В результате моделирование поведения отдельных социальных субъектов превратилось в достаточно простую прикладную логико-математическую задачу по выявлению различных равновесных состояний на этих рынках, а институты или культурно-исторические особенности для понимания поведения людей казались совершенно ненужными!

В то же время, достаточно быстро обнаружилась и ограниченность такого подхода. Ведь социальные субъекты отнюдь не всегда ведут себя рационально. Представления о рациональности поведения, в свою очередь, достаточно широко варьируются в различных ситуациях, многообразных социальных и культурных контекстах³.

Предпосылки теории «рационального выбора» были пересмотрены в связи с появлением неоинституционализма. Одни из основателей неоинституционализма в политологии Джеймс Марч и Йохан Ольсен указывали, что хотя личный интерес пронизывает сферу политического, политическое действие часто в куда большей степени базируется на нормативно одобренном обществом поведении⁴. Те же авторы отмечали: «Люди выполняют решения не только потому, что они заинтересованы в них, но потому, что от них ожидают этого или что они должны это делать. Люди действуют в соответствии с правилами»⁵.

Таким образом, в сфере моделирования социально-политических взаимодействий появилась проблема институтов как внешне заданных социальным субъектам поведенческих правил. Однако введение этой проблематики потребовало радикального пересмотра старого, слишком многозначного понятия «институт», использовавшегося в классической социологии. Эта задача была выполнена лауреатом Нобелевской премии в области экономики Дугласом Нортм. В частности, ему принадлежит интерпретация института как правила поведения⁶. «Институты являются набором правил, процедур подчине-

1 См.: *Mitchell W.* Virginia, Rochester and Bloomington: Twenty five Years of Public Choice and Political Science// *Public Choice*. № 56. P. 101 – 119.

2 *Almond G. A.* A discipline divided. Schools and sects in political science. Newbury Park, CA: Sage, 1990. P. 123.

3 *Friedman M.* Essays in Positive Economics. Chicago, 1953; *Buchanan J., Tullock G.* The Calculus of Consent. Ann Arbor, 1962; *Bates R.* Agrarian Politics// *Understanding Political Development*. Ed. by M. Weiner, S. Huntington. Boston, 1987; *Popkin S.* The Rational Peasant. Berkeley, 1979. См. критику этого подхода: *Pye L.* The Mandarin and the Cadre. Ann Arbor, 1987; *Inglehart R.* The Renaissance of Political Culture// *American Political Science Review*. № 82 (4). P. 1203—1230.

4 *March J.G., Olsen J.P.* The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life// *American Political Science Review*. № 78 (3 September), 1984. P. 734 – 750.

5 *March J.G., Olsen J.P.* Ambiguity and Choice in Organizations. Bergen: Universitetsforlaget, 1976. P. 15.

6 *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.

ния, а также – моральных и этических норм поведения, созданных с целью сдерживать поведение индивидов...»⁷ Таким образом, рациональность поведения социальных субъектов, связанная с их материальными интересами, проявляется на фоне различных внешних ограничений, накладываемых не только на поведение, но и на сознание людей⁸. Такая рациональность была названа Гербертом Саймоном «ограниченной»⁹. *Таким образом, с точки зрения современного неинституционализма, социально-политическое поведение должно моделироваться не только с точки зрения материальных интересов, но и с точки зрения ограничивающих их реализацию институтов.*

Проанализируем функции институтов с точки зрения современных социально-политических теорий. Ограничения, накладываемые на поведение людей, делают поведение других игроков *предсказуемым* для любого из участников взаимодействия. Таким образом, институты выступают как способ уменьшения *неопределенности*¹⁰. Только институты могут гарантировать выполнение различных договоров и, что еще существеннее, их однозначное понимание сторонами. В противном случае любая из сторон может интерпретировать договор настолько расширительно, что он потеряет всякий смысл. В этом плане институты играют *ключевую роль в поддержании стабильности* любой из сфер социальных взаимодействий, так как невозможно гарантировать все договоры чисто физическим насилием. Важную роль институты играют также в формировании доверия¹¹ и общей атмосферы сотрудничества между социальными субъектами.

Наличие институтов создает основу для эффективного сотрудничества социальных субъектов. Это демонстрируется Д. Нортом¹² и другим лауреатом Нобелевской премии по экономике, Р. Коузом¹³, при помощи понятия «транзакционные издержки», т.е. издержки на взаимодействие. Последние, особенно, в сфере экономики можно достаточно легко померить, так как существует огромный сектор, который занимается их минимизацией: это оказание различных посреднических, адвокатских и других услуг. Взаимодействия между социальными субъектами протекают тем более эффективно, чем менее транзакционных издержек существует в этом взаимодействии. *Институты играют ключевую роль в снижении транзакционных издержек.*

Таким образом, с точки зрения современного понимания институтов, существует прямая связь между *институтами и предсказуемостью действий субъектов, наличием взаимного доверия и готовности сотрудничать, снижением неопределенности, поддержанием устойчивого порядка и стабильности, эффективностью взаимодействий и возможностью выработки эффективной стратегии для отдельных участников.*

Например, если мы вспомним приведенный выше анекдот, то увидим, что на самом деле вызывает смех у русского человека. Англичанин даже на *необи-*

7 North D.C. Structure and Change in Economic History. New York: W. W. Norton, 1981. P. 202.

8 Simon H. Human Nature in Politics. The Dialogue of Psychology with Political Science// American Political Science Review. № 72 (2 June). P. 293–304.

9 Simon H. Models of Bounded Rationality: Vols. 1 and 2. Cambridge, Mass.: MIT Press., 1982.

10 Последняя понимается в современном математическом моделировании как величина между двумя возможными крайними значениями любой переменной, как это, например, трактуется в известном детском гадании на лепестках цветка: «к сердцу прижмет или подальше пошлет».

11 Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: Free Press, 1995.

12 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.

13 Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело ЛТД, 1993.

таемом острове создает все условия для эффективного социального взаимодействия. Ведь люди, которые ходят в один клуб, знают чего друг от друга ожидать и потому могут очень эффективно взаимодействовать.

Существуют *формальные* и *неформальные институты*¹⁴. К первым можно отнести различного рода правовые акты. Ко вторым — разделяемые людьми устойчивые структуры представлений о мире, идентичности, системы ценностей, сложившиеся, в том числе, в рамках обычного права, традиции. *Политическая культура является совокупностью неформальных институтов*. При этом она является намного более исторически устойчивым компонентом политической системы, чем совокупность ее формально законодательно заданных характеристик.

У неформальных политических институтов есть три ключевые функции.

1. Они обеспечивают историческую преемственность. «Формальные правила меняются, а неформальные ограничения — нет... Хотя полная смена формальных правил действительно возможна, многие неформальные ограничения окажутся очень живучими, потому что они будут по-прежнему помогать общественным, экономическим, политическим игрокам в решении фундаментальных проблем обмена»¹⁵.
2. Эволюция неформальных институтов в силу их долговременной природы создает path dependency, т.е. зависимость от исторического пути развития. Радикальный разрыв с прошлым в любой сфере человеческих отношений невозможен именно по причине консервативности неформальных институтов¹⁶. Заданная однажды историческая траектория благодаря неформальным институтам будет действовать на протяжении очень продолжительных периодов времени.
3. Неформальные нормы выступают основой для интерпретации формально-юридических актов¹⁷.

Наличие институтов является результатом частичного совпадения представлений о мире, ценностей и опыта в головах большинства населения, включенного в определенную общность¹⁸. Социальные субъекты, имеющие сходные системы ценностей и модели реальности, легче взаимодействуют между собой. Это, например, объясняет, почему социальные субъекты со сходной культурой легче могут вступать в коалиции между собой, в то время как трансакционные издержки на образование коалиций культурно разнородных социальных субъектов весьма велики. Это правило относится и к государствам. Поэтому коалиции имеющих сходную культуру государств (например, «западных», исламских, «разделяющих азиатские ценности») или государств, разделяющих сходные идеологии (например, либеральную или марксистскую), более устойчивы.

Введение в моделирование социально-политических взаимодействий проблемы институтов позволило интегрировать факторы, связанные с объективными интересами и субъективными представлениями людей, матема-

14 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.

15 Указ. соч. С. 118.

16 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.

17 Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. М.: Летний сад, 2004; Sergeev V. M. The Wild East. Crime and Lawlessness in Post-Communist Russia. NY: Armonk, 1998.

18 Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. М.: Летний сад, 2004.

тический анализ и культурно-цивилизационные исследования. При этом изучение институциональной структуры оказывается «ключом» к исследованию поведения социальных субъектов.

Что же происходит с социальными взаимодействиями, если устойчивых институтов вообще нет? Это ведет к различным формам асоциального поведения, к нестабильности, резкому повышению трансакционных издержек. Наконец, именно отсутствие институтов приводит к различным дилеммам рациональности, известным из области теории игр, прежде всего, «дилемме узника» и «дилемме безбилетника». В ситуации обеих этих дилемм провоцируются конфликты, и наблюдается резкое снижение эффективности взаимодействий.

«Дилемму узника» можно изложить следующим образом. Двух подозреваемых, А и Б, берут под стражу и изолируют друг от друга. Прокурор убежден, что они совершили определенное преступление, но не имеет достаточных доказательств, чтобы предъявить им обвинение в суде. Он говорит каждому из них, что у него имеется две альтернативы: признаться в преступлении, которое, по убеждению полиции, он совершил, или не признаваться. Однако исход будет зависеть от того, как скомбинируются друг с другом показания обоих подозреваемых. Если оба не признаются, то прокурор предъявит им обвинение в каком-то незначительном преступлении и они получат небольшое наказание (1 год тюрьмы каждому). Если они оба признаются, то будут подлежать судебной ответственности, но обвинитель не потребует самого строгого приговора (8 лет каждому). Если же один признается, а другой нет, то признавшемуся приговор будет смягчен за выдачу сообщника, в то время как упорствующий получит максимальное наказание (3 месяца первому и 10 лет второму)¹⁹.

В ситуации «дилеммы узника» играющие должны сделать выбор между сотрудничеством и конфликтом друг с другом. С точки зрения индивидуального результата игрока, ему всегда выгоднее сообщить о другом, т.е. вступить в конфликт с бывшим партнером. Но если другой игрок будет исходить из той же позиции, они оба получают по 8 лет тюрьмы. А исходя из максимально выгодного обоюдного результата (по 1 году тюрьмы), они оба должны выбрать сотрудничество, но тогда каждый оставляет для другого возможность злоупотреблять доверием. В этом случае, тот, кто выбрал сотрудничество и был обманут, может получить 10 лет, тогда как обманщик, выбравший конфликт, отделается всего 3 месяцами. По сути дела, отсутствие информации о другом игроке не дает в ситуации «дилеммы узника» сформулировать какую-либо эффективную индивидуальную стратегию.

Дилемма безбилетника. Наиболее простая ее формулировка заключается в следующем. Каждому отдельно человеку, пользующемуся муниципальным транспортом, выгодно ездить без билета. Однако если все будут ездить без билета, то муниципальный транспорт не на что будет поддерживать. Суть дилеммы в приложении к большинству социальных ситуаций заключается в том, что каждый отдельный участник взаимодействия может пользоваться его результатами, не вкладывая свои ресурсы в поддержание условий возмож-

19 Льюис Р.Д., Райфа Х. Игры и решения: Введение в критический обзор. М., 1961.

ности этого взаимодействия. Если большинство будет вести себя подобным образом, то эти условия окончательно исчезнут.

Полное отсутствие институтов – это предельный случай, который в социальной реальности почти не встречается. Однако *формальные и неформальные правила должны группироваться в какие-то внутренне непротиворечивые системы* (например, системы традиций, административных практик или писаного права). При этом часто возникают ситуации, когда разные системы правил вступают между собой в конфликт в регулировании какой-то одной сферы. Например, традиция противоречит писаному праву, а писаное право – административным практикам. В этом случае эффективность взаимодействий в обществе также очень серьезно страдает. Сам же социум, скорее всего, распадается на ряд кластерных групп. Внутри этих групп взаимодействия оказываются более эффективными, чем между ними²⁰.

В целом, из всего вышеизложенного можно сделать достаточно простой вывод. *Формальные и неформальные институты имеют очень большое значение для всех типов социальных взаимодействий. Без упорядоченности и предсказуемости поведения людей, которые они обеспечивают, невозможно никакое эффективное сотрудничество ни в одной сфере человеческой жизни.* Посмотрим, как этот общий принцип социальных наук может быть приложен к изучению специфической сферы международных взаимодействий.

2. Роль институтов в международных отношениях

Актуальность изучения современных принципов и методов моделирования структуры региональных отношений заключается в том, что к изучению Центральной Азии они применяются очень редко и несистематически. В рамках практически всех современных моделей международных отношений признано, что стратегии акторов и структура взаимодействий между ними очень серьезно трансформируются во взаимодействии с системой международных институтов, международного и регионального баланса сил, специфических типов международной и региональной идентичности. В целом, эти подходы выработаны на основании изучения других регионов мира, особенно Европы, и именно к ним, в основном, и продолжают прикладываться.

В настоящее время можно выделить три основных теоретических подхода к изучению международных отношений: неореализм, неолиберализм и конструктивизм (с примыкающим к нему постмодернизмом). Каждый из них исторически внес свой специфический вклад в изучение взаимодействия институтов и политических процессов в международных отношениях.

Неореализм начал с постулирования отсутствия какой-либо общеобязательной институциональной структуры в системе международных отношений²¹. В мире отсутствует какая-либо внешняя надгосударственная сила, которая

²⁰ *Sergeyev V. M.* The Wild East. Crime and Lawlessness in Post-Communist Russia. NY: Armonk, 1998.

²¹ *Gilpin R.* War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981; *Kindleberger Ch.* The World in Depression 1929—1939. Berkeley: University of California Press, 1986; *Waltz K.* Theory of International Politics. N.Y. McGraw-Hill, 1979. См. также анализ пунктов сходства неореалистов в работе: *Baldwin D.* (ed). Neoliberalism, Neorealism, and World Politics// Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate. New York: Columbia University Press. 1993. P. 3—25.

бы гарантировала соблюдение «правил игры». Поэтому взаимодействия государств протекают в условиях анархии.

Анархия приводит к тому, что государства всегда ищут *относительных выгод* от взаимодействий, т.е. выгод за счет друг друга. Структура международных взаимодействий определяется, скорее, как игры с «нулевой суммой». Все прибыли одной стороны связаны с какими-то проигрышами другой стороны. Отношения с другими международными акторами выгодны, прежде всего, тем, кто обладает большей силой и большими возможностями повлиять на позиции своих партнеров.

В то же время для неореалистов стратегии международных акторов очень серьезно трансформируются в зависимости от той структуры взаимодействий, в рамках которой они находятся. Конкуренция различных государств на международной арене (включая региональное измерение) часто создает ситуацию, напоминающую рыночное равновесие между конкурирующими фирмами²². Возникает международная и региональная среда в виде набора специфических *балансов сил* и проблем (*региональных комплексов безопасности*²³), которая серьезно сдерживает односторонние намерения отдельных государств. Это – один из важнейших способов предотвращения войн в условиях международной анархии. Существование «балансов сил» при этом может гарантировать существование устойчивых институтов. Более долгосрочным способом поддержания институтов может стать превращение самого сильного государства региона или мира в целом во «всеобщего гегемона», гарантирующего «правила игры»²⁴.

Неолиберализм развился как альтернативный реализму подход к исследованию структуры международных взаимодействий²⁵. Среди развитых стран современного типа благодаря различного типа обменам возникают отношения взаимозависимости, которые напрямую связывает ситуацию в одних странах с событиями в других. В результате государства теряют существенную часть своей автономии и возможности к односторонним действиям. Они начинают поступать в соответствии с правилами. Это серьезно смягчает международную анархию. Возникает система международных институтов и режимов, являющихся ограничителями политики государств. Осознавая выгоды от сотрудничества, государства учатся добровольно соблюдать эти поведенческие ограничения.

В условиях наличия большого количества институциональных ограничений на поведение государств международное сотрудничество достаточно легко достижимо. Международные взаимодействия видятся неолибералам как взаимовыгодная игра с «положительной суммой», в которой выигрывают все

22 Waltz K. Theory of International Politics. N.Y. McGraw-Hill, 1979.

23 Buzan B. People, states and fear: the national security problem in international relations. Chapel Hill, NC: Univ. of North Carolina Press, 1983; Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Second Edition. Harvester Wheatsheaf. Hertfordshire, 1991; Buzan B., Wæver O. & de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers, inc., 1998; Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

24 Примером такого гегемона, гарантирующего стабильность институтов, является позиция США в Западной Европе после Второй мировой войны.

25 Keohane R. O., Nye J. S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company, 1977; Nye, Jr., J. S. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History, 4th edition. Longman, 2002; Rosenau J. N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990. См. также анализ пунктов сходства неореалистов в работе: Baldwin D. (ed). Neoliberalism, Neorealism, and World Politics// Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate. New York: Columbia University Press. 1993. P. 3—25.

заинтересованные стороны. Государства исторически учатся преследовать не относительные выгоды (одно за счет другого), а абсолютные выгоды (создаваемые сотрудничеством как таковым). Эти дополнительные прибыли, которые распределяются по всем участникам, подкрепляют кооперацию в виде положительных стимулов.

Государства также создают международные организации, в которых как бы «воплощается» сотрудничество. Эти организации являются не менее важным объектом изучения, чем отдельные государства. Они часто выступают как абсолютно самостоятельные субъекты международных отношений, самым фактом своего наличия подкрепляющие международные институты²⁶.

Наличие устойчивой институциональной структуры изменяет даже саму форму протекания конфликтов в современном мире. С точки зрения неолиберализма, военная сила («жесткая сила») не является ни единственно возможным, ни наиболее эффективным инструментом обеспечения безопасности государств. В современном мире очень большую роль играет «мягкая сила» («soft power»). Согласно Дж. Наю, «мягкая сила» государства основана на привлекательности его культуры, ценностей, политических и социальных программ²⁷. «Мягкая сила» основана на культивировании чувства симпатии, притягательности идеала и позитивного примера. Таким образом, *борьба между государствами в современном мире переносится в символическую сферу, в сферу борьбы за привлекательность различных проектов развития, которые предлагаются другим сторонам в качестве универсальных.*

В последнее время неолиберализм и неореализм стремятся к синтезу и преодолению теоретико-методологических противоречий. В частности, это выразилось в образовании так называемого «мейнстрима», «нео-нео синтеза» или «рационализма», в рамках которого стираются существенные различия между неолиберализмом и неореализмом²⁸. Однако это стремление к синтезу было заключено в обоих направлениях исходно. Ведь неореализм описывал возможность движения от международной анархии к институтам в рамках балансов сил или гегемоний, а неолиберализм исследовал возможности образования институтов за счет возрастающей взаимозависимости государств.

С точки зрения сравнительно-исторического анализа или сравнительного анализа международных взаимодействий в различных регионах современного мира, достаточно очевидно, что оба конкурирующих подхода на самом деле описывают просто два разных полюса реально встречающихся ситуаций. К этому же выводу ведет и сравнение международных отношений с другими типами социальных взаимодействий (см. выше). В случае неореализма, речь идет о зачаточной институциональной структуре, провоцирующей взаимное недоверие и силовые конфликты. В случае неолиберализма, анализируются те примеры, когда развитая институциональная структура способствует созданию атмосферы всеобщего сотрудничества.

26 Примером может служить роль НАТО в предотвращении войн между двумя членами блока: Грецией и Турцией из-за разногласий по Кипру и секторальному делению Эгейского моря.

27 Nye J. S. The Power of Persuasion: Dual components of US leadership. The conversation with J. Nye // Harvard International Review. Winter, 2003. P. 46.

28 См. Waever O. The Rise and Fall of the Inter-paradigm Debate / Steve Smith et al (eds.) // International Theory: Positivism and Beyond. Cambridge University Press, 1996. P. 149—185; Smith S. The Discipline of International Relations: Still an American Social Science // British Journal of Politics & International Relations. 2000. № 3 (2); Controversies in International Relations Theory / Edited by Ch. Kegley. New York: St. Martin's Press, 1995.

В целом, возможность постепенного исторического развития от ситуаций первого типа к ситуациям второго типа была продемонстрирована Робертом Аксельродом в работе «Эволюция кооперации»²⁹.

Конструктивизм³⁰ вместе с примыкающим к нему постмодернизмом³¹, до определенной степени, противостоят неореализму и неолиберализму. Их главным постулатом является представление о важной роли субъективного измерения международных отношений. Политическая реальность представляет собой продукт социального конструирования. При этом общая направленность на изучение политической реальности как объекта субъективного конструирования сопровождается тенденцией к взаимодействию с другими направлениями в изучении международных отношений (прежде всего, к синтезу неореализма и неолиберализма)³². В этом плане наша работа, в теоретико-методологическом отношении, является *конструктивистской*.

Решающую роль в процессе конструирования социальной реальности играют представления о мире, идентичности, системы ценностей и жизненный опыт людей. Последние весьма относительны, то есть обладают лишь «ограниченной рациональностью». Поэтому международные взаимодействия по-разному протекают в различных регионах мира, имеющих разнообразные культуры. *Последние также, наряду с формальными международными актами, оказываются существенными ограничителями на внешние политики международных субъектов*. В этом плане, *интерес конструктивизма и постмодернизма к субъективной и культурно-релятивной стороне международных отношений полностью параллелен интересу неоинституционализма к неформальным институтам*.

Важнейшим примером такого неформального института оказываются *идентичности*. Национальная идентичность является важным фактором, определяющим формулировку национальных интересов, понимание отдельными странами своего места в мире, стоящих перед ними проблем, своих союзников и противников. *Региональная идентичность представляет собой совокупность неформальных институтов (или норм культуры), которые стоят за формально-правовыми институтами*. В отличие от формальных правовых актов, которые могут быть легко изменены, неформальные институты достаточно стабильны, что задает зависимость от предшествующего пути развития (path dependency).

Региональная идентичность может превратиться в очень сильный политический инструмент международной и национальной политики, что хорошо

29 Axelrod R. The Evolution of Cooperation. New York: Basic Books, 1984.

30 Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999; Wendt A. Collective identity formation and the international state// American political science review. 1994. № 88; Onuf N. G. World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia: University of South Carolina, 1989; Kratochwil F. V. Rules, Norms and Decisions. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

31 International/intertextual relations: postmodern reading of world politics/ edited by James Der Derian, Michael J. Shapiro. New York: Lexington Books, 1989; Cambell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1992; Walker R. Inside/outside: international relations as political theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; Weber C. Simulating Sovereignty — Intervention, the State, and Symbolic Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

32 Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999

изучено на примере процессов так называемой «европеизации»³³. Региональная идентичность и нормы культуры служат важной основой, на которой возникают и развиваются различные формальные институты.

В последнее время исследования международных отношений стремятся к синтезу различных теоретико-методологических подходов. Выше мы уже отмечали имеющий место в настоящее время синтез неореализма и неолиберализма. К этому синтезу тесно примыкает умеренный вариант конструктивизма³⁴. Он учитывает все достижения «мейнстрима», дополняя их необходимостью учета субъективной и культурно-релятивной стороны политических процессов. Это дает нам основания *синтезировать функции институтов внутри международного региона*, изученные в рамках различных направлений исследований международных отношений.

Институты в рамках региона:

- снижают региональную неопределенность;
- создают внешние силовые ограничения на поведение отдельных международных субъектов;
- поддерживают региональную стабильность и сохраняют долгосрочное единство региона;
- обеспечивают взаимозависимость стран, стремление к продуктивному сотрудничеству между ними в решении различных проблем; создают атмосферу сотрудничества;
- повышают предсказуемость действий партнеров, считающихся с формальными и неформальными нормами поведения в регионе, и тем самым снижают транзакционные издержки кооперации;
- создают возможности для эффективной деятельности многосторонних международных организаций;
- переводят конфликты из чисто силовой формы в форму соревнований «мягких сил», универсальных проектов развития.

Степень проявления этих функций институтов различна в разных частях мира и в разные периоды времени, что, по сути, и было исследовано на разных исторических и географических примерах в ходе дискуссий неореалистов и неолибералов. Более того, даже внутри одних и тех же регионов, в одни и те же исторические периоды неоконсерваторы предпочитают использовать примеры, преимущественно, связанные с *военно-политической сферой*, тогда как неолибералы – с *экономической сферой*. Причина заключается в том, что экономические отношения между государствами неизбежно включают в себя элементы взаимовыгодного сотрудничества, тогда как в сфере безопасности куда более часты примеры противостояния.

В случае, если степень институционализации международных отношений в том или ином регионе *низка*, то можно говорить о том, что проявление функций формальных и неформальных институтов в нем минимально. Примером может служить современный Ближний Восток. В этой ситуации

33 «Европеизация» - взаимосвязь расширения ЕС и политических процессов на окраинах этой структуры. Принятие странами и народами на окраинах Европы европейской идентичности с целью вступления в ЕС или расширения сотрудничества с «единой Европой» накладывает на их внутреннюю и внешнюю политику очень существенные ограничения.

34 *Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999*

на первый план выходят конфликты и соперничество. Взаимодействия между государствами происходят «с нулевой суммой». Возрастает роль военной силы в обеспечении национальных интересов. Многосторонние организации функционируют неэффективно и не создают рамок для продуктивного сотрудничества. В предельном случае, если вообще никакие региональные институты не функционируют, то регион полностью погружается в конфликты или распадается. При этом отдельные его части «притягиваются» к другим международным регионам, где возможности для поддержания стабильности и сотрудничества больше³⁵.

В случае, если степень институционализации международных отношений в том или ином регионе *высока*, то можно говорить о том, что проявление функций формальных и неформальных институтов в нем максимально. Примером может служить современная Западная Европа. В этой ситуации на первый план выходит эффективное и взаимовыгодное сотрудничество. Взаимодействия между государствами происходят «с положительной суммой». Резко падает роль военной силы в обеспечении национальных интересов, на первый план выходит «мягкая сила». Многосторонние организации функционируют чрезвычайно эффективно, они «перетягивают» на себя функции отдельных государств. Регион, где взаимодействия происходят с минимальными транзакционными издержками, начинает служить фокусом притяжения частей других регионов, начинается экспансия региональных институтов (пример – «европеизация» краин Европы).

В реальности, большинство регионов мира располагается примерно между двумя описанными выше полюсами, т.е. их можно расположить вдоль некой линии, где на одном краю располагаются случаи с минимальной институционализацией, а на другом – случаи с максимальной. См. нижеследующую схему.

*Степени институционализации
или проявления функций институтов в регионах мира*

Минимальная ..... Максимальная
институционализация   институционализация

На основании описанных функций институтов в международных отношениях мы попробуем сформулировать единую модель протекания процессов на региональном уровне в зависимости от существующей в нем структуры формальных и неформальных институтов.

Каждый международный регион характеризуется той или иной структурой формальных и неформальных институтов. К первым относятся, например, международное право, уставы и решения ООН и других международных организаций, двухсторонние и многосторонние договоры. Ко вторым относятся: региональная идентичность; культурно-цивилизационные нормы и системы ценностей, принятые в регионе; традиции взаимодействий, выработанные в ходе исторического развития. К неформальным институтам относят-

³⁵ Примером может служить распад современного постсоветского пространства. См. *Trenin D.* The End of Eurasia. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2001; *Nikitin A.* The End of the «Post-Soviet Space». The Changing Geopolitical Orientations of the Newly Independent States. London: Chatham House, 2007.

ся и принципы интерпретации формальных правил (например, что важнее, права человека или суверенитет государств).

В том случае, если институты, определяющие международное взаимодействие в регионе, проявляются в минимальной степени, возникает ситуация высокой региональной неопределенности. Так как никто не придерживается никаких общеобязательных правил, то и нельзя предсказать поведение других участников взаимодействий. При отсутствии заслуживающих доверия формальных и неформальных обязательств участников игры, каждый из них будет планировать свою стратегию исходя из наихудшего сценария, для того чтобы оптимизировать свои издержки. Поскольку такое поведение будет характерно для всех участников взаимодействий, то наихудший сценарий автоматически реализуется. То есть все окажутся в проигрыше. Ярким литературным примером тут может служить «Воронья слободка» в романе Ильфа и Петрова. Поскольку среди всех ее обитателей разнесся слух, что она сгорит, ее однажды сожгли. Это и есть упоминавшаяся выше ситуация «дилеммы узника».

Приведем конкретный пример. Предположим, что в регионе полностью отсутствуют институты, гарантирующие безопасность государств. Это будет регион гоббсовской «*bellum omnium contra omnes*». Тогда каждому из государств следует готовиться к войне, причем по самому худшему сценарию: к войне со всеми потенциальными противниками сразу. Именно такой тип военного планирования стал общепринятым после того, как он был введен прусским Генеральным штабом в XIX веке. В противном случае данное государство просто будет провоцировать на агрессию другие государства, которые, мысля рационально, также готовятся к войне. Но если все готовятся к войне, то вероятность войны начинает постепенно повышаться, приближаясь к максимуму в тот момент, когда все государства чувствуют, что они к войне не готовы. Именно по этому сценарию в прошлом периодически возникали крупные войны в Европе.

Если не установится какой-то баланс устрашения (например, по причине наличия ядерного оружия), то война обязательно начнется. В противном случае все кончится бесконечной и бессмысленной гонкой вооружений. Таким образом, мы видим, что в результате рационального поведения все игроки проиграли, заплатив либо цену войны, либо цену военных расходов.

В ситуации минимальных функций институтов деятельность международных организаций абсолютно лишена смысла, так как никто не хочет придерживаться никаких обязательств в ее рамках. Экономическое сотрудничество также оказывается малоэффективным, так как все стороны непрерывно стараются изменить правила игры в свою пользу. Например, вводят протекционистские тарифы или начинают политику «демпинга». Все эти процессы имели место в Европе между двумя мировыми войнами.

Вероятность наличия минимума институтов в межгосударственных отношениях повышается в случае очень малого совпадения в картине мира, системах ценностей и опыте решения проблем разных участников международных взаимодействий в регионе (например, политических элит, вырабатывающих позиции государств). Это, в свою очередь, оказывается следствием недостаточной близости культур народов, входящих в регион, или существенных различий в институциональном дизайне государств. Это — ситуация Второй

мировой и «холодной» войн в Европе. Другой причиной отсутствия сотрудничества, даже при наличии общей культуры, может стать система ценностей, не способствующая поиску компромиссов. Это — то, что стало причиной Первой мировой войны в Европе.

В том случае, если существует набор принятых всеми государствами формальных и неформальных институтов, а исторический опыт начинает подсказывать важность ценностей мира и компромисса, то ситуация в регионе резко меняется. Поскольку неопределенность снижается, а имеющаяся у каждого участника игры информация о возможном поведении других игроков увеличивается, происходит ликвидация «дилеммы узника». Каждый участник взаимодействия сможет тогда рационально планировать свою стратегию, исходя из имеющейся у него информации о поведении других игроков. Поскольку так, с точки зрения рационального выбора, будут делать все, то в выигрыше также останутся все. Ведь «дилемма узника» как раз и возникает при отсутствии надежной связи между игроками. Более того, в результате реализации такого сценария все постепенно привыкнут к сотрудничеству и начнут ценить его выгоды. Растущая взаимозависимость еще более укрепит региональные институты.

В этой ситуации в регионе разворачивается эффективное сотрудничество в экономической и гуманитарной областях, деятельность региональных организаций становится чрезвычайно эффективной и начинается их экспансия «вглубь» (в сферу регулирования национальных государств) и «вширь» (за пределы региона).

Вероятность этого сценария существенно выше в том случае, если совпадения в культурах элит и народов региона максимальны. Это почти самоочевидное утверждение. Оно эквивалентно следующему: вероятность выработки эффективных формальных институтов международных взаимодействий в регионе повышается в том случае, если в нем уже существуют неформальные институты, регулирующие их.

В разных регионах мира в разные периоды времени может происходить постепенное развитие ситуации как по линии повышения институционализации (Западная Европа после Второй мировой войны), так и по линии ее снижения (Западная Европа после Реформации).

Проведенный в этом разделе анализ роли институтов в международных регионах приводит к важному выводу: *стабильность, сотрудничество и эффективное взаимодействие в них существуют в той степени, в какой там существуют соответствующие формальные и неформальные институты.*

3. Ресурсы создания и поддержания институтов в международных регионах

Международные регионы с их институтами не являются чем-то существующим «извечно». Они исторически возникают, меняются и исчезают. Их границы не заданы строго и в пространстве. Зачастую вопрос о том, кого включать, а кого не включать в регион является острой политической проблемой, отражающей различные расклады сил в современном мире. Широко известным примером этого является вопрос: может ли Турция быть частью Европы и, следовательно, членом ЕС? Проблема эта имеет не только пространственный (геополитический), но и временной (хронополитический) контекст. Ведь сторонники или противники принятия Турции в ЕС достаточно часто приводят

в оправдание своих позиций (зачастую связанных со вполне современными материальными интересами) те или иные аргументы относительно исторической миссии Европы или историко-культурных особенностей Турции.

Актуальной для России является проблема экспансии НАТО и ЕС на Восток, которую также можно понять как расширение европейских и евроатлантических институтов на пространство Центральной Евразии. Ставкой этой борьбы является само существование Центральной Евразии – исторической сферы влияния России – как отдельного международного региона.

Описанная выше борьба вокруг региональных границ может быть названа борьбой за региональную идентичность в пространстве и времени. С неинституциональной точки зрения, это – борьба за неформальные институты, определяющие международные взаимодействия в регионе. Ставкой в этой борьбе оказываются и формальные институты, которые неизбежно связаны с неформальными (как в связке: если Турция может быть европейской страной, к чему она стремится со времен Ататюрка, младотурецкой революции или реформ периода Танзимата, то она может быть и членом ЕС).

Сходные процессы возникновения институтов в результате борьбы экономических акторов проанализировал Д. Норт³⁶. В экономике стороны взаимодействуют между собой путем подписания различных формальных договоров и выработки взаимоприемлемых неформальных норм их интерпретации. Вокруг последних постоянно идет борьба. В этой борьбе одной из сторон может быть выгодно вложить свои ресурсы в то, чтобы изменить формальные или неформальные институты для всего общества. Таким образом, она может предпринять лоббистскую кампанию с целью изменения формального законодательства или PR-кампанию с целью изменения неформальных правил поведения в обществе. Такое вложение ресурсов с целью изменения макросоциальных правил (= институтов) может быть выгодно потому, что оно резко усиливает позиции профинансировавшей его фирмы в формальной или неформальной интерпретации договоров с другими фирмами.

Например, в истории с древнейших времен хорошо известны примеры, когда должники предпринимали давление на правительства с целью аннулирования долгов или облегчения условий уже заключенных займов. Пример успеха такого предприятия – «сейсахфия» как часть реформ Солона в Афинах, пример провала – обличенный Цицероном заговор Катилины в Риме. Здесь речь шла о попытках изменения формальных институтов. Но не меньший эффект, особенно в эпоху массового политического участия, могут дать и кампании, направленные на общество, с тем чтобы через его посредство воздействовать на правительство.

Пример из современной российской истории: компании, занимающиеся производством водки, могут финансировать борьбу с расширением потребления пива молодым поколением с целью недопустить наблюдающееся смещение потребительского интереса к более «слабым» алкогольным напиткам. В свою очередь, это смещение было обеспечено предшествовавшей чрезвычайно эффективной рекламной кампанией производителей пива, направленное на изменение структуры спроса молодым поколением. В данном случае, ресурсы, вложенные в PR-кампании, имели целью изменение неформального

36 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.

«баланса сил» на алкогольном рынке России между производителями водки и пива.

Итак, *изменение формальных или неформальных правил требует вложения очень серьезных ресурсов!* Причем это имеет место не только в случае с проанализированными Д. Нортон экономическими взаимодействиями, но и с процессами в международных регионах. В приведенном выше примере с экспансией НАТО и ЕС на постсоветское пространство потребовались серьезные материальные вложения для обеспечения этой экспансии в виде различных программ помощи и сотрудничества (например, «Партнерство ради мира» в случае НАТО, «Тасис» в случае ЕС). Они сопровождались всей информационной мощью организаций, которые представляют страны, господствующие в современной международной системе массовых коммуникаций. Ведь для расширения на Восток необходимо было сформировать позитивные образы НАТО и ЕС хотя бы среди части политических элит и масс населения сначала Восточной Европы, а затем — постсоветских стран.

Однако не только *изменение*, но и *поддержание* существующих формальных и неформальных правил требует существенных ресурсов. Поддержание формальных институтов (то есть законности) постоянно обеспечивается на национальном уровне государствами со всем их мощным и дорогостоящим репрессивным аппаратом (армии, полиция, секретные службы, суды, пенитенциарная система и т. д.). Поддержание неформальных институтов (например, систем морали, традиций и религии) на национальном уровне обычно обеспечивается путем государственных и частных инвестиций в воспитание и образование подрастающего поколения, в деятельность религиозных и культурных учреждений.

Классические неореалисты³⁷ большое внимание придавали исследованиям того, каким образом создается и поддерживается порядок в международных отношениях. С их точки зрения, он является результатом постоянных целенаправленных военно-политических усилий государств по поддержанию собственной безопасности и балансов сил. Либо какое-то одно государство-гегемон должно обеспечивать порядок всей своей мощью.

Развитие формальных экономических институтов всегда было основной темой неолибералов³⁸. В долгосрочном плане их наличие приносит большие выгоды. Однако их поддержание, а особенно создание, всегда требует вложения определенных ресурсов. Даже если речь идет о двустороннем экономическом договоре, колебания конъюнктуры часто делают его более выгодным для одного партнера, чем для другого. Более того, в определенных ситуациях (например, в моменты экономических кризисов) наличие обязывающих внеш-

37 *Gilpin R.* War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981; *Kindleberger Ch.* The World in Depression 1929—1939. Berkeley: University of California Press, 1986; *Waltz K.* Theory of International Politics. N.Y. McGraw-Hill, 1979. В региональном разрезе см. работы: *Buzan B.* People, states and fear: the national security problem in international relations. Chapel Hill, NC: Univ. of North Caroline Press, 1983; *Buzan B.* People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Second Edition. Harvester Wheatsheaf. Hertfordshire, 1991; *Buzan B., Wæver O. & de Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers, inc., 1998; *Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

38 *Keohane R. O., Nye J. S.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company, 1977; *Nye, Jr., J. S.* Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History, 4th edition. Longman, 2002; *Rosenau J. N.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990. См. также анализ пунктов сходства неореалистов в работе: *Baldwin D.* (ed). Neoliberalism, Neorealism, and World Politics// Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate. New York: Columbia University Press. 1993. P. 3—25.

неэкономических договоров может оказаться существенно невыгодным для одной из сторон. В этой ситуации ей требуется идти на определенные краткосрочные потери для того, чтобы сохранить возможность выгодно взаимодействовать в будущем. Если же речь идет о многостороннем сотрудничестве, то для него часто необходимы инвестиции (взносы) в создание и развитие международных организаций, а также — готовность передать им часть национального суверенитета.

Что касается усилий по изменению и поддержанию неформальных институтов, то эта проблема в наибольшей степени исследована неолибералами в рамках концепции «мягкой силы»³⁹, конструктивистами⁴⁰ и особенно постмодернистами⁴¹. С точки зрения последних, любой культурный порядок, в том числе и региональные идентичности, защищают и легитимируют те или иные интересы. Кроме того, поддержание или видоизменение этих порядков является результатом постоянной и целенаправленной информационно-идеологической или *символической борьбы* между различными силами. Позиции в этой борьбе обеспечиваются ресурсами различного типа: экономическими, военно-политическими, культурными.

Примером культурных ресурсов на региональном уровне может служить чувство общности и доверия, или, напротив, «исторической вражды», возникающее в результате специфических манипуляций с представлениями об исторических и цивилизационных особенностях региона или его отдельных стран. Например, господствовавшее в туркменской историографии представление о добровольном вхождении туркмен в состав России⁴² призвано было способствовать формированию дружбы между туркменским и русским народами и, одновременно, усилить благожелательность Кремля к лидерам Коммунистической партии Туркменистана. В реальности Москва даже не просила о такой трактовке истории. Ее создали местные власти добровольно и в «инициативном порядке». Затем Сапармурат Ниязов, 1-й секретарь этой партии, неожиданно для себя ставший президентом независимого государства, стал подчеркивать момент жестокости завоевания и подрыв им «национальной культуры туркмен»⁴³. Еще задолго до создания идеологии «Рухнама» было введено ежегодное общенациональное поминовение взятия генералом Скобелевым текинской крепости Геок-тепе⁴⁴. Теперь политическими целями стали: дистанцирование от России, укрепление независимости страны, возвышение личности первого президента и его родного племени (текинцев).

39 Nye J. S. The Power of Persuasion: Dual components of US leadership. The conversation with J. Nye// Harvard International Review. Winter, 2003. P. 46.

40 Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999; Wendt A. Collective identity formation and the international state// American political science review. 1994. № 88; Onuf N. G. World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia: University of South Carolina, 1989; Kratochwil F. V. Rules, Norms and Decisions. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

41 International/intertextual relations: postmodern reading of world politics/ edited by James Der Derian, Michael J. Shapiro. New York: Lexington Books, 1989; Cambell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1992; Walker R. Inside/outside: international relations as political theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; Weber C. Simulating Sovereignty — Intervention, the State, and Symbolic Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

42 См. О добровольном вхождении Туркменистана в состав России. Ашхабад, 1984.

43 Туркменбаши Сапармурат. Рухнама. Т. 1. Ашгабад: Туркменская Государственная издательская служба, 2002; *Türkmenbaşy Saparmyrat. Ruhnama* (Ikinji kitap). Tuerkmenin ruhy beýikligi. Ashgabat: Tuerkmen doewlet neshiryat gullugy, 2004.

44 Кадыров Ш. Осада Геок-тепе: как это было// Комсомолец Туркменистана. 1990. 6 октября.

При этом, до определенной степени, верны обе исторические концепции. Одни племена действительно высказывали согласие вступить в состав империи (например, еще во времена Петра I), хотя при этом зачастую имели место элементы давления. Другие племена были жестоко завоеваны. Историография, которая контролируется политическими ресурсами, в данном случае лишь манипулирует описаниями того, «наполовину пуст» или «наполовину наполнен» стакан. Однако цели этой манипуляции – не в прошлом, а в настоящем. Типичность такой ситуации для практически всех стран мира была проанализирована французским историком М. Ферро⁴⁵.

На уровне Центральной Азии в целом в советский период была официально признана трактовка «о колониальном завоевании с прогрессивными последствиями» в рамках Российской империи. Главнейшим прогрессивным последствием считалось последующее вхождение стран Центральной Азии в Советский Союз. Это, согласно санкционированной Кремлем точке зрения, привело к гармоничному и чрезвычайно быстрому развитию из «феодализма» в «социализм»⁴⁶.

В историографии новых независимых государств стало подчеркиваться, напротив, что центральноазиатские страны имеют свои национальные историю и культуру, по сути, отличные от российских и каким-то образом видоизмененные или «искаженные» пребыванием в составе Российской империи и СССР. При этом ударение стало делаться на такие историографические темы, как страдания народов от российского завоевания, различного рода дисбалансы, созданные уже в первые периоды господства Российской империи в регионе. Особенно радикальному пересмотру подвергся исторический характер советского периода. Теперь в школах и вузах учат, что Центральная Азия воспринималась Москвой как периферия, откуда по заниженным ценам «выкачивались» ресурсы (нефть, газ, цветные и драгоценные металлы, хлопок, пшеница). Большое внимание уделяется деформациям традиционного социума, вызванном «переходом к социализму, минуя капитализм». В этом плане казахские историки, например, отмечают гибель или бегство в Китай в период массовой коллективизации почти половины казахов и резкое изменение этнического баланса. Представители бывших республик Средней Азии с негодованием говорят о введении монокультуры хлопка.

В официальной узбекской историографии отмечается, что репрессии в регионе происходили отнюдь не только в сталинские времена: «хлопковое дело» при Горбачеве также считается «массовыми репрессиями», а фамилии Гдлына

45 *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. См. о международно-политических последствиях таких интерпретаций в: *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

46 См., например: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.). М., 1965 (содержит подробный анализ историографии); *Раджабов С.* К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом. Сталинабад, 1954; *Рашидов Ш.* Навеки вместе с русским народом (О прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России)// «Коммунист». 1959. № 10; *Пясковский А. В.* Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа - важнейшее прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России// «Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России». Ташкент, 1959; История Узбекской ССР, т.П, от присоединения узбекских ханств к России до Великой Октябрьской революции. Ташкент, 1959; *Бобохонов Мансур.* Предпосылки формирования революционного союза трудящихся Туркестанского края с Российским пролетариатом// Душанбе: «Ирфон», 1975; *Момунбаев И.* Великая Октябрьская социалистическая революция и создание основ киргизской государственности. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1962; *Малабаев Д. М.* Образование СССР и развитие национальной государственности киргизского народа. Фрунзе: Илим, 1972.

и Иванова фигурируют через запятую с Вышинским, Ежовым и Берией⁴⁷. Еще в перестроечный период в регионе началось активное обсуждение процессов разрушения традиционных ценностей в советский период. Благодаря роману великого киргизского писателя Чингиза Айтматова «Плаха» оно получило название «манкуртизация». Катастрофическое высыхание Аральского моря активизировало обсуждение вредных экологических последствий советской модернизации: нарушение водного баланса, опустынивание, засоление, ядерные испытания под Семипалатинском и т. д.

Такие общие сюжеты по-разному преломляются в разных центральноазиатских странах. Здесь можно выделить три группы стран. Официальная историография Туркменистана⁴⁸ и Узбекистана⁴⁹ характеризуется достаточно резкой антироссийской направленностью. В Казахстане⁵⁰ и Киргизии⁵¹ пытаются «развести» свою национальную историю с Россией в намного более мягкой форме. Уникальная ситуация сложилась в Таджикистане. До 1997 года этой стране было не до истории, поскольку в там шла гражданская война. По ее окончании как официальная, так и неофициальная историография проявили склонность рассматривать как объект исторической критики, скорее, соседний Узбекистан, чем Россию. Эти сюжеты играли большую роль еще до начала гражданской войны⁵². В настоящее время таджикские историки в целом положительно оценивают влияние России в регионе, особенно ее роль в мирном окончании гражданской войны. Причиной является очень большая зависимость от военного и экономического сотрудничества с РФ, сложившаяся в послевоенный период. Критику вызывает лишь ряд исторических событий, связанных с «покровительством» Москвы в отношении Узбекистана. Благодаря этой политике в состав Узбекской ССР вошли таджикоязычные Бухара и Самарканд. Узбекское руководство обвиняется в «узбекизации» этих территорий и в попытках «присвоить» таджикскую историю и культуру.

Понятно, что распространившаяся в современной Центральной Азии трактовка истории ведет к постепенному снижению символического ресурса России в отношении данного международного региона. Ведь такая интерпретация истории может привести к выводу: сотрудничество с Россией не принесло ничего хорошего и от него желательно отказаться.

47 См., в особенности: *Ахмедов Б.* История. Учебник для 5 класса средней школы. Ташкент, 1999; *Рахимов Ж.* История Узбекистана для 9 класса средней школы. Ташкент, 2001.

48 См. *Туркменбаши Сапармурат*. Рухнама. Т. 1. Ашхабад: Туркменская Государственная издательская служба, 2002; *Türkmenbaşy Saparmyrat*. Ruhnama (Ikinji kitap). Tuerkmenin ruhy beyikligi. Ashgabat: Tuerkmen doewlet neshiryat gullugy, 2004.

49 *Ахмеджанов Г.А.* Российская империя в Центральной Азии (История и историография колониальной политики царизма в Туркестане. Ташкент, 1995; *Ахмедов Б.* История. Учебник для 5 класса средней школы. Ташкент, 1999; *Рахимов Ж.* История Узбекистана для 9 класса средней школы. Ташкент, 2001 (в этом учебнике антирусские высказывания встречаются не менее, чем в 300 местах, например, «Россия — вор имущества в мировом масштабе», С. 133). Более сбалансированы, но содержат, примерно, сходную по структуре интерпретацию истории: *Фармонов Р.* Всемирная история. Учебник для 8 класса средней школы. Ташкент, 2001; *Костецкий В.* История Узбекистана. Ташкент, 2002; *Салимов Т.* Всемирная история. Учебник для 8 класса средней школы. Ташкент, 2000; *Хидоятов Г.* Всемирная история. Ташкент, 2002.

50 *Кузембайулы А., Аманжолулы Е.* История Республики Казахстан. Астана: Foliant, 1999; *Абдакаимов А.* История Казахстана. Алматы: Республиканский издательский кабинет по учебной и методической литературе, 1994.

51 *Акаев А. А.* Кыргызская государственность и народный эпос «Манас». Бишкек, 2002; *Бактыгулов Д. С.* История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до наших дней. Бишкек, 2001; *Чиналиев У.* Становление кыргызской государственности в переходный период. М., 2000; *Малабаев Дж. М.* История государственности Кыргызстана. Бишкек: Илим, 1997.

52 Особенно ярко это продемонстрировано в следующих работах: *Масов Р.* История топорного разделения. Душанбе: «Ирфон», 1991; *Масов Р.* Таджики: история с грифом «совершенно секретно». Душанбе, 1995.

Глава 2. ИНСТИТУТЫ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

После того как Туркменбаши переименовал все области, города, улицы, мечети, колхозы и небесные тела, он взялся за время. Были изменены названия месяцев, дней недели и даже периодов человеческой жизни. Все это мотивировалось необходимостью «возврата к традициям». Один древний старик, который уже ничего не боялся, спросил его: «Скажите, уважаемый сердар, вы говорите, что мы возвращаемся к традиции. Но ведь когда я был еще юным, то все называлось отнюдь не так?»

– «Все – мое: как хочу, так и называю», – честно ответил Ниязов.

Московско-ашхабадский анекдот

Проведенный выше анализ роли институтов в международно-региональных взаимодействиях демонстрирует, что если Центральная Азия расположена ближе к полюсу минимальной институционализации, то это должно вызвать очень серьезные последствия для структуры международных взаимодействий. К их числу можно отнести низкую предсказуемость действий сторон, слабую региональную стабильность, дефицит сотрудничества, высокие транзакционные издержки на взаимодействия, слабость международных организаций. При этом мы показали, что основная закономерность здесь достаточно простая: чем больше неопределенность, тем меньше институтов (т. е. правил поведения), и, наоборот, чем больше институтов, тем меньше неопределенности.

Теоретически неопределенность в регионе может существовать на разных уровнях: внутри новых независимых государств; в их внешних политиках; в отношениях между ними; в отношениях их с крупными внешними игроками. В то же время, на практике, все эти измерения неопределенности тесно связаны между собой.

Нестабильность и неопределенность в экономике и социокультурной жизни стран Центральной Азии создают систему различного рода вызовов и угроз, прямо влияющих на их внутреннюю политику. Это, в свою очередь дестабилизирует внешнюю политику государств, а в итоге – систему международных отношений в регионе. С равной степенью вероятности возможны и обратные воздействия: нестабильные международные отношения в регионе (например, невозможность выбора приоритетных партнеров) вызывают постоянные изменения во внешней политике. Постоянная смена внешнеполитических ориентаций усиливает нестабильность внутренней политики и негативно влияет на экономику и социокультурную сферу.

Высокие степени неопределенности, нестабильности и непредсказуемости на уровне внешней политики отдельного государства весьма тесно взаимосвязаны между собой. Заимствованное из математического анализа понятие «высокой степени неопределенности» внешней политики описывает потенциальную возможность очень больших отклонений внешнеполитических решений государств от их «средних» значений. Такие потенциальные отклонения связаны с реальной нестабильностью внешней политики. Они также не дают аналитикам и политическим деятелям ни внутри соответствующего государства, ни вне его прогнозировать будущее на длительные сроки с высокой степенью определенности.

Отсутствие предсказуемого поведения отдельного государства резко снижает определенность во взаимодействиях с ним всех внешних игроков. Если же неопределенно поведение государств целого региона, то эта неопределенность проникает и в отношения между ними, и в политику в данной части Земли крупных внерегиональных акторов.

Существует также достаточно серьезная причинная связь между возможной нестабильностью и непредсказуемостью внешних политик государств, входящих в регион, и системой региональных международных институтов. Формально-юридические региональные институты как система правил поведения стран региона могут быть устойчивыми только в том случае, если государства региона регулярно следуют этим правилам. Если такой регулярности поведения нет, то и региональные институты превращаются в юридические фикции.

Региональная идентичность как совокупность неформальных правил и детерминантов (ценностей, идеологий, представлений) поведения государств региона также зависима от устойчивости внешнеполитических идентичностей стран, составляющих регион. Если такой устойчивости нет на уровне одного государства, то это государство достаточно часто может проявлять образцы поведения, не отвечающие региональной идентичности, как ее понимает большинство стран региона.

Например, некоторые расположенные в Европе государства (Сербия, Белоруссия, а до того – Словакия, Македония и Хорватия), подвергаются давлению стран ЕС на основании того, что, по мнению последних, политика первых от-

личается в ряде аспектов от принятых в данном регионе мира неформальных стандартов поведения. Это – существенная часть так называемой политики «европеизации». Следовательно, в Европе есть очень серьезные механизмы превращения таких нематериальных субстанций, как региональная идентичность, в конкретные механизмы принуждения. За счет этого повышается региональная определенность, т.е. точно известно, какие обязательства накладывают на государства факт признания ими своей европейской идентичности.

Однако государства Центральной Азии, по сути, не придерживаются в своих политиках никаких общеобязательных стандартов, ценностей и принципов. В этом регионе нет и никаких механизмов принуждения, действующих в этом направлении. Следовательно, и их региональная идентичность становится весьма неопределенной.

Эффективность деятельности региональных международных организаций (особенно, межгосударственных) также зависит от стабильности и определенности во внешних политиках государств, входящих в регион. Ведь эта эффективность прямо зависит от сотрудничества государств-членов. Если они иногда сотрудничают в рамках той или иной организации, а иногда – нет, то эффективность становится весьма низкой.

Ситуация высокой неопределенности во внешних политиках центральноазиатских государств является также одной из причин отсутствия эффективной интеграции на постсоветском пространстве. Она не дает создать эффективной системы региональных институтов, определяет высокие трансакционные издержки на двухстороннее и многостороннее сотрудничество между странами, формирует различные дилеммы рациональности. Все это ведет к недоиспользованию объективно существующего потенциала сотрудничества во всех областях.

Неопределенность внешних политик самих центральноазиатских стран и отсутствие в регионе каких бы то ни было общеобязательных институтов превращает эту часть Земли в одну сплошную «серую зону». Любые потенциально возможные рациональные стратегии крупных внерегиональных игроков в этой ситуации нейтрализуются «дилеммой узника». Следовательно, неопределенность и нестабильность проникает и в региональные политики ведущих мировых государств.

Таким образом, в Центральной Азии как международном регионе возникает сложный комплекс неопределенности, нестабильности и непредсказуемости на разных уровнях. В рамках данного исследования мы будем рассматривать элементы неопределенности на уровнях «ниже», чем международно-региональный, только в той степени, до которой они проникают на уровень международно-региональных институтов.

В этой связи мы выделили следующие ключевые факторы, которые связаны с проблемой неопределенности на международно-региональном уровне.

1. Ориентация в политическом пространстве мира, т.е. геополитическая ориентация;
2. Особенности избранной модели социально-политического развития;
3. Объективные интересы стран в сотрудничестве с теми или иными внешними партнерами и особенности их внешнеполитических стратегий;
4. Участие в региональных международных организациях

1. Центральная Азия: множественность геополитических ориентаций

А. Исторически сложившаяся в Центральной Азии геополитическая неопределенность

Геополитика — дисциплина, изучающая взаимодействие и взаимное соотношение пространственных и политических факторов⁵³. Наложение разных измерений политического на физическое пространство Земли, собственно, и создает международно-политические регионы. В этом плане положение региона в глобальном политическом пространстве относительно других регионов составляет важнейшую его характеристику. Однако современная (да и историческая) Центральная Азия занимает чрезвычайно *неопределенное* положение относительно других частей мира.

Сама История во многом предопределила то, что в настоящее время неизвестно, какие крупные государства из каких регионов мира являются для центральноазиатских государств приоритетными партнерами в плане сотрудничества и интеграции. Существует сразу несколько потенциально возможных геополитических «направлений», в которых может «двигаться» Центральная Азия. В настоящее время «векторы» действия различных геополитических сил на регион в существенной степени уравновешены. Причем практически все внешние игроки могут использовать в своих интересах те или иные историко-культурные пласты, объективно существующие в регионе. Рассмотрим по отдельности все возможные векторы притяжения Центральной Азии.

Это – *Россия* и группирующиеся вокруг нее *постсоветские страны* (Белоруссия, Армения). В этом случае речь будет идти об ориентации на Центральную Евразию, регион, единство которого с Центральной Азией было создано кочевыми государствами (прежде всего тюркютским и монгольским), а затем – Российской империей и СССР. К этому региону Центральную Азию привя-

53 См. например, классические работы по политической географии и геополитике: *Ratzel F.* Politische Geographie. Munich: R. Oldenbourg, 1897; *de la Blache Vidal.* Principes de geographie humaine. Paris, 1921; *Маккиндер Х.Дж.* Географическая ось истории// Полис. 1995. № 4; *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. New York, 1919; *Mackinder H.* The Round World and the Winning of the Peace// Foreign Affairs. vol. 21. № 4, (July 1943); *Spykman N.* America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New York: Harcourt, Brace and Company, 1942; *Spykman N.* The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace and Company, 1944; *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001; *Haushoffer K.* Grenzen und ihre geographische und politische Bedeutung. Berlin, 1927; *Schmitt C.* Der Nomos der Erde. Koeln, 1950; *Schmitt C.* Land und Meer. Leipzig, 1942; *Lacoste Y.* Dictionnaire Geopolitique. Paris, 1986.

зывают очень серьезные исторические корни⁵⁴. Единство Центральной Азии с Россией было невероятно усилено благодаря интенсивной советской модернизации. Она создала мощные экономические и социокультурные связи народов Советского Союза (ведь последние даже рассматривались как «единая историческая общность – советский народ»). В настоящее время Россия на этой исторической основе предпринимает активные усилия по реинтеграции постсоветского пространства, в частности, в рамках таких новых организаций, как ЕвразЭС, ОДКБ, ШОС. Россия продолжает играть роль основного гаранта военной стабильности в регионе. Она является важнейшим торговым партнером Центральной Азии, а также ежегодно импортирует большое количество рабочей силы из региона⁵⁵.

Это – *Китай*, через который Центральная Азия начала «подключаться» к быстро растущей экономике *Азиатско-Тихоокеанского региона*. В рамках ШОС Китай также все в большей степени увеличивает свою военно-политическую роль в регионе. С Китаем, особенно его Западным краем, Центральная Азия исторически связана тысячами нитей⁵⁶, начиная с момента возникновения

54 *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988. Кн.1. С. 243 — 245; Кн. 2. С. 42, 537, 541 – 542. М.: Мысль, 1988; *Ключевский В.О.* Соч. в 9 т. Курс русской истории. Т.1. М.: Мысль, 1987. С. 139 – 140; История России: Россия и Восток/ Сост. Ю.А. Сандулов. СПб., 2002. С. 168—171, 173—189; *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60—90—е годы XIX в). М., 1965. С. 16—26, 37—45; Россия и Средняя Азия. М., 2002; *Струве В. В.* Дарий I и скифы Причерноморья// Вестник древней истории. 1949. № 4. С. 15—28; *Збуева А. В.* Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья// Вестник древней истории. 1946. № 3. С. 182—190; *Литвинский Б.А.* Кангюйско - сарматский фарн (к историко - культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе: «Дониш», 1968; *Насонов А.Э.* Монголы и Русь. М., Л., 1940; *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь, 1997; *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1: Торговля с московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. Л., 1932; *Сопленков С.В.* Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М., 2000. С. 5—79, 141—181; *Васильев Д.В.* О политике царского правительства в Русском Туркестане. (К вопросу о «русификации»)// Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153). С. 58—70; *Брусина О.И.* Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века. М., 2001. С. 20—40, 138—147; *Гинзбург А.И.* Русское население в Туркестане (конец XIX – начало XX века). М., 1991; Казахи войска азиатской России в XVIII – начале XX века (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское). Сб. документов/ Сост. Н.Е. Бекмаханова. С. 11—19, 25—28, 30—34; Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 126—129; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М., 1998. С. 324—331; *Фомченко А.П.* Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент, 1983. С. 28—70; *Ахмеджанов Г.А.* Российская империя в Центральной Азии (История и историография колониальной политики царизма в Туркестане). Ташкент, 1995; *Silfen P. H.* The Influence of Mongols on Russia: A Dimensional History. N.Y., 1974; *Halperin Ch. J.* Russia and the Golden Horde. Bloomington, 1985.

55 *Боришполец К., Бабаджанов А.* Миграционные риски стран Центральной Азии// Аналитические записки НКСМИ МГИМО. Выпуск 2(22). февраль 2007.

56 *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч. в пяти томах. Т. 2. О Западном крае Китайской империи. Алма-Ата, 1985; *Бичурин И.* Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем его состоянии. Т. 1-2. СПб., 1829; *Бичурин И.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1-3. СПб., 1851; Восточный Туркестан и Средняя Азия: История. Культура. Связи. М., 1984; *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья. Соч., т. II (I). М.: ИВЛ, 1963; *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1. М.: ИВЛ, 1963; *Боровкова Л.А.* Запад Центральной Азии во II в. до н.э. — VII в.н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989; *Малаякин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989; *Фесенко П.И.* История Сямьзяня. М., 1935; *Ходжаев А.* Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан. М., 1979; *Хафизова К.Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV—XIX вв.). Алматы, 1995; *Кузнецов В.С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983; *Караев О.К.* История Караханидского каганата (X — нач. XIII вв.). Фрунзе, 1983; *Литвинский Б.А., Смагина Б.Б.* Маньчжество. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос. Языки. Религии. М., 1992; *Попова И.Ф.* Танский Китай и Центральная Азия// <http://www.kyrgyz.ru/?page=312>; *Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. London — New-York, 1940; China in Central Asia. The Early Stage: 125 B.C. — A.D. 23. An annotated Translation of Chapters 61 and 96 of the History of the Former Han Dynasty/ Tr. By A.F.P. Hulsewe. With an Introduction by M.A.N.Loewe. Leiden, 1979; *Schafer E.* The Golden Peaches of Samarkand: A Study of T'Ang Exotics. Berkeley: University of California Press, 1985.

Великого шелкового пути (конец II в. до н.э.)⁵⁷. Исторически разные части Центральной Азии испытывали влияние Китая, особенно в эпоху империи Тан (начиная с завоеваний Тайцзуна, 642—665 гг. и кончая Таласской битвой, 751 г.). В частности, именно на завоевания Тайцзуна ссылался Мао Цзэдун, выдвигая к СССР территориальные претензии в Средней Азии. С западной частью Китая, Синьцзяном, Центральная Азия исторически, этнически и культурно составляет единое целое, которое было искусственно разорвано в XVIII—XIX вв. путем экспансии Российской и Китайской империй.

Это – *исламский мир*. Центральная Азия с момента арабских завоеваний (VII в. н. э.) в культурном, политическом и экономическом плане представляет собой его часть⁵⁸. Этой интеграции способствовали как торгово-экономические связи по Великому шелковому пути, так и особенности исламской системы образования и совершение хаджа в Мекку как часть религиозного долга⁵⁹.

Современный центральноазиатский регион характеризует преобладание исламской идентичности. С четырьмя государствами исламского мира: Ираном, Афганистаном, Пакистаном и Турцией страны Центральной Азии имеют, по сути, нераздельную историю⁶⁰. Северный Афганистан и Северный Иран представляют собой в этническом плане органические части региона, окончательно отделенные политическими границами лишь в XIX в. Турция связана с Центральной Азией этнолингвистически, исторически и культурно в силу происхождения из этого региона турок-сельджуков, на основе остатков

57 *Ртвеладзе Э.* Великий шелковый путь. Т.1. Ташкент: Государственное научное издательство Узбекистон миллий энциклопедияси, 1999; *Турсунов Н.О.* Великий шелковый путь — путь мира и дружбы. Ленинабад, 1989; *Табышалиев С. Т.* Происхождение кыргызского народа: Кыргызстан на Великом Шелковом пути. Бишкек, 2001; *Schafer E.* The Golden Peaches of Samarkand: A Study of T'Ang Exotics. Berkeley: University of California Press, 1985; *Bonavia J.* The Silk Road: From Xi'an to Kashgar. Hong Kong: Odyssey Publications, Ltd, 1999; *Whitfield S.* Life Along the Silk Road. London: John Murray Publishers, Ltd., 1999.

58 *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. 1 —3. М.: Наука, ГРВЛ, 1989; *Бартольд В.В.* К истории арабских завоеваний в Средней Азии. Соч., т. II (2). М.: Наука, 1964; *Бартольд В.В.* К истории Мерва. Соч., т.IV. М.: Наука, ГРВЛ, 1966; *Бартольд В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Соч., т. II (I). М.: Наука, ГРВЛ, 1963; *Колесников А.И.* Завоевание Ирана арабами. М.: Наука, 1982; *Беляев В.А.* Арабы, ислам и Арабский Халифат в раннем средневековье. Второе издание. М.: изд. Наука, ГРВЛ, 1966; *Гаубов Г.* Ранние походы арабов в Среднюю Азию (644—704). Душанбе, 1989.

59 *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. т. 4. М—Л., 1957. С. 21.

60 *Бартольд В.В.* Восточноиранский вопрос. Соч., т. VII. М.: Наука, ГРВЛ, 1966; *Бартольд В.В.* Исторический обзор. Соч., т. VII. М.: Наука, ГРВЛ, 1966; *Бартольд В.В.* Историко — географический обзор Ирана. Соч., т. VII. М.: Наука, ГРВЛ, 1966; *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II (I). М.: ИВЛ, 1963; *Бартольд В.В.* Рыцарство и городская жизнь в Персии при Сасанидах. Соч., т. VII. М.: Наука, ГРВЛ, 1971; *Бертельс Е.Э.* История персидско—таджикской литературы. М., 1960; *Брагинский И.С.* Из истории персидской и таджикской литератур// Избранные работы. М.: Наука, ГРВЛ, 1972; *Фрай Р.* Наследие Ирана. М.: ГРВЛ, 1972; *Агаджанов С.Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI — XII вв. М.: Наука, ГРВЛ, 1991; *Ахмедов Б.* История Балха (XVI — первая половина XVIII в.). Ташкент: изд. Фан, 1982; *Лукониц В.Г.* Древний и раннесредневековый Иран: очерки истории культуры. М., 1987; *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, ГРВЛ, 1985; *Гранговский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970; *Дандамаев М.А.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980; *Джалилов А.Д.* Из истории культурной жизни предков таджикского народа и таджиков в раннем средневековье. Душанбе, 1973; *Пьянков И.В.* Город Средней Азии Ахеменидского времени по данным античных авторов// Древний Восток: Города и торговля. Ереван, 1973; *Дьяконов И.М.* Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса)// История иранского государства и культуры. М., 1972; *Массой В.М.* Средняя Азия и Древний Восток. М., л., 1964; *Массой В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана. Т.1. М., 1964; *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. Второе изд., дополненное. М.: Наука, ГРВЛ, 1988; *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979; *Cameron G. G.* History of Early Iran. Chicago, 1936.

государств которых появилась со временем Османская империя⁶¹. Пакистан исторически возник в зоне взаимодействия цивилизаций полуострова Индостан и исламского мира. При этом важную роль в его истории сыграли волны исламской экспансии из Центральной Азии, создавшие Делийский султанат (XIII—XVI вв.)⁶² и Империю Великих моголов (XVI—XVIII вв.)⁶³. В настоящее время Центральная Азия связана с исламским миром не только общей религиозно-культурной идентичностью, но и экономически (например, в рамках региональной организации ЭКО, см. ниже). Турция, при поддержке США, вообще, в определенные периоды (в 1990-е гг.) претендовала на политико-экономическое доминирование в регионе (см. также в соответствующем разделе данной работы).

Это – *Индия*. Связи с Центральной Азией времен исламского прошлого принадлежат ей ничуть не меньше, чем Пакистану. Однако контакты между Индостаном и Центральной Азией имеют еще более глубокие корни. Индоарии, завоевавшие Северную Индию в XIV—XIII вв. до н. э., возможно, пришли из Центральной Азии или прошли через нее⁶⁴. Части исторической Индии и Центральной Азии были политически объединены в рамках Персидской империи (648—330 гг. до н.э.) и империи Александра Македонского (330—323 гг. до н.э.). Еще до мусульманских завоеваний Индии, субконтинент трижды становился объектом экспансии из Центральной Азии: Индо-бактрийское царство (180 г. до н. э.—10 н. э.)⁶⁵, Кушанское царство (I—III вв. н.э.)⁶⁶, государство эфталитов (IV—VI вв. н. э.)⁶⁷. В культурном плане Индия также была связана с Центральной Азией еще до образования мусульманского мира в результате арабских завоеваний, в частности, благодаря распространению в Централь-

- 61 *Бартольд В. В.* Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925; *Гусейнов Р. А.* Сельджукская военная организация// Палестинский сборник. №17(80). Л., 1967; *Гусейнов Р. А.* Из истории отношений Византии с сельджуками// Палестинский сборник. № 23(86). 1971; *Заходер Б. Н.* Хорасан и образование государства сельджуков// «Вопросы истории». № 5—6. 1945; История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958. гл. 4; Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1, ч. 3. М. — Л., 1939; *Sanaullah M. F.* The decline of the Seldjuqid Empire. Calcutta, 1938.
- 62 *Ашрафян К. З.* Делийский султанат. К истории экономического строя и общественных отношений (XIII—XIV вв.). М., 1960; История Индии в средние века. М., 1968; The history and culture of the Indian people, v. 6 — The Delhi sultanate. L., 1960.
- 63 *Беренстен В.* Империя Великих Моголов. М.: АСТ, 2006; *Фарзалиев А., Мамедова Р.* Сефевиды и Великие Моголы в мусульманской дипломатике. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2004.
- 64 О разных индоарийских дискуссиях см.: *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977; *Кузьмина Е. Е.* О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев// Переднеазиатский сборник. № 4. М., 1986; *Кузьмина Б. Б.* Откуда пришли индоарии? М., 1994; *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейцы: праязык и прародина// Наука и человечество, 1989, М., 1989; *Шолпо Н. А.* К проблеме «арийского» завоевания древней Индии// Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 40—48.
- 65 *Бартольд В. В.* Греко — бактрийское государство и его распространение на северо — восток. Соч., т. II (2). М.: Наука, 1964; *Пьянков И. В.* Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982; *Литвинский Б. А., Пичikian И. Р.* Открытие шедевров бактрийского искусства// Памятники культуры. Новые открытия. М.—Л., 1985; *Пугаченкова Г., Ртвеладзе Э.* Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990.
- 66 *Мандельштам А. М.* Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических материалов// Центральная Азия в Кушанскую эпоху. том I. М.: Наука, ГРВЛ, 1974; *Пури Б.* Об этногенезе кушан// Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Том I. М.: Наука. ГРВЛ, 1974; *Гинзбург В. В.* Антропологические данные к вопросу об этногенезе населения Среднеазиатского междуречья в кушанскую эпоху// Центральная Азия в Кушанскую эпоху. том I. М.: Наука, ГРВЛ, 1974; *Гулямов Я. Г.* Кушанское царство и древняя ирригация Средней Азии// Центральная Азия в Кушанскую эпоху. том I. М.: Наука, ГРВЛ, 1974; *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984; *Саршинди В. И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса. Древняя Бактрия. М., 1976; *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977; *Дехкан А.* Взаимоотношения кушан с Парфянской державой// Центральная Азия в Кушанскую эпоху, том I. М.: Наука, ГРВЛ, 1974; *Зеймаль Е. В.* Кушанская хронология (Материалы по проблеме). М., 1968; *Зуев Ю. И.* Юэчжи и кушане в свете китайских источников// Центральная Азия в Кушанскую эпоху, том I. М.: Наука, ГРВЛ, 1974.
- 67 *Гумилев Л. Н.* Эфталиты и их соседи в IV в.// Вестник древней истории. 1959. №1 .

ной Азии буддизма.⁶⁸ Бурно растущая в настоящее время индийская экономика хорошо вписалась в постиндустриальную фазу развития и нуждается в новых источниках сырья, прежде всего, энергетического, из Центральной Азии.

Наконец, это США и ЕС, т.е. Западный мир. Влияние европейской культуры и идентичности на регион исторически достаточно мало и опосредованно по сравнению со всеми другими перечисленными выше геополитическими векторами. Центральная Азия была политически и экономически связана с Европой в древности, начиная с завоеваний Александра Македонского (330 г. до н.э.)⁶⁹. Затем это воздействие было очень активным в период его преемников — Селевкидов⁷⁰ и, далее, сменивших их Греко-Бактрийского⁷¹ (250 г. до н. э.—125 г. до н. э.) и Парфянского царств⁷² (256 г. до н. э.—226 г. н. э.). После этого прямые контакты с Западом были лишь эпизодическими: итальянское влияние на Золотую орду в первой половине XIV в.⁷³ или попытки британской экспансии в XIX в.⁷⁴ В то же время, российское влияние в регионе часто служило посредником в процессе вестернизации Центральной Азии. Именно через посредство России произошло приобщение региона к западной культуре. Этому способствовали и миграционные волны из Восточной Европы в XIX — первой половине XX в., которые включали в себя, в том числе, и немцев.

В настоящее время культурное влияние Запада быстро растет благодаря вовлечению Центральной Азии в процессы культурной глобализации. В частности, в странах региона, как и во всем мире, смотрят голливудские фильмы, слушают песни западных рок- и поп-звезд.

В период после распада СССР в регионе неуклонно росло экономическое

68 Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии: по данным археологии. М., 1998.

69 Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М.: Наука, ГРВЛ, 1980; Ртвеладзе Э. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002.

70 Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.

71 Бартольд В.В. Греко — бактрийское государство и его распространение на северо — восток. Соч., т. II (2). М.: Наука, 1964; Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982; Литяттский Б.А., Пичикян И.Р. Открытие шедевров бактрийского искусства// Памятники культуры. Новые открытия, 1983. М.— Л., 1985; Пугаченкова Г., Ртвеладзе Э. Северная Бактрия — Тохаристан. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990.

72 Кошеленко Г.А. Культура Парфии. М., 1966; Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979; Периканян А. Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983; Дьяконов И.М., Зеймаль Е.В. Правитель Парфии Андрагорт и его монеты// Вестник древней истории, 1988; Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы. Из культурного наследия туркменского народа. Альбом иллюстраций, изд. АН СССР. М.: ЮТАКЭ, 1956; Дьяконов И.М., Лившиц В.А. Документы из Нисы I в. до н.э. Предварительные итоги работы. М., 1960; Пиличко В.Н. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М., 2001; Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991; Балаханцев А.С. К вопросу о хронологии и интерпретации некоторых сооружений Старой Нисы// Центральная Азия: источники, история культуры. М., 2003.

73 Свидетельством этого является, например, codex cumannicus — словарь кыпчакского языка, который получил распространение в Италии периода Возрождения.

74 Мартене Ф. Ф. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880; Рюпр М.Ф. Англо—русское соперничество в Азии в XIX в. М.: Красная новь, 1924; Субботин А. П. Россия и Англия на среднеазиатских рынках. СПб., 1885; Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875; Федоров М. П. Соперничество торговых интересов на Востоке. СПб., 1903; Халфин Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70—е годы XIX в.). Ташкент, 1957; Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951; Bellew H. W. Journal of a Political Mission to Afghanistan in 1857, Under Major (Now Colonel) Lumsden; With an Account of the Country and People. London, 1862; Davis H. W. C. The Great Game in Asia (1800—1844). The Ralleigh Lecture on History. Read November 10, 1926// Proceedings of the British Academy. London, 1926. P. 227—256; Edwards H. S. Russian Projects Against India. London, 1858; Fisher F. H. Afghanistan and the Central Asian Question. London, 1878; Fraser-Tytler W. K. Afghanistan. A Study of Political Developments in Central Asia. London — Oxford, 1950; Greaves R. L. Persia and the Defence of India 1884—1892. A Study In the Foreign Policy of the Third Marquis of Salisbury. London, 1959; Marvin Ch. Reconnoitring Central Asia. London, 1886; Menon K. S. The «Russian Bogey» and British Aggression in India and Beyond. Calcutta, 1957; Rawlinson H. England and Russia in the East. London, 1875; Trench F. The Russo-Indian Question. London, 1869; Urquhart D. Progress and Present Position of Russia in the East. London, 1838; Wolff J. A. Narrative of a Mission to Bokhara in the Years 1843—1845. Edinbrough — London, 1848.

влияние ЕС. Страны ЕС (вместе со Швейцарией) вышли на первые позиции в торговле с Центральной Азией, в финансово-инвестиционной деятельности в регионе, в оказании многих видов помощи. Кроме того, Россия часто служит посредником в торговле с Европой. Например, Россия по более низкой цене закупает туркменский газ для собственного снабжения или способствует его направлению в постсоветские страны (Украину). В результате, она высвобождает объемы собственного газа для продажи его по более высокой цене в Европе. В целом, в геэкономическом плане в настоящее время Центральная Азия имеет преобладающую ориентацию на Европу.

Региональное влияние США, по сравнению с европейским, с момента распада СССР в большей степени концентрировалось в сфере военно-политической. Апогея оно достигло в период антитеррористической операции в начале 2000-х гг. Тем не менее, оно очень нестабильно и постоянно подвержено периодам роста и спада. Хорошим примером здесь служит ситуация с Узбекистаном, прошедшим путь от ориентации на США, начиная со второй половины и конца 1990-х гг., до полного замораживания всех отношений после Андижанский событий (2005 г.).

Итак, даже краткий исторический анализ, проведенный выше, показывает, что векторы различных геополитических влияний на регион уравновешены не только в настоящем, но и были уравновешены в историческом прошлом. Центральная Азия исторически всегда выступала как «перекресток», связывавший великие цивилизации окраин Евразии.

Прежде всего это проявлялось в наблюдавшихся в древности и в средневековье постоянных волнах *этнических миграций* во всех направлениях из Центральной Азии, что отмечал еще основатель геополитики г. Маккиндер⁷⁵. В результате, этнически, Центральная Азия связана, практически, со всеми регионами Евразии. Кроме того, в российский и советский периоды по региону прошли «обратные» волны миграции, резко увеличившие его связи с Восточной Европой.

Это *проявлялось в сфере экономики*. Достаточно вспомнить в этом контексте «Великий шелковый путь», соединявший Китай с Индией, исламским и Западным миром⁷⁶; активную роль среднеазиатских купцов в обменах рабами, мехами и металлами с Поволжьем и другими территориями Центральной России в Средние века и Новое время.

Тесные контакты со всеми великими цивилизациями Евразии порождали и великие попытки *культурно-интеллектуальных синтезов* достижений различных цивилизаций, которыми так богата Центральная Азия. Огромное влияние на духовную жизнь человечества оказал центральноазиатский суфизм⁷⁷. Например, духовные практики «сознательного дыхания» возникшего

75 Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории// Полис. 1995 № 4.

76 Schafer E. The Golden Peaches of Samarkand: A Study of T'Ang Exotics. Berkeley: University of California Press, 1985; Bonavia J. The Silk Road: From Xi'an to Kashgar. Hong Kong: Odyssey Publications, Ltd, 1999; Whitfield S. Life Along the Silk Road. London: John Murray Publishers, Ltd., 1999.

77 Тримингэм Дж.С. Суфийские ордена в исламе. М., 1989; Ибрагим Т.К. Философские концепции суфизма (обзор)// Классический ислам: традиционные науки и философия. М., 1988; Кули-Заде З.А. Закономерности развития восточной философии XII—XVI вв. (регион ислама) и проблема Запад—Восток. Баку, 1983; Степанянци М.Т. Философские аспекты суфизма. М., 1987; Arberry A.J. Sufism. An Account of the Mystics of Islam. L., 1956; Bakhtiar L. Sufi. Expression of the Mystic Quest. L., 1976; Gragg K. The Wisdom of the Sufis. L., 1976; Massignon L. Essai sur les origines du lexique technique de la mystique musulmane. Paris, 1968; Nickolson R. A. Studies in Islamic Mysticism. Cambridge, 1967; Shah L. The Sufis. Garden City (N. Y.): Doubleday, 1964; Shah L. The Way of the Sufi. Hammondsworth (Mdx), 1977.

в Центральной Азии и ставшего затем одним из самых влиятельных в исламе орденов Накшбандия связывают в единой логике сочетания внутренней «сердечной молитвы» православных исихастов с дыхательными практиками индийских йогов. В связи с этим, с одной стороны, существуют неподтвержденные легенды об исторических связях суфиев со скрытыми христианами-гностиками, а, с другой стороны, часто отмечается сходство духовно-дыхательных практик накшбандиев с пранаямой йогов.

В результате активных межцивилизационных контактов регион стал ареной великих интеллектуальных синтезов, оказавших влияние на культуру многих народов (прежде всего – европейцев). Аль-Хорезми (783–850) заложил основы западной математики и кибернетики, заимствовав из Индии понятие «нуля» и разработав теорию алгоритмов⁷⁸. Слово «алгебра» происходит от названия его «Книги о восстановлении и противопоставлении»⁷⁹. Аль-Бухари (810–870) создал основы исламской ортодоксии⁸⁰. Аль-Бируни (973–1048), наряду с математико-астрономическими работами, написал труд «Объяснение признанных и непризнанных индийских наук великими интеллекта-ми»⁸¹ – первый труд по индологии. Работы Абу Али Ибн Сины (Авиценны) (980–1037) тщательно изучались на медицинских факультетах европейских университетов вплоть до XVIII – XIX вв.⁸². Аль-Фараби (870–950) сыграл ключевую роль в сохранении философского наследия Аристотеля, ставшего основой средневековой западной схоластики⁸³ и, в существенной мере, западной политической традиции⁸⁴. Куртуазный культ «прекрасной дамы» и мистика Данте в существенной мере восходят к центральноазиатской суфийской поэзии⁸⁵. Подобные примеры можно множить до бесконечности.

Наконец, Центральная Азия на протяжении всей мировой истории постоянно подвергалась *политическим влияниям* разнообразных внешних сил, связанных с исламским миром, Китаем, Россией, Индией и Западной Европой, либо сама оказывала на них решающее влияние. Это показывает, например, проведенный выше исторический анализ.

Специфическое историческое наследие привело к тому, что политические институты и политическая культура Центральной Азии на протяжении долгих периодов времени инкорпорировали различные внешние влияния. В этом плане существенные элементы внешних геополитических ориентаций, причем во всех направлениях сразу, для данного региона имеют глубокие исторические корни. Следовательно, в определенном смысле, можно сказать,

78 Хорезми. Математические трактаты. Ташкент, 1964; Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе, 1983.

79 Юшкевич А. П. История математики в средние века. М., 1961.

80 аль Бухари Сахих. Достоверные предания из жизни пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует. М.: Умма, 2004.

81 Бируни Абу Рейхан. Индия. М., Ладомир, 1995.

82 Дворжиоев М. Натурфилософия Ибн Сины. Душанбе, 1985; Сагадеев А.В. Ибн Сина (Авиценна). М., 1985.

83 *Vadawi A.* La transmission de la philosophie grecque au monde arabe. Paris, 1968; *Myers N.* Arabic Thought and the Western World in the Golden Age of Islam. N. Y., 1964.

84 *Фараби.* Трактат о взглядах жителей добродетельного города// Григорян С.Н. Из истории философии Средней Азии и Ирана VII— XII вв. М., 1960; *Игнатенко А.А.* В поисках счастья. М., 1989; *Касымжанов А.Х.* Абу-Наср аль-Фараби. М., 1982; *Хайруллаев М.М.* Абу Наср аль-Фараби. М., 1982.

85 *Сергеев К.В.* «Театр судьбы Данте Алигьери: введение в практическую анатомию гениальности». М.: Летний сад, 2004; *Сергеев К. В.* Традиции межконфессионального взаимодействия в Европе: христианство, ислам и иудаизм на пороге Ренессанса// Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т.; под ред. А. Ю. Мельвиля; Рос. ассоциация междунар. исследований. М.: ИГИМО—Университет, 2007. Т. 3.

что глубинная многовекторность Центральной Азии – феномен, которому уже не одно тысячелетие. Обнаружившаяся после крушения СССР многовекторность внешних политик и геополитических ориентаций новых независимых государств – лишь проявление этого исторического наследия в специфических условиях!

Каким же образом эта историческая многовекторность сказалась на внутренней структуре самого региона?

Б. Геополитическая «пестрота» внутри региона

Центральная Азия на протяжении тысячелетий подвергалась разнонаправленным культурным, экономическим, политическим, военным воздействиям извне. Однако все эти воздействия отнюдь не всегда переваривались в ней как в «плавильном котле», подобно современным США или исторической Индии. Скорее, все они «консервируются» в виде разных слоев и очагов внутри региона. Так, на ткани, которую долго тянут в разные стороны и под разными углами, образуется большое количество разнообразных плоскостей и разделяющих их складок.

Одна из основных «складок», которая проходит по Центральной Азии – условные границы между преимущественно оседлыми народами и преимущественно кочевыми. Важнейшая из этих границ, отделяющая степную Евразийскую казахско-киргизскую часть Центральной Азии от ее среднеазиатской оседло-мусульманской части, проходит по линии: южная граница Казахстана между Каспием и Аралом – Аральское море – восточнее Сырдарьи – горы Каратау – гора Манас – границы между северной и южной Киргизией⁸⁶. Значение этой границы очень широко обсуждается в казахской и киргизской политологии. В частности, отмечается, что здесь имеет место разрыв между двумя взаимодействующими друг с другом цивилизациями: кочевников и оседлых земледельцев⁸⁷.

Это, в частности, проявляется в степени приверженности коренных народов разных частей региона к исламу. Севернее означенной границы принадлежность к исламу является, скорее, номинально-идентификационной. Она исторически не влекла за собой изменения в образе жизни и даже в системе представлений о мире⁸⁸.

Эта часть Центральной Азии культурно-исторически связана, скорее, с Южной Сибирью и Монголией, чем с исламским миром. Напротив, среди южнее живущих представителей коренных народов ислам играет очень большую роль в мировоззрении и жизненном укладе.

Однако внутри Центральной Азии существует и другая, намного хуже изученная в литературе «складка» по линии кочевничество—оседлость. Она связана с пустыней Каракумы и исторически непригодными для земледелия

86 // <http://profi.gateway.kg/sitniansky>

87 Развитие межэтнических отношений в новых независимых государствах Центральной Азии. Бишкек: Илим, 1995. С. 169.

88 Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996; Толыбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в 17—19 веках. Алма-Ата, 1959; Омуралиев Н.А. Политические процессы в Кыргызстане// Современные политические процессы. Бишкек, 1996; Жданко Т.А. Каракалпаки в научных исследованиях периода их присоединения к России (1873—1874)// Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. М.: Наука, 2001; Бушков В.И. Сельские мечети среднеазиатского междуречья// Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. М.: Наука, 2001.

прикаспийскими областями Туркменистана. Внутри этой страны земледелие возможно лишь в отдельных небольших оазисах: вдоль Аму-Дарьи, на реке Атрек, в предгорьях Копет-Дага, на реке Мургаб. В целом, в культуре туркмен также, как и среди «евразийских» кочевников, ислам – скорее способ идентификации. Он трудно дифференцируем от различных народных культов, восходящих к тенгрианству, и от шаманизма. В частности, даже в советский период большинство посетителей мечетей составляли живущие в Туркменистане узбеки. В то же время пожилые туркмены молились регулярно, но не в мечетях.

Разделение между кочевниками и земледельцами среди представителей коренных народов играет очень большую роль отнюдь не только в плане экономики (земледелие-скотоводство) или культуры (степени приверженности к исламу). Они имеют различные политические традиции: вольготной степной жизни с правом откочевки от правителей или «нормальной» восточной деспотии. Различны и способы социальной организации этих народов. Оседлые народы живут преимущественно территориальными общинами (самым лучшим ее примером являются таджикско-узбекские махалля). Среди них также преобладают региональные субэтничности. Кочевые народы в большей степени организованы по родо-племенному принципу. На него уже накладываются региональные или древние степные политические деления (жузы у казахов, «правое» и «левое» крылья у киргизов) и т.д. Наконец, чисто оседлые земледельцы преимущественно ираноязычны, в то время как кочевники – тюркоязычны. Это базовое членение отражалось до революции 1917 г. в простом делении всех жителей региона по принципу: «тюрки» (кочевники) – «сарты» (земледельцы).

Следует подчеркнуть, что две описанные выше границы чрезвычайно условны. Тюрки и сарты были достаточно сильно перемешаны между собой в силу различных исторических перипетий, обеспечивших постоянное взаимодействие тюркоязычных и ираноязычных народов⁸⁹. Кроме того, их постоянное перемешивание и культурные заимствования породили массу различных переходных состояний. Существенную часть населения региона до революции составляли полукочевники-полуземледельцы. Их было много среди тюрков: казахов, киргизов, каракалпаков, туркмен, дештикипчацких узбеков – потомков завоевателей, пришедших с Мухаммедом Шейбани в начале XVI в.

Традиционные костюмы народов региона можно разделить на три большие группы: 1) одежды казахов, киргизов, каракалпаков, сюда же по ряду показателей примыкает костюм дештикипчацких узбеков; 2) костюмы таджиков и большей части узбеков-сартов; 3) одежды туркмен⁹⁰. Таким образом, расхождения между тремя описанными выше группами народов, связанными с двумя главными «складками», проходящими по Центральной Азии, видны даже по одежде. При этом визуально, при посещении базара, четко можно было уловить, насколько условными оказывались проведенные выше границы и насколько, в реальности, три эти группы перемешаны друг с другом.

Советская политика образования национальных государственных пы-

⁸⁹ Худяков Ю.С. Иранско-тюркский культурный симбиоз в Центральной Азии// Проблемы политогенеза кыргызской государственности. Документы. Исследования. Материалы. Бишкек, 2003. С. 134—139.

⁹⁰ Лобачева Н.П. Особенности костюма народов среднеазиатско-казахстанского региона// Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. М. Наука. 2001. С.69—95.

талась каким-то образом упорядочить эту невообразимую пестроту. Достаточно условно в ходе национально-территориального размежевания 1920–30-х гг. были выделены 6 крупных «коренных» наций (казахи, узбеки, таджики, киргизы, туркмены, каракалпаки).

Специфика Центральной Азии заключается в том, что ни механическое перемешивание, ни навязывание «паспортной» национальной идентичности отнюдь не означают образование «плавильного котла» в реальности. В культурно-исторической среде региона идентификационные различия между группами сохраняются веками. При этом они в любой момент могут приобрести политическое значение.

Приведем один конкретный пример. Ферганские кыпчаки являются кочевниками, которые исторически недавно превратились в оседлое население. Официально они были объявлены «узбеками» и считались исчезнувшей народностью. Однако в реальности этот этнос продолжает свое существование. Его представители стараются избегать смешанных браков с другими народностями. Если это неизбежно, то предпочитают вступать в брак с киргизами или казахами, а не с узбеками, от которых, согласно официальной версии, они уже не отличаются. Поскольку предки кыпчаков имели более высокий социально-политический статус, чем узбеки-сарты, то и их потомки, сохраняя свою идентичность, утверждают этим самым свой более высокий статус. «В районах, где кыпчаки и сарты живут вместе, идентичность последних также не растворилась в общеузбекской. Это вызвано тем, что, называя их сартами, кыпчаки тем самым усиливают сартское самосознание, которое исчезает у сартов в других регионах»⁹¹.

Вообще, самая многочисленная нация региона – узбеки – является конгломератом таджикоязычных и тюркоязычных сартов, дештикипчакских узбеков и некоторых других кочевых тюркских племен, также записанных в «узбеки». Среди таджиков Таджикистана также есть потомки таджикоязычных сартов и таджики-чагатаи, потомки различных кочевников. В Юго-Западном Казахстане четко выделяются две примыкающие к Узбекистану и сильно исламизированные области (Жзыл-Ординская и Чимкентская). Их жители по своей культуре больше похожи на обитателей междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Однако, они «по паспорту» – казахи. Широко известным является также драматичный и постоянно сказывающийся на политической динамике разрыв между северной (более связанной с кочевыми традициями) и южной (более исламизированной) частями Киргизии.

Кроме сохранения старых этносов и субэтносов, другим способом нейтрализации официальных национальных идентичностей являются сохраняющиеся и даже часто укрепляющиеся в постсоветский период родо-племенные и субрегиональные различия. Так, общеизвестно, что казахи делятся на жузы, роды и племена; туркмены на племенные, киргизы – на племенные и региональные, таджики и узбеки – на региональные группы.

Описанная выше многоцветная палитра стала еще более пестрой с появлением масс переселенцев из других частей Российской империи в XIX в. Ситуация усложнялась тем, что в специфической центральноазиатской атмосфере не происходило типичного для русских колонистов в других частях империи

91 Шоберлайн-Энгл Дж. Национальное самосознание узбеков// «Восток». 1997. № 3. С. 57—58.

интенсивного культурного диалога с местным населением (сопровождающегося «растворением» в местном населении или, напротив, его ассимиляцией). Скорее, речь шла о введении в «организм» региона замкнутых русских «вкраплений-крепостей»⁹². Русские в Туркестане значительно меньше, чем на других окраинах империи, вступали с местным населением в непосредственный контакт.

Советский период еще больше интенсифицировал процесс переселения представителей различных народов в Центральную Азию. Здесь было много разных причин: привлечение квалифицированных специалистов и рабочих (славян, татар, армян) в растущие города, насильственные сталинские депортации (немцев, корейцев, коренных народов Кавказа и Крыма и т.д.), освоение целины.

В результате создалась та невероятно сложная этническая картина, которая показана на приведенной ниже карте региона (относится к началу 1990-х гг.). При этом карта очень серьезно упрощает ситуацию в ряде аспектов. Во-первых, в ней не учтены описанные выше субэтнические, этнические и региональные различия внутри официально существующих «коренных народов». Во-вторых, карта не отражает большое количество представителей этнических групп, равномерно рассеянных по региону: уйгуров, дунган, белуджей, армян, чеченцев, корейцев и т.д.

**Рисунок 1. ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТА
СОВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Обозначения на карте.

Славянская группа: 1 – русские, 2 – украинцы.

Другие индоевропейские группы: 3 – немцы, 4 – таджики.

Тюркская группа: 5 – каракалпаки; 6 – казахи; 7 – киргизы; 8 – туркмены; 9 – узбеки.

Малонаселенные территории (пустыни, полупустыни) обозначены на карте белым цветом

⁹² Лурье С. Геополитические формы организации пространства экспансии и их влияние на характер народной колонизации// <http://svlourie.narod.ru/imperium/expansion.htm>.

В настоящее время в регионе благодаря внешней миграции серьезно уменьшилась доля представителей некоренных европейских этносов (немцев, русских, украинцев). Однако этническая пестрота до определенной степени воспроизводится мощными внутрирегиональными миграционными потоками (например, рабочих-таджиков, едущих на заработки в Казахстан). Кроме того, происходит рост значения различного рода региональных и субэтнических идентичностей внутри наций.

Какое же значение имеет описанная выше «пестрота» для международных отношений? Во-первых, она снижает степень интегрированности наций внутри новых независимых государств. Следовательно, повышается нестабильность. Во-вторых, что еще более существенно, *различные внешние влияния и связи оказываются достаточно беспорядочным образом перемешаны в пространстве. Эта перемешанность означает, что невозможно четкое и не пересекающееся между собой выделение зон внешних культурно-исторических влияний.* Подробный анализ этого феномена требует целой самостоятельной работы. Поэтому ограничимся несколькими примерами.

В целом, в старых земледельческих оазисах Узбекистана и Таджикистана преобладает оседло-исламская цивилизация с элементами номадизма, более тесно исторически связанная с восточно-исламским и восточноиранским миром. В то же время, на севере региона ключевое значение имеет поверхностно исламизированное номадическое наследие, генетически сходное с культурой кочевых народов Монголии, Сибири, Северного Китая, Урала и Поволжья. Туркмены, в свою очередь, имеют очень тесные этнические связи с тюрками Ирана, Ирака, Азербайджана и Турции⁹³.

«Евразийские» Северные Казахстан и Киргизия подверглись куда в большей степени русификации и советской модернизации, чем более южные части региона. Однако и на юге русификация и советская модернизация преобладали в определенных «очаговых» зонах, затрагивая все города и места расположения крупных промышленных предприятий.

Исторически влиянию Китая подвергся восток региона (особенно – Семиречье и Фергана). Юг Туркменистана тесно этнически и культурно связан с Ираном и Гератским районом Афганистана. Юг Узбекистана и Таджикистана имеет исторически тесные контакты с Южной Азией (Афганистан, Пакистан, Индия).

В. Разные способы определения региона как способ внешнеполитической борьбы внешних сил

Попробуем рассмотреть то, каким образом геополитическая неопределенность и внутренняя «пестрота» региона сказываются на международных отношениях вокруг Центральной Азии в настоящее время. Попробуем начать свой анализ путем сопоставления Центральной Азии с Западной Европой как регионом, где сложились вполне устойчивые формальные и неформальные институты, осуществляется эффективное международное сотрудничество и почти исчезли международные конфликты.

⁹³ Вплоть до существования концепции «два государства – один народ». См. *Туркменбаши С. Рухнама*. Т. 1. Ашхабад: Туркменская Государственная издательская служба, 2002.

Европа как цивилизационная и одновременно международная реальность существует давно, возможно, с момента Греко-персидских войн, описанных в бессмертном труде «отца истории» Геродота как противостояние двух «миров»: Персидской империи (Азии) и греческого мира (Европы). Границы Западной Европы по отношению к другим частям мира исторически заданы достаточно давно в качестве средневекового (католического) «христианского мира». Что такое европейская цивилизация, и какая модель развития с ней связана, все также хорошо понимают с Нового времени, когда зародился европейский модерн. После окончания Второй мировой войны и образования «ядра» ЕС в виде западноевропейских стран уже не может встать вопрос о базовых характеристиках Европы. Скорее, речь идет о политической борьбе по поводу уточнения ее границ на перифериях (Балканы, Восточная Европа).

Центральная Азия как *международный* регион снова возникла относительно недавно, после распада СССР. В то же время, исторически традиционная для Центральной Азии геополитическая многовекторность, воплотившись в «пестроте» самого региона, превратила само его существование в тех или иных базовых очертаниях в объект политической борьбы между разными внешними силами. В результате, мы имеем дело с настоящей «войной наименований».

Каждая из заинтересованных сил по тем или иным соображениям использует собственные представления о названии региона, его границах и сущности. Как история, так и сложившаяся в настоящее время социально-культурная «пестрота» самого региона дают для этого основания. Любая из заинтересованных внешних сил может, при желании, найти в нынешней Центральной Азии любые тенденции, которые ей заблагорассудится. В результате постоянно возникают проекты «перегруппировки» или «растворения» в других регионах. Таким образом, речь идет о «конструировании институтов международного региона» и «о борьбе за различные конфигурации этих конструкций», либо вообще о «конструировании региона» как такового. Все эти три термина вполне могут восприниматься как синонимы.

Все внешние силы легко могут использовать черты историко-культурной общности как элементы «мягкой силы» (soft power) в отношениях со странами Центральной Азии. Эти черты общности подчеркиваются путем использования тех или иных названий и определений региона. Таким образом, создаются историко-культурные аргументы, на основании которых разные внешние силы пытаются, по сути, политтехнологическими средствами, сформировать у центральноазиатских народов ощущение общности с ними. При этом происходит также актуализация старых исторических связей Центральной Азии с разными регионами мира, превращающимися в неформальные институты. В результате конструируемые формальные институты, вроде Организации экономического сотрудничества (ЭКО), интегрирующие центральноазиатские страны с соседними мусульманскими государствами, получают возможность опереться на историко-культурные аргументы.

В социальной теории все эти процессы хорошо изучены, хотя и не на международно-региональном, а на национальном уровне. Национальные идентичности всегда конструируются на основании тех или иных общностей, заданных долгосрочными историко-культурными процессами (примордиаль-

ных или первичных общностей)⁹⁴. Однако в их формулировке важнейшую роль играют различные заданные текущей конъюнктурой обстоятельства и интересы (ситуационная теория)⁹⁵. В результате, следует учитывать оба набора факторов (примордиально-ситуационная теория)⁹⁶.

Проиллюстрируем высказанный выше тезис путем анализа разных определений Центральной Азии и разных вариантов понимания ее базовых характеристик. В результате бурной истории региона и его «пестрой» социально-культурной конструкции в настоящее время практически все игроки, как внутренние, так и внешние, имеют в запасе огромное количество географических, исторических и цивилизационных дефиниций Центральной Азии, которыми они могут «жонглировать» в своих интересах. При этом в нашем описании для определения современного политического региона, включающего в себя Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Киргизия, мы будем использовать термин «современная Центральная Азия».

С точки зрения физической географии Центральная Азия – область внутреннего (не океанического) стока вод Центральной Евразии. Регион в этом строгом смысле выделен на основе чисто климатических особенностей и включает в себя бывшие советские Среднюю Азию и Казахстан, Поволжье, часть Сибири, Монголию, Западный Китай, часть Ирана, Афганистан, северную часть индийского субконтинента. С этнической точки зрения в этом ареале либо преобладают, либо присутствуют в качестве существенного компонента представители тюркских и монгольских народов. Специфика климатических условий также предопределила очень серьезную роль номадизма для всей географической Центральной Азии. Такое определение региона было впервые предложено географом Александром Гумбольдтом в 1843 г. Именно он первым выделил Центральную Азию в качестве отдельного региона мира. В настоящее время это определение, основанное на климате, официально принято ЮНЕСКО.

Ниже приведено изображение Центральной Азии по историко-географическому определению ЮНЕСКО (пятно желтого цвета на фоне Евразии); по советскому определению «Средней Азии» – пятно коричневого цвета; по определению, принятому с 2002 г. (бывшие Средняя Азия и Казахстан) – вместе пятна оранжевого и коричневого цветов.

94 *Shils E.* Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties// *British Journal of Sociology*. 1957. № 7. P. 113 – 145; *Geertz C.* The integrative revolution: Primordial sentiments and civil politics in the new states// *The interpretation of cultures*. New York: Basic Books, 1973. P. 255—310.

95 *Barth F.* Introduction// *Ethnic Groups and Boundaries*. Bergen – Oslo, London. 1969. P. 9 – 38.

96 *Keyes Ch.* The Dialectics of Ethnic Change// *Ethnic Change*. Ed. by Ch. Keyes. Seattle. 1981. P. 3 – 30.

Рисунок 2. ТЕРРИТОРИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ, СОГЛАСНО РАЗЛИЧНЫМ ОПРЕДЕЛЕНИЯМ

В эпоху *древнего мира* современная Центральная Азия была преимущественно населена восточноиранскими племенами (скифами, сарматами, согдийцами, хорезмийцами, бактрийцами, саками и т.д.). С западноиранскими племенами (предками современных иранцев) их объединяло не только языковое, но и культурное сходство (например, элементы зороастризма). Следовательно, к региону в этот период можно применить понятие «*восточноиранский мир*». Это историко-культурное единство подчеркивается в отношениях многих государств Центральной Азии (прежде всего, сохранившего в качестве преобладающего язык восточноиранской группы Таджикистана) с Ираном.

Постепенное проникновение в регион тюркских народов с востока (а также культурная дифференциация) привели к тому, что регион к северу от Сыр-Дарьи стал называться *Тураном* или *Туркестаном*, т. е. «миром тюрков». При этом противостояние между Тураном и Ираном (имеется в виду восточный Иран) носило не только этнический характер. Тюрки были по преимуществу кочевниками, тогда как иранцы (или сарты) — оседлыми земледельцами и горожанами.

Постепенно, на протяжении Средних веков и Нового времени, происходило смешивание тюркских и восточноиранских народов. Оно привело к тому, что почти весь регион (кроме современного Таджикистана и некоторых городов Узбекистана) стал тюркоязычным. В результате название «Туркестан» (Западный Туркестан) стало прикладываться ко всему региону современной Центральной Азии.

Однако понятие Туркестан-Туран имеет и более расширительную трактовку, далеко выходящую за границы современной политической Центральной Азии. Тюркские народы обитают в существенной части современной России, в Турции и на Ближнем Востоке, в Иране, в Афганистане, в Молдавии и Румынии и т. д. Поэтому название «Туркестан» обычно имеет в виду весь тюркский мир, проекты объединения которого в единое государство выдвигались с конца XIX в. На этом основываются определения современной Центральной Азии как органической части тюркского мира, что активно используется Турцией, а также поддерживается странами Запада.

Туркестан как часть кочевого мира географической Центральной Азии органически связан со степями современных России и Западного Китая. Посто-

янные перекочевки кочевых племен с места на место, имевшие мирный или военный характер, объединяли этот комплекс в одно хозяйственное и культурное целое.

Современная Центральная Азия – это северо-западная часть Туркестана. Она составляет единое целое с Восточным Туркестаном, который еще до начала нашей эры попал в орбиту экономического и политического влияния Китая, хотя сосуществование китайцев и их кочевых соседей никогда не было мирным. Более того, культурная связь Восточного Туркестана с Западным образовалась во многом благодаря тому, что его народы постоянно и осознанно отвергали все китайское и с этой целью заимствовали все, что возможно, у западных или южных соседей⁹⁷. Напротив, глубокое культурное единство жителей Восточного и Западного Туркестана демонстрируют, например, разнообразные этнографические данные⁹⁸.

Тем не менее, с точки зрения китайцев, которые в конце концов освоили свою часть Туркестана, современная Центральная Азия – органическая проекция вовне их «Западного края» (историческое китайское название Восточного Туркестана). Эти идеи стали обоснованием активного участия Китая в жизни Центральной Азии как в рамках двухсторонних отношений, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Благодаря завоеваниям арабов в VII–VIII вв. в современную Центральную Азию проник ислам. В дальнейшем он продолжал распространяться по региону как военным, так и мирным путем. В результате современная Центральная Азия является частью *исламского мира*. Исламская идентичность региона активно используется в отношениях всех мусульманских государств, особенно традиционалистских аравийских монархий, с центральноазиатскими государствами.

Практически сразу после арабских завоеваний обнаружилось четкое противостояние между западноисламской (арабской) и восточноисламской (иранской) частями мусульманского мира. В частности, арабско-иранские конфликты стояли за сменой династии Омейядов на Аббасидов. В этом плане современная Центральная Азия – часть обособившегося восточноисламского мира.

Этот субрегион исламского мира, однажды возникнув, быстро развивался.

97 Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л. 1926; Бичурин И. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем его состоянии. Т. 1–2. СПб., 1829; Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1–3. СПб., 1851; Восточный Туркестан и Средняя Азия: История. Культура. Связи. М., 1984; Бартольд В.В. Сочинения. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: ИВЛ, 1963; Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. — VII в.н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989; Малавкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989; Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983; Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаилов, найманов и киреитов. Алматы: Рауан, 1993; Караев О.К. История Караханидского каганата (X — нач. XIII вв.). Фрунзе, 1983; Литвинский Б.А., Смагина Б.Б. Манихейство. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос. Языки. Религии. М., 1992; Попова И.Ф. Танский Китай и Центральная Азия// <http://www.kyrgyz.ru/?page=312>; Schafer E. The Golden Peaches of Samarkand: A Study of T'Ang Exotics. Berkeley: University of California Press, 1985; China in Central Asia. The Early Stage: 125 B.C. — A.D. 23. An annotated Translation of Chapters 61 and 96 of the History of the Former Han Dynasty. Tr. by A.F.P. Hulwese. With an Introduction by M.A.N.Loewe. Leiden, 1979; Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge: Blackwell, 1992.

98 Чвырь Л.А. Туркестанцы: уйгуры Синьцзяна и народы Средней Азии в этнокультурном отношении// Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., Восточная литература, РАН. 2001. С. 437—439; Восточный Туркестан и Средняя Азия: История. Культура. Связи. М., 1984.

Сначала, по мере смешения иранских и тюркских народов и распространения ислама среди тюрков, он превратился в зону иранско-тюркской культуры. Затем, по мере завоевания его представителями исторической Индии, он включил в себя территории современных Пакистана и Северной Индии (с XIII в). Таким образом, вполне можно говорить, что современная Центральная Азия – часть *восточноисламского культурного региона*, включающего в себя, в частности, современные Иран, Афганистан, Пакистан. Эти страны активно используют историко-культурный фактор в отношениях с регионом. Однако нельзя забывать и о том, что с восточноисламским миром исторически связаны Турция и многие части России, Китая и Индии.

Российские степи, как мы уже отмечали выше, являются естественным продолжением степей современной Центральной Азии. Неудивительно, что кочевая культура этих степей носила черты исторической общности. Города современной Центральной Азии также еще в раннем Средневековье установили тесные торговые связи с Поволжьем (они обменивали серебро на меха и рабов). В частности, именно таким образом ислам попал в современный Татарстан (тогдашнюю Волжскую Булгарию).

Возникали и различные кочевые империи, объединявшие эти области, среди которых надо, прежде всего, отметить империю Чингизхана. С определенной точки зрения Московия – Российская империя – СССР были преемниками этого государства, объединившего Центральную Евразию.

Важность Центральной Евразии («хартланда») как ключевого региона мира отмечал в своих работах основатель современной геополитики Х. Маккиндер⁹⁹. Российские евразийцы (Трубецкой, Савицкий, Вернадский) и другие стали использовать для обозначения этого региона термин «Евразия». Это словоупотребление до сих пор широко используется в политической практике многих постсоветских государств, а в Казахстане оно стало почти официальным¹⁰⁰. Именно благодаря президенту Казахстана евразийская идентичность была интегрирована в важнейший российский интеграционный проект – *Евразийское экономическое сообщество* (ЕврАзЭС).

Перейдем теперь к более узким дефинициям региона. Границы современной Центральной Азии были определены завоеванием ее Российской империей в XIX в. Именно благодаря этому были разорваны все «проекции» этого региона в других, кроме северного, направлениях (прежде всего, по отношению к восточноисламскому миру, к Турции, к Китаю и Восточному Туркестану). Современная конфигурация государств региона (5 государств) была определена благодаря советскому национально-территориальному размежеванию 1920–30-х гг. Последнее представляло собой очевидный пример конструирования региона, когда путем искусственной группировки или не менее искусственных разделений были созданы современные нации. После этого в рамках СССР также неоднократно проводилась перекройка границ, например, в связи с освоением целины.

В советский период современная Центральная Азия, с точки зрения экономико-географического районирования, делилась на Среднюю Азию (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Киргизию) и Казахстан. Тем не менее,

⁹⁹ Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.

¹⁰⁰ Назарбаев Н. А. Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994—1997. М. 1997; Назарбаев Н. А. Стратегия трансформации общества и возрождения евразийской цивилизации. М., 2002.

достаточно часто названия этих двух районов объединялись в виде словосочетания «Средняя Азия и Казахстан».

По утверждению председателя узбекской партии «Бирлик» Абдурахима Пулатова, именно его партия в 1991 г. выдвинула идею создания Центральноазиатского союза (правда, в него предлагалось войти и Азербайджану)¹⁰¹. В дальнейшем эта идея завладела умами политических элит. В 1992 году на саммите постсоветских государств в Ташкенте президент Казахстана Нурсултан Назарбаев предложил отказаться от определения «Средняя Азия и Казахстан» в пользу понятия «Центральная Азия», охватывающего все постсоветские государства этого региона. Именно так возник современный политический регион. Это понятие стало доминирующим, прежде всего, внутри самого региона, потеснив альтернативные. Немалую роль при этом сыграло влияние английского языка, не различавшего никогда понятий «Средняя» и «Центральная» Азия (это различие было характерным лишь для русских географов). По сути, имело место просто изменение распространенного в СССР словоупотребления «Средняя Азия и Казахстан» (именно оно определило границы региона, т. е. стало лингвистическим означаемым) на заимствованное из английского языка понятие «Центральная Азия» (превратившееся в лингвистическое означающее).

Внедрение в жизнь названия «Центральная Азия» было поддержано процессом региональной интеграции. Образцом для него выступила единая Европа. *Если бы процесс региональной интеграции в Центральной Азии равномерно охватил все пять стран и привел к степени единства, напоминающей современную Европу, то ни о каких альтернативных определениях региона в интересах внешних игроков уже нельзя было бы говорить.* Они бы просто отмерли со временем.

Тем не менее, эта институциональная поддержка словоупотребления «Центральная Азия» была весьма слабой. Во-первых, Туркменистан никогда не участвовал в соответствующих интеграционных структурах, а Таджикистан присоединился к ним достаточно поздно (с 1998 г). Во-вторых, эти структуры вели полуфантомное существование. Экономическое и политическое сотрудничество в их рамках было весьма слабым. При этом оно часто зависело от внешней поддержки (прежде всего, со стороны конкурирующих между собой США и России). Центральноазиатские интеграционные структуры постоянно распускались и реорганизовывались в зависимости от конъюнктуры¹⁰².

В 1994–1998 гг. существовал Центральноазиатский союз (ЦАС), включавший Казахстан, Узбекистан, Киргизию и являвшийся амбициозным проектом интеграции, без участия России, во всех областях жизни. Этот интеграционный процесс активно поддерживался США и странами ЕС. В 1998 г., когда стало ясно, что никакого реального сотрудничества не происходит, он был распущен. Вместо этого была создана более скромная структура: Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС). В нее, кроме трех вышеуказанных стран, вступил также и Таджикистан, а Россия получила статус наблюдателя.

101 Пулат А. Центрально-Азиатский Союз — прежние идеи, новые мысли. 14/06/2007 // <http://www.harakat.net>.

102 В рамках данной работы мы не будем подробно анализировать проблему внутрирегиональной интеграции без участия внешних игроков. Здесь нам достаточно отметить, что этот процесс мог бы привести к *чрезвычайно позитивным результатам*, однако, странам региона пока не хватает на него ресурсов (экономических, политических, военных, символично-идеологических и т.д.).

В 2002 г., на пике американского вмешательства в дела Центральной Азии под флагом антитеррористической коалиции, вместо ЦАЭС был создан новый амбициозный проект Организация «Центрально-Азиатское сотрудничество» (ОЦАС). Она ставила целью активизировать региональную интеграцию без участия России и поддерживалась США. Но в 2004 г. политическая конъюнктура изменилась, и Россия была принята в ОЦАС, а 6 октября 2005 г. было решено объединить ОЦАС с ЕврАзЭС. Однако уже 18 февраля 2005 г. Президент Казахстана Н. Назарбаев предложил создать новую интеграционную структуру в Центральной Азии, снова без участия России. 24 февраля его поддержал президент Киргизии Аскар Акаев. В настоящее время, несмотря на свержение Акаева, идет процесс интеграции между двумя этими странами.

Одновременно с попытками возродить идеи интеграции в Центральной Азии казахстанская элита вновь начинает возвращаться в последнее время к словоупотреблению, противопоставляющему эту страну другим государствам региона (Центральная Азия и Казахстан, Средняя Азия и Казахстан). Это связано с тем, что Казахстан пытается позиционировать себя как регионального лидера в процессе модернизации. Кроме того, это подчеркивает элемент европейской идентичности казахстанской нации, что особенно существенно в свете стремления страны войти в Совет Европы и, особенно, предстоящего председательства в ОБСЕ. В частности, некоторые казахстанские депутаты даже предлагали переименовать страну из «Казахстана» в «Казахию» для того, чтобы символически «выйти» из нестабильного Центральноазиатского региона.

США и страны Европы и исторически имели достаточно эпизодические контакты с современной Центральной Азией. Тем не менее, после распада СССР они также активно включились в «игру в географические определения». Каждый раз это имело специфические политические причины, которые мы разберем в другой части данной работы. Первоначально страны Запада активно поддерживали «турецкий» вариант идентификации Центральной Азии, превращающий ее в часть тюркского мира. ЕС при поддержке США также выступал спонсором и активным сторонником проекта «Великого шелкового пути». В этом случае Центральная Азия определялась в роли «моста» между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР). США в разное время активно поддерживали различные проекты собственно центральноазиатской интеграции без участия России, т.е. выступали сторонниками «узкого» определения региона. Наконец, разные конъюнктурные соображения выдвигали на первый план в разное время идеи «Большого Ближнего Востока»¹⁰³ (Wider Middle East) и «Большой Центральной Азии»¹⁰⁴ (Wider Central Asia), связывающих регион, соответственно, с западно- и восточноисламским миром.

Кроме того, на Западе существуют еще два варианта описания региона. *Регион Каспийского моря* (Caspian Sea region, Caspian Sea basin) – включает в себя также и Азербайджан, но не включает отдаленные от моря и лишенные нефтегазовых запасов горные части Центральной Азии. Это определение является проекцией интереса внешних сил, начиная с 1991 г., к углеводородным ресурсам региона. Оно еще больше усиливает пестроту наименований региона,

¹⁰³ Lewis B. Rethinking the Middle East// Foreign Affairs. Fall 1992. P. 99—119.

¹⁰⁴ Starr F.A. Partnership for Central Asia// F.A. Starr// Foreign Affairs. 2005. July/August (http://www.sfr.org/publication/8937/partnership_for_central_asia.html); Byrd W., Raiser M. and others. Economic Cooperation in the Wider Central Asia Region// World Bank. Working Paper. No.75, 2006.

так как иногда понятия «регион Каспийского моря» и «Центральная Азия» используются как синонимы.

«Станы» (Stans) – просторечное англоязычное определение всех стран, оканчивающихся на «стан», один из вариантов концепции «Большой Центральной Азии». Оно смешивает «в одну кучу» по случайному признаку названия Центральную Азию с Пакистаном, Афганистаном и различными тюркскими регионами мира. Интересно, что это наименование потенциально, в случае усиления центробежной динамики, может «вобрать в себя» китайский Уйгуристан (Синьцзян), а также многие тюркско-исламские регионы России (Татарстан, Башкортостан, Дагестан и т.д.). Следовательно, и у этого просторечного названия есть потенциал для политического применения.

Выше мы рассмотрели проблему конструирования Центральной Азии с точки зрения взаимосвязи географических границ с политическими интересами, т. е. связей наименований региона и международной политики. Рассмотрим ту же самую проблему с точки зрения сочетания интересов внешних игроков и тех пластов культурно-исторической реальности, на которые они могут опираться в своей политике. Это даст возможность доказать достаточно нетривиальный тезис (собственно, частично это видно уже на примере столкновения разных вариантов наименований региона): *геополитическая многовекторность Центральной Азии не является случайным и преходящим историческим феноменом.*

2. **Неопатримониализм или неопределенность с выбором новыми независимыми государствами Центральной Азии модели социально-политического развития**

Объективные исторические связи региона чрезвычайно важны. Однако по ходу времени, в зависимости от различных соображений текущей политики, история постоянно переинтерпретируется и переписывается. В частности, это делается с целью формирования тех или иных моделей развития, а также – национальных идентичностей.

Все эти три фактора: доминирующая идеологическая интерпретация истории, модель развития и национальная идентичность должны быть согласованы с целью обеспечения стабильного развития. Такая согласованность является важнейшим фактором обеспечения легитимности режима. Людям нужно объяснить, почему они должны проявлять солидарность и не конфликтовать друг с другом в рамках одной общности, а также подчиняться определенному порядку. Необходимо также показать, как все это вышло в ходе истории и каковы перспективы дальнейшего развития. В частности, это продемонстрировано в известной работе Марка Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира»¹⁰⁵.

Наконец, наличие сходных моделей развития, исторических или идентификационных сходств облегчает взаимодействия различных государств. Ни-

¹⁰⁵ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира/ М. Ферро. М., 1992.

же это будет продемонстрировано на примере европейских, исламских и восточноазиатских государств.

Теоретически это влияние достаточно очевидно. Предположим, какая-то страна официально утверждает идеологию, направленную на сближение с другой страной или группой стран. Это, во-первых, дает партнерам четкий сигнал о выборе союзников или предпочтительных партнеров. Как отмечал Александр Вендт, выбор союзников и врагов играет ключевую роль в структурировании системы международных отношений. В частности, формирование структур безопасности в регионах зависит от приписывания разным внешним силам одной из ролей: «врага», «соперника» или «друга»¹⁰⁶. Согласно А. Вендту, эффективная интеграция происходит лишь с теми, кому приписывается роль «друга». Наличие «врага» так же важно, так как «образ врага» помогает идеологически интегрировать ту или иную группу государств (достаточно вспомнить про роль СССР и «коммунистической угрозы» для интеграции евроатлантического сообщества, и обратно). Во-вторых, через системы образования и СМИ, на которые государство оказывает влияние, этот выбор начинает сказываться и на массовом сознании, создавая подкрепляющие стимулы для соответствующей внешней политики.

В рамках данного исследования существующие в современных центральноазиатских государствах идеологии и модели развития интересуют нас с точки зрения возможности их влияния на международные отношения, повышения определенности во взаимодействиях между разными странами.

Что можно сказать о современных центральноазиатских идеологиях в плане выбора внешних союзников и врагов? Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы попробуем проанализировать то, *какой набор идеологических выборов в контексте современной мировой политики был бы значим с точки зрения поиска партнеров вне региона.*

Каждый из значимых выборов связан с ориентацией современной Центральной Азии на какой-то другой регион мира: 1) Россию и постсоветское пространство вокруг нее; 2) Западный мир; 3) исламский мир; 4) Китай и АТР.

Вариант выбора Индии в качестве идеологической доминанты исключен в силу того, что ее социальная и политическая системы слишком специфичны. Они связаны, прежде всего, с наследием общинно-кастового строя и индуистско-буддистской культуры, а затем – со специфическими особенностями английской колонизации¹⁰⁷. Буддизм в Центральной Азии существовал¹⁰⁸, но все остальное ей не присуще.

Каждый из таких политико-идеологических выборов потребовал бы определенной переинтерпретации характера истории, социально-культурных, экономических и политических особенностей региона. Одновременно мы будем также указывать на возникающие внутри таких выборов потенциальные дилеммы и противоречия.

¹⁰⁶ Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. p. 247.

¹⁰⁷ Васильев Л.С. История Востока. Т. 2. М., 2001.

¹⁰⁸ Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии: по данным археологии. М., 1998.

А. Идеологические выборы, связанные с Россией

Основной проблемой, связанной с пророссийским выбором, для центральноазиатских государств является то, что он пока не дает какой-либо исторически устоявшейся модели социально-политического развития. В 1990-е гг. Россия пыталась полностью следовать в русле модели развития, характерной для западного мира. В последние годы происходит существенная модификация этой модели, однако основное направление этой модификации еще недостаточно ясно.

Ориентация на историческую связь с Россией для Центральной Азии возможна в пределах широкого набора альтернатив. В частности, существует, как минимум, 3 конкурирующих проекта историко-идеолого-пропагандистского обоснования интеграции центральноазиатских стран вокруг России.

«*Постимперская идеология*». Она связана с подчеркиванием той большой роли, которую Россия и СССР, русская культура и русский язык сыграли в модернизации региона. При этом в одном из вариантов, *либерально-модернизаторском*, эта идеология слабо отличается от прозападного выбора. Ведь Россия в XVIII – XX вв. служила историческим посредником, хотя и весьма специфическим, в усвоении Центральной Азией западной культуры и технологий.

Существует также и вариант такой идеологической ориентации, в большей степени *связанный с коммунистическим наследием*. Он подчеркивает образование новой органической общности «советских людей». В рамках СССР существовала взаимосвязанная экономическая система, которая до сих пор сохранилась, например, в виде инфраструктуры трубопроводов, линий электропередач, шоссейных и железных дорог. Россия до сих пор является важным торговым партнером, так как степень взаимозависимости экономик, созданная в советское время, резко уменьшилась, но не исчезла до конца. В социально-культурной области произошел очень серьезный синтез культур коренных и некоренных народов региона. Межличностные и миграционные контакты также неустраимы. В области безопасности Россия выступает в качестве наследника СССР, заинтересованного в защите Центральной Азии как «буферной зоны». В противном случае различные проблемы региона автоматически распространяются и на ее территорию. Все это до сих пор органически связывает все бывшие советские республики с Россией.

Однако такой «постимперский выбор» противоречит логике развития национализма новых независимых государств, которые часто выступают идеологическим обоснованием существования нынешних политических элит. Новый национализм, конструируя представления о «светлом будущем» соответствующих народов, которое будет построено под руководством нынешних властей, не может не отталкиваться от какого-то образа «темного прошлого», каким часто предстают Россия и СССР.

Недостатком также является «остаточный» характер описанных идеологем. Они полностью направлены в прошлое, а Россия предстает в них, скорее, как престарелый родитель, дом которого его отпрыск уже покинул. Наконец, как показывает опыт других великих держав, поддержание таких идей в их бывших сферах влияния требует постоянных усилий и инвестиций. Россия этого не делала. Попытки поддержать свой позитивный образ она начала предпринимать лишь в последнее время, когда от него, практически, мало что осталось.

Антизападничество. В этом случае Россия начинает восприниматься как гарант от давления Запада на местные элиты.

Этот способ идентификации «против» чрезвычайно конъюнктурен. Его используют современные элиты (например президент Узбекистана И. Каримов) в краткосрочной политической игре. С идеологической точки зрения, он никак не отделяет российский проект от исламского или восточноазиатского. В его рамках Россия лишь используется местными элитами для того, чтобы получать уступки у Запада. При этом разжигается соперничество России и Китая с западными странами с целью организовать максимальную конкуренцию за спонсорскую роль в регионе. Кроме того, местные элиты (в том числе и узбекская) желают, чтобы они воспринимались в мире как модернизационные. Поэтому слишком антизападная позиция им не нужна.

Евразийство. Современное евразийство в самой России существует в виде достаточно широкого набора возможностей. С одной стороны, имеется мистико-эзотерический евразийский фундаментализм (А. Дугин), пропагандирующий идеи вечной войны «стихий» суши и моря. С другой стороны, есть более умеренные и «научнообразные» варианты евразийства, связанные с исторической наукой (Л. Гумилев) или политологией (А. Панарин). В них подчеркивается общность судеб и сложившихся в ходе исторического развития интересов народов России и Центральной Азии. Наконец, существовало и либеральное евразийство, сторонником которого был А. Сахаров. Последний пропагандировал идеи замены СССР на Евро-Азиатский союз, что способствовало бы более успешной модернизации региона.

Разные варианты идеологии предполагают и разных внешнеполитических партнеров. Менее либеральные варианты евразийства пропагандируют идеи союза с АТР и исламским миром против Запада. В этом плане они дифференцируют российский проект в Центральной Азии от Запада, но не отделяют его от исламского мира и Китая. Напротив, либеральное евразийство объединяет российский проект в Центральной Азии с европейским. *Таким образом, евразийство – очень неопределенная в плане определения друзей и врагов идеология.*

Доминирующий в Центральной Азии вариант евразийства (Казахстан, Киргизия) примыкает, скорее, к умеренным и либеральным вариантам этой идеологии. Он обычно не противопоставляет себя западному миру, напротив, чаще всего Центральная Азия видится им в роли «моста» между Западом и Востоком. При этом центральноазиатское евразийство легко может использовать и идеи интеграции с Россией, АТР, исламским миром¹⁰⁹.

Так, например, Нурсултан Назарбаев, позиционируя себя как сторонника евразийства¹¹⁰, равно поддерживал евразийские идеи А. Сахарова и А. Дугина¹¹¹. А вот как понимает евразийство другой его сторонник, бывший президент Киргизии А. Акаев: «Европа и Азия – это... взаимодополняющие элементы единого мирового многообразия, в котором “евразийству” принадлежит по праву уникальная роль... Соприкосновение европейской и азиатской ци-

¹⁰⁹ В Турции, например, термин «Евразия» используется как синоним понятия «тюркский мир» и является, по сути, частью пантюркистской идеологии.

¹¹⁰ Назарбаев Н. А. Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994—1997. М. 1997; Назарбаев Н. А. Стратегия трансформации общества и возрождения евразийской цивилизации. М., 2002.

¹¹¹ Дугин А. Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.: РОФ «Евразия», 2004.

визаций, взаимообогащение и взаимопроникновение культур и религиозно-философских начал способствуют единению человечества во имя мира и прогресса»¹¹².

У всех пророссийских идеологий по отношению к Центральной Азии есть, наряду с вышеперечисленными противоречиями, один существенный недостаток. Они ориентируют регион в сторону пространства, которое до сих пор не до конца избавилось от последствий всеобъемлющего кризиса, связанного с распадом СССР. Такая интегративная постсоветская структура, как СНГ, является вопиюще неэффективной. Более молодые интегративные структуры «второго поколения» (ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС) пока еще являются достаточно молодыми, и также не лишены определенных внутренних проблем и противоречий.

Все это вызывает очень серьезный интерес к поиску партнеров за пределами постсоветского пространства, в более благополучных частях мира. Нельзя забывать и про то обстоятельство, что крушение советского модернизационного проекта вызвало у политических элит Центральной Азии общее ощущение разочарования в России.

Б. Прозападные идеологии

У этих идеологических ориентаций также возможен достаточно широкий спектр. Тем не менее, за ними стоит одна, достаточно определенная модель развития, продемонстрировавшая существенные успехи в западном мире. *Последняя включает в себя одновременное развитие рыночной экономики и демократических институтов, обеспечивающих соблюдение прав человека.*

Наиболее широким вариантом прозападной ориентации в современном мире выступает *глобалистский вариант*. Он предполагает идеологию, сочетающую принципы: а) приоритета прав атомарного индивида над групповыми общностями («права человека»); б) конкурентной политической системы со свободными выборами как единственной легитимной формы политического правления («демократия»); в) распределения ресурсов на свободном рынке как единственной эффективной формы хозяйствования («рыночная экономика»); г) приоритета указанных выше принципов по отношению к национальным законодательствам государств («ограничение национального суверенитета») ¹¹³. Именно этот набор принципов стал преобладать в международных организациях, где решающую роль играли США и их союзники (например, «Вашингтонский консенсус» для международных экономических организаций в 1990-х гг.).

Сразу же после распада СССР практически все лидеры Центральной Азии в той или иной мере декларативно были готовы поддержать описанные выше идеи. Однако очень быстро проявились ограничения и противоречия, связанные с их реализацией.

Существенно то, что эти принципы и многие попытки их реализовать в мировом масштабе не лишены потенциальных внутренних противоречий. Например, демократия, понятая как господство большинства над меньшинством, противоречит правам человека. В не меньшей степени предполагаемое

¹¹² Акаев А. Новое понимание евразийства (беседа с членом редколлегии журнала «Современная Европа» Ю.И. Суровцевым) // Современная Европа. 2001. № 1.

¹¹³ Предполагалось даже, что «национальное государство исчезнет под воздействием глобальных коммуникаций». См. Negroponte N. Being digital. New York: Alfred Knopf, 1995. P. 29.

демократией и правами человека равенство противоречит неравенству, на котором основана рыночная экономика. Возможность международного вмешательства же в реальности может реализовываться лишь через практику «двойных стандартов» в соответствии со вкусами США как мирового лидера.

Специфические социально-политические системы Центральной Азии трудно адаптируются под эти принципы. Индивидуализм противоречит высокой роли кланово-групповой лояльности. Конкурентная демократия может привести к победе исламских радикалов (угрозы чего имели место в Узбекистане) или спровоцировать гражданский конфликт (война в Таджикистане). Рыночная экономика плохо уживается с политическими системами, основанными на личном патронаже. Приоритет международного права плохо сочетается с национализмом молодых наций.

Центральноазиатские страны не могут также не обращать внимания и на альтерглобалистскую критику. Последняя подчеркивает, что глобализм в его современном виде консервирует деление мира на центр («золотой миллиард») и эксплуатируемую периферию. При этом Центральная Азия ни на что, кроме роли этой периферии, претендовать не сможет.

Параллельно с глобализацией во всем мире повышается ценность локальных культур, все более распространенной становится практика поощрения разнообразия культурно-цивилизационных форм, борьба с попытками любого навязывания внешних норм. В частности, это проявляется в распространенном на Западе *постмодернизме*.

В незападных странах глобализация вызывает к жизни противостоящие ей феномены традиционализации¹¹⁴. «Чем больше растет экономическая взаимозависимость, тем сильнее будем мы подчеркивать свои различия, в особенности языковые. Глобализация экономики будет сопровождаться ренессансом в языковом и культурном самоутверждении»¹¹⁵. Протесты против глобализации в разных формах проявляются в различных культурных средах. На Западе речь идет о разгроме «Макдоналдсов» антиглобалистами. В исламском мире традиционализация принимает форму джихада против глобальной экспансии западных ценностей¹¹⁶. В этом плане для центральноазиатских лидеров полностью принять идеи глобализма означает включение в «конфликт цивилизаций» с непредсказуемыми для региона с исламской идентичностью последствиями.

Западный мир – это прежде всего коалиция очень эффективно действующих государств Европы и ее переселенческих колоний (США, Канада, Австралия). Эта группа стран имеет единый цивилизационный фундамент (западное христианство), общую историю и культуру, связанную с Европой, сходный набор общих неформальных институтов (ценности демократии, рынка, прав человека, индивидуализма и т.д.). Эти страны тесно интегрированы целым рядом чрезвычайно эффективных региональных организаций: НАТО, ЕС, АНЗЮС и т. д. Деятельность многих ключевых международных организаций («Группа восьми индустриально развитых государств», МВФ) тесно связана с интересами этой коалиции. Вступление в эту коалицию приносит много разнообразных преимуществ. Поэтому к ней тесно примыкают и многие другие

¹¹⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

¹¹⁵ Нейсбит Д. Мегатренды. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. С. 114.

¹¹⁶ Barber B. R. Jihad vs. McWorld: How Globalism and Tribalism are Reshaping the World. New York: Ballantine, 1996.

развитые (Япония) и развивающиеся страны, имевшие исходно другой культурно-цивилизационный базис.

Тем не менее, многие достаточно сильные государства (особенно, Россия, Китай, Иран) не входят в эту коалицию, лишь эпизодически с ней сотрудничая или конкурируя. При этом они официально поддерживают идею «многополярного мира», что тоже является одной из форм борьбы с политической глобализацией. В этой ситуации слишком активный глобалистский выбор центральноазиатских государств мог бы настроить против них непосредственных соседей с севера, востока и юга.

Более узкий вариант прозападного выбора – *евроатлантический*. В этом случае речь идет уже не о глобальном распространении ценностей и норм, выработанных первоначально в рамках западного мира. Евроатлантизм предполагает ориентацию на экономическую и политическую интеграцию с Западной Европой и США, т. е. *вступление в западную коалицию*. В конечном счете, для долгосрочного закрепления в ее рядах требуется разделять все те же принципы: демократии, рыночной экономики и прав человека. Однако на первый план, по сравнению с «широким» глобалистским вариантом, выходят более мелкие взаимные прагматические *интересы*, реализуемые в рамках сотрудничества с региональными евроатлантическими структурами, прежде всего НАТО и ЕС. Последние в этом плане выступают как бы институциональными воплощениями универсальных ценностей европейской цивилизации.

Все центральноазиатские государства с 1991 г. в той или иной степени сотрудничают с НАТО, США и ЕС. В наибольшей степени это было характерно для политических элит Киргизии и Казахстана.

Однако этот вариант прозападного выбора также не лишен противоречий. Ведь ориентируясь преимущественно на интересы, он дает основания для конфликта интересов и ценностей в самом западном мире. Как быть в ситуации, когда в прагматических интересах региональных евроатлантических структур сотрудничать с теми политическими режимами, которые не отвечают их ценностям? Именно с такой дилеммой США и страны ЕС сталкиваются в Центральной Азии¹¹⁷.

При этом и страны региона в сотрудничестве с Западом имеют сходные проблемы: это сотрудничество заставляет правительства ослаблять репрессии и более либерально относиться к оппозиции, что ослабляет местные власти. Более того, западные неправительственные структуры начинают оказывать оппозиционным силам серьезную финансовую помощь. Именно в этом правительство Узбекистана обвинило США после нескольких лет сотрудничества в рамках антитеррористической коалиции. По причине этой взаимной дилеммы наблюдаются постоянные «откаты» центральноазиатских государств от идеи сотрудничества с США и Европой.

Третьим вариантом прозападного выбора, специально адаптированного для тюркско-исламской среды, является «*тюрецкий путь*» в рамках «*тюркского единства*». Ведь Турция, несмотря на сохраняющиеся серьезные проблемы с реализацией универсальных ценностей демократии и прав человека, тем не менее, больше полувека является надежным союзником США и европейских

¹¹⁷ Jones S. D., Olikar O., Chalk P., Fair C. C., Lal R., Dobbins J. Securing Tyrants or Fostering Reform? US Internal Security Assistance to Repressive and Transforming Regimes. RAND, 2006.

стран. «Турецкий путь» представляет собой вестернизаторскую, модернизаторскую и секуляристскую политику, сопровождающуюся военным сотрудничеством с США и НАТО и экономической ориентацией на Европу.

Однако у него масса противоречий и ограничений. Гарантией прозападности Турции всегда была роль армии, периодически устраивавшей военные перевороты. Современная Европа не воспринимает Турцию как страну, соответствующую ее стандартам и ценностям и достигшую достаточного уровня развития для интеграции в ЕС. С другой стороны, в Турции растут исламистские настроения. Классическим способом устранить их было бы очередное вмешательство военных в политику. Однако это не соответствует европейским стандартам. Здесь опять возникает ситуация конфликта западных интересов и ценностей.

В Центральной Азии идеи «турецкого пути» были широко распространены среди политических элит в 1990-е гг. Осознание связанных с ним противоречий и объективно небольшие политико-экономические возможности Турции в дальнейшем привели к уменьшению популярности этой идеи.

Кроме вышеперечисленных, нужно отметить еще целый ряд «проектов», в той или иной мере отвечавших интересам стран Запада: возрождение «Великого Шелкового пути», «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия», внутренняя центральноазиатская интеграция без России и т. д.

Интересно, что области более высокой поддержки прозападных идеологий в Центральной Азии в территориальном разрезе совпадают с областями более высокой поддержки пророссийских идеологий, т. е. с более русифицированными Киргизией и Казахстаном. Это связано с исторической ролью России в модернизации и вестернизации региона.

В. Исламские идеологии

Ислам – чрезвычайно многоликая религия, включающая в себя огромное количество разнообразных измерений и обогатившая человечество многими великими духовными свершениями. Тем не менее, можно вычленивать некие общие социально-политические и психологически-политические последствия, которые вызывает принадлежность того или иного общества к миру ислама.

Известный востоковед-компаративист Л.С. Васильев отмечал следующее: «...мусульманские государства были, как правило, весьма могущественными. Несложная их внутренняя административная структура обычно отличалась простотой и стройностью. Эффективность центральной власти, опиравшейся на принцип власти-собственности, господство государственного аппарата власти и взимание в казну ренты-налога с последующей ее редистрибуцией, подкреплялась, как не раз уже упоминалось, сакральностью власти и покорностью подданных»¹¹⁸. В результате для всех современных исламских государств характерны элементы этатизма, патернализма, непомерно раздутого государственного сектора, нераздельности политико-административной власти и контроля над собственностью, низкой степени экономической свободы. Эти «антирыночные» тенденции еще более усилены специфическим для исламского мира эгалитаризмом, представлением об исходном равенстве возможно-

¹¹⁸ Васильев Л.С. История Востока. Т. 2. М., 2001.С. 184.

стей всех людей и антиэлитизмом. В результате массовые движения в исламских государствах, как правило, антилиберальны.

В не меньшей степени для исламских обществ характерны «чувство совершенства образа жизни в сочетании с всеобщностью и всесторонностью ислама, опутывавшего общество наподобие густой паутины, что всегда было залогом крайнего консерватизма и конформизма мусульман, чуть ли не ежечасно (вспомним об обязательной ежедневной пятикратной молитве!) призванных подтверждать свое религиозное рвение»¹¹⁹. Это часто приводит к очень высокой степени консерватизма, к неприятию инноваций, подозрению ко всякой самостоятельной творческой деятельности. Очень большую роль в росте консервативных настроений сыграло закрытие «врат итджихада» (то есть запрет самостоятельной рациональной интерпретации принципов и норм ислама) в X в.

В сочетании с могуществом патерналистского государства и эгалитаризмом консерватизм исламского мира приводит к очень серьезным сложностям с развитием не только постиндустриальной, но даже индустриальной экономики. Достаточно сложно опровергнуть тот факт, что экономики всех мусульманских обществ носят преимущественно аграрный или сырьевой характер. Из более современных сфер экономики в исламском мире хорошо развиваются только торговля и сфера услуг. Единственным исключением из этого правила являются Малайзия и, до определенной степени, Турция. Однако Малайзия цивилизационно относится к азиатско-тихоокеанскому региону, а ключевую роль в ее экономическом развитии играет китайское меньшинство. Турция же, со времен Ататюрка, проводила последовательную деисламизацию всех сфер жизни.

То обстоятельство, что исламскому миру очень трудно принять либеральную демократию, трудно опровергнуть. Более или менее стабильные демократические режимы характерны только для двух стран: Турции и Ливана. Тем не менее, для Турции характерны периодические военные перевороты, а ее армия в соответствии с заветами Ататюрка считает себя гарантом светского пути развития государства. Демократия в Ливане основывалась на преобладающей роли христиан-маронитов и дестабилизировалась по мере роста влияния мусульманского населения страны.

Важной характеристикой традиционного ислама является его воинственность и склонность к конфликтам с внешним миром. Разумеется, этот мобилизационный потенциал религии реализуется в реальности не столь уж и часто.

Нельзя в соответствии с широко распространенными на Западе заблуждениями в духе «столкновения цивилизаций» считать большинство мусульман мира экстремистами и джихадистами. Традиционные для мира ислама представления о глобальном единстве общины верующих – уммы – достаточно редко принимают характер борьбы за «всемирный халифат». Куда более широкое распространение среди теологов и исламистской интеллигенции получил исламский национализм. Его сторонники выступают за приоритет идей ислама, но в рамках национальных государств. Еще большее количество сторонников в мире ислама имеет модернистская трактовка, которая позволяет

119 Там же.

тем или иным образом согласовывать нормы ислама с требованиями современности. И даже среди сторонников «всемирного халифата» достаточно много приверженцев мирных, просветительских путей борьбы. В этом случае речь идет, скорее, об интеграционном движении внутри исламского общества.

Однако практически среди всех направлений современного ислама идет поиск альтернативных Западу форм внутривнутриполитической жизни и внешнеполитической ориентации. Это характерно даже для большей части исламских модернистов, которым часто свойственна идеология «третьего пути», популизм, социальный консерватизм, этатизм, неприятие либеральной демократии и свободного рынка.

«...исламское движение – умеренно-либеральное или радикальное – ориентировано на поиск “исламского решения” современных, в том числе политических проблем. Однако представление о том, что такое “исламское решение”, у представителей различных политических и социальных сил, идеологов и лидеров разное, каждый по-своему толкует исламские истины. Но общим остается стремление использовать в политике концепцию планетарного единства мусульманской общины, основанную на тезисе, что ислам есть интегрированная социально-политическая, социально-экономическая и социально-культурная система, выступающая против экспансии индустриально развитого евро-американского мира. Сегодня это имеет форму движения исламской солидарности»¹²⁰.

«Альтернативность» ислама в существенной степени реализуется в международно-политической жизни. «Во всем этом просматривается относительная альтернативность всей системы международных организаций исламского мира и норм, которыми они руководствуются, – по отношению к так называемой западной, т. е. предпологаемо неорганичной для исламских государств системе международного права и международных отношений»¹²¹. Более того, исламские организации имеют четкую тенденцию дублировать «западные» глобальные международные организации. ОИК – аналог ООН; Исламская комиссия Международного Красного полумесяца – аналог Международного Красного Креста; Исламский банк развития – аналог Международного банка развития; Исламская организация по образованию, науке и культуре – аналог ЮНЕСКО; Исламская федерация спортивной солидарности – аналог Всемирного олимпийского комитета. Ключевые международные документы также имеют альтернативные исламские аналоги: Всеобщая Декларация прав человека – Исламская декларация прав человека; комплекс международных документов по борьбе с терроризмом – исламский договор о борьбе против международного терроризма ОИК и т. д.¹²².

В целом, исламский мир, несмотря на разделяющие его противоречия, так же, как и Запад, представляет собой целую *коалицию государств*. Ее интегрирует общий цивилизационный фундамент, наличие большого количества международных государственных и неправительственных организаций, распространенное среди масс мусульман ощущение общности и исламской солидарности. Материальным показателем жизнеспособности такой международной коалиции выступает большая финансово-экономическая помощь, ко-

¹²⁰ Левин З.И. Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период. М., 1999. С. 114.

¹²¹ Изнатенко А.А. Самоопределение исламского мира// Ислам и политика. М., 2001. С.8.

¹²² Указ. соч. С.8–9.

торую богатые (прежде всего нефтедобывающие) исламские страны оказывают более бедным. Специфический характер этой помощи заключается в том, что она тесно идеологически увязывается с различного рода «исламскими» целями: исламским просвещением, исламской солидарностью и т. д.

Принадлежность к исламскому миру не должна восприниматься только как проблема. Эта цивилизация дает много позитивных стимулов, полезных в современном мире не меньше, чем в Средние века: высокая степень внешнеполитической солидарности; мощь основанных на исламе государств; возможность массовой мобилизации в случае внешней угрозы; потенциал социально-политической стабильности (восходящий к идеям сакральности власти и совершенства исламского образа жизни); чувство всеобщего равенства и большая социальная мобильность; высокая солидарность и взаимопомощь между разными слоями общества; рационализм высокой исламской культуры; чувство личной ответственности, самоограничение и самодисциплина людей; высокий статус образования и знания (правда, прежде всего, собственно исламского); простота, понятность и эффективность норм исламского права; поощрение торговли и заемно-ссудной деятельности по традиционным нормам; высокая степень основанного на них доверия между предпринимателями; низкая преступность и малая распространенность социальных девиаций благодаря традиционной морали. Все эти черты создают определенный потенциал модернизации в рамках исламского мира, который отмечали многие западные социологи¹²³.

В целом, исламская цивилизация модернизируется с трудом, по сравнению с Азиатско-Тихоокеанским регионом или Индией¹²⁴. Однако огромный потенциал ислама виден там, где он сталкивается с обществами на доцивилизационной стадии развития. Например, в Африке ВВП арабских стран Магриба, имеющих исторически прочный исламский цивилизационный фундамент, на порядок выше ВВП стран, расположенных южнее Сахары. Политическая и социальная стабильность в этих странах также на порядок выше.

Итак, принадлежность к исламскому миру также связана с определенным выбором модели развития для Центральной Азии. Последняя, в той или иной степени, будет альтернативна либеральной демократии и рыночной экономике. В то же время она создает очень серьезный потенциал стабильности, солидарности и порядка.

Полному принятию распространенных в исламских странах идеологий даже в Узбекистане и Таджикистане, где до 1917 г. позиции ислама были сильны, препятствуют два существенных обстоятельства: *очень серьезная трансформация традиционных обществ в ходе советской модернизации и секулярный характер правящих групп*. Последние напрямую являются частью бывшей атеистической советской элиты, либо тесно связаны с ней.

В период перестройки по всей Центральной Азии, как и в других частях СССР, наблюдалось возрождение религии. С начала существования новых независимых государств, как отмечает известный исламовед А. Малашенко, правящие элиты Центральной Азии стремились «использовать религию для консолидации коренного мусульманского этноса и одновременно использо-

¹²³ Gellner E. Up from Imperialism// The New Republic. 1989. May 22. P. 35 – 36; Humphreys S. R. Islam and Political Values in Saudi Arabia, Egypt and Syria// Middle East Journal 1979(Winter). № 33. P. 6 – 7.

¹²⁴ Васильев Л.С. История Востока. Т. 2. М., 2001.

вать ее как один из источников создания общенациональной идеологии¹²⁵». Однако гражданская война в Таджикистане и деятельность радикальных группировок в Узбекистане быстро заставили даже эти два наиболее исламизированных государства перейти к ограничению (или контролю) влияния ислама на политику.

В настоящее время власти всех центральноазиатских государств предпринимают очень серьезные усилия, чтобы превратиться в единственную инстанцию, обладающую правом судить, что соответствует исламу, а что – нет. В частности, для этого используются обвинения любой независимой религиозной позиции в «ваххабизме» (т. е. в заимствовании чуждой традиционному исламу Центральной Азии арабско-ханбалитской интерпретации этой религии, что равно обвинению в исламском экстремизме).

Г. Азиатизм

Азиатизм (или паназиятизм) – достаточно сложный комплекс идеологий, распространенных в современном Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), вплоть до Индии¹²⁶. Единство этих народов возникло благодаря становлению гигантской торговой зоны, связывавшей все страны региона (испытывавшие влияние китайской конфуцианской культуры, индийских буддизма и индуизма, наконец, ислама, пришедшего через Индию) еще до прихода европейцев¹²⁷. В рамках этой зоны происходил также и культурный синтез. Причем движение навстречу друг другу шло с обоих концов Азии. Еще в минскую эпоху (1368–1644 гг.), задолго до европейских Великих географических открытий, китайские военно-торговые флоты огибали всю Азию, доходя до Африки. С другого конца Азии тот же морской путь проложили исламские торговцы из Индии, где уже осуществлялся синтез исламской и индуистско-буддистской культур. Европейские колонизаторы, ставшие доминировать над этими морскими путями с XV – XVI вв., только присвоили себе уже существовавшую систему торговых связей. При этом Китай сохранял роль «мастерской мира» вплоть до опиумных войн (XIX в.), после которых эта роль окончательно перешла к Англии. Однако уже к концу XIX в. все страны этого гигантского региона, кроме Японии (частично, также Китая и Таиланда), представляли собой колонии, полукolonии или зависимые страны.

Начало самой идеологии азиатского единства можно усмотреть в реакции на победу Японии над Россией в войне 1905–1907 гг. До этого среди народов этого обширного международного региона, под влиянием стереотипов европейцев, было распространено мнение о собственной отсталости и даже расовой неполноценности, необходимости полностью отказаться от традиционных ценностей. Тем не менее, успешная военно-экономическая модернизация Японии, сумевшей даже победить великую мировую военную державу, показала, что азиатские народы (связанные с монголоидной расой) способны эффективно ответить на вызовы современности. Более того, оказалось, что при этом могут быть сохранены многие традиционные институты и ценности (как это имело место в Японии). Напротив, именно они могут оказаться базисом эффективности в соревновании с европейцами.

¹²⁵ Малащенко А. Ислам и политика в государствах Центральной Азии// Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4 (5).

¹²⁶ Левин З.И. Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период. М., 1999. С. 121 – 122.

¹²⁷ Бродель Ф. Время мира. Т.3. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 1992. С. 539—552.

Попав в контекст борьбы с колониализмом азиатизм принял вид лозунга «Азия для азиатов». При этом, вполне в духе многих научно-идеологических представлений, распространенных и в Европе того же времени, предполагалось, что за расовым «азиатским» единством прослеживается и единство «азиатских» ценностей и культур. Часто просматривалось и определенное сходство интересов как всех антиколониальных движений в АТР, так и японского экспансионизма, заинтересованного в вытеснении европейцев из Восточной Азии (собственно, японский конструкт, призванный подчеркнуть лидерство Японии в регионе). Так возникли элементы коалиционных взаимодействий между различными азиатскими народами, которые сохранились и воспроизвелись и в послевоенный период.

Япония, много сделавшая для рождения азиатизма, в период войны с Китаем и Второй мировой войны совершила много преступлений, настроивших против нее другие азиатские народы. Тем не менее, именно чудесный экономический подъем Японии после Второй мировой войны привел к изменению характера азиатизма. Наряду с различного рода антиколониальными и антипостколониальными настроениями в него включились представления о социально-экономической модернизации с опорой на традиционные ценности и структуры в торгово-инвестиционном взаимодействии с Западом.

Вслед за Японией возникли новые азиатские «тигры» (Сингапур, Гонконг, Тайвань, Южная Корея). Наконец, процесс бурного экономического роста охватил после реформ Ден Сяопина и Китай, который вновь в 1990-е гг. вернул себе статус «мастерской мира». В настоящее время многие специалисты говорят уже о постепенном переносе центра «тяжести» мировой экономики с Североатлантического в Азиатско-Тихоокеанский регион, происходящем благодаря одновременному экономическому подъему АТР и Тихоокеанского побережья США. Более того, появились даже рассуждения о том, что США и Китай сейчас являются «одной экономикой с двумя разными политическими системами». На Западе, начиная с 1980-х гг., начали делаться попытки заимствовать способы работы азиатских корпораций, прежде всего японских.

В области политической культуры народы АТР объединяет ярко выраженный прагматизм и стремление максимально использовать потенциал традиционных ценностей для социально-экономической модернизации. С точки зрения политических систем, эти страны представляют достаточно пеструю картину. Авторитарные, полуавторитарные или коммунистические режимы, в целом, преобладают. В регионе очень мало демократий. При этом одни из них очень молодые (Южная Корея, Тайвань), другие отличаются специфическими «азиатскими» особенностями (доминирование одной партии в Японии). Таким образом, возникла чрезвычайно привлекательная для многих неевропейских обществ модель развития, сочетающая необычайно успешное развитие рыночной экономики с сохранением существующих социально-политических институтов, часто авторитарного или полуавторитарного типа.

Международное сотрудничество в регионе также стало все больше строиться на основании принципа «азиатские дела должны вершить азиаты». Это видно, например, по работе различных интеграционных структур в АТР. Базисом интеграции в регионе стали «азиатские ценности», противопоставляемые политическому давлению Запада. Зачастую это официально провозглашаемая государственная политика. Так в Малайзии с начала 1980-х гг.

официально объявлена «ориентация на Азию». Сингапур, поддерживающий иммиграцию на свою территорию высококвалифицированных специалистов из других стран, специально поощрял въезд азиатов, а не европейцев, и т. д.

На неформальном уровне азиатские страны также легче взаимодействуют, преимущественно, между собой. В целом, между ними, несмотря на определенные разногласия (например, территориальные споры или претензии к Японии за зверства оккупации), складывается очень эффективная международная коалиция, в ряды которой стараются не пускать носителей «чужих» ценностей. Так, например, АСЕАН отвергла предложение об установлении зоны свободной торговли совместно с соседними Австралией и Новой Зеландией. «Вопрос о слиянии был снят с повестки дня после того, как в октябре 2000 года три ведущих члена АСЕАН – Малайзия, Индонезия и Филиппины – отказались начать соответствующие переговоры. В первую очередь, из-за недовольства регулярными попытками австралийского правительства навязывать этим странам свое видение мира»¹²⁸.

Принятие «азиатской» идентичности могло бы решить многие проблемы развития в Центральной Азии. В частности, оно сняло бы проблему дилеммы «ислам или развитие». Ведь среди успешно развивающихся народов тихоокеанского бассейна есть и мусульмане – малайзийцы. Более того, в АТР не только не требуют демократизации, но, скорее, напротив, поощряют ненавязывание другим слишком «европейских» ценностей. Следовательно, это сняло бы и многие проблемы политических режимов.

Однако здесь возникают два препятствия. Одно – внешнеполитическое, другое – внутривосточное. С точки зрения внешней политики, Центральная Азия может «подключиться» к АТР только через Китай. А это активизирует широко распространенный в регионе страх полностью подпасть под контроль восточного соседа и подвергнуться китаизации.

С внутривосточной точки зрения, членство в АТР – это, прежде всего, экономический динамизм. А он требует снятия очень значительной части опеки государства над экономикой. Элементы контроля властей над экономикой могут сохраниться, но принять принципиально другой вид, чем тот, что существует в постсоветской Центральной Азии, когда власть прямо означает контроль над собственностью, а предприниматели полностью зависят от прихотей бюрократии. Однако это подорвет многие из основ существования нынешних режимов, в которых главная ставка – близость лично к главе государства или к другому начальнику – в соответствии с иерархической пирамидой, означающая возможность бесконтрольного использования той или иной доверенной «сферы кормления».

На уровне деклараций Туркменистан и Узбекистан в начале 1990-х гг. провозгласили приверженность «китайскому пути». Это означало альтернативу курсу на вестернизацию, демократизацию и быстрый переход к рыночной экономике, принятый другими постсоветскими странами (включая Казахстан и Киргизию). Обе страны действительно предпринимали определенные усилия, чтобы поддержать и даже увеличить свой промышленный потенциал. Часто такие попытки делались с опорой на инвестиции из АТР (южнокорейско-узбекское сотрудничество). Однако, в целом, ни открытости мировой

128 Цыганов Ю. Австралия и Восточная Азия// Проблемы Дальнего Востока. 2006. No.2. С. 73—81.

экономики по образцу АТР, ни бурного притока иностранных инвестиций политические элиты Узбекистана и Туркменистана обеспечить не смогли. Основная причина заключалась как раз в их неготовности создать достаточную степень открытости экономик, гарантированности прав собственности и транспарентности административно-политических процессов.

Казахстан в настоящее время также начал приближаться к идеологической «азиатизации». Это произошло по двум причинам. С одной стороны, благодаря удачному распоряжению природными ресурсами, страна, единственная в регионе, продемонстрировала высокие темпы экономического роста. В результате в настоящее время начали формулироваться и программы индустриального и даже постиндустриального развития страны¹²⁹. С другой стороны, Казахстан постепенно отклоняется от европейских представлений о либеральной демократии. Происходит почти пожизненное продление полномочий президента, уже фактически управляющего страной с 1990 г. При этом в парламенте страны в результате последних выборов оказывается только одна партия – президентская «Нур Отан».

В контактах центральноазиатских элит момент расовой общности, послуживший фундаментом возникновения азиатизма, официально не подчеркивался. Хотя такой момент общности для Киргизии и Казахстана действительно присутствует (у многих коренных жителей этих стран монголоидность достаточно явно выражена). Скорее, неоднократно говорилось об историческом характере связей кочевников Центральной Азии с АТР.

Проблемы с «азиатизацией» в «расовой» области есть у более южных стран региона: Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана. Они не только более тесно связаны с исламским миром. Большая часть коренных жителей этих стран в расовом отношении относится, скорее, к европеоидам, чем к монголоидам. В связи с этим в Туркменистане и Таджикистане даже официально поддерживается возведение коренных жителей этих республик к *арийской расе*¹³⁰.

Итак, как же распределяется приверженность различным моделям развития по странам региона? Казахстан и Киргизия имеют существенные черты сходств в избранной их политическими элитами модели синтеза разных идеологий. Либерально-евразийские, либерально-исламские и модернизаторские взгляды, сочетающиеся с указанием на объективные особенности региона, которые не позволяют ему стать полностью похожим на Европу (последнее сочетание модернизаторства с указанием специфических особенностей вполне в духе азиатизма). В этом плане казахстанская и киргизская элиты, по разным параметрам, с точки зрения идеологии, абсолютно *равно приближены* ко всем четырем большим внерегиональным силам.

Распространенные в этих двух странах идеи особой кочевнической цивилизации и евразийства чаще всего интерпретируются местными элитами настолько общо, что они не закрывают возможностей взаимодействовать ни с какими внешними партнерами.

При движении на юг от Казахстана и Киргизии идеологическая ситуация

¹²⁹ См., например, Президентское послание Президента Казахстана Н. Назарбаева, февраль 2008 г.

¹³⁰ См. в связи с этим, например, обвинения современных таджикских идеологов в расизме со стороны узбекских авторов: *Худоятов Г.* Вот так гальча стали арийцами (ответ поклонникам и почитателям Саманидов) // <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1192745880>

меняется. Здесь образцами могут служить Туркменистан и Узбекистан, хотя Таджикистан с опозданием начинает двигаться в том же направлении. По сути, ослабляется степень идеологической ориентации во всех четырех направлениях сразу за счет усиления элементов изоляционистской идеологии. При этом туркменская радикально-националистическая и даже квазирелигиозная идеология «Рухнама»¹³¹, культ Тамерлана в Узбекистане¹³² или Саманидов в Таджикистане¹³³, по сути, также не предоопределяют никакого выбора модели развития. Они лишь закрепляют власть существующих политических элит.

Падение общей идентификации с Западом и Россией в трех описываемых странах отнюдь не сопровождается ростом ощущения идеологической общности с исламским миром. Напротив, преследования против ревностных мусульман в Узбекистане и принуждение мусульман в мечетях поклоняться «Рухнама» наряду с Кораном при Туркменбаши говорят о том, что политические элиты как раз предпринимают серьезные усилия для ослабления этого вектора притяжения. Одновременно в виде компенсации за недостаток этноисторических связей с АТР усиливается и пропаганда азиатистских ценностей в виде сочетания идей экономической модернизации и политического авторитаризма.

Итак, если Казахстан и Киргизия идеологически *равно приближены* ко всем четырем возможным идеологическим ориентациям, то Узбекистан и Туркменистан, скорее, *равно удалены*. Это видно и по проводимым двумя группами стран внешним политикам. Узбекистан и особенно Туркменистан явно склонны к изоляционизму и не хотят активно участвовать ни в каких внерегиональных интеграционных международных организациях. Напротив, Казахстан и Киргизия с радостью участвуют во всех возможных интеграционных объединениях, ориентированных во все стороны света. Таджикистан в силу специфических обстоятельств, связанных с гражданской войной, находится где-то посередине, но начинает продвигаться в сторону Узбекистана и Туркменистана.

Причины неопределенности выбора модели развития и предпочтительных внешних партнеров для стран региона достаточно очевидны. Центральная Азия в настоящее время имеет практически равные основания как принять, так и отвергнуть любую из описанных выше четырех «внешних» идеологических ориентаций. Причем эти причины как внутреннего, так и внешнего характера. История и культура, особенности социально-экономических и политических структур новых независимых государств региона не дают оснований сделать однозначного выбора ни в какую сторону.

Любое из четырех описанных выше «внешнеориентированных» идеологических направлений, будучи последовательно применено во внутренней политике, по той или иной причине подорвет позиции нынешних политических элит, а вместе с этим, и стабильность государств. Так, например, выбор в пользу России будет означать, до определенной степени, возврат к идеологи-

131 Туркменбаши Сапармурат. Рухнама. Т. 1. Ашгабад: Туркменская Государственная издательская служба, 2002; *Türkmenbaşy Saparmyrat*. Ruhnama (Ikinji kitap). Tuerkmenin ruhy beyikligi. Ashgabat: Tuerkmen doewlet neshiryat gullugy, 2004.

132 Амир Темур в мировой истории. Ташкент, 2002.

133 Абдуллаев С. Феномен Саманидов. В этом году будет отмечаться 1100—летие первого независимого таджикского государства// Независимая газета. 16 апреля 1999 г.

ческим символам российской и советской эпох, в то время как легитимность новых политических элит зиждется на национализме новых государств. Прозападная политика будет означать необходимость демократизации, что воспринимается политическими лидерами как добровольная отдача власти и связанного с ней контроля над собственностью. Ориентация на мир ислама подрывает позиции светской элиты, восходящей ко временам официального атеизма. Выбор в пользу «азиатизма» требует перераспределения влияния в обществе в пользу динамичных групп, связанных с бизнесом. А это разрушит политэкономический базис, на котором основаны нынешние властные структуры.

Поэтому наиболее выгодным для нынешних элит вариантом государственной идеологии и модели развития, с точки зрения внутривнутриполитических соображений, безусловно, является какая-то *ни к чему во внутренней политике не обязывающая, но и ничему не препятствующая модель.*

Тем не менее, такое отсутствие четкого внутривнутриполитического выбора также означает выбор. Это – выбор в пользу застоя, неопределенности и нестабильности. В целом, отсутствие четко ориентированной модели развития сближает Центральную Азию с Африкой южнее Сахары, где как раз наблюдается сходная ситуация неопределенного цивилизационного выбора. Поэтому и продолжение подобной политики может, в долгосрочной перспективе, привести центральноазиатские государства к сходным результатам – они превратятся в несостоявшиеся государства (failed states).

С точки зрения внешней политики, пока трудно сказать, каковы будут в ближайшие десятилетия перипетии взаимодействий и соотношение сил между странами Запада, миром ислама, Китаем и Россией. В этом «четырёхугольнике» окружающих Центральную Азию сил не меньше шести неизвестных переменных (Запад – ислам, Запад – Китай, Запад – Россия, ислам – Китай, ислам – Россия, Россия – Китай). В результате, центральноазиатским элитам непонятно, на кого из внешних союзников можно сделать ставку, не рискуя при этом испортить отношения с кем-то другим, не менее существенным.

В описанной выше сложной внутри- и внешнеполитической ситуации происходит просто систематическое *откладывание выбора.* Принимаются такие идеологические идентичности, которые утверждают независимость государств Центральной Азии, укрепляют позиции нынешних политических элит, и одновременно оказываются максимально неопределёнными по отношению ко всем возможным внешним партнерам. Это позволяет поддерживать условия, при которых вовне можно сотрудничать со всеми сразу. Однако платой за такое откладывание выбора становится повышение внутривнутрирегиональной неопределенности и провоцирование конфликтов внешних сил, начинающих бороться за идентификацию региона «в свою пользу». А эта борьба обрекает государства региона либо на изоляционизм по образцу Туркменистана при Туркменбаши, либо на бесконечное маневрирование во всех возможных направлениях по образцу других четырех стран.

В целом, в существующих в настоящий момент в Центральной Азии официальных идеологиях возникает картина беспорядочного смешения разных исторических времен и цивилизаций.

Наиболее вопиющим примером здесь является «Рухнама» в Туркменистане, явно напоминающая какой-то постмодернистский роман в стиле Борхеса,

Маркеса, Павича или Памука... Однако подобная судьба не обошла и другие центральноазиатские страны. Вот что отмечают местные исследователи по поводу национальной идентичности, существующей в Киргизии, который долго считался наиболее вестернизированной страной региона. «...сегодня мы как в “машине времени” можем наблюдать смешение различных цивилизационных представлений. Отказавшись от советской парадигмы развития, еще не вступили в стадию либерально-демократического развития. При этом управленческая система так и осталось советской, а формальное устройство государства, как и провозглашено, копирует демократическую модель. Пытаясь дистанцироваться от традиционного общества, мы наблюдаем “возвращение” ислама и других религий, а также традиций. Мы позиционируем себя как цивилизованное, светское государство, но говорить о легитимной демократии все еще рано. В нашем обществе, действительно, представлен калейдоскоп всех ступеней развития цивилизации»¹³⁴.

Неопределенная идеологическая ориентация и неопределенная модель развития прямо связаны с особенностями политических систем. Важной характеристикой всех их, — вне зависимости от того, имеют ли они номинальные демократические институты (Киргизия и Казахстан) или нет (все остальные), — являются *персоналистские политические режимы* (последние зачастую называют также, вслед за М. Вебером, и *султанистскими*)¹³⁵. Реальное управление осуществляется президентом страны через систему патронажно-клиентельных сетей. Последние зачастую конкурируют как друг с другом за доступ к президенту, так и с самим президентом за степень контроля ресурсов. Динамика этой конкуренции полностью объясняет характер соответствующих режимов и причины их эволюции¹³⁶.

Широкий социальный контекст, в котором существуют такие политические режимы, определяется теориями *патримониализма* и *неопатримониализма*.

Теорию патримониализма впервые создал Макс Вебер в работе «Хозяйство и общество». Спецификой этой системы является то, что государство управляется как частное владение правящих групп, которые рассматривают различные общественные функции и государственные институты как свою собственность¹³⁷. Такая специфическая форма организации власти была характерна, прежде всего, для древневосточных обществ. Исследование современных развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки показало, что и в них существуют элементы патримониализма¹³⁸.

Дальнейшее развитие этой теории произошло в работах Шмуэля Эйзен-

¹³⁴ *Ногойбаева Э.* Формирующиеся образы и символы Кыргызстана. Рукопись.

¹³⁵ *Sultanistic Regimes/ H. E. Chehabi, Juan J. Linz (eds.).* Baltimore, MD, and London: The Johns Hopkins University Press, 1998. При этом корни центральноазиатского султанизма авторы прослеживают в советской системе управления.

¹³⁶ *Collins K.* Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. New York, Cambridge University Press, 2006.

¹³⁷ *Weber M.* Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology. 2 Vols. Berkeley: University of California Press, 1978; *Вебер М.* Традиционное господство// Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Вып. 2. Харьков: Константа, 2004.

¹³⁸ *Roth G.* Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States// World Politics. 1968. № 20 (2); *Theobald R.* Patrimonialism// World Politics. 1982. № 34 (4); *Medard J.-F.* The Underdeveloped State in Tropical Africa: Political Clientelism or Neo-Patrimonialism// Private Patronage and Public Power. Ed. by Ch. Clapham. New York: St. Martin's Press, 1982; *Murvar V.* Patrimonialism, Modern and Traditionalist: A Paradigm For Interdisciplinary Research on Rulership and Legitimacy// Theory of Liberty, Legitimacy, and Power: New Directions in the Intellectual and Scientific Legacy of Max Weber. Ed. V. Murvar. London: Routledge & Kegan Paul, 1985.

штадта¹³⁹, который ввел понятие «неопатримониализма». Последний является вариантом современного общества, в отличие от обществ чисто патримониальных. Тем не менее, он имеет следующие специфические характеристики. Все политические, экономические и символические ресурсы концентрируются в политическом центре, а всем остальным группам и слоям общества доступ к этим ресурсам закрыт. При этом представители власти воспринимают различные общественные функции и институты как свою частную собственность. В результате происходит «сращивание» политики и экономики, где основными игроками являются одни и те же патронажно-клиентельные сети. В политике, в результате, формальные институты и идеологии превращаются в фикцию, в ширму реальных сетевых взаимодействий. В экономике определяющим становится рентоориентированное поведение.

Кроме того, неопатримониальная система закрепляет различные архаические формы социальной организации¹⁴⁰. В частности, она «вписывает» в политическую и экономическую систему современных центральноазиатских государств такие архаичные структуры, как родо-племенные общности (у туркмен, казахов, киргизов) или регионально-субэтнические группы (у узбеков, таджиков, киргизов).

Ш. Эйзенштадт связывает ключевые характеристики неопатримониальных социумов с «доосевыми обществами», т. е. с обществами, не принадлежащими к высоким цивилизациям, созданным универсальными мировыми религиями, такими, как конфуцианство¹⁴¹, христианство или ислам. Неопатримониальные общества на новом уровне воспроизводят некоторые характеристики обществ патримониальных.

В этом плане ориентированные на какие-либо культурно-идеологические системы модели развития оказываются лишь внешним прикрытием для персоналистской и неопатримониалистской власти. Последняя легко может использовать практически любые (либерально-демократические, исламские, азиатистские) лозунги, а также может заявлять о приверженности любой модели развития, используя в реальности все ту же схему управления государством как личной собственностью. Напротив, «амальгамирование» разнородных лозунгов и ценностей оказывается весьма характерным для многих режимов подобного рода. В частности, именно это «беспорядочное смешение пространств и времен» в идеологии и практике неопатримониализма описал г. Маркес в знаменитом романе «Осень патриарха».

Отказ центральноазиатских политических элит от какого-либо цивилизационного выбора напрямую связан с утвердившимися в этих странах особенностями неопатримониальных политических систем. Это ведет к чрезвычайно важным внешнеполитическим последствиям. Если бы центральноазиатские страны имели какую-то устойчивую цивилизационноориентированную модель развития, связывающую их с ключевыми силами современного мира, то это служило бы гарантией наличия каких-то устойчивых внешнеполити-

139 Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.

140 Указ. соч. С. 324–359.

141 Правда, сам Эйзенштадт понимает конфуцианство, скорее, как неуниверсальную, доосевую религию. Буддизм же, который является «осевой» религией образует патримониальные общности в силу присущего ему аполитизма и потусторонности ориентации. См. Указ. соч.

ческих интересов страны. В реальности же интересы центральноазиатских стран полностью отождествляются с интересами патронажно-клиентельных сетей, контролирующего государство. Поскольку эти конфигурации основаны на различного рода личностных факторах, они чрезвычайно нестабильны. Поэтому и выбор ключевых международных партнеров становится также нестабильным.

Взаимосвязь между неопатримониальной системой и специфической ситуацией исторически заданной геополитической неопределенности в Центральной Азии, описанной выше, является как прямой, так и обратной. С одной стороны, геополитическая неопределенность напрямую задает невозможность выбора модели развития, связывающей регион с какой-то из коалиций внешних игроков. Это делает неизбежным наблюдаемый в регионе расцвет неопатримониализма. С другой стороны, неопатримониальные системы консервируют отказ от выбора каких-либо моделей развития, так как они способны подорвать власть существующих элит.

У центральноазиатского неопатримониализма есть одно важное следствие, к анализу которого мы обратимся ниже. Контакты внешних партнеров (как политических, так и экономических) с центральноазиатскими государствами неизбежно должны строиться на взаимодействии с патронажно-клиентельными сетями, группирующимися вокруг властного центра. При этом результаты таких взаимодействий, как правило, чрезвычайно нестабильны в силу нестабильности самих этих сетей. Поэтому чрезвычайно нестабильной и неопределенной оказывается и вся представленная в регионе система интересов: как самих новых независимых государств региона, так и их внешних партнеров.

3. Внешняя политика и объективные политико-экономические интересы стран Центральной Азии

В советский период центральноазиатские республики политически и экономически были отделены от внешнего мира «железным занавесом» и связаны преимущественно с другими бывшими советскими республиками. Степень их внутренней экономической кооперации также была достаточно высокой по сравнению с настоящим временем (у советских республик межреспубликанская торговля составляла от 57 до 78 % их валового производства).

Как показывает анализ основных направлений внешней торговли новых независимых государств, *после распада СССР достаточно быстро восстановились традиционные пестрота и многовекторность внешнеполитических и внешнеэкономических интересов региона*. Этот процесс «восстановления старых культурных, исторических, религиозных и коммерческих связей»¹⁴² начался уже в конце периода горбачевской «перестройки». В результате, в настоящее время интересы центральноазиатских государств достаточно «разбросаны» не только по разным странам-партнерам, но и по ключевым регионам мира (постсоветское пространство, Европа и Северная Америка, АТР и Китай, ис-

142 Crosse B. Central Asia Rediscovered Its Identity// New York Times. 24 June 1990. E3.

ламский мир). Ниже мы показываем это на примере таблиц, где демонстрируются основные внешнеэкономические партнеры государств Центральной Азии в 2004 – 2006 гг.

В то же время речь не идет о «нормальной» диверсификации экспорта и импорта, характерной для развитых стран, поскольку доля основных 5 внешнеторговых партнеров для всех стран региона превышает 50%! Иными словами, для всех центральноазиатских государств сохраняется очень высокая зависимость от небольшого набора торговых партнеров.

Второй внешнеэкономической тенденцией стала *очень слабая степень торговых связей стран региона друг с другом*. У этого есть две причины. Во-первых, они производят, как правило, различные виды сырья (часто, сходного) и, следовательно, нуждаются в рынках промышленно развитых стран. Во-вторых, между государствами региона отсутствует эффективная внутрорегиональная интеграция, а для торговых взаимодействий нет какого-либо институционального базиса. Никто в регионе не готов поступаться своими краткосрочными интересами ради создания долгосрочных рамок взаимодействия. В конечном итоге, мы видим воссоздание традиционной для этой части мира «пестроты» и внешнеориентированности.

Так, доля других стран Центральной Азии во внешнем товарообороте Казахстана, имеющего крупнейшую в регионе экономику, даже в лучшие годы не превышала 3%, а с учетом нелегальной торговли и контрабанды (включая наркосоставляющую) – 5–6%¹⁴³. Кризис развивающихся рынков 1997–1998 гг., резко усиленный российским дефолтом в августе 1998 г., привел к таможенной войне между центральноазиатскими странами, формально являвшимися членами такой интеграционной структуры, как «Центральноазиатское экономическое сообщество». Например, Узбекистан периодически перекрывал поставки газа в Киргизию, а Казахстан отключал Узбекистану международную телефонную связь. Поезда из Туркменистана и вовсе грабились на узбекской границе. Конфликты и разногласия между странами Центральной Азии чрезвычайно многочисленны, они вообще могут составить отдельный предмет исследования.

С 1991 г. по настоящее время можно выделить некие ключевые внешнеторговые закономерности, например, неуклонное уменьшение доли России и других постсоветских государств и постепенное увеличение доли стран ЕС и Китая. Однако третьей характерной чертой оказалась нестабильность основных направлений внешнеэкономических связей стран региона. Иерархия основных торговых и инвестиционных партнеров постоянно меняется. Очевидно, что описанная тенденция тесно связана с традиционной «пестротой» внешних ориентаций региона и высокой изменчивостью клановой политико-экономической жизни в неопатримониальной системе.

143 Жуков С., Резникова О. Экономическое взаимодействие на постсоветском пространстве// Кавказ & Глобализация. Журнал социально-политических и экономических исследований. 2006. Том 1 (1).

Таблица 1. КАЗАХСТАН:
ОСНОВНЫЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ПАРТНЕРЫ, 2006 г.¹⁴⁴

Место/ доля в торговле	Страна и доля в торговле %	
	Экспорт	Импорт
Доля 5 основных партнеров	53	63
1	Германия — 12,4	Россия — 36,4
2	Россия — 11,6	Китай — 19,3
3	Китай — 10,9	Германия — 7,4
4	Италия — 10,5	
5	Франция — 7,6	

Таблица 2. КИРГИЗИЯ:
ОСНОВНЫЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ПАРТНЕРЫ, 2006 г.¹⁴⁵

Место/ доля в торговле	Страна и доля в торговле %	
	Экспорт	Импорт
Доля 5 основных партнеров	80	69,9
1	Швейцария — 26,1	Россия — 38,1
2	Казахстан — 20,4	Китай — 14,4
3	Россия — 19,3	Казахстан — 11,7
4	Афганистан — 9,4	США — 5,7
5	Китай — 4,8	

Таблица 3. ТАДЖИКИСТАН:
5 ОСНОВНЫХ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ПАРТНЕРОВ, 2006 г.¹⁴⁶

Место/ доля в торговле	Страна и доля в торговле %	
	Экспорт	Импорт
Доля 5 основных партнеров	87,3	62,2
1	Нидерланды — 40,7	Россия — 24,6
2	Турция — 31,7	Казахстан — 10,8
3	Иран — 5,4	Узбекистан — 10,2
4	Узбекистан — 4,8	Китай — 8,6
5	Россия — 4,7	Азербайджан — 8

Таблица 4. УЗБЕКИСТАН:
5 ОСНОВНЫХ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ПАРТНЕРОВ, 2006 г.¹⁴⁷

Место/ доля в торговле	Страна и доля в торговле %	
	Экспорт	Импорт
Доля 5 основных партнеров	59,2	68
1	Россия — 23,7	Россия — 27,6
2	Польша — 11,6	Южная Корея — 15,1
3	Китай — 10,4	Китай — 10,3
4	Турция — 7,6	Германия — 7,8
5	Казахстан — 5,9	Казахстан — 7,2

¹⁴⁴ По данным ЦРУ — <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tx.html>

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же.

Таблица 5. ТУРКМЕНИСТАН:
ОСНОВНЫЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ПАРТНЕРЫ, 2006 г.¹⁴⁸

Место/ доля в торговле	Страна и доля в торговле %	
	Экспорт	Импорт
Доля 5 основных партнеров	53	63
1	Германия — 12,4	Россия — 36,4
2	Россия — 11,6	Китай — 19,3
3	Китай — 10,9	Германия — 7,4
4	Италия — 10,5	
5	Франция — 7,6	

Те же самые тенденции (пестрота и географическая разбросанность; отсутствие серьезного интереса друг к другу; нестабильность внешних интересов и их иерархии) видны и при более комплексном анализе внешнеполитических приоритетов стран региона.

Таблица 6. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И ПРИОРИТЕТЫ
СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 2007—2008 гг.¹⁴⁹

Страна	Сферы интересов и партнеры	Внешнелитические интересы и приоритеты	Тип внешней политики
Казахстан	Экономическая сфера — Россия, Китай, постсоветские государства, США, ЕС. Военно-политическая сфера — Россия, Китай, США	1. Многовекторная политика. 2. Общие интеграционные проекты с Россией. 3. Общие инвестиционные проекты с Китаем. 4. Сотрудничество с американскими и европейскими нефтегазовыми и другими крупными сырьевыми компаниями. 5. Военное сотрудничество с НАТО и США (строительство военно-морской базы в Атырау)	Открытая внешняя политика. Сильный акцент на интеграцию
Узбекистан	Экономическая сфера — Россия, Китай, страны АТР. Военно-политическая сфера — Россия и Китай.	1. Трения с США и ЕС. Игра на геополитической конкуренции их с Россией и Китаем. 2. Заинтересованность во внешних инвестициях, особенно, из АТР, Китая и России. 3. Интерес к Пекину и Москве как к странам, выдвигающим минимальные требования к соблюдению прав человека и демократических стандартов. 4. Военная база НАТО (Германия) в Термезе.	Элементы изоляционизма. Акцент на двусторонние отношения
Киргизия	Экономическая сфера — ЕС, Россия, Китай, США, Казахстан. Военно-политическая сфера — Россия, Китай, США	1. Многовекторная политика. 2. Заинтересованность в инвестициях со стороны всех возможных внешних партнеров. 3. Большие миграционные потоки в Казахстан и Россию 4. Военные базы НАТО (США) и России	Открытая внешняя политика. Сильный акцент на интеграцию
Таджикистан	Экономическая сфера — ЕС, Россия, Китай, США, Казахстан, Иран Военно-политическая сфера — Россия, Китай, ЕС, США	1. Заинтересованность в инвестициях со стороны всех возможных внешних партнеров. 2. Большие миграционные потоки в Россию и Казахстан. 3. Военные базы России, НАТО (Франции), есть информация об интересе Индии к открытию военной базы в Айни	Умеренный акцент на интеграцию. Соединение элементов закрытой и открытой внешней политики

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Часть таблицы взята нами из работы: *Самнаев Д.* Эффект присутствия. Возвращение России в Центральную Азию активизировало большую игру за регион// Независимая газета. 2006. 27 марта.

Страна	Сферы интересов и партнеры	Внешнеполитические интересы и приоритеты	Тип внешней политики
Туркменистан	<p>Экономическая сфера — Россия, ЕС, США, Китай, Украина, Иран, Афганистан, Индия, Пакистан, Турция</p> <p>Военно-политическая сфера — официально признанный ООН нейтральный статус</p>	<p>1. Зависимость в экспорте газа от российской инфраструктуры.</p> <p>2. Многовекторность газово-экспортной политики.</p> <p>3. Поиск альтернативных маршрутов экспорта газа. Основные заинтересованные стороны — Китай, ЕС и США, Турция, Индия, Пакистан, Иран.</p> <p>4. Использование США базы Мары-2 для доставки грузов в Афганистан</p>	Жесткий изоляционизм. Акцент на двусторонние отношения

Приведенная выше таблица показывает очень широкий разброс интересов и приоритетов новых независимых государств Центральной Азии. При этом можно выделить следующие важные тенденции.

1. Все они, в разной степени, проводят многовекторную политику, ориентированную на сотрудничество с как можно большим количеством внешних партнеров. Это вызывает необходимость членства в очень разнообразных региональных организациях, представляющих абсолютно разные регионы мира.

При этом государства региона по характеру внешней политики четко делятся на две группы. В одну входят Казахстан и Киргизия. Они стремятся к максимальной открытости для интеграции во всех возможных направлениях. При этом оба государства охотно участвуют в работе различных международных организаций и всегда выступают за расширение интеграции в их рамках (хотя и отнюдь не всегда столь же охотно соблюдают накладываемые этим ограничения). В другую группу входят Узбекистан и Туркменистан. Они предпочитают не уступать многосторонним международным организациям полномочия национальных государств. Несмотря на членство в различных региональных организациях, предпочтительными для них являются двухсторонние отношения. При этом Туркменистан в последние периоды правления Туркменбаши проводил и вовсе ярко выраженную изоляционистскую политику. Таджикистан находится где-то посередине между этими двумя группами государств, хотя в последнее время он, скорее, эволюционирует в сторону второй модели. Очевидно, что эти особенности внешнеполитических ориентаций тесно связаны с особенностями национальной идентичности и политической культуры (см. в предыдущем разделе).

2. В разных сферах (экономика, политика) имеются разные ключевые партнеры. Ни в целом во всех сферах, ни даже в какой-то одной сфере ни для одной центральноазиатской страны невозможно выделить доминирующего внешнего партнера. Их давление везде сбалансировано, что позволяет центральноазиатским лидерам постоянно «играть» на противоречиях внешних сил. Например, Узбекистан «разыгрывает» в настоящее время Китай и Россию против США. Туркменистан же стремится «организовать» как можно большую конкуренцию среди потенциальных покупателей своего газа. Все это связано с чрезвычайной культурно-исторической многовекторностью и «пестротой» региона.
3. Важно отметить, что на протяжении небольших периодов времени происхо-

дит постоянная быстрая смена иерархии внешних партнеров в интересах правящей группы. То есть, разные внешние влияния не только вступают в борьбу друг с другом, но они еще и нестабильны во времени. Так, Узбекистан после Андижанских событий переориентировался с США в сторону преимущественного взаимодействия с Россией и Китаем. Таджикистан, по мере консолидации режима Э. Рахмона, все больше наращивает многовекторность своей внешней политики, уменьшая «долю» российского влияния. Позиции внешних сил в Туркменистане прямо пропорциональны основным направлениям экспорта газа. Поэтому строительство газопровода в Китай в ближайшем будущем приведет к резкому усилению его позиций. В Киргизии, по мере консолидации власти К. Бакиева, усиливается военно-политическое влияние России и Китая и ослабевает влияние Запада. Казахстан в последние годы все сильнее начинает экономически влиять на Таджикистан и, особенно, Киргизию. Описанная тенденция тесно связана с высокой изменчивостью клановой политико-экономической жизни в неопатримониальной и персоналистской системе.

В целом, все описанные выше внешнеполитические интересы и приоритеты стран Центральной Азии: а) весьма неопределенны как в плане выбора ключевых внешних партнеров, так и в плане определения региона мира, на который они ориентируются; б) чрезвычайно нестабильны во времени.

Более того, центральноазиатские государства, напротив, *имеют очень существенный интерес в вовлечении в регион внешних сил*, которые бы позволили им решить комплексные задачи выживания и внутреннего развития. Как отмечает Е. Яценко, директор практически единственного российского научного фонда, реально работающего в регионе: основной интерес центральноазиатских стран — «получение предложения, решающего весь комплекс имеющихся проблем — от экономических до цивилизационных. В свое время принадлежность к Советскому Союзу предлагала именно такое решение: защиту от внешних угроз и подавление экстремизма, доступ к технологиям и инфраструктуре, интеграцию в союзные и международные хозяйственные связи, гарантии соблюдения интересов местных элит, гуманитарное развитие. Сегодня национальное руководство стран Центральной Азии ищет новый вариант комплексного решения, иной по сравнению с временами СССР»¹⁵⁰.

В то же время, здесь наблюдается определенный парадокс. С одной стороны, центральноазиатские государства нуждаются в каком-то внешнем партнере, который, как это делала Россия в советские времена, сможет решать комплексные проблемы региона. С другой стороны, как мы показали выше, по совокупности очень серьезных внутривнутриполитических и внешнеполитических причин, имеющих глубокие исторические корни, они не готовы сделать выбор в пользу какого-то *одного* ключевого партнера. Поэтому в настоящее время они пытаются «втянуть» в регион как можно больше разнообразных сил.

С этой целью все центральноазиатские государства проводят «многовекторную» внешнюю политику, заключающуюся в готовности сотрудничать с любыми внешними партнерами (Россия, США, Китай, страны ЕС, Турция, исламские государства и т.д.), готовыми помочь в решении проблем региона (как международно-региональных, так и внутренних). Однако их политиче-

150 Яценко Е. Геополитика: Не проиграть в Центральной Азии// Ведомости. 2007. №166 (1940). 5 сентября.

ские элиты, войдя во вкус независимости, позволяющей им монопольно распоряжаться ресурсами целых стран, пока не готовы отдать какой-то внешней силе «контрольный пакет». Более того, они зачастую используют сотрудничество с одной из крупных внешних стран как дополнительный аргумент в пользу привлечения к себе интереса ее международных конкурентов. Иными словами, многовекторная политика часто включает в себя «разыгрывание» одного партнера против другого.

Такая многовекторная политика центральноазиатских стран, направленная, по преимуществу, вовне, и приводит к сохранению «размытости» региона. Ведь ключевые партнеры ищутся новыми независимыми государствами во всех возможных географических направлениях.

В ситуации преобладания в Центральной Азии центробежных сил возникает конструирование ее как международного региона внешними силами. При этом каждая из внешних сил пытается сформировать регион в соответствии с собственными интересами, т. е. прежде всего создать в нем такие институты, которые бы способствовали долгосрочному вовлечению Центральной Азии в сферу влияния соответствующей державы. Поскольку разные вовлеченные во взаимодействие страны представляют различные регионы с разнообразными региональными порядками, то они и стремятся «подключить» Центральную Азию к соответствующей части мира. Таким образом, региональная идентичность «размывается» еще больше.

Парадокс при этом заключается в том, что сохраняющееся пока единство региона создается в результате не работой центробежных сил, а определенным равновесием центростремительных. Центральная Азия в настоящее время существует как отдельный международный регион потому, что разнонаправленные внешние силы не дают друг другу окончательно растворить этот регион в других, прилегающих регионах мира.

Важно подчеркнуть, что многовекторность внешних политик новых независимых государств Центральной Азии сама по себе – не краткосрочное явление. *Это – феномен уже в масштабах почти двух десятилетий, и он, при отсутствии каких-то серьезных изменений в существующей структуре мировой политики, вряд ли исчезнет за сроки меньше, чем десятилетия.*

Более того, мы также отмечаем наличие очень глубокой исторической традиции многовекторности в регионе, насчитывающей века, если не тысячелетия. *Ведь ситуация с исторической конкуренцией различных способов именовать и определять этот регион, большое количество разнонаправленных культурных влияний, а также сложившаяся в результате «пестрота» Центральной Азии как раз и указывают на то, что эта территория на протяжении столетий представляла собой арену битвы разных центробежных сил.*

4. Исторические особенности внешних политик номадических обществ и участие современных государств Центральной Азии в международных организациях

Исторические корни существующей в современной Центральной Азии многовекторности, проявляющейся в членстве в разнообразных региональных международных организациях, можно искать не только в комплексных исторических особенностях региона, но и в специфических внешнеполитических традициях, характерных для народов Великого шелкового пути¹⁵¹. Очевидно, что как тюркские, так и иранские по происхождению народы, кочевые или оседлые, много столетий живя вдоль трассы одной из ключевых транспортных артерий мира, привыкли к многовекторности внешних ориентаций¹⁵². Мы подробнее разбирали эту проблему выше.

Особенно такая многовекторность характерна для кочевников (а это важно потому, что военно-политическая элита региона на протяжении столетий комплектовалась преимущественно из них). В случае последних следует особо рассмотреть специфические способы их взаимодействия с соседними крупными оседлыми цивилизациями (вроде китайской, иранской или русской).

Взаимодействие кочевников с крупными соседними странами всегда было одним из важнейших мотивов образования у них централизованных государств, поскольку почти никакого внутренне-экономического смысла в кочевых государствах нет. При этом кочевники всегда нуждались в какой-то системе обмена с соседними оседлыми народами, которую отнюдь не во всех случаях могла обеспечить простая меновая торговля¹⁵³. Так возникали очень сложные системы «дистанционной эксплуатации» оседлого населения, включавшие в себя регулярные набеги, дань и неэквивалентную торговлю.

Однако эти способы «работали» лишь до тех пор, пока кочевые державы были сильнее соседних оседлых. В противном случае кочевники часто *номинально* признавали господство соседнего правителя в обмен на вполне реальные регулярные подарки. Например, часть хунну под предводительством шаньюя Хуханье приняла официальный вассалитет от Хань. За это император обеспечивал свое небесное покровительство шаньюю и дарил ему как вассалу ответные подарки. «Понятно, что “дань” вассала имела только идеологическое значение. Однако ответные “благодарительные” дары были даже намного больше, чем ранее (когда хунну осуществляли военное доминирование над Китаем. —А.К.). Кроме того, по мере необходимости шаньюю получал от Китая земельные продукты для поддержки своих подданных»¹⁵⁴.

«Китайские династии... понимали, что принятие подданства кочевника должно сопровождаться экономическими стимулами в виде подарков, ор-

¹⁵¹ А также, как мы указывали выше, оживленных торговых путей в Индию и Поволжье.

¹⁵² Худяков Ю.С. Иранско-тюркский культурный симбиоз в Центральной Азии// Проблемы политогенеза кыргызской государственности. Документы. Исследования. Материалы. Бишкек, 2003. С. 134—139.

¹⁵³ Крадин Н.Н. Кочевники, мир — империи и социальная эволюция// Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 314—336; Khazanov A.M. Nomads and the Outside World. Cambridge: Cambridge University press, 1984.

¹⁵⁴ Крадин Н.Н. Кочевники, мир — империи и социальная эволюция// Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 323.

ганизации меновой торговли, поощрения честолюбивых устремлений знати путем присвоения различных титулов и отправки почетных невест»¹⁵⁵.

Иными словами, номинальное принятие подданства или союза служило для кочевников способом организации той же самой системы неэквивалентного обмена или вымогательства у соседних больших оседлых держав, но в ситуации, когда военное превосходство было не на их стороне.

Другим традиционным методом ведения внешней политики кочевниками, которое полностью разрушает стереотип об их «неискушенности», было «разыгрывание» одной крупной внешней силы против другой. Например, крымские татары в отношениях между Москвой и Литвой «постоянно играли на “повышение курса”, мотивируя это тем, что противоположная сторона дает больше»¹⁵⁶. Примерно так же вели себя до этого половцы, вписываясь в отношения между древнерусскими княжествами.

Сочетание двух описанных выше стратегий: вымогательства, связанного с игрой на «повышение курса», и номинального подданства в обмен на реальные ресурсы, давало «игру в лояльность в связи с разжиганием конкуренции между крупными оседлыми державами». Так, например, кочевой народ мог признавать подданство или союзничество сразу нескольких соседних государств, требуя от них все больших подарков или других экономических уступок, мотивируя это тем, что «другая держава дает больше». То есть создавалась «система торговли подданством», которая приносила выгоду в виде подарков номинальных сюзеренов или союзников¹⁵⁷. Даже если иногда номинальное подданство и влекло за собой реальную службу оседлым владыкам, то ее кочевники воспринимали традиционно как выгодный временный договор, который всегда можно расторгнуть.

Именно такая тактика возобладала в Центральной Азии в XVIII–XIX вв. В это время как раз произошло изменение военной технологии, которое радикально поменяло соотношение сил не в пользу кочевников¹⁵⁸.

Так, например, номинальным верховным сюзереном оседлых и кочевых народов Центральной Азии (как мусульман-суннитов) мог считаться турецкий султан¹⁵⁹. Они также часто объявляли свою покорность другим, территориально более близким мусульманским владыкам (Бухарскому эмиру, Хивинскому и Кокандскому ханам). Одновременно, в соответствии с официальной доктриной «Срединной империи», они считались, по крайней мере потенциально, подданными китайского императора. При этом иногда, к своей выгоде, они этого не отрицали. Наконец, когда в регионе появилась Российская империя, многие кочевники (например, казахи Младшего жуза или прикаспийские туркмены при Петре I) добровольно объявляли себя и подданными «белого царя» (ак-падишаха).

Однако для самих кочевников это ничего не значило. «...в добровольном подданстве киргизов всем чужеземным правительствам должно видеть не решительное намерение оставаться под властью их или желание сим способом

¹⁵⁵ Бисенбаев А. Другая Центральная Азия. Гл. 7// <http://www.kyrgyz.ru>

¹⁵⁶ Крадин Н.Н. Кочевники, мир — империи и социальная эволюция// Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 325; См. также Худяков Ю.С. История дипломатии кочевников Центральной Азии. 2-е изд. Новосибирск, 2003.

¹⁵⁷ Бисенбаев А. Другая Центральная Азия. Гл. 7// <http://www.kyrgyz.ru>

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ В качестве наследника власти халифов.

вести у себя спокойствие и порядок, но необходимость искать защиты или надежда получить какие-нибудь выгоды в торговле. Нередко побудительной причиной подданства их бывает властолюбие начальников, предполагающих усилить покровительство могущественной державы или, наконец, просто желание их получить богатые подарки от того владельца, которому они покоряются... Частые нападения на военные линии наши, отгоны лошадей, увлечения в плен людей, разграбления караванов, сражения с нашими отрядами и множество подобных происшествий показывают, какое понятие имеют киргизы о подданстве своем России. Также поступают они и с другими соседственными державами, которые называют их подданными своими¹⁶⁰». В связи со всем этим кочевники были очень удивлены, когда обнаружилось, что русские власти воспринимали их «подданство» как что-то реальное, влекущее за собой очень серьезные последствия.

Описанная выше «многополярность» подданнических или союзнических ориентаций, практикуемых столетиями, стала частью мировосприятия соответствующих народов. На новой основе она воспроизвелась и в современных государствах Центральной Азии.

Влияние внешнеполитических традиций кочевничества сказывается особенно в Казахстане и Киргизии, идентичность и политическая культура которых в наибольшей степени ориентируются на древние степные евразийские традиции. Для них в наибольшей степени характерны открытые, многовекторные политики, направленные на взаимодействие со всеми странами мира. Одновременно как будто не признается тот факт, что интеграция не только несет с собой преимущества, но и накладывает на соответствующие страны серьезные обязательства и ограничения. Так, например, Киргизия брала на себя взаимоисключающие обязательства в рамках постсоветских интеграционных структур (проект общего «таможенного пространства» в ЕврАзЭС) и ВТО. Анализ же членства в различных интеграционных организациях показывает, что обе эти страны одновременно пытаются интегрироваться с Россией, Китаем, исламским миром и, до определенной степени, странами ЕС.

Однако историческое влияние внешнеполитических кочевнических традиций Евразии велико также и в других странах региона. Их политики не столь «открыты», а Туркменистан вообще старается воздерживаться от участия в разных интеграционных структурах. Тем не менее, и они являются членами предполагающих взаимоисключающие интеграционные направления международных организаций. При этом членство в слишком большом количестве интеграционных структур нейтрализует их потенциал. В этом плане оно служит закреплению неопределенности с выбором модели развития, а также – региональной нестабильности.

Однако не следует, в соответствии с традиционными европоцентристскими стереотипами, рассматривать внешнеполитические традиции кочевого мира Евразии как какой-то исключительно негативный фактор в системе международных отношений. Ведь кочевники центральной Евразии издавна жили между великими оседлыми цивилизациями, расположенными по ее окраинам, и привыкли к роли посредников между ними. Неудивительно, что

¹⁶⁰ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: «Санат», 1996. С. 361—362. В дореволюционной российской историографии киргиз-казаками или киргиз-кайсаками назывались казахи, чтобы не путать их с русскими казаками, имеющими, этимологически, одно и то же название.

именно им, а не европейцам первым пришла в голову грандиозная идея создать единую всемирную мир-экономику, зону свободного обмена идеями, товарами, услугами, капиталом и рабочей силой. Именно такую историческую роль сыграли сначала Тюркютский каганат (552–745), а затем, империя потомков Чингизхана (1250–1350)¹⁶¹.

«Первый каганат тюрков стал первой настоящей евразийской империей. Он связал торговыми путями Китай, Византию и исламский мир. ...Монголы замкнули цепь международной торговли по сухопутным и морским путям в единый комплекс. Впервые все крупные региональные ядра (Европа, исламский мир, Индия, Китай, Золотая Орда) оказались объединенными в первую мир-систему. В степи, подобно фантастическим миражам, возникли гигантские города — центры политической власти, транзитной торговли, многонациональной культуры и Идеологии (Каракорум, Сарай-Бату, Сарай-Берке). С этого времени границы Ойкумены значительно раздвинулись, политические и экономические изменения в одних частях света стали играть гораздо большую роль в истории других регионов мира»¹⁶². Эту систему, начавшую «рассыпаться» через более чем 100 лет после смерти Чингизхана, отчаянно пытался воссоздать и основатель другой великой центральноазиатской державы — Тамерлан Чагатайский (1336–1405). Его усилия частично увенчались успехом, так как при первых преемниках хромого завоевателя все еще наблюдался расцвет торговли, ремесел, наук и культуры¹⁶³. Упадок, связанный с переводом торговых путей между Китаем, Индией и Европой на море, начался позднее, в XVI–XVIII вв.

Эти подлинно великие достижения, лежащие в основе современной всемирной цивилизации, а не необычайно хитрая и искусная, но мелко-хищническая политика «дистанционной эксплуатации», были подлинным вкладом народов Центральной Азии в глобальное развитие. Во многом наследниками этих достижений также являются современные Киргизия и, особенно, Казахстан, с их грандиозными попытками создать «мосты», охватывающие весь мир. Ведь традиционная политическая культура казахов является прямой наследницей идеологии чингизизма, во многом забытой в Джунгарии и Монголии¹⁶⁴. Эти попытки реализуются в готовности интегрироваться со всеми окружающими странами (пусть и не столь тесно связанной с пониманием обязательств, которые это накладывает), в универсальности идеологий (либеральное евразийство), в попытках создания обеспечивающих глобальную стабильность организаций (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии); в постоянном продуцировании президентом Н. Назарбаевым различных идей региональной интеграции по всем возможным азимутам.

Рассмотрим теперь, как проявляются описанные выше традиции многовекторности в виде членства в различных региональных организациях. Региональные международные организации, в которые входят центральноазиатские страны, представляют все 4 основных пространственных вектора

¹⁶¹ Abu-Lughod J. Before European Hegemony: The World-System. A. D. 1250-1350. N. Y., 1989.

¹⁶² Крадин Н.Н. Кочевники, мир — империи и социальная эволюция// Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 327.

¹⁶³ Бартольд В.В. Сочинения. Т. II (2). Улугбеки его время. М.: Наука, 1964; *Набиев Р.Н.* Из истории политико-экономической жизни Мавераннахра в XV в.// Великий узбекский поэт. Ташкент, 1948.

¹⁶⁴ Бисенбаев А. Другая Центральная Азия. Гл. 7// <http://www.kyrgyz.ru>

внешнеполитических и внешнеэкономических взаимодействий центральноазиатских государств: постсоветское пространство вокруг России, исламский мир, Китай и АТР, Европа и евроатлантическое пространство.

А. Международные региональные организации на постсоветском пространстве, представленные в Центральной Азии в 1991 – 2008 гг.

В Центральной Азии в 1991 – 2008 гг. присутствовали совершенно разные международные организации, связанные с постсоветским пространством: «первого поколения», т. е. связанные с «цивилизованным разводом» между советскими республиками (СНГ), и «второго поколения», т. е. нацеленные на реальную интеграцию (ЕврАзЭС, ОДКБ); ориентированные на интеграцию вокруг России (ЕврАзЭС, ОДКБ) и «альтернативные» (ГУУАМ). Тем не менее, влияние всех этих организаций достаточно нестабильно. Так, например, Туркменистан с 2005 г. окончательно перестал быть постоянным членом **всех** постсоветских организаций. Узбекистан особенно во второй половине 1990-х гг. – самом начале 2000-х гг., пытался при поддержке США выступать как самостоятельный региональный центр силы, альтернативный России. Поэтому он не участвовал сначала ни в одной из пророссийских интеграционных организаций «второго поколения», а также активно поддерживал альтернативные интеграционные проекты в рамках ГУУАМ и собственно центральноазиатских структур. Лишь после Андижанского восстания ситуация резко поменялась. Ориентация Таджикистана на Россию и связанные с ней интеграционные структуры, бывшая первоначально очень сильной, постепенно ослабевает по мере консолидации политического режима.

Содружество независимых государств (СНГ). Создано 8 декабря 1991 г. Цель – координация взаимоотношений бывших советских республик с целью обеспечить «цивилизованный развод» СССР. В СНГ после выхода Грузии в 2008 г. осталось 11 членов, среди которых находятся 4 страны Центральной Азии (кроме Туркменистана, который с 2005 г. вышел из действительных членов СНГ и стал наблюдателем).

Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). Создано в мае 2001 г. Международная экономическая организация ряда постсоветских государств, занимающаяся формированием общих внешних таможенных границ, выработкой единой внешнеэкономической политики с целью формирования в перспективе общего рынка. Лидирующую роль играет Россия (несет основную долю издержек по финансированию работы организации). Включает 6 членов, среди которых до настоящего времени было 4 центральноазиатские страны (кроме Туркменистана). В 2005 г. было объединено с Организацией Центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС). В 2006 г. в члены ЕврАзЭС вступил Узбекистан. Однако 20 октября 2008 г. в Секретариат Интеграционного Комитета ЕврАзЭС поступила нота МИД Республики Узбекистан, препровождающая письмо Президента Республики Узбекистан И.Каримова с уведомлением о приостановлении Республикой Узбекистан своего членства в

ЕврАзЭС. 12 ноября Секретариат ЕврАзЭС официально подтвердил факт приостановления Узбекистаном членства в этой международной организации¹⁶⁵.

Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Создана на основе договора о коллективной безопасности (ДКБ) СНГ 7 октября 2002 г. Цель – военно-политическое сотрудничество, взаимопомощь в обеспечении национальной безопасности. В настоящее время в организации 7 членов, включая все центральноазиатские страны, кроме Туркменистана. Лидирующую роль играет Россия (несет основную долю издержек по финансированию работы организации). Первоначальными членами в Центральной Азии были Казахстан, Киргизия, Таджикистан. Узбекистан вернулся в ОДКБ в 2006 г. (до этого он отказался продлить членство в ДКБ СНГ в 1998 году).

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – см. ниже, среди азиатских организаций.

Организация за демократию и экономическое развитие (ГУАМ). Создана в качестве группы государств в октябре 1997 г. (В 2001 г. получила статус международной региональной организации). Цели – координация экономической политики и политики в области безопасности, создание альтернативы интеграции вокруг России, углубление сотрудничества со странами Запада; развитие транзита энергоносителей по маршруту Каспийское море – Южный Кавказ – Европа в обход территории РФ. Первоначальные члены – Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова. В 1999 – 2005 гг. в организацию входил Узбекистан (в этот период она называлась ГУУАМ). После 2005 г. ГУАМ не имеет центральноазиатской составляющей.

Б. Членство центральноазиатских стран в азиатских организациях

Азиатско-тихоокеанское направление притяжения центральноазиатских стран пока в организационном плане достаточно слабо относительно трех остальных векторов (тем более, что оно слабо дифференцировано от других векторов, так как в ШОС входит Россия, а в АБР – Индия и ряд западных стран). Тем не менее, он имеет очень серьезные перспективы, связанные с неизбежным усилением политико-экономического влияния Китая в Центральной Азии и перспектив роста экономического сотрудничества между центральноазиатскими и азиатско-тихоокеанскими странами.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Первоначально существовала в виде «Шанхайской пятёрки», созданной в результате подписания в 1996–1997 гг. между Китаем, Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном соглашений об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. После включения Узбекистана в 2001 году, **15 июня 2001 г.** была конституирована ШОС как региональная международная организация. В настоящее время в ШОС входят все центральноазиатские страны, кроме Туркменистана. Лидерами организации являются Китай и Россия (несут основную долю издержек по финансированию работы организации). Штаб-квартира ШОС расположена в Пекине, рабочие языки – русский и китайский. Первоначально приоритет в рамках организации

¹⁶⁵ Министр иностранных дел России Сергей Лавров в интервью газете «Время новостей», опубликованном 17 ноября, комментируя данное решение Узбекистана, заявил, что участие в ЕврАзЭС, как и в любой международной организации, это суверенное право любой страны.

отдавался сотрудничеству в сфере безопасности, в том числе борьбе с терроризмом, наркобизнесом и т. д. Постепенно на первый план стало выходить торгово-экономическое взаимодействие и интеграция, в том числе, в области энергетики.

Азиатский банк развития (АБР). Создан 19 декабря 1966 г. Цель – развитие региональной кооперации. Всего – 48 региональных членов, включающих таких основных спонсоров, как Япония, Китай, Индия. Членами являются все 5 центральноазиатских государств.

*В. Членство центральноазиатских стран
в организациях исламского мира*

Сразу же после получения независимости новые государства Центральной Азии стали подчеркивать свою исламскую идентичность. Результатом стало активное взаимодействие с другими мусульманскими странами и членство в исламских региональных организациях. Причем существенно, что активными членами исламских региональных организаций являются все центральноазиатские страны, даже Туркменистан.

Организация «Исламская Конференция» (ОИК) – международная организация исламских стран («исламская ООН»), создана в 1969 году на Конференции глав мусульманских государств в Рабате с целью обеспечения исламской солидарности в социальной, экономической и политической сферах, борьбы против колониализма, неоколониализма, расизма и поддержки Организации освобождения Палестины в борьбе с Израилем. Включает все 5 центральноазиатских государств.

Исламский банк развития (ИБР), исламский аналог Всемирного банка. Создан 15 декабря 1973 г. Цель – развитие экономической взаимопомощи с целью координации и ускорения социального развития исламских стран. Включает более 50 членов, среди которых все 5 центральноазиатских государств.

Организация экономического сотрудничества (Economic cooperation organization – ЭКО). Создана 27–29 января 1985 г. (все центральноазиатские страны, кроме Казахстана, вступили в нее в феврале 1992 г. на саммите в Тегеране). Цель – региональная интеграция, сотрудничество исламских стран региона в развитии торговли, транспорта, коммуникаций, туризма, а также расширение культурных связей. В настоящее время включает 10 членов, среди которых 5 центральноазиатских государств, Азербайджан, Иран, Пакистан, Турция, Афганистан.

*Г. Институционально-организационные связи
Центральной Азии с Европой и евроатлантическим пространством*

Центральная Азия долго не воспринималась странами Европы как сфера своих подлинно жизненных интересов. Тем не менее, ее государства сразу же после образования оказались в трех перечисленных ниже европейских организациях в качестве наследниц СССР.

Европейский банк реконструкции и развития. Создан 15 апреля 1991 г. Цель – содействовать становлению рыночной экономики в постсоциалистических государствах. Включает 63 члена, среди которых – 5 центральноазиатских государств.

Организация по сотрудничеству и безопасности в Европе (ОБСЕ). Соз-

дана 1 января 1995 г., наследница Хельсинкского процесса и «разрядки» периода «Холодной войны». Цель – способствовать соблюдению прав человека, базовых свобод, демократии, законности. Является также инструментом раннего предупреждения и предотвращения конфликтов и урегулирования кризисов; служит для контроля над гонкой вооружений. Включает 56 членов, среди которых все бывшие советские республики, в том числе 5 центральноазиатских государств. Казахстан утвержден в качестве председателя ОБСЕ в 2010 г.

Совет евроатлантического партнерства (СЕАП). Организация, аффилированная с НАТО. Цель – обсуждение взаимодействия в военно-политической сфере. Создана 8 ноября 1991 г. Включает 49 членов, среди которых – 5 центральноазиатских государств.

Постепенное расширение НАТО и ЕС на восток и осознание целого ряда общих с Центральной Азией проблем, связанных с борьбой с новыми угрозами безопасности (терроризм и религиозный экстремизм, наркотрафик) и с поставками энергоносителей, активизировали различные институционализованные формы взаимодействия в военной, экономической и гуманитарных сферах. Их условно можно назвать «вторым поколением» институционально-организационных связей. Формально в нем, как и в структурах «первого поколения» участвуют все страны региона. Однако в реальности эти связи очень нестабильны, а многие, как, например, Туркменистан, имеют лишь номинальное членство.

«Партнерство ради мира» (ПМ) НАТО. Программа и соответствующая организационная структура были созданы в январе 1994 г. Цель – расширение военно-политического сотрудничества в Европе, распространение принципов демократии, в том числе как способ постепенной подготовки к расширению Северо-Атлантического альянса. Программа включает 23 страны, в их числе находятся все центральноазиатские государства.

Таблица 7. ЧЛЕНСТВО СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ПРОГРАММЕ НАТО «ПАРТНЕРСТВО РАДИ МИРА»
(страны представлены в порядке возрастания времени присоединения)¹⁶⁶

Страна	Дата официального присоединения к программе
Туркменистан	10.05.94
Казахстан	27.05.94
Киргизия	01.06.94
Узбекистан	13.07.94
Таджикистан	20.02.02

ЕС также стал постепенно формировать в Центральной Азии организационно-институциональную среду, облегчающую взаимодействие. С этой целью использовался как **формат двухсторонних договоренностей о партнерстве и сотрудничестве**, так и различные программы содействия. Последние стали способом развертывания в регионе огромной «мягкой силы» ЕС. В контексте данного исследования мы бы обратили прежде всего внимание на две программы. **Программа технического содействия ТАСИС** включает в себя транспортную и энергетическую компоненты. Ее реализация может спо-

¹⁶⁶ Signatures of Partnership for Peace Framework Document// <http://www.nato.int/pfp/sig-cntr.htm>

способствовать усилению геоэкономической ориентации Центральной Азии на Европу. «Европейская инициатива в области демократии и прав человека» (EIDHR), содействуя развитию гражданского общества, может повлиять на институты внутри региона, «сдвигая» баланс сил внутри политических систем.

Таблица 8. ЧЛЕНСТВО СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ПРОГРАММАХ ЕС

Страна	Время подписания (вступления в действие в случае серьезного разрыва дат) соглашения с ЕС о партнерстве и сотрудничестве	Является ли получателем помощи ЕС по программе «ТАСИС»?	Является ли получателем помощи по программе «Европейская инициатива в области демократии и прав человека» (EIDHR)?
Туркменистан	Подписано в мае 1998 г., до сих пор не ратифицировано	+	-
Казахстан	Подписано в январе 1995 г., вступило в действие в начале 1999 г.	+	+
Киргизия	Подписано 9 февраля 1995 г., вступило в силу 1 июля 1999 г.	+	+
Узбекистан	Подписано в апреле 1996 г., вступило в действие 1 июля 1999 г.	+	-
Таджикистан	Подписано 11 октября 2004 г., вступило в действие 1 мая 2005 г.	+	+

Итак, попробуем обобщить приведенные выше данные о том, с кем и по каким направлениям интегрируются государства Центральной Азии, в виде таблицы. Исключения, касающиеся, например, особой позиции Туркменистана, перечислены выше, поэтому речь будет идти о тех региональных организациях или институционализированных формах сотрудничества, в которых представлено большинство стран региона.

Таблица 9. ЧЛЕНСТВО СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ПРОГРАММАХ ЕС И НАТО

Географический регион/ сфера интеграции	Общеполитическое согласование позиций	Экономическая интеграция	Военно-политическая интеграция
Россия и постсоветское пространство	СНГ	ЕврАзЭС, ШОС	ОДКБ, ШОС
ЕС	ОБСЕ, СЕАП	ЕБРР, соглашения с ЕС о партнерстве и сотрудничестве, программы помощи ЕС	СЕАП, ПМ и индивидуальные программы партнерства с НАТО
АТР и Китай	Частично, ШОС и СВМДА	ШОС, АБР	ШОС
Исламский мир	ОИК	ЭКО, ИБР	Нет

Глава 3. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И КОНСТРУИРОВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Встречаются на Луне американский, русский и... казахский космонавты. Американца спрашивают: «Зачем прилетел?»

– «Повесить наш флаг и установить демократию». Русский говорит: «Я приехал целену поднимать...» Казах, стоявший опустив голову и ковыряя носком сапога лунную пыль, пробормотал: «А так... Думал, может кого-нибудь из родных встречу...»

Анекдот из Алма-аты

1. Центральная Азия: международный регион в контексте внешних сравнений

Все в мире познается в сравнении. Для перехода к более подробному исследованию структуры международных взаимодействий в современной Центральной Азии необходимо проанализировать то, каким образом различные институциональные порядки проявляются в разных типах международных регионов. Необходимо также попытаться найти место Центральной Азии в этой типологии.

Прежде всего разведем понятия «международный регион» и «региональный порядок». *Международный регион* – это группа стран, выделенная по какой-либо совокупности признаков общности, а также по признаку территориальной близости¹⁶⁷. *Региональный (институциональный) порядок* – совокупность фор-

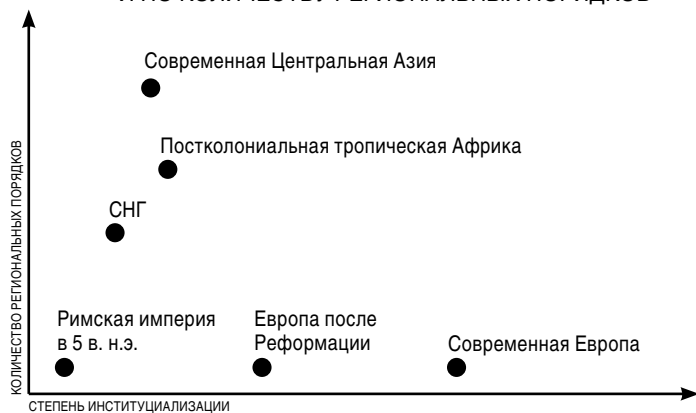
¹⁶⁷ См., например: Каримова А.Б. Региональное пространство в современной политической организации мира. М., 2006; Каримова А.Б. Регионы в современном мире//Социологические исследования, 2006. № 5.

мальных и неформальных институтов, обеспечивающих эффективное взаимодействие в этой группе стран. При этом, как мы отмечали выше, эти формальные и неформальные правила должны группироваться в какие-то внутренне непротиворечивые системы.

Однако что если на уровне одного региона могут возникать несколько разных систем институтов, которые внутренне непротиворечивы, но вступают в противоречие друг с другом? Выше мы уже отмечали достаточно частое наличие таких ситуаций в других типах социальных взаимодействий. Как подобная ситуация скажется на степени институционализации международных отношений в регионе? Экстраполяция результатов, полученных из других сфер социальных взаимодействий¹⁶⁸, приводит к выводу, что высокая степень развития международных институтов может быть достигнута только при наличии одного внутренне непротиворечивого социального порядка. В противном случае, международный регион превращается в сплошную «серую зону», где действуют взаимно противоречащие друг другу правила поведения, что почти эквивалентно тому, что не действуют вообще никакие¹⁶⁹.

В то же время, на более низких степенях институционализации вполне можно рассматривать оба измерения: степень развития региональных институтов и количество одновременно сосуществующих региональных порядков как два независимых измерения (см. схему ниже). Обратимся теперь к анализу конкретных примеров, иллюстрирующих различные возможные соотношения между регионами и региональными порядками.

РИСУНОК 3. ТИПЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕГИОНОВ ПО СТЕПЕНИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ И ПО КОЛИЧЕСТВУ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ

Предположим, существует некий международный регион, состоящий из 5 стран: А, Б, В, Г, Д. Попробуем изучить различные потенциально возможные конфигурации институтов, обеспечивающих взаимодействие между этими странами.

¹⁶⁸ Sergeyev V. M. *The Wild East. Crime and Lawlessness in Post-Communist Russia*. NY: Armonk, 1998.

¹⁶⁹ Там же.

А. «Простой» регион:

«Один регион – один региональный порядок»

Возможна ситуация, когда в одном регионе образуется одна непротиворечивая система региональных порядков. Наилучшим примером является современная Европа¹⁷⁰.

Схематически обозначим описываемую ситуацию следующим образом:

А – Б – В – Г – Д,

где буквы означают страны, а связывающие их черточки – институциональные связи между этими странами. При этом степень развития связей между разными странами в регионе может быть совсем не однородной. Соседние страны часто связаны друг с другом куда сильнее, чем страны территориально более отдаленные. Например, Швеция связана с Данией в значительно большей степени, чем с Италией и Испанией, а Бельгия – с Францией и Голландией больше, чем с Португалией. Тем не менее, внутри современной Европы существует один более или менее согласованный внутри себя порядок, обеспечиваемый, в частности, такими международными организациями или надгосударственными структурами, как ЕС, НАТО, ОБСЕ, Совет Европы. Степень же развития международных институтов внутри современной Европы – самая высокая в мировой истории.

Один региональный порядок, *Respublica Christiana*, существовал в Европе, начиная со Средних веков. Однако высокая степень развития международных институтов имела место в этом регионе не всегда. Скажем, распад западнохристианского мира в результате Реформации привел к резкому снижению степени институционализации, которая начала восстанавливаться лишь в XIX в. с образованием «квартета» европейских держав. Затем этот порядок дважды резко распадался в периоды двух мировых войн, и лишь их опыт привел к успешной экспансии общеевропейских институтов во второй половине XX в.

Наличие одного регионального порядка делает существование Европы как международного региона достаточно стабильным даже в периоды резкого снижения институционализации. Европа как стабильный региональный феномен мировой политики, противопоставленный другим регионам, существует не менее тысячи лет, возможно, с периода первых Крестовых походов и связанных с ними периодов «священного мира».

Б. Распавшийся регион:

«Группа стран без регионального порядка»

В результате крушения существовавшего раньше регионального порядка группа стран А, Б, В, Г, Д почти полностью теряет сложившиеся раньше региональные связи. В результате региональный порядок полностью исчезает. Через длительный период времени на его основе возникают другие региональные порядки.

Римская империя в III – V вв. представляла собой достаточно сложную международно-региональную систему, которая включала в себя как самостоятель-

¹⁷⁰ Под этим названием для простоты анализа мы подразумеваем, прежде всего, «старых» членов ЕС, как представителей политического региона, который раньше называли «Западной Европой», абстрагируясь от членения географической Европы на старых и новых членов ЕС (Восточная, частично, Южная Европа), кандидатов в членство разной степени «очередности» (Балканские страны, Турция, некоторые постсоветские государства) и расположенных в Европе не-кандидатов (Россия).

ные подразделения собственно империи (Восточная и Западная части), так и различные более или менее подконтрольные зоны (например, территории варваров-федератов или вассальные государства вроде Пальмиры и Армении). В V—VI вв. эта сложная система распалась на варварские королевства и Византию. Затем, постепенно, варварские королевства стали частью западнохристианского мира. В VII в. возник также мир ислама, который «оторвал» от Византии почти всю ее азиатскую и всю африканскую части. Таким образом, к началу I тысячелетия н.э. на территории бывшей Римской империи возникли западнохристианский мир, православный мир (Византия и эпизодически возникавшие на Балканах славянские государства), мир ислама.

В. Распадающийся регион:

«Один регион – много региональных порядков»

Если в одном регионе по тем или иным причинам сосуществует несколько региональных порядков, то в определенный период времени он может распасться. Причины сосуществования нескольких региональных порядков могут вызываться различными причинами как краткосрочного, так и долгосрочного характера. Например, в один регион могут попасть страны, которые обладают разными культурно-цивилизационными традициями и в долгосрочном историческом плане тяготеют к различным частям мира. Возможно также расхождение стран по более краткосрочным причинам: разрыв экономических связей в результате изменения рыночной конъюнктуры; разрыв старых и возникновение новых союзнических отношений в результате эволюции региональных комплексов безопасности; изменение идеологической ориентации или возникновение новых «геополитических разломов».

Схематически это можно изобразить следующим образом. Предположим, существует некий международный регион, состоящий из 5 стран: А, Б, В, Г, Д.

Возникновение нескольких региональных порядков внутри региона ведет к его распаду.

А – В – Г

Б – Д

При этом возникающие группы могут стремиться стать частью других регионов.

Хорошим примером распадающегося региона в настоящее время служит постсоветское пространство или, еще шире, «Восточная Европа и постсоветское пространство». Поскольку распад этого пространства напрямую сказывается на судьбе Центральной Азии, проанализируем его несколько более подробно.

Этот регион Центральной Евразии, состоящий из очень разнообразных по своей культуре, хозяйству, социально-политическим традициям народов, был исходно создан Российской империей, а затем воссоздан СССР. После Второй мировой войны произошло распространение регионального порядка, возникшего в СССР, на «советскую сферу влияния» в Восточной Европе. В результате появился новый политический регион, включавший в себя Советский Союз и его восточноевропейских союзников по Организации Варшавского договора (ОВД) и Совету экономической взаимопомощи (СЭВ).

Распад СССР и коммунистической системы вызвал к жизни применявший-

ся многими международными организациями и исследователями способ группировки стран, включавший в себя все посткоммунистические страны Восточной Европы и все бывшие союзные республики. Однако уже к середине 1990-х гг. обнаружилось серьезное расхождение в траекториях экономического и внутривнутриполитического развития, а также в направленности внешней политики между странами Восточной Европы и постсоветскими странами. При этом исторически связанные с Западной Европой страны Балтии стали тяготеть к региону Восточной Европы. Последняя же в результате процесса «европеизации» все больше втягивалась в сферу экономико-политического и культурно-социального влияния ЕС, а процесс расширения НАТО на Восток дополнил этот геополитический дрейф военно-политическим измерением. По сути, этот процесс завершился уже к концу 1990-х гг.

Таким образом, пространство бывшей советской сверхдержавы, включая ее европейские зоны контроля, сузилось до 9 бывших советских республик – членов СНГ. Однако и практически все эти страны оказались под очень серьезным экономическим влиянием ЕС как основного торгового партнера, а также – в орбите влияния расширяющегося на Восток НАТО. В то же время интеграция внутри СНГ так и осталась в зачаточном состоянии. В результате в последнее десятилетие развернулся и процесс распада постсоветского пространства¹⁷¹.

Внутри него образовались, во-первых, достаточно слабо связанные между собой чисто региональные группы со своими специфическими интересами, культурно-цивилизационными особенностями, военно-политическими проблемами и экономическими векторами притяжения (Центральная Азия, Кавказ, восточноевропейские страны). Например, в целом, для европейских стран СНГ (прежде всего, Украина и Молдова) чрезвычайно существенны экономические и политические контакты с ЕС, США и Россией, тогда как для Центральной Азии важны отношения с Россией, США, Китаем, ЕС, Турцией, Ираном и другими исламскими странами.

Во-вторых, возникли новые политико-идеологические конфигурации. Одна из групп постсоветских стран, включая все центральноазиатские страны, кроме Туркменистана, тяготеет к интеграционным структурам «нового поколения», сформированным вокруг России (ЕврАзЭС, ОДКБ). Иными словами, они продолжают тяготеть к региону Центральной Евразии. Другая (Украина, Грузия, Азербайджан, Молдова) – к альтернативным интеграционным структурам, ориентированным на сотрудничество со странами Запада (ГУАМ, Сообщество демократического выбора). Страны этой группы также претендуют, в перспективе, на членство в ЕС и НАТО, т.е. на присоединение к региону Европы.

171 Trenin D. The End of Eurasia. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2001; Nikitin A. The End of the «Post-Soviet Space». The Changing Geopolitical Orientations of the Newly Independent States. London: Chatham House, 2007.

Г. Простая постколониальная модель:

«Один регион – наложение двух типов региональных порядков, внутреннего и внешних»

Существуют ли ситуации, когда разные региональные порядки, «нанизывающиеся» друг на друга, не ведут к распаду региона? Это может быть в том случае, когда существует некий международный регион, который испытывает сильное политическое, экономическое, культурно-цивилизационное влияние сил, расположенных в других регионах. Примерами таких регионов, которые устойчиво испытывают влияние множества внешних сил, могут служить Юго-Восточная Азия или Балто-Черноморская система¹⁷². Наконец, такие ситуации довольно часто складываются среди постколониальных стран, которые одновременно принадлежат своему географическому региону и зоне влияния бывшей метрополии.

Конфигурации различных институтов могут быть при этом принципиально разные. Достаточно простым примером выступает здесь Западная Африка. В доколониальное время в ней существовали различные племенные группы и протогосударства. В колониальный период регион был «поделен» между западными державами. При этом страны региона сохранили специфические региональные особенности, связанные с особенностями климата, хозяйственной и социальной структуры, культуры региона. Одновременно они унаследовали многие особенности социально-экономических и политических структур бывших метрополий.

Например, английское колониальное владычество отличалось высокой степенью политической децентрализации и развитием локальных демократических институтов (система «непрямого правления»). При этом происходило очень интенсивное социально-экономическое развитие и втягивание в мирохозяйственные связи. Французская колониальная империя характеризовалась централизованным управлением и меньшей степенью развития рыночных связей. Португальские владения отличались существенными феодальными пережитками, что сказалось на их политическом и экономическом развитии.

После получения независимости большинство стран Западной Африки сохранили тесные связи с бывшими метрополиями, став частью англофонного, франкофонного, лузофонного и других миров, обладающих соответствующими институтами¹⁷³. При этом создавались и «местные» международные институты и региональные организации, которые оказались очень «слабыми». До сих пор связи между соседними странами Западной Африки, как правило, слабее их связей с бывшими метрополиями. Таким образом «слабый» местный региональный порядок оказался «пронизан» более сильными порядками, созданными бывшими колониальными империями.

Схематически эту ситуацию можно изобразить следующим образом.

Соседние страны, расположенные в одном регионе, связаны слабым «местным» региональным порядком:

¹⁷² Ильин М.В. Балто-Черноморская система// http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2007/sec1/s1_10.pdf

¹⁷³ Особенно это относится к франкофонным странам и странам Британского Сообщества, в то время как Португалия оказалась недостаточно сильна для того, чтобы оказывать аналогичное влияние на бывшие колонии. Другим осложняющим фактором стало идеологически мотивированное соперничество двух сверхдержав, США и СССР. При этом наиболее подверженными советскому влиянию в Африке оказались брошенные на произвол судьбы бывшие португальские колонии, а США активно сотрудничали с бывшими колониальными державами, особенно, с Великобританией. В то же время Франция старалась не пускать в свои бывшие колонии никакие внешние силы.

А – Б – В – Г – Д.

Одновременно существуют крупные территориально отдаленные державы Е, Ж, З.

Они также создают региональные порядки с некоторыми из стран региона. Существенным является то обстоятельство, что связи бывших колониальных держав со странами региона пространственно неоднородны, так как в их достаточно четко исторически очерченные сферы влияния входят только «свои» бывшие колонии:

Е – А – Б

Ж – В – Д

З – г.

В результате наличия этих более или менее устойчивых сфер влияния могут возникать противоречия между «слабыми» местными международными институтами и более «сильными» внешне ориентированными. Противоречия эти неизбежны, так как они имеют культурно-цивилизационную природу, связанную с глубинными отличиями между Европой и Западной Африкой, миром модерна и миром традиции, частично даже доцивилизационной. Это создает источник неопределенности. Однако между внешне ориентированными институтами, связанными с разными «старыми» колониальными державами, противоречий практически не возникает в силу их территориальной дифференциации.

Д. Особая модель:

«Один регион – множество внешне ориентированных порядков с неопределенными сферами влияния»

Предположим, что, как и в случае с описанной выше «простой» постколониальной моделью, внешние силы, действующие на регион, упорядочивают его в значительно большей мере, чем внутренние. Однако у этих внешних сил, в отличие от описанной выше модели, нет заранее определенных сфер влияния. То есть существует территориальная неопределенность в применении разных групп институтов, противоречащих друг другу по ориентации на внешние силы. *Именно этот случай, как нам представляется, характерен для современной Центральной Азии.*

Схематически это можно изобразить следующим образом. Набор соседних стран региона А, Б, В, Г, Д взаимодействует с крупными внерегиональными державами Е, Ж, З, И. При этом внутри А, Б, В, Г, Д никакого стабильного внутреннего регионального порядка без внешней помощи не возникает. В то же время, крупные державы Е, Ж, З, И не могут договориться между собой о разделе сфер влияния, ведя геополитическую борьбу за регион. В результате усилий каждой из этих держав создаются «собственные» региональные порядки, ориентированные за пределы региона, на взаимодействие именно с этой державой.

В этом случае один регион характеризуется набором множества *внешне ориентированных* порядков. Принципиальным отличием от случая Западной Африки будет при этом отсутствие определенных сфер влияния.

Тогда возникают следующие возможные комбинации региональных порядков, которые как бы одновременно «сосуществуют» друг с другом.

Е – А – Б – В – Г – Д

Ж — А — Б — В — Г — Д

З — А — Б — В — Г — Д

И — А — Б — В — Г — Д

Мы предполагаем, что современная Центральная Азия - один международный регион, в котором одновременно сосуществует несколько региональных порядков, связывающих регион с крупными внерегиональными державами. При этом территориальные сферы применения этих региональных порядков не очерчены. Следовательно, в отличие от более простого случая Западной Африки, возникают сразу два источника неопределенности:

- 1) противоречия между зачаточными внутрорегиональными институтами и внешне ориентированными;
- 2) противоречия между группами внешне ориентированных институтов, связанных с сотрудничеством с разными крупными державами, расположенными в разных регионах мира с разными культурно-цивилизационными традициями, политическими, экономическими и социальными структурами.

Поскольку сферы территориального влияния различных внерегиональных сил не определены, регион пока не может распасться на несколько частей, которые будут притянуты к другим регионам мира, связанным с соответствующими крупными силами: Центральная Евразия, тяготеющая к России; АТР, с лидирующей ролью Китая; исламский мир; «тюркский мир» как сфера влияния Турции и, опосредованно, ЕС и США и т.д. То есть в обозримой перспективе Центральная Азия не повторит судьбу распадающегося постсоветского пространства. Однако и перспективы повышения определенности и складывания системы непротиворечивых институтов в регионе не просматриваются даже в среднесрочной перспективе. Ведь развитие институтов в регионе идет одновременно по разным противоречащим друг другу направлениям.

Проведенный выше анализ особенностей структурирования региональных институтов в Центральной Азии позволяет сформулировать следующий тезис: *институциональное упорядочение региона происходит, в основном, под действием внешних сил. Внутренняя его интеграция слаба. В Центральной Азии как одном международном регионе в результате наблюдается множество внешне ориентированных порядков.*

Можно вычленил сразу несколько причин, почему сложилась такая ситуация.

Быстрое и неожиданное крушение СССР привело к практическому «исключению» центральноазиатских государств из состава союзного государства. По сути, Беловежские соглашения поставили их перед свершившимся фактом, в то время как сами их руководства и большинство населения выступали за сохранение СССР. Затем последовала добровольная «минимизация» российского присутствия в регионе, включая «выкидывание» последнего из рублевого пространства. Все это породило очень серьезный кризис в Центральной Азии. Он означал и кризис модернизационной модели, применявшейся к региону в рамках России—СССР¹⁷⁴. Это активизировало поиск *новых моделей развития*

174 В плане внешних сравнений «уход» России напоминал быстрое крушение португальской колониальной империи в Африке перед и непосредственно после «революции гвоздик» или распад Бельгийской колониальной империи в Конго. В обоих случаях бывшая метрополия потеряла контроль над ситуацией в столь серьезной мере, что это породило очень серьезный хаос и неопределенность, втянувшую в ситуацию внешние силы: СССР и США.

(мы будем их называть также «*универсальными проектами*») и новых внешних партнеров, необходимых просто для выживания в условиях серьезных угроз стабильности стран региона во всех измерениях (экономическом, экологическом, социальном, демографическом, политическом и т.д.).

Однако пока, как мы отмечали в предшествующей главе, ни одной из альтернативных моделей развития, связанных с соответствующими географическими регионами, не удалось одержать верх. Не может одержать верх и какая-либо устойчивая международная ориентация внешних политик новых независимых государств региона. Они постоянно «маневрируют» между различными внешними силами. В результате, ситуация неопределенности сфер влияния разных внешних сил, создающих различные внешнеориентированные региональные порядки внутри одного региона, «законсервировалась».

Внешнее конструирование региональных институтов оказалось результатом роста неопределенности на внутрирегиональном уровне. Столкнувшись с комплексным кризисом во всех измерениях (экология, экономика, политика, безопасность, культура и идеология), страны региона оказались еще и перед необходимостью создавать в условиях этого кризиса независимые национальные государства. У них просто нет ресурсов на то, чтобы одновременно «строить» в этой ситуации еще и международный регион. Поэтому они и нуждаются в помощи разнообразных внешних сил.

Наконец, как мы указывали в предшествующей главе, у этого есть и еще одна, наиболее долгосрочная причина. Исторически Центральная Азия представляла собой арену, где взаимодействовали различные великие цивилизации более окраинных областей Евразийского континента (Ближнего Востока, Китая, Индии, Европы и т.д.). Достаточно в этом контексте вспомнить про Великий шелковый путь. При этом все эти внешние воздействия вызвали специфическую «пестроту» устройства региона, когда они не столько синтезировались, сколько смешивались между собой в виде разнообразных «складок» или перемешанных разноцветных «пятен». В результате, история просто не дает оснований никаким внешним силам четко определить свои сферы влияния в Центральной Азии.

2. Внешние «конструкторы» Центральной Азии, неопределенность и связанные с ней политические дилеммы

Если институты Центральной Азии как международного региона конструируются извне, то естественно возникает вопрос: кто является «конструкторами»? Как мы отмечали выше, строительство и даже поддержание институтов «стоит» очень больших средств. Новым независимым государствам Центральной Азии и их политическим элитам часто с трудом хватает ресурсов на собственное выживание и на конструирование новых государств. У них явно нет средств (военных, экономических, идеолого-символических) еще и на создание институтов международного региона, который бы полностью соответствовал их интересам. В результате они оказываются в очень серьезной зависимости от внешних сил, вовлеченных в регион.

Какими же могут быть функции этих внешних сил, вовлеченных в «конструирование» региона.

1. В условиях серьезных угроз безопасности как внутри (политическая нестабильность, экстремизм, терроризм и преступность особенно связанная с транспортировкой наркотиков), так и снаружи (соседство с Афганистаном и другими частями мировой «дуги нестабильности»), центральноазиатским странам как по отдельности, так и в рамках региона в целом, необходимы внешние гарантии безопасности. Такие гарантии могут дать только такие крупные военные державы, как Россия, США или Китай, и такие расположенные «по соседству» структуры безопасности, как ОДКБ, НАТО и ШОС.
2. Для того чтобы наладить эффективное региональное экономическое сотрудничество (например, в водно-энергетической, транспортной, торговой областях), необходимы затраты ресурсов. У центральноазиатских стран этих ресурсов не хватает¹⁷⁵. Здесь необходима помощь внешних спонсоров.
3. Равным образом требует вложения средств, которых недостает самим странам Центральной Азии, деятельность региональных международных организаций.
4. Государства региона нуждаются в формулировании нового универсального проекта модернизации и развития, взамен рухнувшего советского. Ключевую роль в создании такого рода проектов играет притягательность внешнего примера. Последняя также может быть определена как «мягкая сила» (soft power) крупных стран, выступающих в качестве модернизационного образца.
5. Большую роль в формировании структур регионального порядка играет также создание культурных рамок сотрудничества, конструирование символических систем, создающих атмосферу общности и доверия; последнее может включать в себя постулирование исторической и культурной общности. Сюда же примыкает формирование системы неформальных личных контактов между политическими и экономическими элитами, позволяющее лучше изучить друг друга и наладить эффективное сотрудничество. Для всего этого тоже требуются ресурсы, которых не хватает самим странам региона. Последние тратят все свои усилия на формирование национальных идентичностей и легитимацию существующих режимов, а не на определение символов идентичности в рамках региона.

Все перечисленные выше факторы связаны между собой системой прямых и обратных связей. Попробуем воссоздать эту систему связей, начиная с культурно-идеологических моментов, так как их анализ для теории международных отношений является наименее традиционным¹⁷⁶. Всем силам, борющимся за влияние в Центральной Азии, выгодно подчеркивать свои исторические связи с регионом. Последние также можно рассматривать как идеологический ресурс или «мягкую силу» внерегиональных игроков по отношению к странам региона. При этом представления о прошлом органически перекликаются с представлениями о будущем.

Из ответа на вопрос, с какими внешними силами в прошлом историко-

¹⁷⁵ В последнее время они стали появляться у Казахстана.

¹⁷⁶ Его введение в качестве «легитимной» проблематики связано с конструктивизмом.

культурные связи важны, а с какими – нет, вытекает ответ на другие вопросы. Куда будет развиваться Центральная Азия, по опробованной в какой стране или регионе мира модели, кто будет ее основными партнерами? Каково будет ее место в будущем мире, в рамках какой региональной общности (постсоветское пространство, исламский мир, АТР, периферия ЕС) она будет существовать?

В этом плане формулирование моментов исторической общности играет также функцию определения места Центральной Азии в *пространстве* современного мира и в *историческом времени*.

Внешние силы заинтересованы в отборе таких исторических, связанных с ними эпизодов, в которых проявляется *смысл истории* центральноазиатских стран и *сущность* исторически сложившихся в ней политических и социально-экономических систем. Каковы, по своей сути, социальные, политические и культурные институты региона? В какие периоды истории Центральной Азии проявлялась ее истинная сущность, которую можно спроецировать на будущее, а когда были случайные и преходящие факторы? В период Персидской империи? Во времена Александра Македонского, Селевкидов, греко-бактрийцев? В период наибольшей экспансии китайской империи Тан? При арабах? В эпоху Саманидов? В период Чингизхана? При Тамерлане? В российское и советское время?

В каких местах Центральной Азии проявлялась и проявляется ее истинная сущность? На слабо исламизированных территориях севера Казахстана и Киргизии, примыкавших к кочевничеству Монголии, Сибири и Северного Китая? В русифицированных городах советского времени? В исламизированных аграрных обществах Таджикистана и Узбекистана или в русскоязычных деревнях Северного Казахстана? В соседских общинах-махалля старых городов Узбекистана и Таджикистана, представляющих собой специфический местный вариант гражданского общества? В родо-племенных структурах туркмен и казахов? В изолированных натуральных хозяйствах или во всемирной транзитной торговле «Великого шелкового пути»?

Ответы на все перечисленные выше вопросы тесно связаны с той или иной формулировкой универсального проекта модернизации и развития. А это, в свою очередь, может заложить идеологические основы для эффективного сотрудничества в экономической и военно-политической областях с внешними силами.

Попробуем проанализировать, *какие специфические внешнеполитические и международно-политические проблемы создаются таким способом конструирования международных институтов в регионе?*

Прежде всего ответим на вопрос, как сказывается на внешних политиках государств Центральной Азии то, что структуры регионального порядка задаются, преимущественно, извне? В условиях, когда внешние спонсоры активно оказывают им помощь, предлагая различные интеграционные проекты, центральноазиатские государства не имеют возможности сами вкладывать ресурсы в поддержание и развитие региональных институтов. Примером необходимости внешних спонсоров для функционирования любых международных институтов в регионе является судьба провалившегося проекта интеграции собственно внутри Центральной Азии (ОЦАС–ЦАЭС–ЦАС).

Использование результатов кооперации без вложения ресурсов в их под-

держание называется «дилеммой безбилетника» (Free-rider dilemma). Известно, что в ситуации этой дилеммы можно получать разные краткосрочные выигрыши на уровне отдельного участника игры. В то же время, вся система в целом несет потери. В результате, в долгосрочной перспективе, в проигрыше оказываются и все отдельные игроки.

Для новых независимых государств Центральной Азии позитивной стороной использования «стратегии безбилетника» становится привлечение дополнительных ресурсов отовсюду, и даже использование сотрудничества с одними акторами в качестве аргумента для того, чтобы «подхлестнуть» желание их конкурентов вкладывать средства в регион. Однако это создает очень серьезный вакуум силы, который постоянно «втягивает» в себя внешних акторов-спонсоров. При этом последние, в свою очередь, как бы «тянут» регион в разные стороны, «разрывая» его на части.

В результате страны региона начинают «разрываться» между разными «векторами» собственной внутренней и внешней политики. Это блокирует возможности создания внутри стран эффективных моделей развития. Взаимодействия внутри региона не налаживаются, создавая массу проблем на других уровнях внутренней, центральноазиатской и мировой политики. Страны Центральной Азии никак не могут выбраться из ситуации высокой региональной неопределенности, со всеми вытекающими отсюда последствиями (конфликты, непредсказуемость, отсутствие условий для эффективного сотрудничества).

Поскольку регион конструируется извне, то он также оказывается «заложником» тех противоречий между странами и их группами, которые существуют в современной мировой политике. Наличие серьезной международной конкуренции и борьбы, например, между Россией и США; Россией и ЕС; Китаем и США; исламским миром и Западом в контексте «джихада против мира Макдоналдсов»¹⁷⁷, с одной стороны, и «борьбы с терроризмом», с другой, превращают Центральную Азию в объект всех этих столкновений и противоречий.

Как же сказывается подобная ситуация на политиках крупных внерегиональных держав в Центральной Азии? Каждая из них в той или иной степени поддерживает «свои» интеграционные проекты, собственные варианты формирования региональных институтов и идентичностей, выдвигает особые пути решения региональных проблем. Все они хотят добиться эффективного сотрудничества с центральноазиатскими странами на основе спонсируемых ими международных институтов. Они поддерживают проекты экономической глобализации региона (например, в виде специфических транспортных и транспортно-трубопроводных решений), от которых что-то выиграют все, но именно они получают основные преимущества.

В результате создается ситуация, когда параллельно существуют разные проекты и структуры, предназначенные для решения одних и тех же проблем. Их создатели не только не сотрудничают друг с другом, но и часто вообще друг друга не замечают. Средства внешних спонсоров расходуются неэффективно, а подлинно глобальные проблемы не решаются. Приведем в этой связи два примера. Один – из области безопасности, другой – экономики.

В современной Центральной Азии для борьбы с одними и теми же гло-

¹⁷⁷ Barber B. R. Jihad vs. McWorld: How Globalism and Tribalism are Reshaping the World. New York: Ballantine, 1996.

бальными угрозами (терроризм, экстремизм, проблемы «несостоявшихся государств», наркоторговля) развернуты три крупные военные машины (ОДКБ, ШОС и НАТО). Однако между ОДКБ и ШОС гармоничные отношения только начали устанавливаться в последнее время, а между НАТО и двумя вышеперечисленными организациями вообще никаких отношений нет. В результате проблемы региона не только не решаются, но, напротив, усиливаются благодаря постоянно маячащей на горизонте угрозе противостояния крупных внешних сил.

В области экономики центральноазиатские страны участвуют сразу в целой серии региональных торгово-интеграционных организаций постсоветского пространства (ЕврАзЭС, ШОС), исламского мира (ЭКО), а также связывающих их с Китаем (ШОС). Перспективными в этом отношении являются и программы социально-экономического сотрудничества с ЕС. В результате образуется беспорядочно перемешанная система экономических обязательств, которую доклад Азиатского банка развития уподобил «чашке со спагетти»¹⁷⁸. Поскольку интеграционные обязательства внутри вышеперечисленных структур часто взаимоисключающие, то центральноазиатские страны, при всем желании, не смогли бы их придерживаться.

Крупные внерегиональные силы в отношении к Центральной Азии также оказываются перед серией серьезных внешнеполитических дилемм. Главная из них – та же «дилемма безбилетника». Если другие крупные силы строят параллельные структуры для решения тех же проблем, то почему бы не предоставить им решать вопросы региона, а самим попробовать сконцентрироваться на том, что приносит реальную экономическую прибыль (торговля, проекты транспортировки энергоносителей, включение стран Центральной Азии в различные экономико-региональные структуры, формирование общей идентичности для облегчения этих процессов)?

Например, даже Россия в начале 2000-х гг. использовала антитеррористическую операцию США в Афганистане для того, чтобы избавиться от талибской угрозы, с которой она не смогла бы справиться своими силами. Точно так же, благодаря позиции США, Казахстан в начале 1990-х гг. отдал России ядерное оружие. США, в свою очередь, дали России возможность преимущественно своими силами стабилизировать ситуацию в Таджикистане в середине 1990-х гг.

Отнюдь не все внешние игроки (и даже их коалиции) имеют необходимые ресурсы для того, чтобы решать проблемы стабильности в Центральной Азии. В следующем разделе данной работы мы покажем, что только Россия, Запад (т. е. преимущественно США и ЕС вместе взятые) и, во все возрастающей степени, Китай были готовы на существенные затраты ресурсов для создания системы стабильных региональных институтов в Центральной Азии. В то же время, многие другие внерегиональные игроки из исламского мира (Турция, Иран, Пакистан, арабские страны) и АТР (Япония, Южная Корея), вынуждены были *полагаться на результаты работы по созданию институтов*

¹⁷⁸ См.: Asian Development Bank. Increasing Gains from Trade Through Regional Cooperation in Trade Policy, Transport, and Customs Transit. 2006. В этом плане, описанная ситуация в отношениях между внерегиональными игроками вполне может быть определена в терминах теории игр как классическая «дилемма узника».

регионального сотрудничества со стороны других внешних сил¹⁷⁹. Частично такую политику использовал и продолжает использовать также Китай.

В этом последнем случае центральноазиатская стратегия, по сути, формируется лишь в общих чертах, т. е. чрезвычайно неопределенно. Подчеркивается наличие каких-то общих историко-культурных связей с Центральной Азией и объективных интересов к политическому и торгово-экономическому сотрудничеству.

Высокая неопределенность в формулировке центральноазиатской политики со стороны ряда стран является вполне рациональным ответом на высокую неопределенность самой структуры отношений в регионе. Достаточно плохо предсказуемо то, какие новые вызовы региональной или глобальной безопасности появятся в Центральной Азии. Неизвестно, какими будут зигзаги внутренней и внешней политики центральноазиатских государств (например, в плане выбора ключевых союзников) даже в краткосрочной перспективе. непонятно, как в постоянно меняющихся условиях региона будут действовать другие крупные внерегиональные державы.

Другим вариантом ответа на высокую внутрирегиональную неопределенность оказывается *большая противоречивость одновременно реализуемых проектов и их серьезная изменчивость во времени*. Последнее легко объяснимо региональной нестабильностью. Постоянно меняется стратегическая ситуация в регионе – меняются и основные черты реализуемой в нем политики. Первое же связано с пестротой региона, многополярностью интересов и ориентаций составляющих его стран. В результате, по отношению к любому внешнему игроку в центральноазиатских странах возникают разные группы противоречивых интересов. Между тем внешней силе, которая пытается взять на себя ответственность за судьбу региона, приходится принимать в расчет все эти интересы. Поскольку между ними нет общей логики, то и возникают разные одновременно сосуществующие проекты.

Это в наибольшей степени было характерно для тех государств и их коалиций, которые брали на себя основную ответственность за положение в регионе, т.е. для России и стран Запада (особенно США). Например, Россия часто одновременно поддерживала такие отнюдь не во всем согласованные друг с другом интеграционные проекты, как СНГ, ЕЭП России, Украины, Белоруссии и Казахстана, ОЦАС, ЕврАзЭС, ОДКБ и ШОС. США и ЕС спонсировали целый ряд плохо совместимых друг с другом проектов: программы взаимодействия с НАТО и ЕС; программы воссоздания «Великого шелкового пути»; интеграцию «тюркского мира» вокруг Турции и, в этой связи, частично ЭКО; идеи «Большого Ближнего Востока» и «Большой Центральной Азии»; региональной интеграции в рамках ЦАС–ЦАЭС–ОЦАС; «альтернативной» интеграции постсоветского пространства в рамках ГУУАМ и изоляционистски настроенные по отношению к постсоветскому пространству внешние политики.

Крайняя противоречивость политики США в регионе будет еще виднее, если мы примем в расчет, что это государство в разные периоды времени: а) концентрировалось на сотрудничестве с Россией (в начале 1990-х гг.) или на

179 Ahrari M.E. and James Beal. The New Great Game in Muslim Central Asia// Mcnair Paper 47. Washington, D.C.: National Defense University, January 1996; Hill F. Pipeline Politics, Russo-Turkish Competition and Geopolitics in the Eastern Mediterranean// Security and Cooperation in the Eastern Mediterranean, edited by Andreas Theophanous and Van Coufoudakis. Cyprus: Intercollege Press, 1997. P. 200.

сдерживании и противостоянии России (позднее); б) под давлением армянского лобби в Конгрессе оказывало помощь Армении или (со второй половины 1990-х гг.) под влиянием «нефтяного» лобби стало стремиться установить хорошие отношения с Азербайджаном; в) косвенно поддерживало «Талибан» (до 1997 г.) в Афганистане или выступало резко против него (особенно, с 1998 г.); г) в рамках «приоритета интересов над демократическими ценностями» поддерживало правительство Узбекистана (со второй половины 1990-х гг.) или оппозицию (примерно с 2002 г.).

3. «Большая игра»: новая или старая?

Каким образом международно-политические процессы, происходящие в Центральной Азии, можно смоделировать? Обычно для их описания используют два термина, каждый из которых содержит в себе определенные элементы модели: *геополитическое соперничество* и «большая игра».

Использование чрезвычайно общего термина «*геополитическое соперничество*», по сути, синонимично утверждению, что в политическом соперничестве разных сил вокруг Центральной Азии используются разные пространственные, в частности, регионально-пространственные представления. Кроме того, в регионе сталкиваются существенно разнородные по своей политической культуре внешние силы, представляющие разные регионы мира. Все это, как нам представляется, соответствует реальности. Однако такой уровень анализа явно недостаточен.

Термин «*большая игра*» намного более конкретен. Он предполагает построение параллелей между международно-политическими процессами в современной Центральной Азии и колониальным соперничеством России и Великобритании на континентальных путях в Индию в XIX в. При этом к формированию исходной метафоры приложил руку такой великий писатель, как Р. Киплинг, в частности, в романе «Ким». Идея параллельности процессов XIX в. и конца XX — начала XXI в. широко распространена в западной литературе по Центральной Азии¹⁸⁰. Приобрела популярность она и в России, в частности, благодаря серии передач публициста Михаила Леонтьева по 1-му каналу.

Тем не менее, мы считаем, что сходство двух серий процессов не следует преувеличивать. В связи с этим ниже мы перечислим пункты различий между «большой игрой» XIX в. и современными процессами в Центральной Азии.

А. В «большой игре» XIX в. участвовали всего 2 стороны: Великобритания и Россия. В центральноазиатском регионе им нужно было учитывать только позиции и ресурсы друг друга. Германия ко времени Первой мировой войны имела лишь интересы на границе Ирана и Ирака. Другие крупные европейские державы не считали регион своей зоной интересов. Китай и Турция влияли на ситуацию очень слабо и часто служили «пешками» в игре великих европейских держав.

¹⁸⁰ Waltz K. Theory of International Politics. N.Y. McGraw-Hill, 1979.

В настоящее время во взаимодействиях участвует большое количество различных внерегиональных игроков, вступающих между собой в очень сложные ситуационные отношения кооперации или соперничества по разным вопросам. Взаимодействие большого количества внешних игроков создает очень сложную внешнюю среду, которая серьезно влияет на действия каждого отдельного внешнего актора. Кроме того, начинает работать классическая схема «насыщения рынка» в виде формирования «баланса сил» между разными государствами и коалициями, предложенная К. Уолтсом¹⁸¹.

Б. В период «большой игры» местные центральноазиатские правительства не были включены в международную (тогда европейскую) систему в качестве ее формально равноправных членов. Идеологически они вообще не воспринимались великими державами как легитимные региональные акторы в силу их «отсталости» и слабости. Регион воспринимался как некое «пустое» пространство, которое именно в силу этой пустоты было лишено институциональной структуры и не искажало стратегий двух великих держав. Афганистан по факту эффективного сопротивления заставил англичан частично учитывать свою позицию, однако и ему была навязана система неравноправных договоров. Сейчас центральноазиатские государства включены в международную систему как, по крайней мере формально, независимые равноправные государства.

Существенно при этом то, что они не связаны системой неравноправных договоров и могут сами в любой момент выбирать себе внешних партнеров. Эта возможность выбора также облегчается наличием большого количества внешних игроков и связывающих Центральную Азию с ними формально-институциональных структур.

В. В период «большой игры» Центральная Азия почти не интересовала великие державы как таковая. Она воспринималась, прежде всего, как стратегический подступ к Индии или, соответственно, в глубь России, который нужно было либо захватить самому, либо не дать захватить другому. Она сама по себе не воспринималась ни как источник возможностей, ни даже как угроза. Войны России с центральноазиатскими государствами носили, по затратам ресурсов, например, по сравнению с кавказской войной, чисто локальный характер¹⁸². Экономически же Центральная Азия была для России, скорее, убыточным предприятием, так как казне пришлось за свой счет оплачивать строительство современной инфраструктуры и переселение русских в регион. В этой связи многие из царских сановников времен российского завоевания (например, губернатор Западной Сибири) выступали резко против него по чисто экономическим соображениям.

Сейчас Центральная Азия интересует внешних игроков и как источник сырья (особенно углеводородного) и в плане нейтрализации исходящих от-

181 Михайлов А. А. Первый бросок на юг. М.: «АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2003.

182 Государства тоже можно рассматривать как комплексные структуры, являющиеся точками притяжения или референциальными точками (М.В. Ильин) достаточно сложных коалиций, включающих в себя различные государственные органы (которые отнюдь не всегда друг с другом во всем согласны), ТНК, НГО, международные организации, сетевые структуры – диаспоральные, террористические, криминальные и т.д.

туда угроз (экспорт нестабильности, терроризм и религиозный экстремизм, наркотрафик, миграция и т. п.).

Г. «Протоглобализация» конца XIX в. заключалась в механическом разделе мира на сферы влияния великих держав. Современная глобализация действует куда более тонкие механизмы экономического и политического влияния, помощи и технического содействия, создания различных эффективных форм институционального взаимодействия (включая интеграционные проекты), опосредованного контроля над транспортными маршрутами. В современной Центральной Азии борьба внешних сил принимает формы конкуренции различных интеграционных проектов, которые поддерживают те или иные внерегиональные силы. Важной составной частью этих проектов оказывается борьба за направления транспортных (и особенно трубопроводных) путей, которые включают регион в процессы глобализации к выгоде того или иного внешнего игрока.

Д. Центральная Азия периода «большой игры» была лишена собственной системы международных институтов и организаций, которые бы создавали возможности для кооперации различных внешних и внутренних сил, сдерживали бы их односторонние действия. В настоящее время этих структур существует очень большое количество. Они опираются на те или иные формы региональной идентичности, которые включают в себя элементы историко-культурного конструирования, используемые для пропагандистской поддержки и популяризации соответствующих интеграционных проектов. Формируются также национальные идентичности новых независимых государств (ННГ) Центральной Азии, которые (через представления о собственных национальных интересах и положении в мире) начинают детерминировать их внешнеполитическое поведение. Эти национальные идентичности вступают в сложное взаимодействие с региональными идентичностями, на которых основываются различные интеграционные проекты.

Таким образом, со времен «большой игры» XIX в. Центральная Азия перестает быть «пустым пространством» и чистой ареной борьбы внешних сил. Она обретает «внутреннюю плотность», включающую в себя значительно большее количество разных внутренних и внешних сил, образующих зачастую причудливые балансы. Возникает очень сложная структура взаимодействующих международных институтов и организаций. Наконец, Центральная Азия для внешнего мира выступает в качестве уникального набора вызовов, преимущественно, в сфере безопасности и возможностей, особенно, в сфере энергетики.

Итак, если мы можем использовать модель *новой «большой игры»*, то только в качестве метафоры и при наличии понимания того, насколько ситуация в современной Центральной Азии отличается от той, что имела место в XIX в.

Рассмотрим подробнее складывающуюся в регионе структуру международных взаимодействий внерегиональных сил с точки зрения *участников игры, их ключевых ресурсов и целей.*

А. Участники игры

Прежде всего, ими являются отдельные государства (Россия, США, государ-

ства ЕС, Китай, Турция, Иран, Индия, Пакистан) и т. д.¹⁸³ Они могут вступать между собой в разнообразные коалиции как краткосрочного, так и долгосрочного характера, в том числе по цивилизационно-региональному признаку. Назовем устойчивые коалиции последнего типа «коалициями максимально высокого уровня». Это – «Запад», «исламский мир», Китай и другие страны АТР. Россия иногда действует как представитель коалиции группы стран постсоветского пространства. Таким образом, можно говорить о четырех ключевых мировых коалициях, интересы которых сталкиваются в Центральной Азии. Индия же чаще всего выступает как отдельное государство и не имеет постоянных коалиционных партнеров максимально высокого уровня.

Однако эти коалиции внутренне достаточно неоднородны. Они часто распадаются на элементы, которые, в свою очередь, легко вступают во взаимодействия с элементами других коалиций. Особенно это характерно для стран АТР. Некоторые из элементов коалиций максимально высокого уровня могут состоять одновременно больше, чем в одной коалиции. Турция часто выступала в качестве части и западной, и исламской коалиции одновременно. Поэтому нельзя рассматривать эти коалиции максимально высокого уровня в качестве постоянных международных акторов, как это делают сторонники «цивилизационного подхода».

Роль отдельных государств внутри этих коалиций тоже различна. Например, Китай и Россия – это, прежде всего, государства, а исламский мир и Запад – значительно более сложно устроенные коалиции.

Факт наличия коалиций максимально высокого уровня подтверждается следующими фактами: 1) все участники соответствующих коалиций поддерживают проекты интеграции стран Центральной Азии в сторону «своего» региона; 2) все они выступают за то или иное географическое направление развития транспортных маршрутов и, соответственно, за определенный, выгодный им, способ включения региона в процесс глобализации и в мирохозяйственные связи; 3) все они используют для поддержания транспортных и интеграционных проектов сходную и дающую им преимущества культурно-цивилизационную идентичность центральноазиатских стран (западно-секулярную; постсоветскую или евразийскую; мусульманскую; различные варианты азиатской).

Б. Ресурсы

Внерегиональные игроки в отношениях со странами Центральной Азии используют разнообразные ресурсы. К их числу можно отнести экономические (инвестиции, торговля, различные виды экономической помощи), политические (влияние, в том числе в международных организациях), военно-политические и относящиеся к сфере безопасности (военные силы и различные специальные службы). Наконец, важным типом ресурсов являются неоднократно упоминавшиеся выше идеолого-символические (символы общности, наличие историко-культурной связи, привлекательность идентичности, культуры и универсального проекта развития).

¹⁸³ Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 1998.

В. Цели и задачи

Для многих внешних игроков (Россия, США и ЕС, Китай) важной целью в Центральной Азии является борьба с трансграничными вызовами и угрозами (терроризм и религиозный экстремизм, торговля наркотиками, неконтролируемая миграция).

Для всех внешних игроков важные задачи лежат в плоскости экономического сотрудничества. Последнее включает в себя развитие торговли и инвестиций. Ключевым объектом интереса при этом выступают различные ресурсы, прежде всего топливно-сырьевые.

Многие из внешних игроков заинтересованы в поиске постоянных союзников. Контакты со странами Центральной Азии могут быть также использованы для повышения стратегического влияния на постсоветском пространстве и в мире в целом.

Возможность политико-экономической экспансии многих внешних сил (прежде всего, стран Запада, АТР, исламского мира) тесно связана с возможностью распространения на новые части мира выработанной в этих странах универсальной модели развития.

Внешние игроки заинтересованы в том, чтобы «втянуть» Центральную Азию в систему региональных институтов, представляющих тот регион мира, с которым они связаны (постсоветское пространство, Европа, исламский мир, АТР). В связи с этим все 4 крупные коалиции максимально высокого уровня имеют поддерживаемые ими интеграционные проекты.

Разные внерегиональные силы также активно пытаются влиять на процесс образования национальной идентичности новых независимых государств региона, на понимание ими своих национальных интересов, исторических особенностей, т.е. на те факторы, которые могут предопределить выбор долгосрочных союзников. Идет активная культурно-пропагандистская борьба, где плохо предсказуемо не только будущее, но и прошлое. Целью символической конкуренции является, в частности, актуализация тех или иных исторически сложившихся идентичностей, соответствующих интересам четырех максимально больших внерегиональных коалиций.

4. Региональная нестабильность в Центральной Азии и мировая политика

Итак, конструируемые извне региональные институты Центральной Азии оказываются в *прямой зависимости* от всех пертурбаций мировой политики. Последняя резко усиливает и так высокие уровни неопределенности и нестабильности, существующие на всех уровнях жизни региона. Проанализируем подробнее эти взаимосвязи.

Внутренняя нестабильность. Политические режимы, сложившиеся в странах региона, являются персоналистскими. Они основаны на доминировании фигуры президента, использующего (в разных пропорциях в разных странах) для упрочения своей власти различного рода патронажно-клиентельные сети и силовые структуры. Для такого рода систем серьезными вызовами являются моменты смены лидеров. Чисто возрастной фактор указывает на возможность смены президента в пяти-семилетней перспективе в двух крупнейших

странах региона – Казахстане и Узбекистане. Последующая борьба за власть может вызвать серьезную дестабилизацию в масштабах всего региона.

Граничащие в области Ферганской долины Узбекистан, Таджикистан и Киргизия подвержены очень серьезным внутривнутриполитическим угрозам, связанным с деятельностью религиозно-экстремистских и террористических групп. Эта угроза подкреплена негативными тенденциями в социальной сфере, вызванными, в частности, резким ростом населения и увеличением доли безработной молодежи. Негативные социально-демографические и экологические проблемы региона резко усиливаются благодаря общему кризису идентичности, характерному для всех постсоветских стран, и распространению радикальных религиозных и политических идей, компенсирующих этот вакуум.

Все эти угрозы усиливаются, в свою очередь, комплексным экологическим кризисом. Последний связан, прежде всего, со все увеличивающимся недостатком воды как питьевого, так и ирригационного назначения.

С чисто экономической точки зрения сырьевые экономики региона очень слабы и сильно зависимы от перемен в конъюнктуре мировых рынков. При этом, с 1991 г. по настоящее время в разных странах региона в разных сочетаниях наблюдается комплексная демодернизация в целом ряде сфер: снижение доли городского населения (дезурбанизация), снижение доли промышленного производства относительно сельскохозяйственного и/или доли конечного продукта внутри промышленного производства, резкое падение человеческого капитала, уровня жизни и стандартов образования и здравоохранения, увеличение разрывов в уровнях доходов.

Некоторые из этих тенденций, свидетельствующие о комплексном кризисе модели развития, появились еще до распада СССР. Например, в Туркменистане и Таджикистане уже в 1980-е гг. наблюдалась дезурбанизация, т.е. уменьшение относительной доли городского населения и создание аграрного перенаселения¹⁸⁴. В Таджикистане это способствовало распространению различного рода идей «исламского возрождения».

Международно-региональная нестабильность. Центральноеазиатские государства практически не используют существующий в их экономиках потенциал сотрудничества, заложенный еще в советское время. В частности, структура распределения ресурсов в регионе могла бы позволить организовать эффективный обмен гидроэнергии из вышележащих по течению рек стран на углеводороды из нижележащих. В результате было бы обеспечено снабжение Киргизии и Таджикистана нефтью и газом, а Казахстан, Узбекистан и, особенно, Туркменистан могли бы не использовать углеводороды для получения электричества. Таким образом, экспорт нефти и газа из региона существенно бы вырос.

Существуют очень серьезные разногласия лежащих выше и ниже по течению Сыр-Дарьи и Аму-Дарье стран, не позволяющие оптимизировать выработку электроэнергии в Киргизии и Таджикистане, а также наладить орошение полей в Узбекистане и облегчить экологические проблемы Аральского

¹⁸⁴ Mapping the global future. Global trends 2020. December, 2004. Более подробно анализ этого доклада, в том числе, с точки зрения последствий для России, проведен нами (совместно с О.О. Харченко) в тексте: Россия и мир в 2020 году: прогнозы зарубежных аналитиков. Аналитический доклад// Аналитические доклады НКСМИ МГИМО. Выпуск 9(14), декабрь 2006.

моря. Нижележащие страны (особенно Узбекистан) препятствуют строительству новых гидроэлектростанций в вышележащих, а также не дают им сбрасывать воду из плотин в периоды максимумов потребления электроэнергии, обосновывая это необходимостью обеспечения водного баланса региона.

Многие части Центральной Азии лишены международно признанных границ, а чересполосица владений, особенно в Ферганской долине, очень высока. Узбекистан в одностороннем порядке захватил там ряд спорных с Таджикистаном и Киргизией местностей, заминировав подходы к ним и построив там различные военно-инженерные сооружения. В Таджикистане существуют настроения в пользу предъявления территориальных претензий на таджикоязычные области Узбекистана. В начале 2000-х гг. боевики Исламского движения Узбекистана вторгались на территории Киргизии и Узбекистана с территории Таджикистана. В свою очередь, Узбекистан стоял за неудавшимся путем полковника Худойбердыева в Таджикистане.

Предметом разногласий между странами является национальная принадлежность ряда ключевых, с точки зрения энергетики, территорий, в том числе тех, где расположены значительные месторождения углеводородов. Наиболее существенный конфликт такого рода — спор Туркменистана и Азербайджана по поводу принадлежности нефтегазовых месторождений на Каспии. Серьезные территориальные претензии на тот сектор Каспия, который Азербайджан считает своим, выдвигает и Иран. Для туркменско-узбекской границы характерны постоянные инциденты и демонстрации военной силы.

Размеры торговли между странами региона незначительны, несмотря на то, что с советских времен между ними существуют элементы взаимодополнительности. Это сдерживает их экономическое развитие.

Риски, связанные с мировой политикой, также очень серьезно сдерживают развитие экономики региона. Центральноазиатские государства практически полностью зависят от внешних инвесторов в получении финансовых средств и новых технологий добычи природных ресурсов, прокладке трубопроводов. Геополитическая конкуренция внешних игроков за ресурсы региона и их противоречия сдерживают развитие экономики Центральной Азии. Столкновение интересов крупных держав также создают атмосферу неопределенности с направлением экспортных потоков региона даже в краткосрочной перспективе.

США блокируют возможности транспортировки центральноазиатских нефти и газа *через Иран в Европу или Персидский залив*. В результате этот маршрут пока используется лишь европейскими компаниями, работающими на Каспии в рамках «своповых» соглашений с Ираном.

Позиции Ирана и России служат препятствием для *строительства трубопроводов через Каспийское море в Азербайджан*. Пока по этому маршруту танкерами экспортируется казахская нефть, в частности, через модернизированный порт Актау. Здесь существуют перспективы роста экспорта до 20 млн тонн в год.

Продолжающийся конфликт в Афганистане, а также разногласия между Индией и Пакистаном полностью блокируют строительство *газопровода из Туркменистана по южному маршруту*.

Отсутствие взаимопонимания и эффективного сотрудничества между разными внерегиональными силами, вовлеченными в борьбу с терроризмом, ре-

лигиозным экстремизмом и наркомафией в Центральной Азии, резко снижают эффективность этой борьбы.

Неопределенность и нестабильность в Центральной Азии чрезвычайно сильны даже по сравнению с другими проблемными регионами мира.

А. Практически ни один регион в мире (кроме Балкан, Кавказа и некоторых частей Африки) не характеризуется такими внутренними противоречиями и различиями, столь существенной внутренней вариативностью различных культурных практик, идентичностей, столь широким набором сценариев возможной интерпретации исторического наследия. Очень мало еще в мире есть таких регионов (в основном в Африке), где государства столь широко применяют опасную стратегию «безбилетника», перелагая всю заботу о формировании региональной структуры на внешних спонсоров.

Б. В Центральной Азии международный регион образовался лишь в 1991 г. Он – один из самых молодых в мире (сопоставим только с Южным Кавказом и некоторыми частями Восточной и Юго-Восточной Европы) и все еще находится в процессе становления своей институциональной структуры, системы международных организаций, в поиске культурно-политической идентичности.

В. В мире больше нет другого региона, которому бы мощные внерегиональные силы предложили так много различных возможных вариантов развития. Это связано с историческими особенностями центра Евразии, всегда служившего местом встречи великих цивилизаций побережий материка. Центральная Азия – мировой рекордсмен по количеству разнообразных противоречащих друг другу интеграционных проектов.

Г. Центральная Азия характеризуется уникальной комбинацией вызовов и угроз разного уровня. В то же время конкуренция внешних сил и отсутствие региональной кооперации между самими центральноазиатскими странами уничтожают существенную часть потенциала международного сотрудничества в деле нейтрализации этих угроз.

Зависимость региональных институтов в Центральной Азии от структуры мировой политики будет являться долгосрочной проблемой в свете того, что совершенно неясно, каким будет соотношение сил на глобальной арене между ключевыми внешними игроками в Центральной Азии даже к 2020 г. Неизвестно и то, какими будут ключевые тенденции развития мира. В результате, регион оказывается еще и заложником все усиливающейся глобальной неопределенности. В качестве иллюстрации последней напомним читателю 4 основных

наиболее вероятных сценария развития мира к 2020 г., сформулированных национальным советом по разведке США¹⁸⁵.

Первый из них – «Давосский мир» иллюстрирует то, как высокие темпы экономического роста, прежде всего в Китае и Индии, могут за 15 лет изменить процесс глобализации, сделав ее менее «вестернизированной» и трансформировав геополитическое пространство. В то же время, несмотря на сдвиг в соотношении сил в сторону новых международных акторов, основные существенные характеристики современных структур глобального протопорядка сохранятся.

Этот сценарий предусматривает следующие существенные характеристики.

Стремительный экономический рост изменяет вектор направления глобализации – она становится ориентированной на Азию. Азиатские «гиганты» обгоняют западные экономики по темпам экономического роста. Азиатская культурная идентичность становится все более влиятельной. Новые великие экономические державы стремятся увеличить свое геополитическое влияние и установить новые правила игры. В области развития новых технологий Европа станет отставать, Азия вырвется вперед, а США придется приложить большие усилия, чтобы сохранить свои позиции. Конкуренция за сырьевые ресурсы (нефть и газ) между старыми и новыми мировыми лидерами становится определяющим фактором внешней политики.

Сценарий «*Pax Americana*» рассматривает, каким образом США могут сохранить превосходство в условиях радикальных изменений на мировой политической арене, что позволит превратить современные структуры глобального протопорядка в новый универсальный миропорядок.

Эта возможная картина развития будущего основана на следующих тенденциях.

Сохраняется глобальное доминирование США, за ними окончательно утверждается роль «мирового полицейского». Политические и военно-политические блоки переформируются.

Отношения между США и Европой укрепляются. Япония, Тайвань, ряд стран Юго-Восточной Азии могут укреплять свои отношения с США для создания противовеса Китаю в регионе. В Азиатском регионе вероятность межгосударственных конфликтов выше, чем в других регионах мира. Возможен треугольник напряженности США–Китай–Япония. Подъем Индии неизбежно повлияет на политику Центральной Азии, Ирана, стран Ближнего Востока. Возможен альянс Индии с Сингапуром, Малайзией, Тайванем для противовеса Китаю. Продолжится экономический рост Бразилии, Индонезии, ЮАР, и даже России. Он будет не настолько высоким, чтобы оказывать влияние на

185 Понятие «Копенгагенской школы» включает круг исследователей, связанных с Копенгагенским институтом исследований проблем конфликта и мира (COPRI). См. например: *Buzan B.* People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. N.Y.—L.: Harvester Wheatsheaf, 1991; *Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; *Buzan B., Wæver O., de Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998; *O. Wæver.* Securitization and Desecuritization// On Security// Ed. by D. Lipschutz. N.Y.: Columbia University Press, 1995; *Wæver O.* Securitization and Desecuritization// Ronnie D. Lipschutz (ed), On Security. New York: Columbia University Press, 1995. P. 46—86; *Wæver O.* Identity, Communities and Foreign Policy: Discourse Analysis as Foreign Policy Theory// Lene Hansen and Ole Wæver (eds.) European Integration and National Identity: The Challenge of the Nordic States. London and NY, Routledge, 2002. P. 20—49.

региональные или глобальные процессы. Однако позиция этих стран будет важным фактором для усиления как традиционных, так и новых держав.

Сценарий «*Новый халифат*» предусматривает возможность того, что глобальное движение, основанное на религиозном радикализме, станет вызовом для существования западных норм и ценностей как основ структуры глобального порядка. Он включает в себя следующие характеристики будущего.

Революция в информационных технологиях способствует созданию виртуальных сообществ, обладающих большими возможностями влиять на процесс принятия политических решений. Внутри этих сообществ идет рост значимости религиозной и этнической идентичности, происходит распространение идеологии радикального ислама. Формируется глобальное движение, основанное на радикальной трактовке ислама; на первый план в мировой политике выходит межцивилизационное противостояние.

Происходит падение некоторых светских политических режимов в исламском мире. Идеологический разрыв между западным и мусульманским мирами растет. Привлекательность идеи Халифата может варьироваться в разных мусульманских странах. Возможны конфликты внутри самого мусульманского мира – в том числе, между шиитами и суннитами. Кроме того, мусульмане в тех регионах, которые получают выгоду от процесса глобализации, могут колебаться между выбором в пользу духовных ценностей Халифата и материальных благ глобализированного мира. Могут возникнуть новые террористические организации, защищающие Халифат от «неверных».

Сценарий «*Цикл страха*» описывает ситуацию, когда обеспокоенность государств распространением вооружений приводит к созданию всеобъемлющей системы контроля и усилению мер безопасности для предотвращения смертоносных атак в такой степени, что возникает общество, подобное описанному в романе-антиутопии Дж. Оруэлла. Основу этого сценария составляют следующие тенденции и факторы.

В развитых странах растет тревога и неуверенность в гарантированном трудоустройстве в связи с расширением мирового рынка труда и наплывом мигрантов. Одновременно сохраняется угроза международного терроризма, основанного на мусульманской идеологии. Появляется большое число разрозненных и децентрализованных террористических организаций и отдельных террористов.

Это сопровождается ростом организованной преступности, особенно в тех странах, где идут крупные экономические и политические изменения. Интенсификация внутрисоциальных конфликтов приводит к увеличению числа «несостоявшихся государств». Угрозы применения оружия массового уничтожения (ОМУ), в том числе, в террористических целях, растут.

Наращение всеобщего страха приведет к введению всеобъемлющих мер безопасности и систем тотального контроля. Запущенную «спираль страха» будет практически невозможно остановить – усиление чувства небезопасности в связи с распространением ОМУ и терактами будет подталкивать развивающиеся страны к созданию ядерного оружия для своей защиты. Усиленные и чрезмерные меры безопасности могут стать серьезным барьером для дальнейшего экономического прогресса. Опасаясь за свою безопасность, США будут пытаться все активнее действовать в одиночку, что может полностью подорвать международное сотрудничество.

Любой из этих сценариев несет Центральной Азии те или иные специфические угрозы. Особенно большими угрозами характеризуются прогнозы «Нового халифата» и «Цикла страха». В любом из этих случаев регион окажется полем очень серьезных битв и конфликтов между крупными мировыми силами. Сценарий «Давосский мир» предусматривает усиление Китая, Индии и России и, следовательно, активизацию их регионального соперничества (прежде всего за энергоносители) как со «слабеющим» Западом, так, возможно, и друг с другом. Напротив, в случае становления «Рах Americana» усилится давление США как «мирового полицейского» на Россию, Китай и страны Центральной Азии.

Кроме повышения глобальной неопределенности, можно вычленить еще две долгосрочные тенденции, которые во все большей мере начинают определять международные отношения в Центральной Азии.

А. Секьюритизация внешних политик

Концепция секьюритизации, предложенная Б. Бузаном, О. Уивером и Я. Де Вилдом (Копенгагенская школа¹⁸⁶), анализирует процессы восприятия новых угроз безопасности обществом. Речь идет о том, какие вопросы включаются обществом и политическими элитами в повестку дня обеспечения национальной и региональной безопасности. Секьюритизация – это дискурсивный процесс формирования представления о том или ином факторе как о значимой угрозе, сопровождающийся призывом к принятию срочных и исключительных мер по противодействию данной угрозе¹⁸⁷.

В связи с ростом значимости различных трансграничных вызовов и угроз безопасности Центральная Азия превратилась в объект секьюритизации для ключевых стран мира¹⁸⁸. В обеспечение региональной безопасности уже в настоящее время вовлечены такие ключевые страны мира, как Россия, США, государства Европы, Китай и такие представляющие их организации, как ОДКБ, ШОС, НАТО, ЕС. В контексте военно-политического противостояния США в регион вовлечен Иран; Индия и Пакистан рассматривают Центральную Азию как арену оппонирования друг другу; нефтедобывающие арабские страны являются основными финансовыми спонсорами религиозно-экстремистских организаций в регионе, и т.д.¹⁸⁹

Некоторые из ключевых трансграничных вызовов и угроз, особенно активно «втягивающие» в регион внешние силы, тесно связаны между собой. Это, прежде всего, наркоэкономика, терроризм и религиозный экстремизм, «несостоявшиеся государства» и нелегальная миграция.

По последним данным, на Афганистан приходится уже 93 % мирового про-

186 Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*// Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 490.

187 Бурнашев Р. Динамика присутствия НАТО в Центральной Азии: анализ на основе теории комплекса региональной безопасности// США и страны Центральной Азии: Реальности и перспективы взаимоотношений. Алматы: Казахский национальный университет им. аль Фараби, 2004. С. 128—140; Бурнашев Р., Черных И. Условия секьюритизации международного терроризма в Центральной Азии// Connections. The Quarterly Journal. 2005. Том IV. № 1. Весна. С. 161—173; Бурнашев Р., Черных И. Секьюритизация: Международный терроризм в Центральной Азии. Доклад Центра антитеррористических программ// <http://www.antiterror.kz>

188 В этом плане можно сказать, что региональный комплекс безопасности в регионе отличается очень низкой степенью автономии от мировых процессов секьюритизации.

189 Источник: *Berniyazova Assem.* Kazakhstan's Membership in the CSTO: Influence upon Security Sector and Military Culture. Manuscript.

изводства опиума. С наркотиками связана треть ВВП страны. Центральноазиатские страны, особенно Таджикистан, начиная с гражданской войны, превратились в основные маршруты транспортировки наркотиков в Западную Европу.

Рисунок 4. ЗОНЫ ПРОИЗВОДСТВА НАРКОТИКОВ И ПУТИ ИХ ТРАНСПОРТИРОВКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹⁹⁰

«Несостоявшиеся государства», т. е. государства, правительства которых плохо контролируют или вообще не контролируют свою территорию, являются основными жертвами экспансии наркоэкономики. Они же являются и питательной средой для расцвета терроризма и религиозного экстремизма. Афганистан до сих пор является «несостоявшимся государством», Таджикистан был им в период гражданской войны. Угроза образования новых «несостоявшихся государств» в регионе до сих пор не ликвидирована.

¹⁹⁰ Источник: Там же.

Рисунок 5. ЗОНЫ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ АКТИВНОСТИ И КОНФЛИКТЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹⁹¹

Именно сети мигрантов (например, таджикских рабочих в России или албанцев в Западной Европе) достаточно часто используются для перевозки и распространения наркотиков (хотя, разумеется, подавляющее большинство рабочих-мигрантов к торговле наркотиками никакого отношения не имеет). Большие количества мигрантов (например, выходцы из мусульманского мира в Западной Европе) часто становятся причиной роста различных экстремистских настроений как внутри их среды, так и среди местного населения.

Рисунок 6. ИСТОЧНИКИ И ПУТИ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹⁹²

¹⁹¹ Источник: Там же.

¹⁹² Asian Development Bank. Increasing Gains from Trade Through Regional Cooperation in Trade Policy, Transport, and Customs Transit. 2006.

Б. Региональная конкуренция за ресурсы и влияние

В современном мире в связи с увеличением цен на сырье начинается активная борьба за доступ к его источникам. Централь-ноазиатские страны оказываются уже в ближайшей перспективе важными объектами этой борьбы.

Как отмечается в докладе Азиатского банка развития, доля торговли с Россией и другими постсоветскими странами для Центральной Азии существенно выше, чем она должна была бы быть согласно математическим расчетам¹⁹³. Одна из важнейших причин заключается в том, что существует развитая инфраструктура, связывающая Центральную Азию с этими странами. *В связи с этим можно прогнозировать, что по мере развития транспортных связей региона с другими частями мира, доля России в торговле будет падать, а доля других крупных стран и регионов мира – возрастать.* В этом контексте следует рассматривать реализацию таких крупных проектов, как ТРАСЕКА (ЕС) и Транс-азиатская железная дорога (азиатские страны), имеющих прямое отношение к Центральной Азии.

Наибольший интерес окружающий мир проявлял к энергетическим ресурсам Центральной Азии, прежде всего к нефти и газу. Причина заключалась в резком росте цен на эти ключевые виды сырья вплоть до начала глобального экономического кризиса 2008 г. В краткосрочной и среднесрочной перспективе этот был рост вызван политической нестабильностью в ключевых сырьевых регионах и странах мира (Ближний Восток, Нигерия, Венесуэла) в сочетании с увеличением спроса благодаря экономическому росту в Азии (Китай, Индия). В долгосрочной перспективе к этим факторам прибавится рост себестоимости добычи сырья в связи с исчерпанием легкодоступных месторождений.

Таблица 10. ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ЗАПАСЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹⁹⁴

Запасы ископаемого топлива	Единица	Казахстан	Киргизия	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	Всего
Сырая нефть	мтнэ	1 100	5,5	1,7	75	82	1 264,20
Природный газ	мтнэ	1 500	5	5	2 252	1 476	5 238
Уголь	мтнэ	24 300	580	500	незначительно	2 851	28 231
Всего	мтнэ	26 900	591	507	2 327	4 409	34 734
% от общего		77,4	1,7	1,5	6,7	12,7	100
Гидро-потенциал	ГВтч/год	27 000	163 000	317 000	2 000	15 000	524 000
	мтнэ/год	2,3	14	27,3	0,2	1,3	45,1
% от общего		5,2	31,1	60,5	0,4	2,9	100

Сокращения: мтнэ – миллионов тонн нефтяного эквивалента.

ТНЭ – тонна нефтяного эквивалента (количество энергии, равное 1 тонне нефтяного эквивалента).

ГВтч/год – Гигаватт часов в год

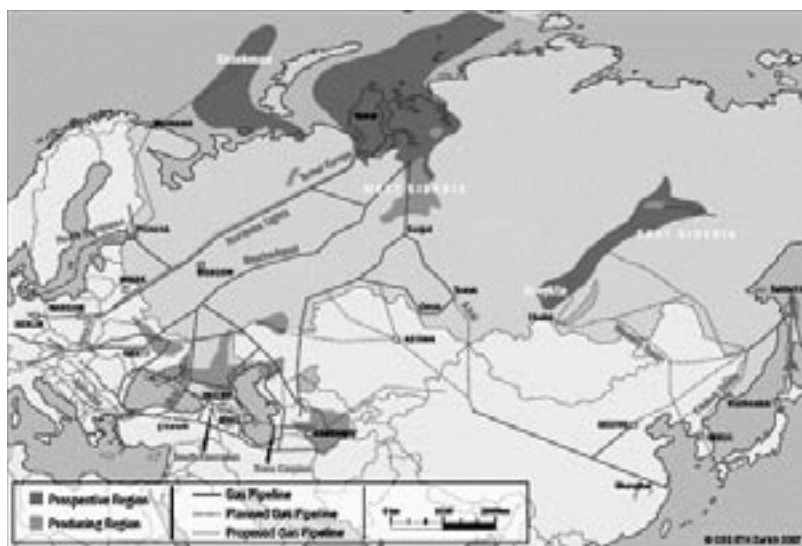
¹⁹³ Central Asia: Regional electricity export potential study. World Bank, Washington, D.C. December, 2004.

¹⁹⁴ Источник: Research Centre for East European Studies at the University of Bremen, Center for Security Studies at the Swiss Federal Institute of Technology Zurich. Russian Analytical digest. 2007. № 25. 17 July.

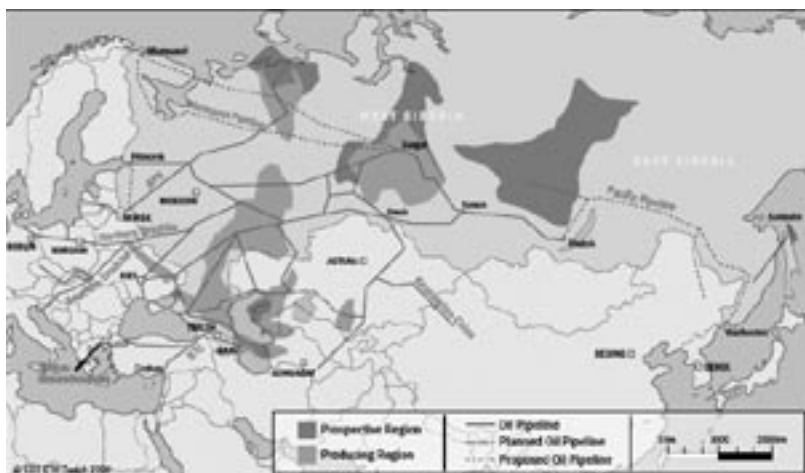
Существует большая неопределенность с реальными размерами углеводородных запасов в Центральной Азии (особенно это касается туркменского газа). Считается, что по размерам запасов регион Каспийского моря сопоставим с Северным морем. При этом он существенно уступает Персидскому заливу по запасам нефти или Западной Сибири по запасам газа (иными словами, ставка в борьбе не имеет глобального характера, хотя и является привлекательной). Тем не менее, в условиях роста цен на энергетическое сырье и борьбы между разными мировыми силами за доступ к его источникам, направление маршрутов нефти и газа из Центральной Азии является важным для внешних игроков.

На приведенных ниже картах обозначены существующие и строящиеся маршруты транспортировки нефти и газа из Центральной Азии (пока, в основном, сохранившиеся неизменными с советских времен). Наряду с этим существует огромное количество разнообразных проектов транспортировки, которые мы обсудим в главах про соответствующие внешние силы, заинтересованные в них.

Рисунок 7. ГАЗОПРОВОДЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ¹⁹⁵.

¹⁹⁵ Источник: Там же.

Рисунок 8. НЕФТЕПРОВОДЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ¹⁹⁶.

Итак, ответ на вопрос «Что такое Центральная Азия?» - который поставлен во введении этой книги, может быть дан только один: *пока никто, ни внутри региона, ни вовне его этого не знает* (или, что то же самое, все ключевые игроки дают на этот вопрос разные ответы). Это, в свою очередь, ведет к очень серьезному увеличению региональной неопределенности, нестабильности и конфликтов. Каждая из крупных внешних сил пытается сформировать регион по своей логике.

Неизвестно даже то, до какой степени обоснована преобладающая в России группировка пяти стран в один международный регион. Лишь будущее сможет дать ответы на многие ключевые вопросы. Разойдутся ли пути Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Киргизии окончательно и «разберут» ли их по другим международным регионам? Станут ли все пять стран членами какого-то одного более крупного институционально оформленного региона, например, пророссийских интеграционных структур или сферы влияния Китая? Наконец, возникнет ли между странами какое-то сближение, скажем, под эгидой наиболее экономически успешного Казахстана или сильного в военном отношении Узбекистана, которое превратит современный полуфантомный регион в нечто общепризнанное? Поскольку ответы на эти вопросы пока неизвестны, то и отношения между крупными внерегиональными силами, борющимися за то, чтобы втянуть Центральную Азию в сферу своего влияния, превращаются в «Большую игру» с неизвестными правилами.

Игры такого типа, проанализированные впервые Т. Шеллингом, можно назвать рефлексивными¹⁹⁷. В их рамках один из героев должен угадать позицию других игроков. Однако в Центральной Азии мы встречаемся с рядом осложняющих моментов. Ведь каждому отдельному игроку нужно угадать не только *позицию* других игроков, но и *те правила, по которым они играют и вообще формулируют свою позицию*. Одним из примеров таких игр является описанная в «Энциклопедии относительного и абсолютного знания» Б. Вербе-

¹⁹⁶ Источник: Там же.

¹⁹⁷ Schelling T. The Strategy of Conflict. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960.

ра «элевсинская игра». В ее рамках один из игроков загадывает правила игры для нового «мира», а другие игроки их угадывают. Очевидно, что реальная структура взаимодействий в Центральной Азии на порядок сложнее, так как в роли задающих правила и угадывающих их одновременно выступают все участники игры.

Часть 2.

«Большая игра» с неопределенностью

Глава 1.

ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Два представителя разных коренных народов Центральной Азии идут по пустыне и видят столб. На нем написано: «Кто залезет первым – станет русским». Первый залезший начинает активно спихивать ногами вниз второго со словами «Пошел вон, зверь».

Расистский анекдот из Ашхабада советского времени

Россия – страна, которая до 1991 г. играла решающую роль в формировании региональных институтов в Центральной Азии и, уже наряду с рядом других внерегиональных сил, продолжает делать это до настоящего времени. Постоянные изменения во внешней политике РФ относительно центральноазиатских стран немедленно сказывались на всей структуре региональных взаимодействий. В связи с этим при анализе политики России мы будем, преимущественно, придерживаться

исторического способа изложения¹⁹⁸. В то же время, в дальнейшем, при изложении политик других внешних игроков, возрастет роль структурного анализа.

1. Противоречия советской модернизации Центральной Азии и первый проект региональной политики независимой России к 1991 году

Российская империя и особенно СССР реализовали в Центральной Азии специфический вариант модернизации, во многом производный от той модели, которая была характерна для самого российского Центра. Мы не можем в рамках данной работы рассматривать дискуссии вокруг этого спе-

198 При этом мы, анализируя лишь ряд ключевых проблем центральноазиатской политики России в их соотношении со структурой региональных взаимодействий, не пытались подменить систематические изложения внешней политики России на восточном направлении или всех комплексных проблем взаимодействия Россия – Центральная Азия. См, например: *Лузянин С.Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на “Большой Восток” (2004—2008). М., АСТ—Северо-Запад, 2007; *Лунев С.И.* Независимые республики Центральной Азии и Россия: Учеб. пособие. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001; *Лунев С.И.* Вызовы безопасности южных границ России. М.: МОНФ, 1999; *Наушкин В.В., Звягельская И.Д.* Угрозы, вызовы и риски “нетрадиционного” ряда (Центральная Азия и Закавказье). М., 1999; *Малышева Д.Б.* Россия и Каспийский регион: проблемы безопасного развития. М.: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН, 2002; *Чернявский С.И.* Политика России в Центральной Азии и Закавказье в 1992 – 2002 гг.// Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Возможности и вызовы для России. М., 2003; *Чернявский С.И.* Центральноазиатское измерение внешней политики Российской Федерации// Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Энергетика и политика. М.: Навона, 2005; *Кузьмина Е.М.* Центральная Азия: перспективы России в регионе// Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Энергетика и политика. М.: Навона, 2005; *Прокофьев И.В.* Экономическое сотрудничество России со странами Центральной Азии// Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Энергетика и политика. М.: Навона, 2005; *Томберг И.Р.* Газовая составляющая российской энергетической политики на Каспии// Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Энергетика и политика. М.: Навона, 2005; Наркобизнес: новая угроза России с Востока. М., 1996; *Звягельская И.Д.* Нетрадиционные угрозы, проблемы и риски на бывшем советском Юге// Безопасность России: XXI век. М.: Права человека, 2000; *Загорский А.* Традиционные интересы безопасности России на Кавказе и в Центральной Азии// Безопасность России: XXI век. М., 2000. С. 126—156; *Арунова М.* Россия и государства Центральной Азии: сотрудничество в сфере безопасности// Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 2. С. 46—54; *Любин Н.* Новые угрозы в Центральной Азии и на Кавказе: новый поворот в старой истории// Безопасность России: XXI век. М., 2000. С. 522—548; *Малашенко А.* Постсоветские государства Юга и интересы Москвы// Pro&Contra. Том 5, Лето 2000; *Мальгин А.В.* Основные направления политики России в отношении каспийских энергоресурсов// Международные и внутренние аспекты регулирования политических и социальных конфликтов в РФ. М.: МОНФ, 1999. С.51—68; *Наушкин В.В.* Основные угрозы национальным интересам России и Центральной Азии// Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. М.: МАИК Наука/Интерперериодика, 2002; *Никонов В.* Политика России в Центральной Азии// Центральная Азия и Кавказ. 1997. № 8; *Шугарян Р., Бурнашев Р., Пашаева Г., Молдалиев О., Малышева Д.* Проблемы региональной и государственной безопасности в Центральной Азии и на Кавказе// Центральная Азия и Кавказ. 2001. №1. С.7—55; *Фоменко О.* Россия в Каспийском регионе: нефть и политика// Обозреватель – Observer. 2001. №7—8. С.38—42; *Чернявский С.* «Великий Шелковый путь» и интересы России// Мировая экономика и международные отношения. 1999. №6; *Эльянов А., Ушакова Н.* Россия – Центральная Азия: проблемы и тенденции экономического взаимодействия// Восток. 1997. №4; *Чернявский С.* Политика России в Центральной Азии и Закавказье// Россия и мусульманский мир: Бюлл. реф.-аналит. информации. М., 2002. № 11. С. 59—75; *The Russian Policy Debate in Central Asia.* London, Chatham House, 1995; *Russia and Asia. The Emerging Security Agenda.* Oxford, Oxford Univ. Press, 1999.

цифического способа развития¹⁹⁹. Сошлемся здесь на его характеристику, данную в монографии А. Г. Вишневого «Серп и рубль»²⁰⁰. Согласно ей, основной для советской модернизации была идея «консервативной революции»: построения очагов высокого модерна (в чем-то даже обгоняющего западные образцы, например, в сфере военной или космической) при опоре на традиционные, даже насильственно возрождаемые архаические институты в других, базовых сферах (например, возрождение института общины в виде колхозов в сельском хозяйстве).

Именно это, на наш взгляд, и обусловило основные противоречия и недостатки советской модернизации Центральной Азии. Этот регион оказался местом, где противоречия советской модернизации проявились с наибольшей силой. Причиной была исходная «пестрота» региона и, в особенности, очень низкая по сравнению с другими частями Российской империи — СССР степень интеграции русского и коренного населения. Она, в частности, проявилась в огромных разрывах между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством, официальным и «теневым» секторами экономики²⁰¹.

Успехи примененной Россией — СССР модели развития в данном регионе (которые пытается полностью отрицать часть современной центральноазиатской историографии²⁰²) достаточно серьезны. В рамках Российской империи (между завоеванием и началом революционных событий), а затем СССР (между прекращением басмачества и распадом союзного государства) были обеспечены очень высокая степень политической стабильности (*Pax Sovietica* или «русский мир»), которая способствовала ускоренному развитию. За исторически короткий период в регионе были созданы современная городская жизнь, промышленность, инфраструктура транспорта и связи. Кочевые народы были переведены на оседлый образ жизни. В результате национально-государственного размежевания 1920–1930 гг. были созданы современные нации с их литературными языками и культурами²⁰³.

Системы образования и здравоохранения, созданные в Центральной Азии советского времени, отличались не очень высоким качеством, но зато их массовость и всеохватность служили образцом для многих развивающихся стран. Ташкент долгое время позиционировался как центр образования и советский

199 См. некоторые дискуссии по этому вопросу только в российском политологическом сообществе: *Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* Русская система: генезис, структура, функционирование // Рус. ист. журн. 1998. Т. 1. № 3. С. 13—25; *Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* «Русская Система» как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4; *Пивоваров Ю.С.* Русская Власть и публичная политика (Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) // Полис. 2006. № 1; *Пивоваров Ю.С.* Русская политика в её историческом и культурном отношении. М., 2006; *Бирюков Н. И., Сергеев В. М.* Становление институтов представительной власти в современной России. М.: Летний сад, 2004; *Ильин М.В.* Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Часть 1—3. М., 1995; *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997; *Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В.* Реформатор. Русские о Петре Первом: Опыт аналитической антологии. М., 1994; *Кара-Мурза А.А.* «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М., 1995; *Кара-Мурза А.А.* Как возможна Россия? // <http://www.sps.ru/?id=203999>; *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1—2. Новосибирск, 1998; *Эткинд А.М.* Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб., 1993; *Эткинд А.М.* Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998; *Уваров М.С.* Бинарный архетип. СПб., 1996.

200 Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

201 Социальный облик Востока. М.: Восточная литература, 1999. С. 118 – 129.

202 См. особенно: *Туркменбашы Сапармурат.* Рухнама. Т. 1. Ашгабад: Туркменская Государственная издательская служба, 2002; *Türkmenbaşy Saparmyrat.* Ruhnama (kinji kitap). Türkmenin ruhy beýkligi. Ashgabat: Tuerkmen doewlet neshiriyat gullugy, 2004; *Ахмедов Б.* История. Учебник для 5 класса средней школы. Ташкент, 1999; *Рахимов Ж.* История Узбекистана для 9 класса средней школы. Ташкент, 2001.

203 Здесь, как и у всех других достижений были, разумеется, свои «но». В частности, национальное разделение народов оказалось очень условно, и оно задавало возможность многих будущих конфликтов.

образец модернизации для стран «третьего мира», особенно мусульманских. Вплоть до недавнего времени по уровню образования постсоветская Центральная Азия очень выгодно выделялась на фоне сопредельных областей региона (Иран, Афганистан, китайский Синьцзян).

Наконец, именно через русский язык и русскую культуру центральноазиатские народы приобщились к европейской цивилизации. Это отмечают такие выдающиеся представители интеллигенции данного региона, как, например, Чингиз Айтматов²⁰⁴.

Однако, с другой стороны, нельзя, в стиле существовавшей в период СССР историографической традиции²⁰⁵, отрицать того, что коренные центральноазиатские народы заплатили высокую цену за российскую и советскую модернизацию. В разные периоды существовали определенные элементы политики насильственной русификации. Коренные народы региона были (особенно в период Российской империи, первые революционные годы, период борьбы с басмачеством) полностью лишены права распоряжаться своей судьбой. В дальнейшем политика «коренизации» госаппарата постепенно смягчала эту тенденцию. Как и в других регионах бывшего СССР, население республик Средней Азии и Казахстана заплатило дорогую цену за индустриализацию, насильственную коллективизацию, победу в Великой Отечественной войне. Наконец, советскую модернизацию региона отличали экономические, экологические, социальные и культурные диспропорции, на порядок превосходившие таковые для многих других регионов бывшего СССР.

Здесь сыграла свою роль упомянутая выше принципиальная «очаговость», сочетание высокого модерна и дремучей архаики, характерная, согласно А.Г. Вишневскому, для советской модернизации как таковой. В рамках данной работы у нас нет возможности подробно анализировать этот сюжет. Поэтому остановимся лишь на некоторых примерах.

Основой развития сельского хозяйства четырех среднеазиатских республик стало массовое внедрение хлопководства в колхозах и совхозах. Оно привело к очень серьезной комплексной архаизации сельских районов советской Средней Азии. Последние все больше стали напоминать традиционные аграрные общества Древнего Востока с их преобладанием массового принудительного ручного труда²⁰⁶ и гигантских ирригационных сооружений²⁰⁷. Это было серьезным структурным шагом назад, например, по сравнению с перио-

204 Айтматов Ч. Самое большое мое богатство – русский язык// Сайт РГТРК «Голос России», http://www.vor.ru/culture/cultarch225_rus.html

205 См., например: *Раджабов С.* К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом. Сталинабад, 1954; *Рашидов Ш.* Навеки вместе с русским народом (О прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России)// «Коммунист». 1959. № 10; *Пясковский А. В.* Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа — важнейшее прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России// «Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России». Ташкент, 1959; История Узбекской ССР, Т.П, от присоединения узбекских ханств к России до Великой Октябрьской революции. Ташкент, 1959; *Бобохонов Мансур.* Предпосылки формирования революционного союза трудящихся Туркестанского края с Российским пролетариатом// Душанбе: «Ирфон», 1975; *Момунбаев И.* Великая Октябрьская социалистическая революция и создание основ киргизской государственности. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1962; *Малабаев Д. М.* Образование СССР и развитие национальной государственности киргизского народа. Фрунзе: Илим, 1972.

206 Доля ручного труда в сельском хозяйстве среднеазиатских республик согласно даже советской статистике составляла от 85 до 93 %, т.е. оно жило в доиндустриальную эпоху. См. Госкомстат СССР. Труд в СССР. М., 1988. С. 235.

207 Wittfogel K. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957

дом поздней Российской империи, когда в социально-экономическую жизнь региона активно вторгались элементы рыночного уклада²⁰⁸.

Результатом архаизации сельского хозяйства стал явный кризис модели советской модернизации, наблюдавшийся в 1970—1980-е гг. Сочетание архаических социальных структур, отличающихся высокой рождаемостью²⁰⁹, с советской массовой системой здравоохранения привело к демографическому взрыву. Последний определяется в демографии как прирост населения больше 2 % в год²¹⁰.

По данным переписи 1989 г. ежегодный прирост населения в среднеазиатских республиках и Казахстане составлял в 80-е гг. 2,6 %. Однако он существенно варьировался среди разных этносов. В Казахстане с его высокой долей европейского населения прирост населения был ниже уровня демографического взрыва (1,5 %), тогда как в Таджикистане – намного выше (3,2 %)²¹¹. Огромный разрыв в уровнях рождаемости имелся между городской и сельской местностями²¹².

Для того чтобы в условиях «демографического взрыва» не происходило падение уровня жизни, экономический рост в процентном отношении должен превосходить темп прироста населения примерно в 2 раза. Соответственно, для позднесоветской Центральной Азии нужен был рост ВВП в 6—7 % в год или 5–6 % прироста национального дохода²¹³. В то же время, темпы прироста национального дохода в Центральной Азии в 1980-е гг. составляли около 3 % в начале 1980-х, а потом они постепенно снижались²¹⁴. В 1990 г. рост производства окончательно прекратился.

В связи с большим количеством детей и низкой производительностью ручного труда очень серьезной проблемой среднеазиатских республик периода «развитого социализма» стала массовая бедность. Советская статистика чрезвычайно серьезно искажала ситуацию²¹⁵, но и она давала удручающую картину. Вот, например, данные Госкомстата СССР 1990 г. по уровню доходов разных групп населения²¹⁶.

208 Поляков С.П. Современная среднеазиатская деревня: традиционные формы собственности в квазииндустриальной системе// Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 177-192.

209 Для домодерновых обществ характерна так называемая «первая модель» воспроизводства населения, характеризующаяся сочетанием высокой рождаемости и низкой продолжительности жизни.

210 Хрусталева М. Центральная Азия во внешней политике России. Исследования ЦМИ МГИМО. М., 1994. С. 7.

211 Госкомстат СССР. Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1991.

212 Социальный облик Востока. М.: Восточная литература, 1999. С. 120.

213 Хрусталева М. Указ. соч. С. 8.

214 Госкомстат СССР. Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991.

215 Причем, в обе стороны, так как 1) занижалась реальная бедность (например, не признавалось наличие безработицы), 2) не учитывались доходы «теневое сектора», частично компенсировавшие бедность.

216 Госкомстат СССР. Народное хозяйство СССР 1990. М., 1991; Хрусталева М. Указ. соч. С. 37.

Таблица 11. УРОВЕНЬ ДОХОДОВ РАЗНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ РЕСПУБЛИК ПЕРИОДА «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

Республика СССР / доходы населения	Процент населения с доходом менее 100 руб. на душу (беднейшие) в %	Процент населения с доходом от 100 до 150 руб. на душу (бедные) в %	Общий процент населения с доходом менее 150 руб. на душу (бедные и беднейшие), в %
Таджикистан	67,8	21,6	89,4
Узбекистан	57,1	26,8	83,9
Туркменистан	49,2	29,6	78,8
Киргизия	46,6	30,8	77,4
Казахстан	24,4	31,1	55,5

Бедность вновь вызывала к жизни проблему *недоедания*. Благодаря низкой цене на хлеб процент испытывавших недостаток в нем (согласно советским нормам потребления) был низок (от 0,8 % в Узбекистане до 5,3 % в Таджикистане). Однако недостаток мяса в пищевом рационе стал постоянным явлением: от 92 % населения в Таджикистане до 76 % населения в Туркменистане не получали его в достаточном количестве²¹⁷. Даже потребление овощей и фруктов для большинства населения имеющей благоприятный климат для их выращивания Центральной Азии было ниже нормы, так как земля была занята под хлопок. Вообще, это общеизвестный для любого, кто жил в регионе то время факт, что много занимавшееся ручным трудом сельское население питалось, в основном, хлебом с чаем, а мясо видело только по большим праздникам.

Поскольку на постоянно дефолируемых²¹⁸ хлопковых полях работали, в основном, женщины и дети, то это очень серьезно сказывалось на состоянии здоровья коренного населения региона. Кроме того, общеизвестным был факт очень низких стандартов образования, так как школьники и студенты собирали хлопок вместо того чтобы учиться. Потом эти «специалисты» получали «липовые» дипломы и, в результате, учреждения образования, здравоохранения и культуры были переполнены откровенно полуграмотными людьми.

Другой характерной чертой развитого социализма в советской Средней Азии (но не Казахстана) оказалась *дезурбанизация*, т. е. снижение доли городского населения из-за высокой рождаемости на селе. Так, в Киргизии и Таджикистане доля городского населения стала снижаться уже в 1970-е гг., в Узбекистане и Туркменистане – в 1980-е. Сложившееся огромное аграрное перенаселение сопровождалось массовой скрытой безработицей (от 40 до 65 % населения)²¹⁹.

В свою очередь, города, промышленность и транспортная инфраструктура существовали по логике советской модернизации как бы отдельно от этого сельского мира. Это проявлялось, прежде всего, в национальном составе и культуре их населения. Там преобладали русскоязычные или «обрусевшие»

²¹⁷ Госкомстат СССР. Народное хозяйство СССР 1990. М., 1991; *Хрусталева М.* Указ. соч. С. 37.

²¹⁸ Для сбора хлопка требуется распылять с самолетов большое количество ядовитых веществ, вызывающих опадание листьев. Отрицательные последствия для здоровья такого рода реагентов хорошо известны со времен Вьетнамской войны, где при их помощи дефолировали джунгли. Другой проблемой стало применение огромного количества химических удобрений, а в Туркменистане и ряде других республик – засоление почв и промывание их кислотами.

²¹⁹ Указ. соч. С. 12.

представители коренных народов. Уровень жизни и развития культуры был там существенно выше.

Парадокс заключается в том, что в перенаселенной и трудоизбыточной Центральной Азии промышленность, транспорт и вообще развитая городская жизнь в советский период создавались и поддерживались, преимущественно, за счет миграции в регион высококвалифицированного русскоязычного населения. Россия и ряд других республик, таким образом, выступали в качестве миграционных «доноров». Однако практически во всех республиках Средней Азии и в Казахстане отток русскоязычного населения начался в 1970-е гг.

У этого был целый ряд причин. Развитие России и других более западных союзных республик шло быстрее, и стандарты жизни там были выше. Советская политика «коренизации» госаппарата и клановая структура центральноазиатских этносов привели к тому, что все «выгодные» должности стали получать представители нерусскоязычного населения. Обычной ситуацией для некоторых республик региона стало наличие абсолютно некомпетентного руководителя, получившего свой пост благодаря формальной принадлежности к «титульной нации» и клановым связям. В то же время, «некоренному» населению часто приходилось делать всю работу за таких «начальников» из титульной нации. Русскоязычная интеллигенция (наряду с интеллигентами из других «нетитульных» национальностей) также оказалась под давлением представителей «главной» нации, получивших высшее образование. Именно в этой среде для получения престижных позиций часто в более или менее скрытом виде использовались различного рода националистические или квазирелигиозные лозунги. В дальнейшем оттуда национальное напряжение «выплескивалось» в люмпенизированные городские низы.

С другой стороны, ситуация с развитием национальных культур отнюдь не была столь идиллической, как рисовала советская пропаганда: в городах местные языки вытеснялись русским. Выросли целые поколения интеллигентных представителей коренных народов, которые практически не знали своего родного языка. Более того, в доминирующую культуру были встроены *расистские* представления о том, что цивилизации коренных народов Центральной Азии «хуже» и «более отсталые», чем русская. В результате, системы образования, культуры и пропаганды скрыто внедряли комплекс неполноценности в одних жителей региона и комплекс собственного превосходства – в других.

Все больше сказывалось миграционное давление сельского населения на города Центральной Азии. Молодежь, уезжая из деревни, не находила в городах работы в официальном секторе; не получала она и жилья в порядке очередности. В результате образовывались целые кварталы неофициальной застройки («нахалстроев») ²²⁰, жители которых «подрабатывали» в теновом секторе экономики. Последний при этом часто характеризовался полукриминальным характером и значительно более высокой прибыльностью по сравнению с официальной сферой занятости ²²¹. Русскоязычное население, как правило, было полностью вытеснено из этого сектора экономики.

Явный кризис советской модели развития вызвал к жизни рост религиозно-политических настроений. В Узбекистане и особенно Таджикистане раз-

²²⁰ В столицах союзных республик численность люмпенизированного населения, в т.ч. «нахалстроев», насчитывала сотни тысяч человек.

²²¹ Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989.

вернулись процессы «возрождения ислама». В 1970—1980-х годах начали свою деятельность подпольные и полуподпольные группы в Таджикистане и Узбекистане, которые занимались религиозным просветительством, изучением и распространением ислама. Наиболее известна в Таджикистане подпольная Молодежная организация (создана в 1978 г.), председателем которой был будущий лидер Объединенной таджикской оппозиции Саид Абдулло Нури²²². Большую роль в этих процессах сыграли представители местной интеллигенции, работавшие переводчиками для советских войск и специалистов в Афганистане и завозившие оттуда фарсиязычную религиозную литературу, в том числе фундаменталистского и салафитского характера.

Война в Афганистане привела также и к росту нелегального ввоза в СССР героина. Параллельно усиливались связи преступных групп наркопроизводящих (и традиционных наркопотребляющих) регионов Центральной Азии (например, Чуйской долины или района Копет-Дага) с Центральной Россией.

Постепенно слабеющий контроль советских властей над населением приводил к усилению конфликтов. В 1986 г. в Алма-Ате и ряде других городов Казахстана прошли выступления под национально-демократическими лозунгами («Желтоксан»). Однако в условиях Средней Азии такого рода процессы неизбежно приводили к росту межэтнической напряженности, что уже частично имело место в Казахстане.

Уже откровенно деструктивный характер (настоящий геноцид) приняли действия в отношении проживавших в узбекской части Ферганской долины турок-месхитинцев в 1989 г. и сопровождавшиеся тысячами жертв столкновения киргизов и узбеков в Ошской области Киргизии в 1990 г. В Туркменистане в позднесоветский период частой картиной стали групповые драки студентов разных племен, например, текинцев и йомудов (автор этих строк сам однажды наблюдал такое столкновение). Логическим продолжением этих процессов (с переходом конфликтов на регионально-субэтнический уровень) стала и последовавшая с 1992 г. гражданская война в Таджикистане. Не менее тревожным был рост радикально-исламистских настроений, которые выходили из-под контроля интеллигентов-религиозных просветителей, ставший уже в постсоветский период важнейшей угрозой стабильности Узбекистана, Таджикистана и Киргизии.

Итак, *советская модель модернизации Центральной Азии в силу ее органической несбалансированности несла серьезные проблемы центральноазиатским республикам*. Однако, с точки зрения анализа политики России в Центральной Азии, для нас важнее всего то, что для России применявшаяся модель модернизации была ничуть не более выгодна. На этот простой факт обычно не обращают внимания представители современных националистических историографий стран Центральной Азии, которые исходят из простой, но абсолютно ложной логики: все недостатки российской и советской модернизации региона были специально спланированы Россией с целью ограбить его.

Ключевыми причинами завоевания Средней Азии в царский период были соображения безопасности (особо важной была позиция военного ведомства и лично «либерала» Д. Милютина) и логика «Большой игры» с Великобрита-

²²² Олимов М., Олимова С. Политический ислам в современном Таджикистане // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. Под ред. А. Малашенко и М. Брилл Олкотт; Моск. Центр Карнеги. М.: Арт-Бизнес-Центр, август 2001.

нией. Достаточно существенная часть русской бюрократии выступала против этой территориальной экспансии, так как она вела к бессмысленным расходам²²³. При этом регион, с точки зрения его содержания, в досоветское время всегда был убыточным. Огромные инвестиции царскому правительству пришлось сделать в развитие транспорта и в помощь русским переселенцам. За первые 12 лет после завоевания Туркестанского края государственные затраты в 3 раза превышали доходы. Даже самая выгодная отрасль — хлопководство — потребовала в период с 1895 по 1914 г. только государственных капиталовложений в 35 млн золотых рублей²²⁴.

Размер донорства России по отношению к среднеазиатским республикам и Казахстану в советский период очень трудно подсчитать в силу специфики советской статистики и систем ценообразования. При этом речь должна идти не только о материальных ресурсах, но и о масштабном ввозе квалифицированной рабочей силы. В 1989 г. размер экономических дотаций России другим республикам составлял примерно 53,5 млрд долл., при этом 48 % дотаций приходилось на Центральную Азию²²⁵. Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан вообще ничего не платили в союзный бюджет²²⁶, взносы Киргизии были незначительны. Только Казахстан серьезно финансировал союзное правительство²²⁷. По оценке экспертов журнала «Economist» размер субсидий общесоюзного правительства в 1991 г. составлял 44 % бюджета Таджикистана, 42 % — Узбекистана, 36 % — Киргизии, 23 % — Казахстана, и 21 % — Туркменистана²²⁸.

Таким образом, как Россия, так и центральноазиатские республики имели, по разным причинам, основания быть недовольными результатами советской модернизации региона. Именно это и стало одной из причин последовавшей сознательной минимизации российского участия в регионе.

Если мы обратимся к политической ситуации в России к 1991 г., то обнаружим, что практически все ключевые политические силы выступали за уход России из Центральной Азии. Констатация этого факта важна потому, что в настоящее время установилась определенная историографическая традиция «списывать» все ошибки на политику «демократов» (олицетворяемых, прежде всего, фигурами Э. Бурбулиса и А. Козырева). Однако такая трактовка снимает ответственность с других политических групп, действовавших в том же направлении.

Тогдашние «левые» (т. е. позднейшие «демократы») считали, что РФ необходимо четко сделать европейский выбор, а Центральная Азия тянет ее назад, являясь «бастионом» отсталости и власти коммунистической номенклатуры. В свою очередь, «правые» того времени (например, «полозковцы» в компартии России или другие предшественники позднейших «национально-патриотических» или «красно-коричневых» сил, главными рупорами которых были га-

223 Подробнее см.: Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857—1868). М.: Издательство восточной литературы, 1960.

224 Республики Средней Азии в период развитого социализма. М., 1980. С. 153.

225 Госкомстат СССР. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991. С. 643.

226 Правда, Туркменистан зато почти ничего не получал от своих нефти и газа в силу особенностей советской системы ценообразования, которая искусственно дотировала конечный продукт за счет снижения цен на сырье. Примерно то же, хотя и в несколько других масштабах, имело место и для других центральноазиатских республик. Однако, в целом, даже с учетом ценовых диспропорций, все равно все республики Средней Азии (кроме Туркменистана) и Казахстан получали от России больше, чем отдавали ей.

227 Хрусталева М. Центральная Азия во внешней политике России. Исследования ЦМИ МГИМО. М., 1994. С. 6.

228 Economist. 1993. V. 325. № 7791. P. 81.

зеты «День» — «Завтра») все больше отходили от интернациональных идей и склонялись к русско-российскому национализму в разных его вариантах. Соответственно, и они не высказывали серьезной заинтересованности в сохранении России в союзе с мусульманскими, неславянскими, да еще и дотационными республиками. А.И. Солженицын, будучи представителем более умеренной формы консерватизма, также высказался за добровольный «развод» России с Центральной Азией²²⁹. Его мнение сыграло очень существенную роль для формирования общественного настроения в РФ в пользу дезинтеграции с Центральной Азией.

На основании приведенных выше соображений окончательно пришедшие к власти в России после распада СССР «демократы» сформулировали (правда, в достаточно латентной и неявной форме) первую центральноазиатскую стратегию РФ. Она заключалась в том, чтобы максимально дистанцироваться от дел этого региона и прекратить, по возможности, его дотировать. При этом предполагалось, что переход к чисто рыночным отношениям покажет представителям центральноазиатских республик, что именно Россия помогает им, а не они ей, как им иногда казалось в силу перепутанности советской системы цен и субвенций. В результате Россия, особенно если ей удастся создать «экономическое чудо» на основе перехода к рыночной экономике, как тогда казалось многим демократам, вновь станет центром притяжения центральноазиатских стран. Однако это произойдет уже на новых, более выгодных для нее условиях.

Определенной гарантией сохранения ключевого положения России в экономике Центральной Азии, даже в случае ее добровольного «ухода», служил контроль над транспортной инфраструктурой, особенно энергетической.

2. Попытки ухода России из Центральной Азии и последствия порожденной этим «геополитической пустоты» (1991—1994)

Постсоветский период начался с неожиданного для центральноазиатских стран роспуска СССР. При этом их судьбу решили три президента славянских республик (Россия, Украина и Белоруссия), без всяких консультаций со своими тюркскими коллегами. В начале 1990-х гг. именно центральноазиатские государства, озабоченные столь неожиданным крахом Советского Союза, были инициаторами создания СНГ и других интеграционных процессов на постсоветском пространстве (например, Ташкентского договора).

В целом, описанные в предыдущем разделе расчеты «демократического» крыла российской политической элиты совершенно не оправдались. Уйти из Центральной Азии с целью нового триумфального возврата на рыночных условиях не удалось. По мере ухода России из региона в нем возникал страшный хаос, который в первой половине 1990-х гг. плохо удавалось компенсировать другим внерегиональным силам (США, страны Западной Европы, Турция,

²²⁹ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Специальный выпуск. Брошюра к газете «Комсомольская правда». 18 сентября 1990 г.

Китай, Иран и т.д.). Последние все больше в него втягивались в качестве альтернативы разрушавшегося «русского мира». Этот хаос (вслед за З. Бжезинским мы можем назвать его «геополитической пустотой») все больше начинал угрожать и самой России.

Даже простое уменьшение экономической помощи давалось с трудом. В 1992 г. по заявлению А. Шохина, вице-премьера Российского правительства, помощь бывшим союзным республикам сократилась до 17 млрд долл. (10 % ВВП), причем уже больше половины приходилось на Центральную Азию²³⁰. Однако альтернативные оценки показывают донорство России в 20 % ВВП в 1992 г.²³¹ и в 12 % ВВП в 1993 г.²³² В том же 1993 г., по заявлению известного экономиста А. Илларионова, доля российских субсидий составляла 70 % ВВП Узбекистана (что явно серьезно завышено) и Таджикистана (что возможно)²³³. Лишь после 1993 г., благодаря «выкидыванию» Центральной Азии из рублевого пространства, российские субсидии резко упали.

В то же время, Россия, контролируя газо- и нефтетранспортные системы, нанесла страшный удар экономикам Туркменистана и, в меньшей степени, Казахстана и Узбекистана, блокируя выход их углеводородного сырья на европейский рынок. Углеводороды из этих стран вытеснялось на рынки стран СНГ, которые не хотели или не имели возможности платить по мировой цене. Таким образом, российские газ и нефть «высвобождались» для экспорта в Европу.

Постепенное прекращение российской экономической помощи наложило на общий экономический спад, причинами которого стали кризис модели управления, разрыв хозяйственных связей с другими республиками, рост политической нестабильности, плохо продуманные реформы. К 1993 г. экономический спад по всем центральноазиатским странам варьировал от 20 – 25 % в не принявших радикальную рыночную идеологию Туркменистане и Узбекистане, до 35 – 45 % в проводивших «шоковую терапию» Казахстане и Киргизии и до 50 % в охваченном войной Таджикистане²³⁴.

Еще труднее давалось уменьшение российского присутствия в военной сфере и в сфере безопасности. Кое-где оно просто не получалось, так как возникала угроза дестабилизации ситуации в регионе, угрожающей интересам самой России. Для реагирования на эту ситуацию, России, по выражению В. Наумкина, пришлось использовать военно-политическую «триаду»: миротворчество, совместную охрану границ СНГ и военное присутствие²³⁵.

То, каким образом происходило военно-политическое «втягивание» России в регион, хорошо видно на примере гражданской войны в Таджикистане. В августе 1992 г. президент Таджикистана Набиев был свергнут в результате массовых выступлений «исламо-демократов» и укрылся в расположении 201-й дивизии бывшей советской армии (которая на тот момент, во многом номинально, подчинялась руководству России). «Красные», т. е. противники «исламо-демократов», создали Народный фронт. Наступая с юга от Курган-Тюбе и

230 Полис. 1993. № 3. С. 135; Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 6. С. 77.

231 Известия. 1993. 11 ноября.

232 Независимая газета. 1994. 6 марта.

233 Известия. 1993. 11 ноября.

234 Хрусталева М. Центральная Азия во внешней политике России. Исследования ЦМИ МГИМО. М., 1994. С. 10.

235 Политика России в Центральной Азии// <http://www.svoboda.org/programs/SP/1999/SP-62.asp>

с севера при поддержке Узбекистана, 4 декабря 1992 войска Народного фронта захватили Душанбе. При этом 201-я дивизия по договоренности с обеими сторонами конфликта с целью предотвратить проникновение в Душанбе мелких банд, грабивших горожан, заняла ключевые пункты столицы. Следует отметить, что в ходе боевых действий обе стороны совершали страшные жестокости по отношению к мирному населению. Поскольку обе конфликтующие стороны были связаны с определенными регионально-клановыми группами таджиков, то победители репрессировали «чужих».

Еще до начала гражданской войны 1992 г., дезорганизованная и плохо контролируемая Москвой 201-я дивизия была источником вооружений для обеих конфликтующих сторон. Один из представителей российских властей отметил, что в ней «разворовано все»²³⁶. Нельзя не понимать, что части 201-й дивизии, находившиеся в различных частях республики, оказались в очень трудном положении. Обе стороны стремились привлечь на свою сторону российских военных или любыми способами изъять технику и оружие. Части российской дивизии фактически оказались в окружении и вынуждены были перейти к круговой обороне в границах военных городков. Существенно, что 201-я дивизия во время войны сыграла роль «прикрытия» от репрессий конфликтующих сторон для местного мирного населения. В ее военных городках укрывались беженцы, спасавшиеся то от одной, то от другой стороны. Осенью 1992 г. в состав 201-й дивизии были переброшены специально подготовленные подразделения из России. После этого она восстановила свою боеготовность, а дисциплина существенно повысилась.

После взятия Душанбе «демократическое» руководство России открыто поддержало новое правительство, закрыв глаза на его коммунистические лозунги и проводимые массовые репрессии. Президент Борис Ельцин, министр обороны Павел Грачев и министр иностранных дел Андрей Козырев отмечали, что Таджикистан является «зоной особых интересов Российской Федерации». Поскольку Россия не имела возможности оборудовать собственную полноценную южную границу, то дестабилизация в Таджикистане открыла РФ для потока оружия и наркотиков из Афганистана. Россия оказала Таджикистану значительную экономическую помощь. Согласно договору «О сотрудничестве в военной области», активизировалось и военное вмешательство. Были даже зафиксированы случаи, когда российские войска охраняли войска правительства Таджикистана, которые осуществляли операции по изъятию оружия у населения²³⁷.

В это время в Афганистане, куда ушли остатки отрядов исламской оппозиции, шла подготовка новых военных операций в Таджикистане. По просьбе правительства Таджикистана Россия перебросила на таджикско-афганскую границу сначала воздушно-десантные части, а затем и пограничников. Ночью 13 июля 1993 г. одна из российских застав была вырезана пришедшим из Афганистана отрядом исламо-демократов. Это вызвало широкий резонанс в

236 Доклад Правозащитного Центра «Мемориал» и Human Rights Watch/Helsinki «Права человека в Таджикистане. После событий гражданской войны 1992 г.». Москва, 1994; Шапошников Е. О концепции безопасности России// Международная жизнь. 1993. №9. С.5—15.

237 Доклад Правозащитного Центра «Мемориал» и Human Rights Watch/Helsinki «Права человека в Таджикистане. После событий гражданской войны 1992 г.». Москва, 1994.

России, а в ответ правительством РФ была выдвинута идея создания коалиции сил стран СНГ для обеспечения стабильности в регионе.

Руководство Узбекистана, также испытывавшее силовое давление со стороны «своих» исламистов (особенно в Ферганской долине), было серьезно обеспокоено ситуацией в соседней стране. Кроме того, некоторые представители таджикских исламо-демократов активно предъявляли Узбекистану территориальные претензии. Активная позиция Узбекистана стала одним из важных стимулов для усиления военно-политической интеграции на постсоветском пространстве. 15 мая 1992 г. в Ташкенте главами шести государств СНГ — России, Армении, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана (4 из них — центральноазиатские) был подписан Договор о коллективной безопасности СНГ. Он стал правовым основанием для официального вмешательства России и центральноазиатских стран в межтаджикский конфликт.

В ноябре 1993 года на совместном заседании глав государств СНГ были созданы коллективные миротворческие силы для Таджикистана. Планировалось, что в их состав войдут контингенты российских войск, до того расквартированные в Таджикистане, участвовавшие в войне на стороне Народного фронта узбекские подразделения, военные части из Казахстана и Киргизии (по 1 батальону). Однако, в реальности, узбекские силы действовали совершенно автономно, а участие киргизского батальона в КМС несколько раз оказывалось под вопросом. Только Казахстан полностью выполнил свои обязательства, хотя эффективность действий его батальона в Горном Бадахшане и была низка.

Россия играла в начале 1990-х гг. ключевую роль также и в обеспечении безопасности Киргизии и Туркменистана. Согласно соглашению 1992 г., Киргизия делегировала вопросы охраны границы с Китаем погранвойскам России. По договору 1994 г. пограничные войска на низовом уровне комплектовались призывниками из Киргизии. На содержание этой группы Россия выделяла 80 %, Киргизия — 20 % необходимых финансовых средств.

Туркменистан не подписал Ташкентский Договор о коллективной безопасности, но он в начале 1990-х гг. сотрудничал с Россией в военной и пограничной областях на двусторонней основе. На его границах была развернута оперативная группа российских пограничников. При этом, например, в 1995 году на туркменско-афганской границе имело место 50 боестолкновений. В армии Туркменистана на офицерских должностях служило много российских военнослужащих, а в состав Совета обороны и национальной безопасности Туркменистана были включены начальник оперативной группы военного ведомства России при Министерстве обороны Туркменистана и командующий пограничными войсками. В начале 1990-х гг. армию Туркменистана часто называли «совместной», российско-туркменской²³⁸.

США и страны ЕС большое внимание уделили возвращению в Россию ядерного оружия из Казахстана. Взамен 5 декабря 1994 года в Будапеште во время саммита ОБСЕ президент РФ Б. Ельцин, президент США Б. Клинтон и премьер-министр Великобритании Дж. Мэйджор подписали Меморандум о гарантиях безопасности Казахстану. В 1995 г. китайское правительство также выступило с заявлением о предоставлении Казахстану гарантий безопасности.

238 Подробнее см. в нашей работе: *Казанцев А.А.* Туркменистан: общий обзор// Мониторинги ИГПИ. 1999. № 1 (84).

Только Узбекистан сразу взял курс на самостоятельное обеспечение собственной безопасности. Он стремился позиционировать себя в качестве крупной региональной державы, «фокуса» собственно центральноазиатской интеграции. Более того, узбекские вооруженные силы и специальные службы активно вмешивались в конфликты на территориях соседних Таджикистана (на стороне «красных») и Афганистана (на стороне этнических узбеков генерала Дустума).

3. Активизация центральноазиатской политики России и усиление соперничества с США и странами ЕС (1995—1998)

К 1995 г. политика России в Центральной Азии начала меняться. У этого был целый ряд причин внешнеполитического и внутривнутриполитического характера. Под влиянием очевидных неудач либеральных реформ начали меняться настроения в России. Поспешный роспуск СССР уже осознавался существенной частью избирателей как катастрофа. В результате, президенту Ельцину для обеспечения переизбрания на выборах 1996 г. стало выгодно позиционировать себя в качестве сторонника восстановления единства союзных республик. Стало очевидно, что России уйти из Центральной Азии просто не удастся. Напротив, нерешаемые проблемы из этого региона легко переходят на территорию самой РФ. Усилилась международная конкуренция за влияние в Центральной Азии, которая повышала ее ценность и в глазах российской политической элиты.

Существенным обстоятельством было то, что и в самой России и в Центральной Азии острота социально-экономического кризиса к середине 1990-х гг. начала ослабевать. В результате появились ресурсы, которые можно было бы использовать во внешней политике. Это могло усилить чисто экономический интерес к интеграции. В то же время, в конце рассматриваемого периода как Россия, так, в не меньшей степени, и страны Центральной Азии очень серьезно пострадали от глобального кризиса развивающихся рынков (частью которого явился и российский дефолт 1998 г.).

Именно в рассматриваемый период начало выработываться новое понимание российских интересов в Центральной Азии. Впрочем, процесс их формулировки, как нам представляется, *до сих пор не завершен*. В понимании этих интересов можно выделить две группы. «К «*позитивным*» интересам относятся те, которые способствуют укреплению геополитических позиций самой России, могут принести определенные выгоды и экономическую прибыль. К «*негативным*» — угрозы и вызовы, с которыми сталкивается Россия и которые вынуждают ее проводить «*затратную*» политику»²³⁹. К первой группе факторов относятся: возможности использования военно-технических объектов на территории региона; получение сырья; сохранение и расширение рынка сбыта; прибыль от совместных коммуникационных проектов; дешевая рабочая сила, готовая работать в непрестижных отраслях экономики; торгово-эконо-

239 Звягельская И. Зачем России нужна Центральная Азия// Континент (Казахстан). 2004. №02 (114). 4-17 февраля.

мическое сотрудничество; перспектива расширения своего влияния на южных флангах СНГ и за их пределами; поддержание статуса великой державы. Ко второй группе факторов можно отнести: борьбу с незаконным оборотом наркотиков; предотвращение роста религиозно-политического экстремизма; недопущение такого развития событий, которое привело бы к превращению региона в зону доминирования враждебных России сил и осложнению ее отношений с ведущими мировыми державами²⁴⁰.

14 сентября 1995 года вышел указ президента Б. Ельцина, согласно которому реинтеграция постсоветского пространства вокруг России официально считалась важнейшим внешнеполитическим приоритетом²⁴¹. Стремление руководства России усилить интеграционные процессы выразилось в подписании соглашения о Таможенном союзе между Россией и Беларуссией 5 января 1995 г. 20 января 1995 г. к документу присоединился Казахстан. Три государства подписали другое соглашение, определявшее принципы, механизм и этапы создания Таможенного союза. 29 марта 1996 г. к нему присоединилась Киргизия. В тот же день таможенная «четверка» подписала Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях, подразумевавший формирование единого экономического пространства.

В условиях активизации российской внешней политики на постсоветском пространстве важной стала проблема взаимодействия с различными внешними силами, которые были «затянуты» в регион той «геополитической пустотой», которую Россия сама создала там ранее. Очень плохо эта задача решалась в случае с США. Руководство Соединенных Штатов в самом начале 1990-х гг. проводило политику преимущественного сотрудничества с Россией. Оно также не имело особого интереса к Центральной Азии, за исключением обеспечения передачи ядерного оружия из Казахстана в РФ. Однако начиная с середины 1990-х гг. администрация Б. Клинтона перешла к более активной политике на постсоветском пространстве. В частности, в Центральной Азии ставка была сделана на сотрудничество с Узбекистаном, поощрялось его стремление превратиться в центр региональной интеграции. Кроме того, существенную роль в усилении интереса к Центральной Азии сыграло американское нефтяное лобби. В результате произошло практически синхронное увеличение вовлеченности России и США в центральноазиатские дела, что привело обе стороны к столкновению интересов.

Важным для России был поиск согласованных позиций с Китаем. 26 апреля 1996 года в г. Шанхае президентами 5 граничащих друг с другом стран (России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана) было подписано соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. Оно предусматривало вывод войск и вооружений, кроме пограничных, из 100-километровой приграничной зоны, отказ от проведения военных учений, направленных против другой стороны, ограничение масштабов учений и численности участвующих в них войск, предоставление взаимной информации о них, установление дружественных отношений между дислоцированными в районе границы подразделениями войск сторон, взаимное приглашение наблюдателей на военные учения.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Указ Президента РФ от 14 сентября 1995 года № 940 «Об утверждении Стратегического курса РФ с государствами — участниками СНГ».

В целом, парадокс рассматриваемого периода заключается в том, что, несмотря на рост интереса руководства России к Центральной Азии (который отнюдь не всегда носил декларативный предвыборный характер), ее позиции в регионе продолжали ослабевать. Для этого был ряд достаточно веских причин, которые мы перечислим ниже (при этом многие из них мы подробнее рассмотрим в других разделах работы).

- А.** Происходила уже упомянутая активизация политики США и других стран (государств ЕС, Турции, Пакистана и т.д.) в регионе. Последние действовали как явные конкуренты России. В частности, это проявилось в активизации деятельности западных нефтяных компаний на Каспии после подписания «контракта века» с Азербайджаном, в проектах прокладки новых транспортных (ТРАСЕКА – «Великий шелковый путь») и трубопроводных маршрутов (транскаспийские, транскаспийский). Одновременно росло сотрудничество стран региона с НАТО в рамках Совета евроатлантического партнерства, а затем – программы «Партнерство во имя мира».
- Б.** США активно поддерживали интеграцию внутри Центральной Азии без участия России, в частности, проект Центральноазиатского союза, имевший как экономическое, так и военно-политическое измерение («Центразбат»). 10 октября 1997 г. в Страсбурге прошел учредительный форум ГУАМ. В апреле 1999-го к организации присоединился Узбекистан. В том же 1999 г. он отказался продлить Договор о коллективной безопасности СНГ.
- В.** В середине 1990-х гг. происходило стремительное ухудшение российско-узбекских отношений. Главная причина этого носила структурный характер. Узбекистан в силу ряда причин географического, исторического, демографического, военного характера воспринимает себя в качестве естественного «фокуса» центральноазиатской интеграции²⁴². В связи с этим он сам стремился играть роль главной региональной державы, альтернативной всем внешним силам. При этом в середине 1990-х гг. он воспринимал РФ в качестве главной соперницы.

Одним из важнейших конкретных поводов для ухудшения отношений стала ситуация в Таджикистане. После взятия Душанбе войсками Народного фронта шли вялотекущие боевые действия в районах вдоль таджикско-афганской границы, сопровождавшиеся переговорами на разных уровнях (начались в 1994 г.). Особенно важную роль в их проведении сыграли Россия и Иран. 27 июня 1997 года между противодействующими силами было подписано соглашение о разделе власти. Согласно ему, президентом Таджикистана остался представитель «красных» Эмомали Рахмонов, а все властные позиции были поделены по принципу $\frac{2}{3}$ «красным», $\frac{1}{3}$ – «исламо-демократам» (Объединенной таджикской оппозиции, ОТО).

Однако в результате межтаджикских соглашений $\frac{2}{3}$ «красных» позиций были узурпированы земляками президента Рахмонова, кулябцами. Другая основная сила Народного фронта – ленинабадцы (худжандцы) – оказались за пределами соглашения о разделе власти. Этот регион и соответствующие кланы были исторически связаны с Узбекистаном и пользовались его поддержкой. В то же время, Рахмонов активно опирался на военную помощь России.

²⁴² См. *Толпиов Ф.Ф.* Большая стратегия Узбекистана в условиях геополитической и идеологической трансформации Центральной Азии. Ташкент: Издательство «Фан», 2005.

Узбекистан, недовольный ситуацией в соседней стране, стоял за попыткой путча — вторжением почти тысячной армии полковника Махмуда Худойбердоева с узбекской территории в Согдийскую область Таджикистана в ноябре 1998 года. Провал этой авантюры привел к еще более резкому ухудшению узбекско-таджикских и российско-узбекских отношений. В частности, в Таджикистане уже при правительственной поддержке вновь оживились разговоры о том, что Узбекистану несправедливо достались населенные таджиками территории.

Г. Казахстан и Киргизия продолжали в середине 1990-х гг. развивать свою многополярную политику. Степень их зависимости от России и ориентации на нее постоянно уменьшались. В свою очередь, Туркменистан во все большей степени переходил к изоляционизму. Его руководство было недовольно тем, что Россия не пускает туркменский газ на европейский рынок. При этом, в частности, постепенно свертывалось сотрудничество в военной области. Одновременно шла активизация антирусских лозунгов (например, шли ежегодные поминовения дня взятия Геок-Тепе войсками генерала Скобелева в период завоевания Средней Азии Россией).

Лишь Таджикистан, руководство которого в противостоянии талибской и «узбекской» угрозе во многом зависело от поддержки России, продолжал ориентироваться, преимущественно, на отношения с РФ. Однако по мере консолидации политического режима в этой стране он тоже постепенно начал переходить к политике многовекторности (впрочем, это произошло уже в начале 2000-х гг.).

Источником тревоги для российского руководства стала также ситуация в соседнем Афганистане, которая начинала все больше сказываться на постсоветской Центральной Азии.

4. Рост влияния России в Центральной Азии в начале нового тысячелетия как результат увеличения стратегической нестабильности (1999—2001)

В 1999 – 2001 гг. на первый план в Центральной Азии вышли проблемы обеспечения безопасности, которые резко изменили соотношение международных сил. Именно на этот период приходится формирование основных направлений внешней политики России в регионе в период президентства В.В. Путина.

Ситуация в Афганистане начала все больше сказываться на центральноазиатской политике России со второй половины 1990-х гг. Радикальное исламистское движение «Талибан» впервые зародилось среди пуштунских беженцев на территории Пакистана в 1994 г. Определенную роль в создании «Талибана» сыграла тесно связанная с ЦРУ со времен советского вторжения в Афганистан пакистанская межведомственная разведка (ISI). Именно это обстоятельство активно использовалось в пропаганде сил антиталибской коалиции, а также служило идеологическим обоснованием для сотрудничества антиталибских сил с центральноазиатскими государствами и Россией.

Другой причиной стало то, что «Талибан» имел ярко выраженный пуштун-

ский характер. В 1995 г. талибы захватили провинцию Гильменд и разгромили боевиков пуштунского полевого командира Гульбединна Хекматиара, но были остановлены под Кабулом дивизиями таджикского полевого командира Ахмад-Шах Масуда. В сентябре 1996 г. армия «Талибана» без боя взяла Кабул и основала Исламский Эмират Афганистан.

После этого конфликт в Афганистане приобрел ярко выраженный этнический характер: пуштуны юга против национальных меньшинств севера. Противостоящие талибам силы Северного альянса также делились по этническому признаку. Для России и стран Центральной Азии особенно большое значение имели узбекские вооруженные формирования генерала Абдул-Рашида Дустума (поддерживавшиеся Узбекистаном, Турцией и Россией) и таджикские вооруженные формирования президента Бурхануддина Раббани и полевого командира Ахмад-Шаха Масуда (имевшие тесные связи с Таджикистаном и Россией).

Рост влияния движения «Талибан» рассматривался как угроза для всех сопредельных государств. Афганистан превратился в фокус притяжения оппозиционных исламистских группировок со всего мира, включая Узбекистан, российский Северный Кавказ, китайский Синьцзян. После падения Кабула установилось неустойчивое равновесие. Территории, контролировавшиеся Северным альянсом, стали рассматриваться как буферная территория между талибами и странами Центральной Азии. Одновременно росло сотрудничество по военной линии между Северным альянсом, Россией, Узбекистаном. Однако это равновесие было нарушено 8 августа 1998 года, когда пала столица генерала Дустума — город Мазари-Шариф. Под контролем талибов оказалась почти 90 % территории страны, за исключением территорий, контролировавшихся Масудом (убит террористами «Аль-Каиды» в 2001 г.). В результате потери практически всей «буферной зоны» центральноазиатские страны (особенно, Узбекистан) стали ощущать себя прифронтовыми государствами.

Позиция США по отношению к движению «Талибан» постепенно менялась. Она стала откровенно враждебной после того, как 7 августа 1998 года «Аль-Каидой» были взорваны американские посольства в Кении и Танзании. Вашингтон обвинил в терактах Осаму бен Ладена, укрывавшегося у талибов, и потребовал его выдачи. Глава движения «Талибан» мулла Омар отверг это требование. В ответ США нанесли ракетный удар по базе бен Ладена под Кандагаром.

Однако с точки зрения многих представителей центральноазиатских элит, «Талибан» изначально был создан с благословения США. По их мнению, США с их критикой нарушения прав человека также мешали подавлять исламскую оппозицию внутри региона, которая воспринималась как союзник «Талибана». В то же время, Россия сама переживала сходные угрозы в связи с ростом религиозного экстремизма и сепаратизма на Северном Кавказе, базировавшихся на территории обладавшей фактической независимостью после окончания первой чеченской войны «Ичкерийской республики» (последняя вступила в союзнические отношения с «Талибаном»). Поэтому Россия в самом

конце 1990-х гг. вновь начала восприниматься в качестве важнейшего гаранта безопасности государств Центральной Азии²⁴³.

Поддержка «Талибана» и финансовая помощь «Аль-Каиды» привели к активизации исламистских группировок в Центральной Азии. Последние также имели (по обвинениям Узбекистана, опровергаемых официальным Таджикистаном) достаточно тесные контакты с Объединенной таджикской оппозицией. Основной радикально-исламистской силой стало основанное в 1996 году Исламское движение Узбекистана (ИДУ) под руководством Тахира Юлдашева и полевого командира Джумы Намангани. Эта группировка ставила задачу создания исламского государства во всей Центральной Азии.

Осенью 1999 года от двухсот до семисот (по разным данным) вооруженных боевиков ИДУ вторглись со стороны Таджикистана на территорию Баткенского района (позднее области) Киргизии на юге Ферганской долины. В 2000 г. это вторжение было повторено. Для центральноазиатских стран с их слабой государственностью и сильными экстремистскими настроениями существенной части общества эти вторжения означали возможность свержения светских режимов по модели «снежного кома». Оба раза для отражения угрозы со стороны исламистов были задействованы силы и ресурсы не только Киргизии, но и сопредельных центральноазиатских государств (Узбекистана, Казахстана) и России. Сотрудничество в этом направлении, наряду с противостоянием силам «Талибана», стало зародышем формирования новой системы коллективной безопасности для региона во главе с Россией.

Реакция России на первую Баткенскую войну была тем более острой, что примерно в то же время (7 августа – 11 сентября 1999) на территорию российского Дагестана вторглись связанные с «Аль-Каидой» отряды исламских экстремистов под командованием Шамиля Басаева и Хаттаба. Это послужило сигналом к началу второй чеченской войны (активная фаза боевых действий пришлась на сентябрь 1999 – 2000 гг.). Жесткость и решительность, проявленная правительством В.В. Путина, чрезвычайно импонировала многим представителям центральноазиатских политических элит (особенно руководству Узбекистана). Это давало гарантию того, что Россия готова эффективно вмешаться и в случае резкого обострения кризиса в Центральной Азии.

16 февраля 1999 года в столице Узбекистана Ташкенте в течение небольшого времени было взорвано 6 мощных взрывных устройств в разных частях города. Россия в это время также пережила серию массированных терактов. Именно эти теракты привели к консолидации российского общественного мнения и политического класса страны вокруг В.В. Путина. Общность угроз (вторжения отрядов боевиков и теракты) привела к усилению взаимопонимания политических элит России и Центральной Азии в самом начале нового тысячелетия.

Параллельно с сотрудничеством в области безопасности развивалось и экономическое сотрудничество. Важным событием в плане усиления интеграции ТЭК России и Казахстана стало строительство нефтепровода Тенгиз–Новороссийск Каспийского трубопроводного консорциума (КТК). Его основателями еще в 1992 году стали правительства России, Казахстана и Омана. В 1996

²⁴³ Исключением из этого правила был Туркменистан, имевший статус нейтралитета и единственный в регионе установивший хорошие отношения с «Талибаном».

году к ним присоединился ряд транснациональных нефтяных компаний, ведущих разработку казахстанского сектора Каспийского моря. В 1997 – 1998 гг. было подготовлено технико-экономическое обоснование. Подача нефти в трубопровод КТК началась 26 марта 2001 года.

5. Доктринальное и организационное упорядочение российской внешней политики в Центральной Азии и его пределы

Приход к власти президента В.В. Путина привел к утверждению нового стиля российской внешней политики. На первом этапе его основной характеристикой, по сравнению с политическим стилем периода Б. Ельцина, стало стремление к доктринальной и организационной упорядоченности. Это коснулось и центральноазиатского направления. В первые же несколько месяцев после появления нового президента (В.В. Путин стал и.о. Президента 31 декабря 1999 г.) было принято сразу 3 ключевых доктринальных документа, определяющих внешнюю политику страны: Концепция национальной безопасности РФ (10 января 2000 года), Военная доктрина РФ (21 апреля 2000 года), Концепция внешней политики РФ (28 июня 2000 года). В последнем документе отношения с постсоветскими странами были названы одним из основных региональных приоритетов. Характерно, что они были поставлены в контекст обеспечения национальной безопасности.

«Приоритетным направлением внешней политики России является обеспечение соответствия многостороннего и двустороннего сотрудничества с государствами – участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) задачам национальной безопасности страны... Приоритетное значение будут иметь совместные усилия по урегулированию конфликтов в государствах – участниках СНГ, развитию сотрудничества в военно-политической области и сфере безопасности, особенно в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом»²⁴⁴. В качестве приоритета была также подчеркнута необходимость налаживать экономическое сотрудничество со странами СНГ, причем в «Концепции» была напрямую упомянута проблема раздела Каспия.

Эта попытка упорядочения внешней политики была весьма позитивной. В то же время, сформулированные в принятых документах принципы носили *слишком общий* характер. Их необходимо было в дальнейшем конкретизировать по отношению к центральноазиатскому региону в виде некой стратегии с определенным набором приоритетов и средств, которые могут быть выделены на их реализацию. Но эта задача так и не была выполнена (а ниже мы покажем, что она и не могла быть выполнена) даже к 2008 г.

Деятельность СНГ в 1990-е гг., включая и центральноазиатское измерение организации, была вопиюще неэффективной. Решения, принимаемые в рамках этой структуры, носили абсолютно необязательный характер и никем не выполнялись. В связи с этим к началу нового тысячелетия началось формирование «второго поколения»²⁴⁵ интеграционных структур вокруг России,

²⁴⁴ Концепция внешней политики РФ. 28 июня 2000 года.

²⁴⁵ Его можно противопоставить «первому поколению» интеграционных структур, которое было, скорее формой цивилизованного развода, чем реализацией проекта реальной интеграции.

решения которых могли бы носить более обязательный характер для всех участников.

26 февраля 1999 года Россией, Беларусью, Казахстаном и Киргизией был подписан «Договор о таможенном союзе и едином экономическом пространстве». Он предусматривал формирование единой таможенной территории и общего рынка, а также проведение согласованной налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой и торговой политики, развитие инфраструктуры в целях свободного движения «товаров, услуг, капитала и рабочей силы»²⁴⁶. На его основе теми же участниками вместе с присоединившемся к Единому экономическому пространству Таджикистаном 10 октября 2000 г. был подписан «Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества», ЕврАзЭС (эта идея давно пропагандировалась президентом Казахстана Н. Назарбаевым, который является сторонником идей евразийства).

ЕврАзЭС был создан «для эффективного продвижения процесса формирования Договаривающимися Сторонами Таможенного союза и Единого экономического пространства, а также реализации других целей и задач, определенных в вышеназванных соглашениях о Таможенном союзе, Договоре об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях и Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, в соответствии с намеченными в указанных документах этапами»²⁴⁷. Таким образом, для выполнения задач реализации углубленной экономической интеграции был создан новый организационный аппарат, отдельный от СНГ. При этом, в отличие от СНГ, в ЕврАзЭС преобладают центральноазиатские страны (в настоящее время 4 из 6 участников расположены в Центральной Азии).

В августе 2006 г. на Межгосударственном совете ЕврАзЭС было принято принципиальное решение о создании Таможенного союза в составе лишь трех государств, готовых к этому, Белоруссии, России и Казахстана.

В целом, с 2000 по 2008 г. сложилось определенное разделение труда между СНГ и ЕврАзЭС. В рамках СНГ обсуждаются общеполитические вопросы, а в рамках ЕврАзЭС – конкретные проблемы экономической интеграции. Существуют определенные подвижки в экономическом сотрудничестве, в частности, растет товарооборот между постсоветскими странами. В то же время, за эти 8 лет так и не удалось унифицировать внутреннее законодательство стран ЕврАзЭС и зона свободной торговли практически не начала функционировать. Однако не наблюдается и повторения «таможенной войны», которая разразилась на постсоветском пространстве (прежде всего в Центральной Азии) в период кризиса развивающихся рынков.

Несколько позднее на основе Договора о коллективной безопасности СНГ была оформлена новая организационная структура для военно-политической интеграции – Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). 7 октября 2002 года в Кишиневе Россией, Белоруссией, Арменией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном были подписаны «Устав ОДКБ» и «Соглашение о правовом статусе ОДКБ». Согласно Уставу, государства-члены ОДКБ преследуют следующие цели: укрепление мира, сохранение территориальной целостности и независимости государств-участников организации, а

²⁴⁶ Договор о таможенном союзе и едином экономическом пространстве. 26 февраля 1999 г.

²⁴⁷ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества. 10 октября 2000 г.

также координируют свои действия в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и психотропных средств, организованной трансграничной преступностью. В уставе содержится также пункт об оказании немедленной военной помощи государству-участнику ОДКБ в случае возникновения военной угрозы²⁴⁸. Эти соглашения вступили в силу 18 сентября 2003 года.

В рамках ОДКБ Россия предложила своим партнерам покупку вооружений по льготным (внутрироссийским) ценам и льготные условия обучения в российских военных вузах, включая и Академию Генштаба.

ОДКБ, как и ЕврАзЭС, приобрел ярко выраженный центральноазиатский характер (из 7 его членов в настоящее время 4 расположены в Центральной Азии). ОДКБ имеет 3 региона коллективной безопасности: центральноазиатский, европейский и закавказский. Из них европейский и закавказский каждый представлены одной из союзных России постсоветских стран (Белоруссией и Арменией), а структура взаимодействий в этих двух регионах коллективной безопасности определяется, скорее, двухсторонними договорами соответствующих государств с Россией. В то же время, в Центральной Азии деятельность ОДКБ носит действительно характер многосторонней организации.

В рамках ОДКБ для центральноазиатского региона коллективной безопасности был создан механизм Коллективных сил быстрого развертывания (КСБР). Это – достаточно боеспособная группировка, которая в 2003 г. составляла 1,5 тыс. человек, в 2005 – 3 тыс. человек, в настоящее время – до 4 тыс. человек. При этом она в настоящее время может использовать поддержку российских соединений, постоянно дислоцированных в Центральной Азии: 201-й мотострелковой дивизии в Таджикистане и авиационной базы в г. Кант, Киргизия.

ОДКБ, как ЕврАзЭС показал определенную положительную динамику развития и способность к расширению (позднее в обе организации вступил Узбекистан). В настоящее время наряду с уже антикризисным существующим антикризисным механизмом (в виде КСБР) происходит формирование следующих механизмов:

- создание ПВО ОДКБ в сотрудничестве с ПВО СНГ;
- формирование миротворческого механизма организации;
- механизма реагирования на чрезвычайные ситуации;
- создание органа, координирующего борьбу с международным терроризмом, включая формирование Коллективных региональных антитеррористических сил;
- организация деятельности Координационного Совета по борьбе с нелегальной миграцией;
- принятие Плана действий по формированию системы противодействия нелегальной миграции граждан третьих стран до 2012 г.;
- программа совместных действий по формированию системы информационной безопасности.

Кроме того, в рамках ОДКБ нет таких скандальных ситуаций, как внутри СНГ, в котором состояли государства, вступившие в прямое вооруженное противостояние (Армения и Азербайджан) или обвиняющие друг друга в

²⁴⁸ Устав Организации Договора о коллективной безопасности. 7 октября 2002 г.

поддержке сепаратистских и экстремистских выступлений (Россия и Грузия, Таджикистан и Узбекистан). Решения, принятые в рамках ОДКБ, в отличие от СНГ, считаются обязательными. Россия несет основные издержки по финансированию работы как ОДКБ, так и ЕврАзЭС.

В то же время, военно-политическая интеграция в рамках новой организации также до сих пор имеет определенные сложности (например, с созданием военной группировки в Центральной Азии, формированием объединенных военных систем, военно-техническим сотрудничеством, организацией системы миротворчества, финансированием программ).

Недавно вступивший в ОДКБ Узбекистан по-прежнему сохраняет свою изоляционистскую внешнеполитическую стратегию, что негативно сказывается на его сотрудничестве в рамках организации.

Определенные проблемы существуют также по линии сотрудничества ОДКБ с другими международными организациями. Даже в отношении с ШОС есть ряд проблемных моментов, которые вызывают к жизни потребность в постоянной гармонизации политики этих двух организаций с перекрепляющимся членством (в октябре 2007 г. в Душанбе был подписан меморандум о сотрудничестве двух организаций). Существуют и некоторые противоречия между базовыми задачами ОДКБ (интеграция части постсоветского пространства вокруг России) и ШОС (эффективное взаимодействие России и стран Центральной Азии с Китаем).

Формирование «второго поколения» интеграционных структур на постсоветском пространстве привело к определенной организационной упорядоченности взаимодействия России с рядом новых независимых государств. Тем не менее, возникли новые проблемы, связанные с серьезным параллелизмом в деятельности и даже противоречиями между СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС и ШОС. В разных группах стран, входящих в эти объединения, реализуются не всегда внутренне согласованные интеграционные проекты.

Россия начиная с момента прихода к власти президента Путина стремится вывести постсоветское пространство из состояния некой «остаточной» и распадающейся структуры. Внутри него оформились контуры, по крайней мере трех, новых проектов интеграции: экономического вокруг России (ЕврАзЭС), военно-политического вокруг России (ОДКБ) и комплексного военно-экономического вокруг России и Китая (ШОС). Эти проекты не всегда внутренне согласованы, хотя между ними и наблюдаются определенные точки совпадения, связанные с разными группами интересов России. Именно отсутствие определенности в этих интересах и вызывает к жизни наличие различных недостаточно согласованных друг с другом интеграционных проектов.

Еще большим вопросом является проблема согласования инициированных Россией интеграционных проектов с другими векторами притяжения постсоветского пространства. Причем зачастую отсутствие каких-либо договоренностей в данной области и развертывающаяся в результате конкуренция различных векторов международного взаимодействия в Центральной Азии происходит отнюдь не по вине России. Например, в настоящее время в Центральной Азии развернуты две мощные военные машины: НАТО и ОДКБ. 18 июня 2004 года Совет коллективной безопасности ОДКБ выдвинул инициативу по установлению официальных отношений с НАТО. Это предложение было повторено в письме Генерального Секретаря ОДКБ Н.Н. Бордюжи от 8

июля 2004 года Генеральному Секретарю НАТО Яапу де Хооп Схефферу, в котором были определены основные направления диалога ОДКБ с НАТО. Тем не менее, НАТО дало понять, что не готово к такому диалогу. Для него приоритетом является двухстороннее взаимодействие с отдельными членами ОДКБ.

Недостаточная координация инициированных Россией интеграционных проектов и тем более ситуация, когда разные векторы притяжения центральноазиатских стран не согласованы между собой, дает основания говорить о все еще продолжающемся распаде постсоветского пространства, затронувшего и центральноазиатско-каспийский регион. Внутри постсоветского пространства в начале нового тысячелетия выделились разные группы стран с совершенно разнородными интересами и векторами интеграции, образовались совершенно новые разделительные линии²⁴⁹.

Так, в качестве члена центральноазиатско-каспийского региона может рассматриваться Азербайджан, который до сих пор является членом ГУАМ, интеграционной альтернативной российским проектам структуры. Узбекистан покинул ГУУАМ (вновь ставший после этого ГУАМом) и вступил в ЕврАзЭС и ОДКБ. Однако он занимает достаточно специфическую позицию в обеих организациях²⁵⁰. Туркменистан не является членом ни одной из новых интеграционных структур. Еще более сложной является ситуация, когда одни и те же страны выступают субъектами совершенно разнонаправленных и несогласованных между собой направлений интеграции. Например, Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Таджикистан одновременно участвуют в ОДКБ и различных институционализованных формах взаимодействия с НАТО (программы «Партнерство во имя мира», индивидуальные программы партнерства и т.д.).

6. ШОС и попытки координации политики России с другими великими державами в Центральной Азии

Постепенное развитие приграничного диалога между Россией, Китаем и граничащими с КНР центральноазиатскими государствами привело к созданию сначала «Шанхайской пятерки», а затем — Шанхайской организации сотрудничества. Декларация о её создании была подписана 15 июня 2001 года в Шанхае²⁵¹. Членами ШОС являются Россия, Китай, Узбекистан, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Таким образом, в настоящее время интересы ШОС сосредоточены в Центральной Азии, где находятся 4 из 6 ее участников. Тем не менее, ШОС, в отличие от ЕврАзЭС и ОДКБ не является организацией, которая направлена на интеграцию центральноазиатского пространства вокруг России. У ШОС два основных спонсора, вносящих львиную долю средств в реализацию целей организации, — Китай и Россия. Секретариат ШОС находится в Пекине.

²⁴⁹ *Trenin D.* The End of Eurasia. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2001; *Nikitin A.* The End of the «Post-Soviet Space». The Changing Geopolitical Orientations of the Newly Independent States. London: Chatham House, 2007.

²⁵⁰ В ноябре 2008 г. Узбекистан заявил о приостановлении своего членства в ЕврАзЭС и о намерении покинуть эту организацию.

²⁵¹ Декларация о создании ШОС —1. 15 июня 2001 года; Декларация о создании ШОС —2. 15 июня 2001 года.

Первоначально приоритет в рамках организации отдавался сотрудничеству в сфере безопасности, в том числе борьбе с терроризмом, религиозным экстремизмом и наркобизнесом. Была создана региональная антитеррористическая структура (РАТС) со штаб-квартирой в Ташкенте. Постепенно, однако, на первый план стало выходить торгово-экономическое взаимодействие. В 2003 году главы правительств стран-членов ШОС подписали Программу многостороннего торгово-экономического сотрудничества на 20 лет. В сентябре 2004-го в Бишкеке был утвержден план мероприятий по реализации этой программы. Он включает в себя свыше ста совместных проектов и направлений сотрудничества. Упор был сделан на сферы транспорта, коммуникаций, энергетики, телекоммуникаций, сельского хозяйства, туризма, водного хозяйства и охраны природы. К настоящему времени начала усиливаться энергетическая составляющая ШОС за счет создания «Энергетического клуба», ставящего задачу формирования единого пространства в этой области.

В целом, в рамках ШОС выявились определенные различия в интересах между Россией и Китаем²⁵². Последний заинтересован, прежде всего, в формировании единого экономического пространства внутри организации. Причем это, по мнению Пекина, является задачей уже ближайшего времени. КНР также заинтересована в том, чтобы такое пространство возникло, прежде всего, между ней и странами Центральной Азии. Последнее может привести к их полной экономической переориентации с российского и европейского направления на великого восточного соседа.

Россия, в свою очередь, имеет основания опасаться установления китайской экономической гегемонии в организации. Дешевые китайские товары могут вытеснить российских производителей не только с центральноазиатского, но и с внутрироссийского рынка. Не только Центральная Азия, но и сама Россия может со временем превратиться в сырьевой придаток Китая. Уже сейчас более 90 % российского экспорта в Китай приходится на сырьевые товары. По сути, единственная статья высокотехнологичного экспорта России в Китай – оружие, которое сыграло очень большую роль в модернизации НОАК. Китайцы, напротив, экспортируют в Россию продукцию с высокой степенью переработки (прежде всего, товары широкого потребления). Имеют место часто преувеличиваемые прессой опасения, что китайские мигранты могут резко изменить демографическую ситуацию в Сибири и на Дальнем Востоке и даже привести к отпадению этих регионов от России.

Наконец, существуют тщательно удерживаемые пока обеими сторонами под контролем противоречия между Россией и Китаем по поводу маршрутов транспортировки центральноазиатского сырья. Так, в настоящее время Россия и Китай претендуют одновременно на закупки туркменского газа. Размер запасов точно неизвестен, и легко может оказаться, что оба проекта транспортировки придут в противоречие между собой. Центральноазиатские страны, в свою очередь, опираясь даже на потенциальную конкуренцию России и Китая, сумели очень серьезно взвинтить цены на покупаемый Россией газ и даже в ультимативной форме потребовали в 2008 г. доведения их до европейского уровня!

²⁵² См., например: *Лузянин С.Г.* Роль Китая в каспийских энергопроектах// Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Энергетика и политика. М.: «Навона», 2005. С. 251 – 252; *Лукин А.В.* Россия и ШОС// Аналитические записки НКСМИ МГИМО. июль 2007 Выпуск 6 (26). С. 7-8.

В целом, Россия считает, что экономическая интеграция в зоне ШОС является целью долгосрочной. В настоящее время речь может идти об углубленной экономической интеграции лишь постсоветских государств, имеющих сопоставимые экономики. Здесь Россия неизбежно будет играть роль экономического лидера. Россия заинтересована, прежде всего, в военно-политическом взаимодействии в рамках ШОС, борьбе с экстремизмом, сепаратизмом и терроризмом. При этом желательно, чтобы экономическая интеграция с участием Китая в рамках ШОС не вела к «тихому» вытеснению России из Центральной Азии.

ШОС как организация, представляющая две крупнейшие страны мира, могущие в силу своего экономического и военного потенциала противостоять совместно мировой гегемонии США, постепенно начинает играть все большую роль в решении важнейших международных проблем. В этом плане ШОС представляет пока собой скорее потенциальный, чем актуализировавшийся, инструмент реализации российских представлений о множественности полюсов силы в современном мире. Причина потенциальности этого инструмента заключена, в том числе, в чрезвычайно осторожной политике Китая на международной арене. Для последнего экономическое сотрудничество с США пока является приоритетом более важным, чем отношения с Россией.

В отношении Центральной Азии высокая роль ШОС в решении мировых проблем сказалась в 2005 г. 5 июля 2005 г. на саммите ШОС в Астане была принята декларация с призывом к США определить сроки вывода американских баз из Центральной Азии, размещенных для поддержки антитеррористической операции в Афганистане.

«Учитывая завершение активной военной фазы антитеррористической операции в Афганистане, государства-члены Шанхайской организации сотрудничества считают необходимым, чтобы соответствующие участники антитеррористической коалиции определились с конечными сроками временного использования упомянутых объектов инфраструктуры и пребывания военных контингентов на территориях стран-членов ШОС»²⁵³.

В ответ 19 июля 2005 г. палата представителей Конгресса США приняла резолюцию с выражением озабоченности «явной попыткой Китая и России выдавить США из этого региона». Однако вскоре после этого войскам США пришлось покинуть базу Карши-Ханабад в Узбекистане.

ШОС, в целом, является полезным инструментом геополитического партнерства России с Китаем как с одной из ключевых держав XXI века. Однако с точки зрения интересов России в Центральной Азии роль ШОС двояка. С одной стороны, при помощи ШОС Россия пытается контролировать растущее влияние Китая в регионе и гармонизировать его со своими интересами. С другой стороны, Россия создает достаточно легитимный канал для роста китайского влияния в Центральной Азии просто потому, что она не в состоянии противостоять ему, прежде всего, в экономической сфере.

Проявила Россия готовность согласовывать свою политику в Центральной Азии и с США. Это, в частности, проявилось в ходе войны с терроризмом в регионе.

253 Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества – 1. 5 июля 2005 г.

7. Россия и война с терроризмом в Центральной Азии (2001—2003.)

Террористические атаки на Нью-Йорк и Вашингтон привели к резкому изменению стратегического баланса в Центральной Азии. После 11 сентября 2001 года президент США Джордж Буш выдвинул талибам ультиматум: выдать американскому правосудию бен Ладена, а также все руководство «Аль-Каиды». 21 сентября «Талибан» заявил, что американцы не предоставили достаточно веских доказательств причастности этой организации к атакам в Нью-Йорке и Вашингтоне.

7 октября 2001 года началась военная операция США против движения «Талибан». Она заключалась в массированных бомбардировках в сочетании с тайными операциями и поддержкой сил «Северного альянса». При этом очень важную роль по установлению сотрудничества сил антитеррористической коалиции с антиталибскими силами в Афганистане сыграла позиция России. Она практически «поделилась» своими союзниками с США. Руководство России получило уникальную возможность уничтожить своего противника «чужими руками».

Однако для обеспечения проведения операции в Афганистане США потребовалось развернуть свое военное присутствие в Центральной Азии (в противном случае США могли бы проводить операции в Афганистане лишь с территории Пакистана). Это вело уже к прямому столкновению российских и американских интересов, так как с точки зрения существенной части российской политической элиты, размещение американских войск в регионе могло привести к окончательной потере российского влияния в нем. Более того, практически вопрос о размещении американских баз в Узбекистане (он не был членом ОДКБ на тот момент) был согласован и без участия России. Таким образом, препятствовать размещению войск США в Центральной Азии Россия не могла. Упорство могло лишь вызвать разрыв с официальными союзниками России в регионе. Последние могли просто проигнорировать ограничения на размещение иностранных военных баз без согласования с союзниками, налагаемые членством в ОДКБ. В этой ситуации В. Путин официально поддержал временное предоставление антитеррористической коалиции баз на территории Центральной Азии. Кроме того, Россия сама разрешила транспортировку грузов для нужд коалиции через свою территорию.

Антитеррористическая коалиция получила возможность использовать территории 4 центральноазиатских государств (Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан). Только Туркменистан, имевший хорошие отношения с режимом «Талибан» и обладавший нейтральным статусом, первоначально остался в стороне (в настоящее время для транспортировки американских грузов используется авиабаза Мары-2). В Киргизии американская военная база «Ганси» (позднее переименована в «Манас») была создана на территории международного аэропорта Манас близ Бишкека. В Узбекистане была размещена американская военная авиабаза «Карши-Ханабад» (Кашкадарьинская область на юго-западе республики, 500 км от Ташкента и 200 км от афганской границы). С Таджикистаном велись переговоры о предоставлении базы на территории бывшей советской военной части в Кулябе. Однако она оказалась в очень плохом состоянии. Позднее на территории Таджикистана в Душанбе

разместилась военно-воздушная база НАТО. В основном здесь располагается французский воинский контингент. Вопрос о создании военных баз антитеррористической коалиции в Казахстане рассматривался в начале операции в Афганистане. В частности, планировалось разместить на аэродромах в Чимкенте и Луговом военную авиацию, а под Карагандой — американскую мотопехотную бригаду численностью до 5 тысяч человек. Затем от этих планов отказались.

Одновременно на уровне политических и экспертных элит России и США шли переговоры о сохранении российского влияния в регионе. Некоторые эксперты в России считали, что долгосрочное американское военное присутствие в регионе направлено, скорее, против Китая. Высказывались также соображения, что для США менее выгодным было бы, если бы проблемы Центральной Азии стали решаться в Пекине. Кроме того, отмечалась и определенная взаимодополнительность интересов США и России в регионе. При этом для РФ было бы оптимально, если бы США сосредоточились на стабилизации Афганистана, а Россия — Центральной Азии.

Однако, в целом, отношение российской политической элиты к перспективам американского присутствия было далеко не однозначным. Большинство в парламенте, военном и политическом сообществе, прессе и академическом мире отмечало, что США вновь взяли на вооружение принцип окружения России базами и вовлечения в военные союзы ее непосредственных соседей. При этом практически все считали, что американские войска, однажды появившись, никогда уже не уйдут из этого региона. Так, директор Федеральной пограничной службы РФ К. Тоцкий заявил: «Мы не можем согласиться с постоянным присутствием США и других стран здесь [в Центральной Азии]». Председатель Государственной думы России Г. Селезнев отметил: «Россия не будет приветствовать создания постоянных военных баз США в Средней Азии»²⁵⁴.

После месяца бомбардировок боеспособность движения «Талибан» снизилась. 9 ноября 2001 г. Северный альянс взял Мазари-Шариф. После этого многие поддерживавшие «Талибан» полевые командиры перешли на сторону Северного альянса. 13 ноября талибы без боя оставили Кабул. Несколько дней спустя на севере Афганистана войска «Талибан» остались лишь в Кундузе, который был взят 25 ноября после непродолжительной осады.

К концу ноября под контролем талибов оставался только один крупный город — Кандагар, колыбель движения. Для его взятия в Афганистан были впервые переброшены наземные части США, и 7 декабря город пал. После этого боевые действия происходили до 17 декабря в горном районе Тора-Бора, где укрывался Усама бен Ладен. Для России и стран Центральной Азии важнейшим последствием операции США в Афганистане оказался разгром скрывавшихся там сил «Аль-Каиды», среди которых было много боевиков с российского Северного Кавказа и из стран Центральной Азии.

После окончания антитеррористической операции по решению ООН в Афганистане была развернута военная миссия НАТО, получившая название *Международные силы по содействию безопасности, ISAF (International Security As-*

²⁵⁴ Торбаков И. Политика Путина в Центральной Азии вызывает критику в России// <http://www.eurasianet.org/russian/departments/insight/articles/eav021302aru.shtml>

sistance Force). При этом ключевую роль в ее деятельности, по мере втягивания США в войну в Ираке, стали играть страны ЕС.

Размещение американских войск в Центральной Азии, как этого и опасались в Москве, вызвало резкую волну ослабления российского влияния. С подачи Узбекистана, который продолжал играть роль регионального лидера, альтернативного России, было принято решение о реформировании существовавшей с 1994 г. Центральноазиатской интеграционной структуры (ЦАЭС)²⁵⁵. Договоренность о преобразовании ЦАЭС была достигнута в ходе прошедшего 27–28 декабря 2001 г. ташкентского саммита Узбекистана, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Договор об учреждении Организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» (ОЦАС) был подписан 28 февраля 2002 г. в Алма-Ате. Реорганизация ЦАЭС была призвана подчеркнуть усиление военно-политического сотрудничества внутри Центральной Азии, что воспринималось как альтернатива роли России в регионе.

Не менее тревожная, с точки зрения общественного мнения России, ситуация сложилась в Туркменистане. После неудачного покушения на жизнь президента С. Ниязова-Туркменбаши 25 ноября 2002 г. в стране развернулась новая волна массовых репрессий. Туркменские власти хотели полностью перекрыть для собственного населения возможность общения с внешним миром. Этому препятствовало существование института двойного гражданства с Россией. В начале 2003 г. Туркменбаши решил в одностороннем порядке отменить этот институт. Все жители Туркменистана в течение короткого периода должны были выбрать одно из двух гражданств. Поскольку русскоязычное население воспринимало двойное гражданство как единственную форму защиты от произвола туркменских властей, это было эквивалентно одномоментному его изгнанию. При этом резкое падение цен на недвижимость в результате увеличения его предложения на рынке и различные бюрократические барьеры означали также фактическую конфискацию собственности российских граждан. Положение россиян было резко ухудшено равнодушием к их судьбе со стороны отечественной бюрократии. Эта ситуация вызвала негодование среди общественного мнения в России.

В апреле 2003 г. начались переговоры о выводе российских пограничников из Таджикистана, где они контролировали таджико-афганскую границу. В 2005 г. этот вывод был закончен (остались только советники), что привело к резкому усилению потока наркотиков по маршруту Афганистан–Таджикистан–Россия– Западная Европа.

Однако период 2001 – 2003 гг. нельзя считать однозначно «проигрышным» для России. В этот период шло постепенное изменение позиции Узбекистана, которая обычно и вызывала смены «балансов» российско-американского влияния в Центральной Азии. 15 июня 2001 г. была создана ШОС в результате вхождения Узбекистана в состав «Шанхайской пятерки». В 2002 г. Узбекистан заявил о своем намерении выйти из ГУУАМ, обвинив эту организацию в излишней политизированности, после чего он стал игнорировать ее мероприятия.

В октябре 2003 г. впервые с момента распада Советского Союза российская

²⁵⁵ В 1998 г. оно уже было переименовано из Центрально-Азиатского союза в Центрально-Азиатское экономическое сообщество, причем, эта новая организация носила более пророссийский характер, так как Россия была приглашена в качестве наблюдателя.

военная база была создана за пределами страны. Она была открыта в Киргизии в городе Кант, недалеко от Бишкека²⁵⁶.

После окончания активной фазы боевых действий в Афганистане потребовался примерно год, чтобы силы «Талибана» перегруппировались и начали партизанскую войну. В 2003—2004 гг. «Талибан» набирал силу и постепенно усиливал боевые действия в южных районах Афганистана, а также на Северо-Западе Пакистана, где в 2006 г. возникло Исламское Государство Вазиристан.

Ни США, ни администрация ISAF, ни установившееся в Афганистане правительство Х. Карзая были не в состоянии контролировать производство опиума-сырца и героина в Афганистане хотя бы на том уровне, на котором это делало движение «Талибан». Причиной было то, что место талибов заняли полевые командиры, частично поддерживавшие раньше «Талибан», частично воевавшие против него в составе Северного альянса. Доходы от торговли наркотиками составляли основу их дохода.

Экономика Афганистана все больше «героинизировалась». В результате транзитный поток наркотиков через Центральную Азию резко усилился. Одновременно выявилась неспособность НАТО стабилизировать военно-политическую ситуацию в Афганистане. Надежды на экономическое содействие Центральной Азии со стороны стран Запада также не оправдались, так как все ресурсы последних были вовлечены в разрешение ситуации в Ираке и, в существенно меньшей степени, в Афганистане. Наконец, США через различные фонды резко активизировали поддержку оппозиционных сил в регионе, а также продолжали критику политики центральноазиатских режимов в области прав человека. Все это вновь вызвало усиление пророссийских настроений среди центральноазиатских элит.

8. «Цветные революции» и новый этап центральноазиатской политики России (2004—2008)

В 2003—2005 гг. на постсоветском пространстве развернулась серия «цветных революций»: свержений существовавших политических режимов путем минимального насилия на основании оспариваемых оппозицией результатов президентских или парламентских выборов. В ноябре 2003 г. в Грузии произошла «революция роз». В ноябре – декабре 2004 г. развернулась «оранжевая революция» на Украине. Обе революции были активно поддержаны США и некоторыми странами Европы. Определенную роль в их организации сыграла также деятельность западных неправительственных фондов. Пришедшие к власти в Грузии и на Украине политические силы часто характеризовались достаточно резкой антироссийской риторикой, к счастью, не всегда переводившейся в плоскость практической политики.

В России эта серия революций воспринималась как весьма своеобразное «наступление» Запада на постсоветское пространство при помощи новейших политических технологий. «Цветные революции» привели к резкому усилению противостояния между Россией и США. Кроме того, опасения за возможность своего свержения стали испытывать все постсоветские политические элиты, включая центральноазиатские. В этой ситуации улучшение отноше-

²⁵⁶ Российская база в Кыргызстане является частью более жесткой военной позиции // Независимая газета. 25 октября 2003 г.

ний с Россией стало восприниматься в регионе как возможность противостоять «цветным революциям».

Дестабилизация ситуации, связанная с революционными событиями, проявилась в Центральной Азии достаточно быстро. В марте 2005 г. в Киргизии президент А. Акаев, имевший заслуженную репутацию наиболее либерального и прозападного руководителя в регионе, был свергнут в ходе «революции тюльпанов». При этом пришедшее ему на смену правительство оказалось даже в большей степени пророссийским, чем свергнутое.

В мае 2005 г. вспыхнуло волнение в узбекском городе Андижане, спровоцированное религиозно-политической организацией фундаменталистского характера «Акрамия». Они были подавлены правительственными войсками, причем, по данным оппозиции и западных неправительственных структур, которые невозможно объективно проверить, были убиты сотни человек. Узбекское правительство обвинило в организации андижанского восстания западные неправительственные фонды и, косвенно, правительство США. Всякое сотрудничество с Америкой было приостановлено, а войска США были вынуждены покинуть базу Карши-Ханабад. В то же время президент России В. Путин поддержал действия президента Узбекистана И. Каримова.

В результате всех этих событий произошла новая перегруппировка сил в Центральной Азии, связанная с резким усилением позиций России и поддерживаемых ею проектов интеграционных объединений.

РФ усилила свое присутствие в Таджикистане, объявив в июле 2004 г. об открытии военной базы на основе 201-й мотострелковой дивизии²⁵⁷. Визит В. Путина в Казахстан в январе 2004 г. завершился существенным углублением стратегических связей между двумя странами²⁵⁸. Через месяц Россия и Казахстан объявили о введении нового плана совместных действий по углублению сотрудничества в области безопасности²⁵⁹. С Узбекистаном Россия также заключила ряд соглашений по поставке вооружений и сотрудничеству военных предприятий, что существенно углубило связи между Москвой и Ташкентом.

Узбекистан давно не был доволен деятельностью ГУУАМ. Еще в 2002 г. он заявил о намерении выйти из организации, после чего стал игнорировать ее мероприятия. Однако официально президент Ислам Каримов заявил о выходе его страны из этой структуры в мае 2005 г.

Изменение ситуации в регионе сказалось и на ОЦАС, которая первоначально была создана как раз для того, чтобы служить альтернативой пророссийским интеграционным структурам. 18 октября 2004 г. на саммите ОЦАС в Душанбе к организации присоединилась Россия. При этом подчеркивалась ее ключевая роль в обеспечении военно-стратегической стабильности в регионе. 7 октября 2005 года в Санкт-Петербурге на саммите ОЦАС было принято решение объединить его с ЕврАзЭС, после чего отдельная центральноазиатская интеграционная структура перестала существовать. 25 января 2006 г. Уз-

257 Осенью Россия откроет военную базу в Таджикистане. Сообщение агентства ИТАР-ТАСС. 2004. 12 июля; Russia to Get Tajik Base in Fall. RFE/RL Newsline. 2004. July 13.

258 Соколова В. Визит В. Путина в Казахстан// Сообщение агентства ИТАР-ТАСС. 2004. 9 января; Carlson Ch. Kazakhstan: Putin Visit to Focus on Baikonur, CIS, Oil Resources// RFE/RL. 2004. January 9.

259 Kazakh, Russian Security Services Sign Cooperation Accord for 2004. Interfax-Kazakhstan News Service. 2004. February 10.

бекистан вступил в ЕврАзЭС. Наконец, 16 августа 2006 г. в Сочи было подписано решение о вступлении Узбекистана в ОДКБ.

Таким образом, к середине 2006 г. Россия, с точки зрения формально-организационной, выиграла чисто политическую гонку за Центральную Азию, которую она вела с середины 1990-х гг. с США. 4 центральноазиатских государства стали членами одновременно всех поддерживаемых Россией интеграционных проектов (СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС). В то же время, ни одна центральноазиатская страна в настоящее время не является членом какого-либо из постсоветских интеграционных процессов, альтернативного пророссийским и поддерживаемого США (ГУАМ, Сообщество демократического выбора).

В период «цветных революций» политическое пространство Центральной Азии, с точки зрения членства в международных организациях, стало несколько более гомогенным, чем оно было еще за 5 лет до этого. Исключение составлял лишь Туркменистан с его изоляционистской политикой и статусом «позитивного нейтралитета». Однако в конце 2006 г. умер Туркменбаши. Наследовавший ему г. Бердымухаммедов в меньшей степени склонен придерживаться изоляционизма. В результате внешняя политика Туркменистана может начать эволюционировать по узбекской модели, хотя перспективы вступления этой страны в постсоветские организации все еще весьма сомнительны.

9. Центральная Азия и политика «энергетической сверхдержавы»

Выступление президента Путина на заседании Совета безопасности России в конце 2005 г. по вопросам энергетической безопасности²⁶⁰ в контексте подготовки к саммиту «Группы восьми» в Санкт-Петербурге стало началом широкого обсуждения новой внешнеполитической идеи для России – концепции «энергетической сверхдержавы»²⁶¹. Проблема, которую она призвана решить, существовала еще во времена СССР. Большая военно-политическая роль России в мировых делах экономически достаточно слабо подкреплена. Сущность идеи «энергетической сверхдержавы» заключается в том, что существует только одна сфера мировой экономики, в рамках которой Россия может играть существенную роль – энергетика. Следовательно, именно эту сферу следует активно использовать для экономической поддержки политического веса России.

В целом, экономические позиции России в Центральной Азии до сих пор весьма серьезны. В 2006 г. Россия занимала 1-е место в экспорте (23.7) и импорте (27.6) Узбекистана. Однако эта высокая доля России во многом вызвана усложнением отношений Узбекистана с Западом после событий в Андижане. До их введения доля России составляла около 17 % внешнего товарооборота республики. После отмены санкций ЕС (оно произошло в октябре 2008 г., за

260 Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности по вопросу о роли России в обеспечении международной энергетической безопасности. 22.12.2005 // http://www.kremlin.ru/appears/2005/12/22/1654_type63374type63378type82634_99294.shtml

261 См. Кокوشин А. Международная энергетическая безопасность. М.: Европа, 2006; Симонов К. Энергетическая сверхдержава. М.: Эксмо-Пресс, 2006.

исключением сохранения эмбарго на поставки оружия) можно прогнозировать снижение доли России.

У другой ключевой центральноазиатской страны - Казахстана — Россия также занимает 1-е место в импорте и 3-е в экспорте. Такие же позиции Россия имеет и в Кыргызстане. Дальше на юг ее доля в торговле региона начинает снижаться. Она занимает 5-е место в экспорте и 2-е в импорте Таджикистана и 4-е место в импорте Туркменистана, в области экспорта выступая важной транзитной страной для продажи туркменского газа на Украину. Наряду с ЕС (доля которого высока в инвестициях, экономической помощи и торговле) Россия является крупнейшим экономическим партнером региона (особенно с учетом доли ремиссий работающих в РФ мигрантов в экономиках Таджикистана, Киргизии и, в меньшей степени, Узбекистана). Однако степень экономического влияния РФ неадекватна, если учесть, что политически Россия пытается позиционировать себя *не как одного из, а как главного* интеграционного партнера региона.

Важным структурным ограничителем влияния России является то, что ее экономическая и инвестиционная политика в Центральной Азии традиционно была сосредоточена вокруг добычи и экспорта нефти и газа. Увеличение роли этой проблематики во внешнеполитической риторике служит гарантом того, что этот приоритет сохранится. Другим, еще более важным фактором является продолжающийся беспрецедентный рост мировых цен на энергоносители.

Доминирование России в сфере транспортировки центральноазиатских углеводородов ассоциировалось, прежде всего, с блокированием строительства транскаспийских нефтепровода (из Казахстана) и газопровода (из Туркменистана). И следует отметить, что в 1999 – 2008 гг. эта цель была достигнута: северный маршрут экспорта углеводородов все еще остается основным, а транскаспийские маршруты пока не реализованы. В то же время, на углеводородных рынках Центральной Азии все активнее начинает работать новый игрок – Китай.

Транспортировка казахстанской нефти происходит по российской территории как через старые советские нефтепроводы (Узень—Атырау—Самара, Кенкияк—Орск и Махачкала—Новороссийск), так и через систему Каспийско-го трубопроводного консорциума (КТК) Тенгиз—Новороссийск.

Однако и в функционировании северного маршрута существуют разнообразные разногласия и противоречия. Первая очередь системы КТК была введена в штатную эксплуатацию в апреле 2003 г. Долгое время ускоренное расширение проекта блокировалось Россией из-за разногласий по поводу тарифов за прокачку нефти и прибылей сторон. В то же время сохранялась недозагруженность российских нефтепроводов, которые могли бы перекачивать казахскую нефть. В настоящее время идут переговоры с Казахстаном о расширении поставок нефти через Россию в контексте строительства трубопровода Бургас—Александруполос на Балканах.

Расширяется экспорт казахстанской нефти через Каспийское море, Азербайджан и Грузию. С этой целью создается крупнотоннажный танкерный флот. Правда, российско-грузинский конфликт летом 2008 г. привел к некоторому «охлаждению» Казахстана к проектам транспортировки нефти через

Грузию, так как этот транзитный маршрут продемонстрировал высокие политические риски.

В это же время в игру вступил новый участник – Китай. 15 декабря 2005 г. состоялась торжественная церемония завершения строительства линейной части нефтепровода Атасу–Алашанькоу. Это – часть планируемого проекта трубопроводной системы, связывающей Китай и Казахстан Атырау – Алашанькоу²⁶². Второй этап должен быть завершен в 2009 г.

Транспортировка туркменского газа по северному маршруту до сих пор идет по построенной в советское время трубопроводной системе Средняя Азия – Центр. При этом Россия сама долгое время блокировала выход туркменского газа по ней на европейский рынок. Российские компании (Газпром, Итера) либо сами перекупали туркменский газ, либо выступали посредниками в его перепродаже на рынки постсоветских стран. При этом Туркменистан получал существенно меньше мировых цен. Именно это и было для него основным стимулом в поиске новых маршрутов транспортировки.

В газовой области Россия также предприняла в последнее время ряд мер по блокированию строительства транскаспийского газопровода из Туркменистана в Азербайджан. В мае 2007 г. президенты России, Казахстана и Туркменистана договорились о строительстве прикаспийского газопровода. Формальное соглашение было подписано 20 декабря 2007 г. При этом наблюдатели отмечали, что данное соглашение усиливает позиции России в ее энергетическом взаимодействии с ЕС²⁶³. Одновременно была достигнута договоренность между Россией, Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном о расширении построенной в советское время трубопроводной системы Средняя Азия – Центр, которая пока не может выйти на достигнутые в советский период объемы прокачки.

В газовой области российская монополия также начинает разрушаться. Давно существует газопровод Туркменистан–Иран (Корпедже–Курт-Куи)²⁶⁴. Существуют планы соединения нефте- и газодобывающих платформ на Каспии с целью переброски углеводородов в Азербайджан (проект существенно менее масштабный, чем транскаспийский газопровод, и легко реализуемый). Перед смертью Туркменбаши было заключено соглашение о строительстве газопровода Туркменистан–Китай. Это соглашение и другие факторы привели к тому, что за последнее время цены на центральноазиатский газ для России существенно выросли. 11 марта 2008 г. Туркменистан, Казахстан и Узбекистан уведомили Россию, что с 2009 г. газ будет продаваться исключительно по европейским ценам. Правда, следует отметить, что перед лицом глобального экономического кризиса и падения цен на все энергоносители в конце 2008 г. эта победа может оказаться «пирровой».

Высокая степень политической неопределенности в Центральноазиатско-Каспийском регионе негативно сказывается на развитии региональной энергетики. В частности, до сих пор до конца не разрешены правовые коллизии вокруг статуса Каспийского моря. Постоянные изменения позиции России на

²⁶² Правда, следует отметить, что в настоящее время по этому трубопроводу в Китай прокачивается, в основном, российская нефть.

²⁶³ Прикаспийский газопровод даст России новые аргументы в диалоге с ЕС. Сообщение агентства РИА Новости. 2007. 13 мая.

²⁶⁴ Расширение которого блокируется США.

протяжении 1990-х гг. сыграли существенную роль в этой неопределенности. Соглашения 1998 г. между Россией и Казахстаном и трехстороннее соглашение России, Азербайджана и Казахстана в 2003 г. несколько смягчили ситуацию и позволили начать легальную разработку нефтегазовых месторождений шельфа, хотя и все еще на достаточно зыбкой правовой основе.

В последние годы наряду с нефтью и газом активно развивается и другое направление экономического сотрудничества России с Центральной Азией. Это – экспорт дешевой центральноазиатской рабочей силы²⁶⁵. Начиная со второй половины 1990-х гг. правительство России безуспешно пытается упорядочить его в контексте демографической и миграционной политики²⁶⁶. Одновременно активизируются попытки диалога с соотечественниками за рубежом (в частности, в рамках проекта «русский мир»). В последние годы идет также рост российских инвестиций в регион (основным их получателем является Казахстан).

Неустойчивость позиций России в Центральной Азии заключается, прежде всего, в недостаточном комплексном экономическом влиянии и объективной неспособности оказывать экономическую помощь, сопоставимую с советскими временами. Россия ищет те сферы сотрудничества, которые могли бы быть выгодными ей самой, а это, прежде всего, – энергетика (особенно – проекты транзита и перепродажи углеводородов).

В свою очередь, «зацикленность» региональной экономической политики России на поддержании монополии транспортировки углеводородов, метко названная «трубопроводным чванством»²⁶⁷, постоянно вызывает у центральноазиатских стран потребность в поиске других внешних партнеров. В этой ситуации достигнутые успехи в области наращивания регионального влияния России оказываются неустойчивыми. *В этой связи нельзя, например, не обратить внимания на новое осторожное сближение Узбекистана с Западом в 2007–начале 2008 г., приведшее в дальнейшем к началу процесса снятия санкций ЕС против этой страны и, наконец, к готовности Узбекистана покинуть ЕврАзЭС в ноябре 2008 г.*

10. Дилеммы российской внешней политики в Центральной Азии, или есть ли у РФ вообще свой проект для региона?

Важной проблемой для политики России, на наш взгляд, является то, что ей пока, несмотря на героические усилия политического руководства в 2000-х гг., не удалось до конца выбраться из-под развалин советского проекта для Центральной Азии. РФ все еще не в состоянии предложить региону какой-то специфический вариант развития, радикально отличный от тех, которые предлагают страны Запада, АТР или мира ислама. В этом плане возможности использования Россией «мягкой силы» в регионе достаточно ог-

265 *Боришопец К., Бабаджанов А.* Миграционные риски стран Центральной Азии// Аналитические записки НКСМИ МГИМО. февраль 2007. Выпуск 2(22).

266 Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года. 24 сентября 2004 года; Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации. 1 марта 2003 года.

267 *Яценко Е.* Выиграть Центральную Азию// Ведомости. 2007. № 166 (1940). 5 сентября.

раничены. Как показало проведенное нами эмпирическое исследование, оно, в основном, сводится к опоре на позитивные элементы в российском и особенно советском прошлом²⁶⁸.

Этому соответствует и общая суть представлений России о Центральной Азии как международном регионе. Мы бы назвали этот комплекс идей – наброском «российского проекта» для Центральной Азии. Интересам РФ соответствовало бы сохранение этого региона *внутри постсоветского пространства с постепенным усилением центростремительных сил в нем и ослаблением центробежных*. При этом важным фактором была бы *нейтрализация попыток стереть сконструированные в интересах Российской империи и СССР границы между Центральной Азией, АТР и исламским миром, что пытаются сделать другие внешние игроки (исламские страны, Китай)*.

Россия также пытается не допустить самостоятельный (без российского посредничества) доступ центральноазиатских стран в Европу. Иными словами, речь идет о сохранении традиционного (установившегося с XIX в.) российско-го посредничества между Европой и Центральной Азией во всех сферах. В транспортно-экономической области в интересах России сохранение преобладания Северного маршрута транспортировки всех видов сырья в Европу. В сфере политической – позиционирование РФ как перспективной модели подражания для стран Центральной Азии, желающих провести модернизацию в условиях стабильности и достичь в конечном итоге пусть и неевропейскими путями, европейских стандартов жизни. В области культурно-идеологической – продолжение использования русского языка и культуры (включая «Рунет») как посредника в доступе к глобальной культуре.

В той или иной степени ведущую роль описанного выше «наброска проекта» в формулировке центральноазиатской политики России можно наблюдать на протяжении всего постсоветского периода. Однако очень серьезным вопросом остается то, как его конкретизировать и согласовать с проектами других внутрирегиональных и внешних игроков.

Проведенный выше анализ российской внешней политики демонстрирует, прежде всего, очень высокую степень региональной неопределенности, которая оказывала на нее решающее влияние. В частности, *это видно на примере «волн» попеременно усиливавшегося регионального влияния России и США, напоминающих движение «качелей»*. В 1991–1994, 1999–2001, 2004–2008 гг. сохранялось или усиливалось влияние России. В 1995–1998, 2001–2003 гг. в большей мере укреплялись позиции США. В конце 2008 г. в связи с планами администрации Обамы переориентировать внешнюю политику на Афганистан и начавшейся новой сменой позиции Узбекистана, возможно, намечилось новое движение «центральноазиатских качелей». При этом в каждый из упомянутых выше пяти периодов полностью перекраивались стратегическая карта региона, и даже само понимание того, что такое Центральная Азия.

Высокая региональная неопределенность и нестабильность сама по себе служила очень серьезным препятствием для конкретизации и повышения эффективности региональной политики России. В частности, именно неопределенность не позволила даже к 2008 г. выработать долгосрочную стратегию с опреде-

²⁶⁸ См. подробнее в работе: Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы»// Полис. 2008. № 2. С. 122 – 136.

лением соответствующих ресурсов на ее реализацию, несмотря на проявленную администрацией В.В. Путина очень серьезную решимость упорядочить российскую внешнюю политику.

При этом следует учитывать радикальную смену характера политики России, происшедшую на переломе тысячелетия. В 1990-е гг. нестабильность в России сама была основным источником дестабилизации региона. Лишь к концу 1990-х гг. российская политическая элита начала в весьма общих чертах понимать, в чем заключаются интересы России в Центральной Азии²⁶⁹. В 2000-е гг. ситуация поменялась. Теперь политическое руководство России героически, но часто достаточно безуспешно пыталась упорядочить нестабильный регион. Однако постоянно меняющаяся стратегическая ситуация приводила к преобладанию простого реагирования на те или иные вызовы или возможности.

Одной из важнейших дилемм российской политики является проблема взаимодействия с другими внешними акторами и создаваемыми ими для взаимодействия с Центральной Азией институциональными структурами. С одной стороны, эти структуры разрушают постсоветское пространство, создавая иные интеграционные векторы. С другой стороны, они могут частично служить целям стабилизации региона, что отвечает интересам России.

В Центральной Азии РФ к 2008 г. частично удалось реализовать задачу нейтрализации альтернативных институциональных проектов интеграции постсоветского пространства (ГУУАМ и внутренние центральноазиатские интеграционные структуры). Однако между четырьмя поддерживаемыми Россией региональными международными организациями (СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС) пока нет глубокого внутреннего единства. Глубинная политическая многовекторность центральноазиатских стран также сохраняется, что выражается в развитии других направлений интеграции (с Западом, исламским миром и АТР).

Несмотря на достаточно серьезные попытки России наладить взаимодействие с другими внешними игроками в регионе, эту задачу так и не удалось до конца реализовать. Особенно это проявилось в отношении США, взаимодействие с которыми с середины 1990-х гг. продолжает пониматься как игра с «нулевой суммой» (т.е. те самые «качели»: проигрыш одной стороны равен выигрышу другой). Нельзя не отметить, что серьезное усиление влияния России в регионе в 2004–2008 гг. было достигнуто, в основном, благодаря противоречивости политики США, никак не могущих определиться: поддерживать существующие в регионе элиты или менять их.

В ситуации угрозы «цветных революций» РФ продемонстрировала большую степень дружественности существующим на настоящий момент в регионе политическим элитам. Однако здесь заключено достаточно серьезное противоречие и даже дилемма, так как было бы большой натяжкой считать эти элиты «пророссийскими»²⁷⁰. Более того, *Узбекистан, который обычно выступает инициатором нового движения российско-американских «качелей», в 2007–начале 2008 г. вновь начал осторожное сближение с Западом.* К концу 2008 г. в связи с готовностью этой страны покинуть ЕврАзЭС «качели» сдвинулись еще дальше.

269 Звягельская И. Зачем России нужна Центральная Азия// <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1076620860>.

270 Выступление М.А. Колерова (начальника Управления Администрации Президента России по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами) в клубе «Билингва», Москва. 29 июня 2006 г.

Взаимодействие РФ с Китаем, ЕС, Индией или Ираном было менее конфликтным, но и тут не ликвидированы основы для базовых разногласий (например, по вопросам направления транспортировки углеводородного сырья). Более того, России в ближайшее время еще предстоит выработать политику реагирования на стабильный рост интереса к Центральной Азии (и соответственно, влияния в ней) со стороны Китая и ЕС.

Еще одной, возможно, важнейшей дилеммой политики России по отношению к Центральной Азии является вопрос: готова ли она вновь вкладывать в регион столь же крупные средства, как это имело место в советский период? При этом нужно четко понимать суть вопроса. С одной стороны, ключевые элементы влияния РФ в регионе (транспортная инфраструктура с преобладанием Северного маршрута; традиционная культурная ориентация постсоветских элит на Россию; роль русского языка; сохранение психологических границ, прочерченных Российской империей и СССР между Центральной Азией и Китаем, Центральной Азией и исламским миром; даже сама Центральная Азия как отдельный международный регион) носят, во многом, остаточный характер. Если их не поддерживать целенаправленной политикой, они могут исчезнуть в течение ближайших десятилетий. С другой стороны, российский и советский период показали, что огромные средства, израсходованные Россией в Центральной Азии, не только не решили проблем региона, но в чем-то, напротив, заложили новые, еще более серьезные. Не дали они и существенной отдачи для самой России. *Именно решение этой дилеммы, на наш взгляд, является ключом к выработке четкой региональной стратегии России в Центральной Азии.*

Глава 2. ПОЛИТИКА ЗАПАДА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Фраза из учебника истории Киргизии. «В древности между Кыргызстаном и Европой кочевали дикие казахские и русские орды. Последние часто вторгались в киргизские города, оставляя после себя школы, больницы и библиотеки...»

Анекдот из Бишкека

1. Западная коалиция в Центральной Азии: участники, интересы, дилеммы и проекты

В первой части данной работы мы уже отмечали, что целый ряд государств Запада в Центральной Азии вполне можно воспринимать как коалицию игроков, интересы которых в достаточно высокой мере согласованы друг с другом. «Ядро» этой коалиции составляют США и их европейские союзники. К нему также при разных обстоятельствах могут примыкать Израиль и Турция, в меньшей степени, Индия, некоторые восточноазиатские страны (Япония, Южная Корея) и Пакистан. Однако *некоторые* из ключевых интересов этой группы стран могут не совпадать с интересами «ядра» западной коалиции (в наименьшей мере из всех перечисленных стран это относится к Израилю, в наибольшей — к Пакистану). Россия, Китай и аравийские монархии также время от времени находили те или иные общие интересы со странами Запада в Центральной Азии. Тем не менее, *многие* из их ключевых интересов отличны от западных. Пожалуй, в роли наибольшего антагониста Запада в Центральной

Азии (причем эта роль не совсем справедливо была определена ему США) выступал Иран.

Большую роль в интеграции политики западной коалиции в Центральной Азии играют различные международные наднациональные организации. Например, большую роль в модернизации и вестернизации региона, в его экономическом взаимодействии с странами Запада играют МВФ и Всемирный банк. Скажем, именно МВФ активно поддерживал радикальные рыночные реформы в Казахстане и Киргизии в начале 1990-х гг. Некоторые международные организации, занимающиеся проблемами прав человека, также активно взаимодействуют с соответствующими западными лоббистскими группами.

Еще большую роль в координации западной политики в Центральной Азии играют такие региональные структуры безопасности, как НАТО и ОБСЕ. НАТО координирует взаимодействие центральноазиатских стран с Западом через такие инструменты, как Совет евроатлантического партнерства, программу «Партнерство ради мира», индивидуальные программы партнерства. В рамках деятельности антитеррористической коалиции базы НАТО были развернуты в Узбекистане (Карши-Ханабад²⁷¹ и Термез²⁷²), Киргизии («Ганси» в аэропорту «Манас»²⁷³), Таджикистане (Душанбе²⁷⁴). Однако НАТО интересовали в Центральной Азии отнюдь не только проблемы безопасности. Так, она инициировала программу «Виртуальный шелковый путь» (в рамках международной программы «Наука во имя мира»), поддержанную в последнее время ЕС. ОБСЕ же занимается, в основном, «мягкими» аспектами безопасности и вопросами распространения на Центральную Азию западных стандартов в области демократии и прав человека.

Наконец, ЕС также можно считать целой коалицией европейских держав, согласовывающих свои политики в Центральной Азии.

Западную коалицию нельзя сводить только к государствам. Исключительно высокая роль негосударственных игроков – ее важное отличие от всех других коалиций, действующих в регионе (возможно, наряду с исламской). Важными ее участниками в области экономики являются транснациональные корпорации (ТНК). Например, через деятельность крупнейших нефтегазовых компаний (BP, АМОКО и т.д.) проводятся ключевые интересы Запада в области энергетики.

Нефтегазовые ТНК выступали инициаторами интереса США и стран Западной Европы к региону Каспийского моря в 1990-е гг. Пик мощной лоббистской кампании в этом направлении пришелся на 1997 год. Целью ее было заставить администрацию Клинтона активизировать свою центральноазиатскую политику и сделать ее целью продвижение интересов американских нефтяных корпораций. Именно в 1997 году регион Каспия был объявлен сферой «национальных интересов» США²⁷⁵.

Частью кампании стало проведение целого ряда представительных международных конференций: в Хьюстоне, Техас (10–12 февраля 1997 года) и

²⁷¹ Преимущественно американская база, ликвидирована после анджанских событий.

²⁷² Преимущественно, европейская (немецкая) база, сохранилась, несмотря на анджанские события.

²⁷³ Смешанная, американско-европейская база.

²⁷⁴ Преимущественно, европейская (французская) база

²⁷⁵ Выступление помощника президента США по национальной безопасности Санди Бергера в Центре стратегических и международных исследований 27 марта 1997 года. (The Washington Times. 1997. 28 March).

в Вашингтоне (18 февраля 1997 года). В обеих конференциях участвовали представители крупнейших американских и международных компаний, Азербайджан был представлен на них будущим президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым. Одним из активнейших участников этой лоббистской кампании был нынешний вице-президент США Р. Чейни (а также два бывших помощника президентов США по национальной безопасности Brent Скоукрофт и Збигнев Бжезинский, экс-глава администрации Белого дома Джон Сунуну, бывший министр обороны Каспар Уайнбергер, экс-госсекретарь Джеймс Бейкер и бывший министр финансов Ллойд Бентсен и др.)²⁷⁶.

Повышенный интерес к Каспийскому региону в 1990-е гг. проник и в экспертное сообщество. Здесь следует отметить деятельность Фонда Хэритедж, Института Центральной Азии при Университете Джона Хопкинса и др. Экспертное сообщество также оказывает существенное влияние на формулировку и структурирование центральноазиатских политик стран Запада. Правда, и нефтяное лобби и экспертное сообщество видят Каспийский регион (включая Казахстан и Туркмению), скорее, в контексте Кавказа, чем Центральной Азии. Однако под влиянием глобальной войны с терроризмом и, особенно, ситуации в Афганистане, собственно Центральная Азия (т.е. такие страны, как Узбекистан, Киргизия и Таджикистан) также стала предметом пристального интереса западных ученых.

Важными игроками внутри западной коалиции также являются различные неправительственные группы. К их числу относятся, прежде всего, правозащитные организации (Amnesty International, Human Rights Watch и т.д.). Их критика ситуации с правами человека в Центральной Азии формирует западное общественное мнение и оказывает очень серьезное влияние на политику соответствующих правительств. В частности, их усилия способствовали постоянному ухудшению отношений США и стран ЕС с Туркменией и Узбекистаном, а также (в отдельные периоды) улучшению отношений с Киргизией и Казахстаном. Если деятельность коммерческого лобби связана, прежде всего, с интересами Запада, то эта группа лоббистов занимается продвижением западных ценностей.

Большое место в процессе выработки западной политики в Центральной Азии занимают также этнические (диаспоральные) лобби. Правда, в отличие от стран Кавказа (особенно Армении и, в меньшей степени, Грузии), центральноазиатские страны не имеют на Западе «своих» этнических лоббистских групп. Тем не менее, на них косвенно сказывается деятельность двух чрезвычайно влиятельных групп: еврейской и армянской.

Армянское лобби достаточно долго блокировало развитие отношений США и стран Западной Европы (например Франции) с Азербайджаном и рост их интереса к энергозапасам Каспия (т.е. служило противовесом лоббистским устремлениям нефтегазовых компаний). Например, Армянская Ассамблея США и Армянский Национальный Комитет в ситуации конфликта между Арменией и Азербайджаном добились включения в долговременную программу помощи странам региона, утвержденную Конгрессом США в 1992 году, положения 907. Оно запрещало оказание помощи Азербайджану, пока президент не заверит Конгресс, что Азербайджан прекратил враждебные дей-

276 См., например: The Washington Post. 1997. 7 July; The New-York Times. 1997. 9 May. и др.

ствия против Армении, включая транспортную блокаду и азербайджанское эмбарго на ввоз армянской продукции. Однако с 1994 г. в противоположном направлении стало действовать мощное лобби нефтяных компаний, добивавшихся отмены положения 907. Лишь к 1997 г. позиция экономической группы влияния окончательно возобладала над позицией этнического лобби.

Важным участником в формулировании центральноазиатской политики США было и еврейское лобби (мы рассмотрим этот вопрос ниже, в разделе об Израиле).

Таким образом, западная коалиция – это довольно сложная и многоуровневая структура, где имеют место комплексные процессы согласования интересов, не исключающие, впрочем, определенных расхождений во взглядах и приоритетах (скажем, нельзя ставить знак равенства между центральноазиатскими политиками США и ЕС). В целом, несмотря на сложный характер западной коалиции, у нее есть лидер, который, при согласовании позиции с другими уровнями и участниками коалиции, обеспечивает выработку наиболее общих приоритетов. Это – администрация США. Ее позицию учитывают все другие западные игроки. Например, именно ее позиция блокирует чрезвычайно экономически выгодное сотрудничество европейских энергетических компаний с Ираном на Каспии.

Каковы же максимально общие точки схождения интересов этой коалиции? Именно в этих точках западная коалиция имеет расхождения с различными временными и ситуативными союзниками (вроде Турции, Пакистана, Индии или России).

В предыдущей части данного исследования мы разбирали некоторые из общих интересов западной коалиции, связанные с тем, чтобы изменить саму формально- и неформально-институциональную структуру региона: направить Центральную Азию по еврокапиталистическому пути развития²⁷⁷, обеспечить ее экономическую, политическую и культурную глобализацию²⁷⁸, наладить устойчивое сотрудничество между Центральной Азией и такими региональными интеграционными структурами, как ЕС и НАТО.

Частично эти задачи (например, в рамках обеспечения общей задачи стабильности и развития) можно согласовать с интересами других крупных коалиций и игроков (России как центра постсоветского пространства, Китая и стран АТР, светских исламских государств). Однако различия базовых интересов также очень существенны. Все перечисленные выше ситуативные партнеры Запада заинтересованы не столько в вестернизирующей глобализации Центральной Азии в ее чистом виде, сколько в развитии региональных связей (соответственно, в рамках организаций исламского мира [ОИК, Исламский банк развития, ЭКО], постсоветского пространства [ЕврАзЭС, ОДКБ] или ШОС и Азиатского банка развития). Лишь потом, уже через посредничество этих институциональных структур, центральноазиатские страны должны выйти на глобальный уровень (т.е. речь идет о *глокализации*). Соответствен-

277 При этом для всех западных игроков важно избежать роста исламской, постсоветской или азиатистской идентичности в Центральной Азии.

278 В то же время, скажем, для России, Китая и исламского мира приоритетом в Центральной Азии является не столько глобализация, сколько развитие региональных связей (соответственно, в рамках организаций исламского мира, постсоветского пространства или ШОС). Для восточноазиатских стран, в целом, приоритетом является, скорее, глокализация.

но, эти игроки используют для своих центральноазиатских контактов исламскую, постсоветскую или азиатистскую идентичности. Для Запада же наиболее желательным сценарием было бы более прямое включение региона в глобальные экономические, политические и культурные процессы.

Однако как Запад может направить Центральную Азию на западноевропейский, капиталистический, демократический и светский путь развития, избежав при этом посредничества России, исламского мира или стран АТР? **Не несет ли такая попытка в себе очень серьезное противоречие, связанное с тем, что регион по своей истории, культуре, особенностям политических систем не подготовлен к резкой вестернизации, глобализации, демократизации и т.д.?** В результате слишком активного наступления западных институтов регион может начать глобализоваться «негативно».

Примером такой «негативной» экономической глобализации может служить резкий рост наркоэкономики в Афганистане (причем западное военное присутствие в настоящее время не только не смягчает, но напротив, способствует этому процессу, скажем, облегчая, как полагают некоторые российские эксперты²⁷⁹, доступ к прекурсорам). От развития демократических институтов во многих исламских странах (например в Узбекистане) в выигрыше оказываются отнюдь не прозападные силы, а радикальные исламисты. В результате слишком активной глобализации Центральной Азии сам Запад может пострадать от целого ряда негативных процессов (рост наркоторговли, религиозного экстремизма, неконтролируемые потоки беженцев и экономических мигрантов и т.д.).

Описанная выше политическая дилемма является для стран Запада основной и наиболее общей. Слишком поспешная глобализация и вестернизация неготового к этому региона могут просто его окончательно дестабилизировать (т. е. превратить в глобальную «черную дыру»). Эта дилемма имеет два составных компонента, которые мы рассмотрим на конкретных примерах ниже, а пока сформулируем в общем виде.

Во-первых, возникает разрыв между ценностями и интересами. В основе доминирующих на современном Западе идеологий лежит представление о том, что его ценности (прежде всего, демократия) являются универсальными. Однако как быть с теми странами, политические элиты которых такое мнение не разделяют? Сотрудничать с ними или нет? С точки зрения исповедуемых Западом политических ценностей, такое сотрудничество может укрепить авторитарные режимы, и в этом плане оно недопустимо. Однако как продвигать интересы Запада, не сотрудничая со «своими мерзавцами» и не применяя «двойной стандарт» к «чужим мерзавцам» (в аналогичной ситуации это деление на «своих» и «чужих» «мерзавцев» было применено к никарагуанскому диктатору А. Сомосе)? Эта дилемма не дает выработать какой-то устойчивой и рациональной позиции Запада по отношению к самим странам Центральной Азии.

Во-вторых, как быть с другими крупными игроками в Центральной Азии (прежде всего, с Россией и Китаем)? Ведь согласование интересов Запада с ними было бы очень выгодно в плане обеспечения стабильности и развития.

²⁷⁹ Например, такая точка зрения была высказана ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований А. А. Куртовым.

Однако они изменяют траекторию институционального развития региона в несколько другую сторону, не совсем отвечающую интересам США и стран Западной Европы. Эта дилемма не дает Западу возможности наладить постоянное и взаимовыгодное сотрудничество с другими крупными игроками в Центральной Азии.

В попытках выйти из описанных выше политических дилемм Запад пытался в 1991 – 2008 гг. сформировать целую серию разнообразных комплексных (включающих внешне- и внутривнутриполитическую, экономическую, транспортную и культурно-идеологическую компоненты) проектов трансформации региональных институтов в Центральной Азии. Однако во всех этих проектах западная коалиция наталкивалась на проблему, связанную с тем, что исторически Центральная Азия никогда не являлась частью Запада и достаточно слабо была с ним связана (исключения – эллинистический мир в древности и функционирование Великого шелкового пути). Многие из ее политических, экономических и культурных институтов достаточно сложно поддаются вестернизации. Попытками выйти из этой ситуации стали достаточно сложные, но почти всегда малоэффективные манипуляции с представлениями о международно-региональной идентичности Центральной Азии (т.е. активное географическое конструирование). Перечислим основные западные политико-географические проекты для Центральной Азии.

1. Укрепление национальной государственности стран Центральной Азии. Эта политика проводится с 1991 – 1992 гг., т.е. с момента признания независимости ННГ. Проблематичность этой политики заключается в том, что идея «наций» (даже этно-наций, не говоря уже о гражданских нациях) для Центральной Азии достаточно нова. Проект национально-территориального размежевания региона был инициирован в 1920–30 гг. большевиками. До сих пор результаты этого «конструирования» очень плохо прижились, в частности, они создают очень серьезные проблемы для региона (межэтнические, межгосударственные).

Национальные границы «разрезали» до сих пор тесно внутренне интегрированные исторические регионы (Ферганская долина, т.е. историческое Кокандское ханство; Хорезм, т.е. Хивинское ханство; присырдарьинские районы Узбекистана и Казахстана; русскоязычные северные районы Казахстана и прилегающие области России и т.д.). В то же время, искусственно соединенными вместе оказались культурно весьма отличные и часто борющиеся между собой северные и южные Казахстан и Киргизия; северный и южный Таджикистан; разные племена Туркменистана; амальгама из Бухары, Хивы и Коканда, образовавшая Узбекистан. «Разрезанными» оказались и трансграничные реки, а неуспешность согласования национальных политик несет гигантские проблемы сельскому хозяйству, экологии и энергетике региона.

Постоянная угроза превращения центральноазиатских государств в «несостоявшиеся» говорит о том, что проект обладал слабой жизнеспособностью с самого начала.

2. «Тюркский мир». В начале–середине 1990-х гг. Турция воспринималась странами Запада как позитивный образец для ННГ региона – исламская и тюркская страна, идущая по светскому, прозападному пути, активный

участник НАТО и кандидат в члены ЕС. Турция виделась как естественный посредник Запада в Центральной Азии. Ее поддержка казалась эффективным способом нейтрализации регионального влияния Ирана, России и, в меньшей степени, Китая. Сотрудничество Запада с Турцией повлияло, в частности, на проекты транспортировки сырья через Каспий и Южный Кавказ (ТРАСЕКА, нефте- и газопроводные планы). Однако потенциал этого проекта был во многом исчерпан уже к концу 1990-х гг. (см. ниже об эволюции политики Турции).

3. Внутренняя интеграция в Центральной Азии. Особенно активно со второй половины 1990-х гг. США и ЕС поддерживали планы внутрирегиональной интеграции в Центральной Азии как альтернативу СНГ (ЦАС – ЦАЭС – ОЦАС и проект «Центразбат»). Эта интеграция виделась как способ нейтрализовать многие из недостатков, связанные с описанным выше искусственным характером национального членения региона. Она, одновременно, была способом «оторвать» регион от постсоветского пространства, интегрируемого Россией. Ключевым моментом в западной поддержке проектов внутренней интеграции в Центральной Азии были отношения США с Узбекистаном. После того как они испортились в связи с андижанскими событиями (2005), западная поддержка соответствующему проекту исчезла, как исчезли и внутренние центральноазиатские интеграционные структуры, слившиеся с пророссийскими.

4. «Шелковый путь» и идеи «альтернативной интеграции» на постсоветском пространстве. Идея «Великого шелкового пути» была подсказана самой историей. Центральная Азия исторически служила «мостом» между Востоком и Западом. Попытки использовать это обстоятельство в связях с регионом со стороны современных стран Запада проявились, в частности, в комплексе идей «альтернативных маршрутов» транспортировки и «альтернативной интеграции» постсоветского пространства. Правда, здесь следует отметить, что никогда в истории «Шелковый путь» не шел через Каспийское море. И у этого есть объективные причины. Оценки независимых европейских экспертов показывают, что чисто экономическая эффективность этого проекта весьма мала, особенно, если противопоставлять его российскому пути транспортировки²⁸⁰.

Идея альтернативных российскому и иранскому транспортным маршрутов реализовывалась в виде создания «транспортного коридора» (программа «ТРАСЕКА» ЕС), а также в виде строительства нефтепроводов Баку–Супса и Баку–Джейхан и совместного (США и страны ЕС) лоббирования сооружения транскаспийского нефтепровода из Казахстана и транскаспийского газопровода из Туркменистана. Эта же идея стала и экономической основой проекта «альтернативной» пророссийской интеграции постсоветского пространства (создание ГУАМ в 1997 г.). Однако Узбекистан был активным членом этой организации лишь очень короткое время, после чего данный проект утратил свое центральноазиатское измерение.

280 Болгова И.В. Политика Европейского Союза в Закавказье и Центральной Азии: 1993—2004. дис. канд. полит. наук: 2005 / МГИМО. М., 2005.

5. Проект «Большого Ближнего Востока»²⁸¹ возник в середине 1990-х гг. Во многом он был связан с интересами и лоббистскими возможностями Израиля. Идея заключалась в том, чтобы «растворить» враждебные еврейскому государству страны «малого Ближнего Востока» в дружественных Израилу ННГ. Кроме того, в результате реализации этого географического проекта Израиль получал возможность быть экономическим и политическим посредником между центральноазиатскими странами и Западом. При этом Центральная Азия отрывалась от постсоветского пространства и, следовательно, уменьшалось влияние России.

У этого проекта был очень серьезный недостаток. Даже внутри исламского мира, который исторически был лишь одной из зон притяжения Центральной Азии, ее преимущественные контакты располагались не в арабском мире (Ближний Восток), а в ираноязычном Среднем Востоке и в Южной Азии (Афганистан, Пакистан). Этот проект в связи с войной в Афганистане в существенной мере утратил американскую поддержку и был заменен следующим.

6. Проект «Большой Центральной Азии»²⁸². Его предыстория относится к идее строительства трансафганского газопровода из Туркменистана в середине—второй половине 1990—х гг. Это видно даже по персональному составу сторонников идеи «Большой Центральной Азии». Например, лоббистом проекта трансафганского газопровода был Залмай Халилзад, известный американский дипломат, ставший в 2000—х гг. специальным представителем и послом США в Афганистане и Ираке.

Идея «Большой Центральной Азии» имела тот же базовый смысл, что и предыдущая: соединить более стабильные страны Центральной Азии с менее стабильным Афганистаном и, за счет развития региональных связей, при поддержке Запада, «укрепить» проблемный регион в целом. Сложность заключалась в том, что, с точки зрения историко-культурной и экономической, центром «Большой Центральной Азии» (т.е. восточноисламского мира) логично было бы быть не Афганистану, а Ирану. К 2008 г., в связи с очевидными неудачами операции США и НАТО в Афганистане и желанием США передать Европе как можно больше ответственности за ситуацию в регионе, этот проект начинает сходиться на нет.

7. Рост евроатлантического пространства на Восток. В 2007—2008 гг. в связи с принятием стратегии ЕС по отношению к Центральной Азии можно говорить о том, что проект расширения Европы после распространения программы «соседства» на Южный Кавказ, наконец, достиг Центральной Азии. Еще раньше в этот регион пришли другие организации евроатлантического пространства, прежде всего, НАТО. Последней организации пришлось резко усилить центральноазиатскую компоненту своей деятельности из-за того, что на нее (а конкретнее, на европейских членов Альянса) во все большей мере ло-

²⁸¹ Lewis B. Rethinking the Middle East// Foreign Affairs. Fall 1992. P. 99—119.

²⁸² Starr F.A. Partnership for Central Asia// Foreign Affairs. 2005. July/August (http://www.sfr.org/publication/8937/partnership_for_central_asia.html); Byrd W. Economic Cooperation in the Wider Central Asia Region/ William Byrd, Martin Raiser and others// World Bank. Working Paper. 2006. No.75.

жится ответственность за ситуацию в Афганистане. Формально интерес к Центральной Азии был закреплен на саммите НАТО в июне 2004 г. в Стамбуле.

Однако перспективы этого, последнего по времени, проекта также весьма сомнительны. ЕС в еще меньшей степени, чем США, способен обойти дилемму «интересы – ценности». Идеология, на которой ЕС пытается основывать свою региональную политику, достаточно чужда Центральной Азии. Кроме того, ЕС не может использовать главный инструмент политики «европеизации»: обещание членства в ЕС. Если в последнем отказано даже Турции, то что можно говорить о Центральной Азии? Североатлантический альянс в ближайшем будущем также вряд ли будет готов взять на себя всю полноту ответственности за обеспечение безопасности в столь нестабильном регионе.

Описанная выше ситуация постоянно сменяющихся и банкротящихся проектов реорганизации Центральной Азии говорит о серьезной непоследовательности и низкой эффективности деятельности западной коалиции в регионе.

2. Этапы политики США в Центральной Азии (1991 – 2008)

В эволюции политики США в Центральной Азии²⁸³ можно выделить несколько периодов. В каждый из них достаточно радикально менялась позиция Америки по отношению как к центральноазиатским странам, так и к другим внерегиональным игрокам (прежде всего, России). Эта смена позиции частично была обусловлена постоянно эволюционирующей ситуацией в США. В не меньшей степени непоследовательность американской политики, ее коле-

283 См.: *Братерский М.В.* США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990 – 2005 гг. М.: МОНФ – Институт США и Канады, 2005; *Шилдс Дж.* Программа Нанна-Лугара: отношения между США и странами-получателями помощи// Ядерный контроль. М: ПИР—Центр. 1996. № 16. Апрель; *Лейк Э.* Новая стратегия США: от «сдерживания» к «расширению»// США—ЭПИ. 1994. № 3; *Трынков А.А., Глуценко Ю.Н.* Некоторые аспекты политики США в отношении стран СНГ и интересы России// США в новом мире: пределы могущества. М.: РИСИ. 1997; *Васютович В.П.* Политические отношения между Казахстаном и США// Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М.: РИСИ. 1995. С.318—320; *Сулейменов Т.* Вопросы экономики в казахстанско-американских отношениях// Внешняя политика Казахстана. Алма-Ата — Москва: посольство Казахстана в России. 1995; *Трынков А.А.* Отношения между Узбекистаном и США// Узбекистан: обретение нового облика. Т.2. М.: РИСИ. 1998; *Митяева Е.В.* Проблема Каспия в российско-американских отношениях: Науч. докл. Ин-т США и Канады РАН. М., 1999; *Наумкин В.В.* Центральноазиатский фактор в отношениях России с Западом. М.: Фонд «Мосты Восток — Запад», 2002; *Богуславский А.* Об американской стратегии жизненно важных интересов в Каспийском регионе// Ближний Восток и современность. М., 2003; *Братерский М.* Политика США в Средней Азии: итоги десятилетия//США и Канада: экономика, политика, культура. № 9. М., 2002; *Гусейнова М.* Новые тенденции в политике США в Центральной Азии и Закавказье// США и Канада: экономика, политика, культура. № 2. М.,2003; *Жильцов С., Ушков А.* Политика США в Каспийском регионе: основные итоги и тенденции (после сентября 2001 г.)// Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. № 4. М., 2003; *Зиглер Ч.* Стратегия США в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества// МЭМО. №3. М., 2005; *Ломагин М.* Новые независимые государства как сфера интересов России и США// Pro et Contra. Том 5. № 2. Весна 2000; *Митяева Е.* Развитие ситуации в Каспийском регионе и интересы США// США и Канада: Экономика. Политика. Культура. №11. М., 1999; *Олещук Ю.* Русско-американские отношения в ареалах постсоветского Востока и Закавказья// Восток в пределах России. М., 2002; *Олкотт М.* Размышления о политике США в Центральной Азии// Pro et contra. 2000. Т. 5. № 3; *Парканский А.* США — страны Центральной Азии: экономические взаимоотношения// США. Канада: Экономика. Политика. Культура. 2003. № 7; *Румер Е.* США и Центральная Азия после 11 сентября// Космополис = Cosmopolis. 2003. №1; *Самуилов С.* Американское военное присутствие в Средней Азии и Конгресс// США и Канада: экономика, политика, культура. 2003. № 8; *Самуилов С.* Президент, Конгресс и американская политика в отношении Афганистана// США и Канада: экономика, политика, культура. 2003. № 12; *Серебрянников В.* Вторжение США в Центральную Азию// Диалог. 2003. № 1; *Теребов О.* Россия и США в Центральной Азии: (Общая ситуация в регионе)// США и Канада: Экономика. Политика. Культура. 2003. №3; *Talbott S.* Deepening U.S. Engagement with the States of Central Asia and the Caucasus: a Roadmap for the Future. Speech delivered in Washington, 21.07.1997// The Washington Post. 1997 July; *Mackenzie R.* The United States and Taliban// Fundamentalism Reborn: Afghanistan and the Taliban. Ed by M. Maley. N.Y., 1998.

бания между различными полюсами описанных выше дилемм сама вызывала эту эволюцию (например, будучи причиной радикальных смен ориентаций центральноазиатских стран, то в большей мере сближавшихся с США (в 1995 – 1999, 2001 – 2004), то, до определенной степени, отдалявшихся от них (в 1999 – 2001; 2004 – 2008 гг.). Таким образом, можно говорить о том, что в специфических центральноазиатских условиях США было достаточно сложно рационализировать свою политику. При этом, мы полагаем, что степень рациональности и последовательности этой политики была по ряду параметров меньше рациональности и последовательности политики России после 2000 г.

А. Первая половина 1990-х гг. (1991 – 1995)

1991 – 1992 гг. Администрация Дж. Буша – старшего. В 1991 и в первой половине 1992 г. проходил процесс дипломатического признания новых независимых государств (ННГ) Центральной Азии со стороны США. В этот период в Америке наблюдалась некоторая растерянность по поводу неожиданно быстрого распада СССР и непонимание того, как дальше строить политику по отношению к ННГ. «У США отсутствовала сколько-нибудь последовательная и целостная политика по отношению к странам региона»²⁸⁴. Линия, проводившаяся Соединенными Штатами, не отличалась от общей стратегии в отношении постсоветских государств: они выступали за демократизацию политической жизни и за проведение рыночных преобразований. При этом отношения с Россией воспринимались как ключевые, а ННГ были на далекой периферии американского внимания.

Ключевым страхом американцев, который сохранялся по отношению к Центральной Азии на протяжении всей первой половины 1990-х гг., был абсолютно фантомный комплекс представлений о возможности быстрой победы фундаменталистов при поддержке Ирана, а также о том, что ядерное оружие на территории Казахстана может превратиться в «исламскую атомную бомбу». В связи с этим первоочередной заботой стала проблема избавления от советского ядерного наследия в Казахстане, в частности, путем подписания этой страной Договора о нераспространении ядерного оружия. США и Россия добились подписания Казахстаном в мае 1992 г. Лиссабонского протокола к договору СНВ-1. И Казахстан стал одним из получателей американских средств по программе Нанна-Лугара («Программе по совместному уменьшению угрозы», «Cooperative Threat Reduction Program»)²⁸⁵.

Другим ключевым моментом в политике США стал поиск путей укрепления государственности и независимости стран Центральной Азии. Россия и Иран подозревались в попытках либо «воссоздать советскую империю», либо «создать всемирный халифат». В связи с этим 30 октября 1992 г. был принят законопроект «О поддержке свободы», который предусматривал американскую правительственную помощь ННГ (включая Центральную Азию) как непосредственно, так и через МВФ.

В связи со стремлением США противостоять достаточно виртуальным по-

284 Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990 – 2005 гг. М.: МОНФ – Институт США и Канады, 2005. С. 179.

285 См.: Шилдс Дж. Программа Нанна-Лугара: отношения между США и странами-получателями помощи// Ядерный контроль. Апрель. № 16. М: ПИР-Центр. 1996. С.17—23; *Поттер У.* Отказ от ядерного оружия: Белоруссия, Казахстан, Украина. М.: Комитет по критическим технологиям и нераспространению. 1996.

пыткам «экспансии» Ирана и России началось складывание успешного взаимодействия с Турцией в Центральной Азии. Последняя воспринималась как позитивный образец для ННГ региона.

Первая администрация У. Клинтона (1993 – 1996 гг.), до определенной степени сохраняла тенденции, заложенные в президентство Дж. Буша-старшего.

США стремились укрепить независимость стран Центральной Азии, опасаясь «покушений» на нее со стороны России и Ирана. Этот курс, в частности, нашел свое выражение в сформулированной помощником президента США по национальной безопасности Э. Лейком осенью 1993 г. концепции «вовлечения» (engagement)²⁸⁶. Важной ее частью считалось оказание администрацией США поддержки становлению ННГ, демократическим и рыночным преобразованиям на постсоветском пространстве.

Причем по отношению к России эта политика часто воспринималась самими американцами как «дружественная», направленная на укрепление демократических преобразований в ней самой, для чего РФ следовало избавиться от «имперского бремени». Выступая перед Конгрессом в январе 1994 г., президент Клинтон следующим образом прокомментировал Военную доктрину России (1993 г.), которая предусматривала возможность для армии РФ действовать по периметру границ бывшего СССР. Президент США призвал РФ использовать свои войска лишь с согласия соответствующих ННГ и при строгом соблюдении норм международного права. Администрация США также объявила «неприемлемой» ситуацию, при которой российские войска вторглись бы в какое-либо из ННГ для защиты русскоязычного населения²⁸⁷.

США продолжали воспринимать Турцию как основную «модель для подражания» центральноазиатскими странами. В связи с этим можно говорить о том, что они активно поддерживали в этот период проект институциональной реорганизации Центральной Азии по модели «тюркского мира». Одновременно США поддерживали и планы внутрирегиональной интеграции между Казахстаном, Узбекистаном и Киргизией как альтернативу СНГ.

Активно развивалась американская экономическая помощь тем странам Центральной Азии (Казахстан и, особенно, Киргизия), которые приняли курс на демократизацию и ускоренное становление рыночной экономики («шоковую терапию»). В 1994 г. была подписана американско-казахская Хартия о демократическом партнерстве, где было заявлено о готовности сторон развивать «прочные и долгосрочные отношения дружбы, взаимопонимания, доверия и уважения»²⁸⁸. Помощь Казахстану и Киргизии оказывалась как на двухсторонней основе, так и в рамках работы различных международных организаций (МВФ, Всемирного банка). Как и в России, в этих двух странах активно действовали западные советники, связанные с этими организациями.

286 Лейк Э. Новая стратегия США: от «сдерживания» к «расширению»// США—ЭПИ. 1994. № 3. С. 29-38.

287 Трынков А.А., Глуценко Ю.Н. Некоторые аспекты политики США в отношении стран СНГ и интересы России// США в новом мире: пределы могущества. М.: РИСИ. 1997. С.377—412.

288 Васютювич В.П. Политические отношения между Казахстаном и США// Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М.: РИСИ. 1995. С. 318—320; Сулейменов Т. Вопросы экономики в казахстанско—американских отношениях// Внешняя политика Казахстана. Алма-Ата — Москва: посольство Казахстана в России. 1995.

Важную роль в центральноазиатской политике США продолжали играть соображения безопасности и обеспечения стабильности. 5 декабря 1994 года в Будапеште президент РФ Б. Ельцин, президент США Б. Клинтон и премьер-министр Великобритании Дж. Мэйджор подписали Меморандум о гарантиях безопасности Казахстану в связи с его отказом от ядерного оружия. В этот период стали также зарождаться военные связи между странами региона и НАТО в рамках деятельности Совета евроатлантического партнерства (с 1991 г.) и программы «Партнерство ради мира» (с 1994 г.).

Роль США в обеспечении безопасности в регионе была абсолютно сопоставимой с ролью России (разрешавшей в этот период ситуацию Таджикистане и обеспечивавшей охрану внешних границ региона). Центральная Азия, в принципе, в этот период не воспринималась как зона американских интересов, а, скорее, как «задний двор» России²⁸⁹. Тем не менее, Америка стремилась расширить свое участие в разрешении локальных конфликтов. В августе 1993 г. был назначен специальный координатор от США по урегулированию конфликтов в СНГ (Дж. Коллинз), а в госдепартаменте было сформировано соответствующее подразделение.

Тем не менее, можно заметить и некоторые специфические черты первой администрации У. Клинтона по отношению к ее предшественнице. Президент-демократ во многом победил благодаря негативной реакции населения на экономический спад 1991 г. При этом предвыборная критика Клинтонем Дж. Буша была как раз сосредоточена на том, что тот слишком много времени и ресурсов тратил на внешнюю политику. Поэтому неизбежной чертой демократической администрации стало стремление к изоляционизму, неготовность к ведению активной внешней политики.

В первой администрации Клинтона большую роль в формулировании политики США на постсоветском пространстве играли симпатизирующие России либералы вроде Струба Тэлботта, которые воспринимались в США как «пророссийское лобби». Важной чертой центральноазиатской политики новой администрации стал также приоритет демократических ценностей над интересами. В частности, отсутствие демократии и несоблюдение прав человека в этот период практически полностью заблокировали политические отношения США с Узбекистаном и Туркменистаном (хотя экономические контакты расширялись). Так, в августе 1992 г. И. Каримов подверг резкой критике посольство США в Ташкенте за контакты с политической оппозицией и «тенденциозные» оценки внутривнутриполитической жизни этой страны²⁹⁰.

К концу рассматриваемого периода благодаря «контракту века», подписанному Азербайджаном с западными нефтяными компаниями в 1994 г., стал быстро расти экономический интерес США к региону. На первый план стали выходить экономические планы по развитию нефтедобычи (прежде всего в Казахстане), ее транспортировке (строительство нефтепроводов из Каспийского региона)²⁹¹. Постепенно росло также соперничество между Россией и США.

289 Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990 – 2005 гг. М.: МОНФ – Институт США и Канады, 2005. С. 180.

290 Трынков А.А. Отношения между Узбекистаном и США // Узбекистан: обретение нового облика. Т.2. М.: РИСИ. 1998. С.226.

291 Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990 – 2005 гг. М.: МОНФ – Институт США и Канады, 2005. С. 179.

В 1996 г. под влиянием осознания явных неудач прозападных реформ в России и под давлением лобби внутри США, заинтересованного в росте внешнеполитического влияния Америки, стало особо резко заметно изменение политики администрации Клинтон на всем постсоветском пространстве. Тема борьбы с «российским неоимпериализмом» в СНГ стала важной для президентской кампании в США в 1996 г. Слишком «мягкая» и «пророссийская» политика первой администрации Клинтон подверглась резкой критике со стороны республиканцев. В результате в 1997 году на пост государственного секретаря в новой администрации демократов была назначена Мадлен Олбрайт, которая была сторонницей жесткого курса США в международных отношениях. Ее собственное происхождение из Восточной Европы также служило гарантией усиления интереса США к евро-азиатским проблемам.

В 1996 – 2000 гг. соперничество США и России за влияние в СНГ стало характерной чертой американской внешней политики. В 1997 г. США включили Центральную Азию в «зону ответственности» командования Центральной группировки вооруженных сил США (CENTCOM), которая контролирует ситуацию на Среднем Востоке. При этом командующий CENTCOM генерал Т. Фрэнкс отметил, что действия его группировки в постсоветской Центральной Азии будут в существенной степени определяться тем, какую политику эти страны проводят в отношении России²⁹². Тем не менее, в Центральной Азии это соперничество проявлялось по весьма ограниченному кругу вопросов (военно-политическая сфера, проекты региональной интеграции, нефтегазовые ресурсы и пути транспортировки ресурсов). Причинами были низкая, в целом, привлекательность региона в глазах США, антидемократичность политических режимов и традиционное отношение к нему как к «заднему двору» России²⁹³.

Важным фактором стал экономический интерес. США, во многом под влиянием слишком оптимистичных оценок размеров нефтегазовых запасов Центральной Азии и региона Каспийского моря, пересмотренных позднее, активно поддерживали альтернативные российским проекты транспортировки сырья, в частности, реализованные проекты нефтепроводов Баку–Супса и Баку–Джейхан. Активно лоббировались также транскаспийский нефтепровод из Казахстана и транскаспийский газопровод из Туркменистана. Поддержка оказывалась проектам ЕС в области прокладки новых транспортных маршрутов (ИНОГЕЙТ, ТРАСЕКА – «Великий шелковый путь»). В то же время, очень большие усилия прикладывались для нейтрализации иранских маршрутов транспортировки казахской нефти и туркменского газа.

Взаимосвязь двух измерений – энергетики и безопасности – вышла на первый план в функционировании активно поддержанных США проектов «альтернативной интеграции» постсоветского пространства. 10 октября 1997 г. в Страсбурге прошел учредительный форум ГУАМ. В апреле 1999 г. к этой структуре присоединился Узбекистан, в том же году он отказался продлить Договор о коллективной безопасности СНГ.

292 Выступление Т. Фрэнкса на слушаниях в комитете по вооруженным силам палаты представителей конгресса США 28 марта 2001 г.// www.house.org.

293 Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990 – 2005 гг. М.: МОНФ – Институт США и Канады, 2005. С. 180.

Одновременно США спонсировали и другой проект реорганизации постсоветского пространства – внутреннюю интеграцию в Центральной Азии: Центральноазиатский союз (1994–1998), Центральноазиатское экономическое сообщество (1998–2002) и Организацию «Центрально-Азиатское сотрудничество» (2002–2005). Без активной финансовой поддержки США, в частности, не возник бы проект «Центразбата» – коллективного батальона трех стран (Казахстана, Узбекистана, Киргизии), существовавшего во второй половине 1990-х гг.

«Следует, однако, учесть, что в тот период Каспий рассматривался американскими стратегами как регион, тяготеющий к Кавказу – в структуре законодательной и исполнительной власти США им занимались другие подразделения – и энергетический фактор не выходил на первое место в политике Вашингтона в Средней Азии»²⁹⁴.

В рамках ближневосточной политики США, тесно завязанной на стратегическое партнерство с Израилем, Центральная Азия также рассматривалась в рамках проекта «Большого Ближнего Востока»²⁹⁵, а в рамках отношений с Турцией – по-прежнему, как часть потенциального прозападного «тюркского мира».

В 1996–2000 гг. в собственно центральноазиатской политике США главным новым фактором стало установление стратегического партнерства с Узбекистаном. Эта страна, расположенная в середине Центральной Азии, унаследовавшая ее ключевые культурные центры, располагающая самым большим населением и мощная (по местным меркам) в военном отношении, воспринималась как «ключ» к региону. США стали поддерживать подчеркнуто независимую от России внешнюю политику Узбекистана и его стремление играть роль «фокуса» центральноазиатской интеграции. В то же время, в рамках отношений с Узбекистаном США пришлось внутри дилеммы «ценности – интересы» сдвинуться к полюсу интересов. Именно это и обеспечило рост американского влияния в регионе. Однако для самих США данная ситуация была достаточно болезненной. Это, в частности, вызывало попытки одновременно с «дружбой» оказывать на Узбекистан давление в пользу «смягчения» режима.

Важным шагом на пути установления партнерства двух стран стала первая личная встреча У. Клинтона с И. Каримовым в июне 1996 г. В 1990-е гг. Узбекистан всемерно старался поддерживать США (например, даже при голосовании на Генеральной ассамблее ООН в ноябре 1996 г., когда принималась резолюция с осуждением американского эмбарго против Кубы, против нее проголосовали три государства: США, Израиль и Узбекистан). В 1998–1999 гг. Узбекистан политически поддерживал готовность США применить силу против иракского режима. Это государство стало также одним из самых активных в регионе участников программы НАТО «Партнерство ради мира».

Тем не менее, развитие партнерства США и Узбекистана шло, скорее, по линии усиления проамериканской и антироссийской риторики. В 1996–1997 гг. Узбекистан заявлял о необходимости заменить Россию в роли главного по-

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Lewis B. Rethinking the Middle East// Foreign Affairs. Fall 1992. P. 99–119.

ставщика вооружений для национальной армии²⁹⁶. В этой стране в рамках постсоветского пересмотра истории была также развязана настоящая антирусская кампания²⁹⁷.

Развивались отношения США (правда, в основном, в политико-экономической сфере) и с намного более ярко выраженным диктаторским режимом Туркменбаши в Туркменистане. При этом ключевыми взаимными интересами стали проблемы строительства транскаспийского и трансфганского газопровода. Последняя проблема остро встала в рамках южноазиатской политики США как способ стабилизировать Афганистан, «приручить» режим «Талибан» и помочь своему союзнику Пакистану. С политической точки зрения, США одобряли дистанцирование Туркменистана в рамках политики «позитивного нейтралитета» от России и инициированных ею интеграционных процессов.

Повлияла на американскую политику в Центральной Азии и проблема «Талибана». Это движение, первоначально активно поддержанное Пакистаном при благожелательном нейтралитете США, постепенно превращалось в один из серьезных источников не только региональной, но и глобальной дестабилизации.

В целом, в период 1996–1999 гг. резко выросло влияние США в регионе. При этом к первой группе стран, установивших тесное взаимодействие с Америкой еще в начале 1990-х гг. (Казахстан и Киргизия), примкнули еще две (Узбекистан и, по ряду вопросов, Туркменистан). Лишь отношения с Таджикистаном, политический режим которого в этот период полностью зависел от поддержки России, оставались во многом «замороженными».

Тем не менее, в 1996 – 1999 гг. США одновременно реализовывали в регионе много разных несогласованных интересов и плохо связанных между собой проектов.

- Проекты «альтернативной транспортировки» и «альтернативной интеграции» (ГУУАМ), связанные с Кавказом и интересом к энергетическим ресурсам Каспия. В рамках партнерства с ЕС имела место также поддержка проекта «Великого шелкового пути» – «моста» между Европой и Азией.
- Партнерство с Узбекистаном и спонсорство внутренних Центральноазиатских интеграционных проектов.
- Идеи строительства трансфганского газопровода, получившие в дальнейшем развитие в рамках идеи «Большой Центральной Азии».
- Проект «Большого Ближнего Востока» в рамках ближневосточной политики США.
- Идеи «тюркского мира» в рамках партнерства с Турцией.

Противоречивость интересов и проектов США в регионе сильно снижали внутреннюю связность и эффективность их политики. Кроме того, по многим причинам (отсутствие сильного экономического интереса, понимание региона как «заднего двора» России, авторитарные режимы) Соединенные

²⁹⁶ См.: Defense News. 1997. 4 February.

²⁹⁷ См. особенно: *Ахмеджанов Г.А.* Российская империя в Центральной Азии (История и историография колониальной политики царизма в Туркестане). Ташкент, 1995; *Ахмедов Б.* История. Учебник для 5 класса средней школы. Ташкент, 1999; *Рахимов Ж.* История Узбекистана для 9 класса средней школы. Ташкент, 2001. В существенно меньшей мере эти стереотипы встречаются в работах: *Фармонов Р.* Всемирная история. Учебник для 8 класса средней школы. Ташкент, 2001; *Костецкий В.* История Узбекистана. Ташкент, 2002; *Салимов Т.* Всемирная история. Учебник для 8 класса средней школы. Ташкент, 2000; *Хидояттов Г.* Всемирная история. Ташкент, 2002.

Штаты не были готовы тратить существенные ресурсы на политику в Центральной Азии. Это в дальнейшем снизило американское влияние в регионе, чему немало способствовали острая ситуация в Афганистане и активизация политики России.

1999 – 2001 гг. можно описать как период определенного «исчерпания» потенциала роста американского влияния в Центральной Азии. Это было связано с общим *концептуальным кризисом политики США на постсоветском пространстве*. После дефолта 1998 г. крах прозападных реформ в России стал окончательно свершившимся фактом. Политические противоречия между США и Россией, после того как Е. Примаков стал председателем Совета министров РФ, также резко обострились, вплоть до грани военного конфликта (например, по поводу натовской военной операции в Югославии).

Надежды, связанные с партнерством с США, особенно у руководства Узбекистана, не реализовались. США становились все более враждебными «Талибану». Однако они пока не были готовы к принятию каких-то серьезных военных мер против этого движения. В то же время, партнерство с Россией и Китаем давало странам региона надежду на какую-то реальную защиту. Кроме того, «Талибан», угрожавший безопасности Центральной Азии, продолжали воспринимать в регионе как американско-пакистанскую креатуру. В связи с ростом исламской угрозы (например, с терактами в Ташкенте или вторжениями боевиков ИДУ на территорию Киргизии и Узбекистана в 1999 и 2000 гг.) политические режимы региона также все болезненнее воспринимали американскую критику, связанную с недостаточной демократичностью и нарушением прав человека.

Радикальные изменения в американской политике в Центральной Азии произошли после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. Этот регион на период антитеррористической операции в Афганистане превратился в один из главнейших объектов американских интересов в мире. С согласия России США получили для обеспечения операции в Афганистане военные базы в Узбекистане (Карши-Ханабад) и Киргизии (база «Ганси» в Бишкекском аэропорту «Манас»). Росло также военно-политическое сотрудничество с Казахстаном и Таджикистаном (последний стал переходить от преимущественной ориентации на Россию к многовекторной политике).

В регионе вновь начался рост влияния США, проявившийся в серии военно-политических договоренностей со всеми центральноазиатскими государствами, за исключением Туркменистана²⁹⁸. Администрация Дж. Буша-младшего также резко увеличила экономическую помощь странам региона: помощь Узбекистану с октября 2001 г. выросла втрое (до примерно 300 миллионов долларов)²⁹⁹. Резко выросла и военная помощь Казахстану. С лета 2003 г. США финансируют строительство совместной военной базы в портовом городе Атырау в богатом нефтью районе Каспия³⁰⁰.

298 *Wishnick E.* Strategic Consequences of the Iraq War: U.S. Security Interests in Central Asia Reassessed. Carlisle, Pa.: U.S. Army War College, May 2004. P. 2 — 4.2.

299 Council on Foreign Relations, «Terrorism: Questions & Answers-Uzbekistan», 2004// <http://www.terrorismanswers.org/coalition/uzbekistan.html> (accessed October 14, 2004).

300 «Kazakhstan Building Military Base on Caspian With U.S. Help», RFE/RL Newsline. 2003. October 8.

Одним из основных игроков, ставшим вновь делать попытки вытеснить Россию из Центральной Азии, был Узбекистан. В частности, этой цели служила попытка вновь активизировать процесс центральноазиатской интеграции путем создания ОЦАС. Не менее активной была и риторика Ташкента. Так, в апреле 2002 г. президент Узбекистана И. Каримов заявил: «Решающую роль в снятии напряженности и опасности на южных рубежах Узбекистана сыграли исключительно США, их решимость и хорошо подготовленные вооруженные силы, а не участники Договора о коллективной безопасности»³⁰¹.

Антитеррористическая операция привела к радикальным сдвигам в региональных военных интересах США. В 2002 г. министр обороны Д. Рамсфелд в докладе президенту и конгрессу отмечал: «Все пространство широкой дуги нестабильности от Ближнего Востока до Северо-Восточной Азии превратилось в “гремучую смесь” из усиливающихся и слабеющих региональных держав»³⁰². Ответом стала глобальная передислокация военных сил, призванная обеспечить стратегический контроль над «дугой нестабильности»³⁰³.

Одновременно с усилением военной активности США происходил и рост интереса к Центральной Азии со стороны НАТО. После последнего этапа своего расширения весной 2004 г. НАТО достигла границ СНГ. Одновременно в рамках операции ISAF Североатлантический альянс был активно вовлечен в афганскую ситуацию. В результате на саммите НАТО в июне 2004 года в Стамбуле было объявлено о планах организации обратить особое внимание на сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии³⁰⁴. Результатом стала серьезная активизация деятельности альянса в Центральной Азии³⁰⁵.

В США в этот период происходил очень серьезный пересмотр принципов центральноазиатской политики. Стала утверждаться точка зрения, которую сами американские эксперты характеризуют как «агрессивный реализм»³⁰⁶. В ее рамках была сделана следующая попытка разрешить дилемму «ценности – интересы». США необходимо максимально активно защищать свои национальные интересы в Центральной Азии, так как именно США являются воплощением идей демократии и свободы. Однако защита американских интересов будет более эффективной, а результаты антитеррористической операции более стабильными, если удастся сменить политические ориентации существующих в регионе режимов в пользу демократии. По сути, дилемма не была, таким образом, разрешена, так как обе ее части сохранились под маской изменившейся риторики. Правда, противоречие попытались устранить, предположив, что центральноазиатские режимы действительно удастся изменить и что это изменение приведет к большей стабильности. Попытка реализовать эти идеи привела позднее к «цветным революциям».

Интерес к Центральной Азии в контексте южноазиатской политики США

301 Сообщение ИТАР-ТАСС. 2002. 5 апреля.

302 U.S. Department of Defense, «2002 Annual Report to the President and the Congress». Washington, D.C., 2002 // <http://www.defenselink.mil/execsec/adr2002/index.htm> (accessed October 14, 2004).

303 Feith D. J. «Transforming the Global Defense Posture», remarks before CSIS. Washington, D.C., December 3, 2003.

304 NATO. «Istanbul Summit Communique», Istanbul. June 28, 2004 // <http://www.nato.int/docu/pr/2004/p04-096e.htm>

305 См. *Барабанов О.Н.* Политика НАТО в отношении государств Центральной Азии и Закавказья // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Энергетика и политика. М.: Навона, 2005.

306 *Collins K.* Stabilizing or Destabilizing Central Asia? The Great Powers and Central Asia After September 11 // Paper Presented at the Conference: Reconfiguring East and West in the Bush-Putin Era. Berkeley, 13 – 14.04.2002.

стал причиной возникновения проекта «Большая Центральная Азия»³⁰⁷, который как раз и был предназначен закрепить этот интерес путем создания новой региональной структуры.

Политику США в регионе стала характеризовать следующая совокупность принципов. Центральная Азия более не является «задним двором» России. Совместные попытки России и КНР стабилизировать ситуацию в регионе провалились. Поэтому рост американского вмешательства во многом отвечает как российским, так и китайским интересам³⁰⁸. Последнее основывалось на явно фантастическом предположении, что и показала реально проявленная РФ и КНР озабоченность попытками сделать американское военное присутствие долговременным или даже постоянным (так, например, руководитель Центрального командования генерал Т. Фрэнкс заявил, что американские вооруженные силы будут находиться в Центральной Азии «столько, сколько нужно»).

Противоречивость «агрессивного реализма» сказалась в том, что США так и не смогли выбрать, готовы ли они сотрудничать с существующими в Центральной Азии политическими элитами или нет. Так, например, США достаточно холодно отнеслись к попыткам Ташкента использовать американскую мощь для борьбы с базировавшимся в Афганистане и союзным с «Талибаном» ИДУ.

Более того, 20 августа 2002 г. госдепартамент США выпустил специальный информационный доклад, в котором содержались сведения о качественном изменении политики США по отношению к Узбекистану и Киргизии, т. е. обоим государствам, которые воспринимались как ключевые для американского военного присутствия в регионе. Они становились объектом первоочередного внимания бюро по вопросам демократии, прав человека и труда госдепартамента США. Последнее должно было обеспечить становление политических партий в этих странах, создать типографские возможности, которые бы обеспечили доступ населения к свободным и независимым источникам информации, поддержать программу укрепления независимой журналистики³⁰⁹. Очевидно, что, с точки зрения политических элит Узбекистана и Киргизии, речь шла о вмешательстве во внутреннюю политику страны, направленную на изменение и даже свержение режимов Каримова и Акаева.

Американское посольство в Киргизии поддержало оппозиционные выступления против президента Акаева, которые прошли в марте–мае 2002 г.³¹⁰ В Узбекистане организовывались ресурсные центры, предоставлявшие свои технические возможности для поддержки оппозиции³¹¹. Сходная политика, которая способствовала изменению политического режима, проводилась и в некоторых других постсоветских странах, в частности, в Грузии и Украине.

307 Starr F.A. Partnership for Central Asia// Foreign Affairs. 2005. July/August (http://www.sfr.org/publication/8937/partnership_for_central_asia.html); Byrd W. Economic Cooperation in the Wider Central Asia Region/ William Byrd, Martin Raiser and others// World Bank. Working Paper. 2006. No.75.

308 Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990 – 2005 гг. М.: МОНФ – Институт США и Канады, 2005. С. 188.

309 Сообщение ИТАР-ТАСС. 2002. 23 августа.

310 См. выступление помощника госсекретаря Л.Крейнера на слушаниях в комитете по иностранным делам Сената США 27 июня 2002 г.// www.state.gov; Выступление заместителя помощника госсекретаря Б.Линна Паско на слушаниях в комитете по иностранным делам Сената США 27.06.2002 г.// www.state.gov

311 Выступление помощника госсекретаря Л.Крейнера на слушаниях в комитете по иностранным делам Сената США 27 июня 2002 г.// www.state.gov.

Именно в последних двух странах и произошли первые «цветные революции» (2003 г. — Грузия, 2004 г. — Украина). В марте 2005 г. А. Акаев был свергнут в ходе «революции тюльпанов». Однако пришедшее ему на смену правительство оказалось в большей степени антилиберальным и пророссийским, чем свергнутое. В мае 2005 г. после подавления волнений в Андижане узбекское правительство обвинило в организации этих событий западные неправительственные фонды и правительство США. Сотрудничество с Америкой было свернуто, а войска США были вынуждены покинуть базу Карши-Ханабад. Узбекистан после этого стал ориентироваться в своей внешней политике на Россию и Китай.

В результате в 2005 – 2008 гг. мы наблюдаем новый кризис центральноазиатской политики США, совпавший по времени со вторым сроком президентства Дж. Буша-младшего. «Агрессивный реализм» привел к тому, что отношения с большинством стран региона очень серьезно испорчены. Нет никакой концептуальной ясности по поводу того, каким образом их исправлять, хотя, в реальности, вновь намечается осторожное сближение Узбекистана с Западом (например, Ислам Каримов принял участие в саммите НАТО в Бухаресте 2–4 апреля 2008 г.³¹², затем в конце 2008 г. Узбекистан объявил о готовности покинуть ЕврАзЭС), а отношения с Таджикистаном сейчас намного лучше, чем, скажем, в период президентства У. Клинтона. США сохраняют свои интересы и на восточном побережье Каспия, хотя внутривосточная ситуация в Казахстане все больше подвергается критике.

Ситуация осложняется тем, что США больше не имеют свободных ресурсов для центральноазиатской политики, так как они заняты Ираком, а экономическая ситуация в самой Америке резко ухудшается. Война с «Талибаном» в Афганистане идет все хуже, а «наркотизация» экономики страны прогрессирует. При этом Соединенные Штаты очень хотели бы, чтобы страны ЕС взяли на себя большую долю ответственности за ситуацию как в этой стране, так и в Центральной Азии. В результате, по сути, разворачивается процесс постепенного частичного «ухода» США из региона, который американские стратеги надеялись компенсировать все большим вовлечением Европы. Однако накопление проблем в Афганистане привело к тому, что приоритетное внимание администрации Б. Обамы, скорее, всего, вновь перейдет от Ирака к Афганистану (по крайней мере, такие заявления недавно избранный президент делал в ходе избирательной кампании).

К 2008 г. выделился следующий комплекс интересов США в регионе.

1. Всемерно способствовать вестернизации региона, его глобализации, региональному сотрудничеству с организациями Западного мира, развитию гражданского общества, власти закона и транспарентной рыночной экономики³¹³.
2. Поддерживать независимость центральноазиатских государств в той степени, чтобы эти страны не попали в зону доминирования кого-либо из соседей. США желают сохранения в Центральной Азии стратегической стабильности и равновесия так, чтобы ни одно незападное государство

³¹² Правда, это было заранее согласовано с В.В. Путиным.

³¹³ Silencing Central Asia: The Voice of Dissidents. Hearing Before the Subcommittee on the Middle East and South Asia of the Committee on International Relations. House of Representatives, 107th Congress, 1 Session. 2001. 18 July. P. 56.

(Россия, Китай, Иран) не могло играть там решающей роли³¹⁴. Не допустить появления в регионе «несостоявшихся» государств.

3. Предотвратить трансформацию Центральной Азии в базу для развертывания экстремистских исламских сил и международного терроризма³¹⁵. Борьба с превращением региона в коридор для нелегального распространения наркотиков. Нейтрализовывать другие нетрадиционные вызовы и угрозы безопасности (трансграничная преступность, нелегальная миграция и т.д.).
4. Сохранить военное присутствие, как минимум, на среднесрочную перспективу. Военные базы в Центральной Азии дополнительно к борьбе с международным терроризмом и наркоторговлей рассматриваются как: а) альтернатива базам на Аравийском полуострове; б) возможность вмешательства в случае внутривосточной дестабилизации Пакистана и, особенно, в случае угрозы эскалации индо-пакистанского конфликта в ядерную фазу; в) метод давления на Иран в контексте борьбы с его ядерной программой; г) гарантия против российской и особенно китайской экспансии в регионе; д) способ контроля над складывающимся транспортным коридором «Европа—Азия» и энергоресурсами Каспия³¹⁶.
5. Борьба с распространением оружия массового уничтожения или элементов такого оружия. Большим стимулом к вмешательству в дела региона стало наличие на территории Казахстана советского ядерного оружия. Лишь в 1995 г. с территории Казахстана была вывезена в Россию последняя боеголовка. Однако интерес к региону с этой точки зрения не исчерпывается лишь бывшим советским ядерным оружием. Центральная Азия обладает имеющими мировое значение запасами урановой руды и ядерными технологиями. Наконец, на этой территории производились и иные виды оружия массового уничтожения. Так после истории с рассылкой сибирской язвы по почте США получили доступ на бывший остров Возрождения в высохшем Аральском море, где в советское время находилось биологическое оружие.
6. Обеспечить продвижение коммерческих интересов США и доступ американских компаний к энергетическим ресурсам региона³¹⁷. Эта политика находится в контексте расширения географии источников энергии в мире и диверсификации путей ее транспортировки с целью создания предпосылок стабильного снабжения.

Постоянная смена ситуации в Центральной Азии и «чехарда» разных американских проектов приводит к тому, что и иерархия интересов США в регионе не очень стабильна. Постоянно возникают новые интересы, а старые уходят на задний план. Например, по мере снижения прогнозных размеров нефтегазовых запасов Каспия (а одно время речь шла о чем-то сопоставимом с Ближним Востоком), уменьшался и американский интерес к энергетике региона. Забота о нераспространении ОМУ, очень серьезная в начале 1990-х гг.,

³¹⁴ Ibid.

³¹⁵ Ibid.

³¹⁶ Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990 – 2005 гг. М.: МОНФ – Институт США и Канады, 2005. С. 186 – 187.

³¹⁷ Silencing Central Asia: The Voice of Dissidents. Hearing Before the Subcommittee on the Middle East and South Asia of the Committee on International Relations. House of Representatives, 107th Congress, 1 Session. 2001. 18 July. P. 56.

стала довольно скромной в настоящее время, так как оставленный со времен СССР военно-технический потенциал с тех пор, практически, исчез. С другой стороны, после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне серьезно вырос интерес к борьбе с международным терроризмом в Центральной Азии.

Наряду с постоянной сменой ключевых партнеров (то сотрудничество, то противостояние с Россией, многими исламскими странами) постоянно менялись и те страны, на «сдерживание» влияния которых в регионе США тратили большие усилия. Если в начале 1990-х гг. это был Иран, то к 2008 г. все больше растет роль Китая.

Очень нестабильными на протяжении 1991 – 2008 гг. были отношения США с самими центральноазиатскими государствами. Последовательно сменявшиеся администрации так и не могли решить дилемму «ценности – интерес». В отношениях с некоторыми из стран региона (Узбекистан) особенно четко видны постоянные «волны» сближений и отдалений. Центральная Азия периодически то входила в сферу приоритетных интересов администрации Дж. Буша-младшего, то уступала место «передовой линии в борьбе с терроризмом» Ираку.

В целом, в условиях очень высокой неопределенности и наличия серьезных и трудно разрешимых дилемм политика США в Центральной Азии в 1991 – 2008 гг. отличалась достаточно низкой последовательностью и эффективностью. Тем не менее, эта страна, наряду с Россией, оказала наибольшее влияние на ситуацию в регионе.

3. Центральноазиатская политика стран ЕС

А. Расширение проекта единой Европы и центральноазиатская политика

Страны единой Европы на протяжении 1991 – 2008 гг. проводили в регионе Центральной Азии как отдельные политики, так и совместную политику в рамках ЕС³¹⁸. Анализ отдельных политик европейских стран в рамках данной работы невозможен из-за ограниченности ее объема. Тем не менее, можно отметить следующие характерные черты или обстоятельства, проявившиеся в отдельных политиках крупнейших западноевропейских стран.

318 См. про политику как ЕС, так и отдельных стран Европы: Европейский Союз и Центральная Азия. Казахский гос. нац. ун-т им. аль-Фараби; Под общ. ред. Ж.У. Ибрашева. Алматы, 2000; *Жильцов С. С., Зонн И. С., Ушков А. М.* Геополитика Каспийского региона. М.: Международные отношения, 2003; Заглядывая в XXI век: Европейский Союз и Содружество Независимых Государств/ Ин-т Европы РАН. М.: Интердиалект+, 1998; Страны бывшего СССР и европейская безопасность: Материалы международной конференции. М.: Международные отношения, 1994; *Аманжолов Ж.М.* Центральноазиатский вектор деятельности ОБСЕ и Республика Казахстан// Московский журнал международного права. 2001. № 1; *Джекшенкулов А.* О роли Запада в Центральноазиатском регионе// Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2. С. 45—49; *Загорский А.* Россия – СНГ и Запад// Международная жизнь. 1994. №10; *Лаумулин М.* Казахстан и Запад: ретроспектива отношений в 1990-е гг.// Центральная Азия и Кавказ. 2000. №2; *Пряхин В.П.* Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и проблемы Центральной Азии// Московский журнал международного права. 2000. № 2. С. 97—108; *Шредер Х.* Европа и СНГ: перспективы сотрудничества// Мировая экономика и международные отношения. 1993. №7; *Юн С.М.* Политика ЕС в Центральной Азии: 1991 – 2001. Автореф. Дис. канд. ист. наук. Томск: ТГУ, 2005; *Rahr A.* Europe in the New Central Asia// Deutsch-kasachisches Dialogforum «Integrationsmodelle in Zentralasien und Europa» 25 – 27 Mai 2000, Almaty// Kasachstan; A New Oспolitik — Strategies for a United Europe. Ed. by W.Wiedenfeld. Bertelsmann Foundation publishers, 1997; Building Security in the New States of Eurasia. Subregional Cooperation in the Former Soviet Space/ ed. by R. Dwan, O.Pavliuk. NY: EastWest Institute, 2000; *MacFarlane N.* Western engagement in the Caucasus and Central Asia. L.: RIIA, 1999.

Политика Германии в Центральной Азии была наиболее активной. Это связано как с наличием большой немецкой диаспоры в регионе (особенно в Казахстане), так и с традиционным приоритетом восточной политики для ФРГ. Германия была также постоянным инициатором расширения внимания ЕС к региону в рамках выработки коллективного подхода. Интересно, что такая характерная черта политики ЕС в Центральной Азии, как стремление «не раздражать» Россию, также, очевидно, связана с немецкими приоритетами.

Иными словами, цели центральноазиатской политики часто оказывались иерархически подчиненными целям российской политики ЕС. Даже проекты «альтернативной транспортировки», являющиеся основным предметом разногласий с Россией, часто использовались как инструмент в отношениях с ней же. Например, европейская политика «энергетической диверсификации» по отношению к Центральной Азии частично является, как нам представляется, ответом на неготовность России следовать принципам «европейской энергетической хартии». Поскольку Европа воспринимает Россию как энергетического игрока, действующего по своим собственным правилам и способного через эту сферу оказывать давление на страны ЕС, она пытается, в свою очередь, использовать проекты «альтернативной транспортировки» центральноазиатского энергетического сырья как инструмент в отношениях с Россией.

Центральноазиатская политика Великобритании в 1991–2008 гг. диктовалась двумя соображениями. Во-первых, приоритетом трансатлантического партнерства с США и специфическим «скептическим» и «неактивистским» отношением к европейской интеграции. Парадоксально, что старый участник «Большой игры», который мог бы многому научить другие западные страны в плане повышения эффективности политики на Востоке, просто следовал в русле американских (в рамках политики Запада, в целом) и немецких (в рамках политики единой Европы) инициатив. Во-вторых, английский бизнес (корпорация «BP») был одним из главных инициаторов интереса Запада к энергетическим ресурсам Каспийского моря. Только в этой сфере сказался старый колониальный опыт Великобритании. Хотя именно ее энергетические компании, наряду с американскими, были одним из главных источников серьезной переоценки размеров запасов Каспия³¹⁹.

Политика Франции в Центральной Азии диктовалась традиционным для этой страны стремлением играть роль крупной и независимой от США силы в странах «третьего мира». Однако для Франции, как и для Великобритании, этот регион, в отличие от их старых колоний в Африке, Азии и Карибском бассейне, не был предметом серьезного внимания.

Период 1991 – 2008 гг. для внешней политики ЕС, в целом, характеризовался двумя ключевыми факторами: ростом «вширь» (территориальным расширением) и «вглубь» (постепенным увеличением согласованности внешних и военных политик стран-членов). Оба эти обстоятельства очень серьезно сказались на центральноазиатской политике. Рассмотрим сначала Центральную Азию в контексте территориального роста единой Европы.

Расширение ЕС было связано с восприятием европейских стран бывшего «социалистического лагеря» в соответствии с принципом «концентриче-

³¹⁹ См., например: *Расизаде А.* Миф об углеводородном изобилии Каспия// Центральная Азия и Кавказ. 2001. №4. С.19—32. Некоторые российские эксперты полагают, что это было сделано сознательно, в лоббистских целях, для изменения политики США и стран Запада по отношению к Азербайджану и странам Центральной Азии.

ских кругов» «европеизации»³²⁰ и европейской интеграции. Эти круги были построены в соответствии с представлениями западноевропейских стран о степени «убывания» европейских исторических традиций, институтов и ценностей по мере движения к «окраинам» Европы. Таким образом, историко-географические идеи, распространенные в странах Запада, сказались на их видении степени готовности разных постсоциалистических и постсоветских государств к вступлению в единую Европу. Последнее, в свою очередь, диктовало конкретные документы и программы ЕС по отношению к соответствующим группам стран.

В целом, для Восточной Европы и ННГ можно обнаружить 4 такие концентрические зоны, а Центральная Азия окажется в последней из них. Первую сферу образуют страны Восточной Европы, к которым чуть позднее присоединились страны Балтии. С ними с начала 1990-х гг. постепенно заключались «европейские соглашения», которые должны были привести к их включению в единую Европу. Результатом этого процесса стало то, что в 2002 г. все они были приняты в ЕС.

Вторую зону образовывали европейские члены СНГ (Украина, Молдова, Белоруссия). Все эти страны рассматривались еще в 1990-е гг. как европейские, в частности, они вошли в Совет Европы. Тем не менее, они с начала 1990-х гг. не воспринимались как реальные кандидаты на вступление в ЕС (по крайней мере, в обозримом будущем). К этой же группе примыкала и Россия, которая всегда воспринималась как важный, хотя и «слишком» крупный и мощный европейский игрок. Со всеми этими странами были в 1990-е гг. подписаны соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Формат этих соглашений предусматривал «особый» характер отношений, но он четко отличался от соглашений, подписанных со странами Центральной и Восточной Европы, в рамках которых предусматривалась возможность вступления в ЕС.

После расширения ЕС в 2002 году была инициирована разработка нового инструмента сотрудничества с этой группой государств как с непосредственными соседями Европейского Союза. Она получила воплощение в политике «европейского соседства», имевшей целью «избежать новых разделительных линий в Европе»³²¹. В результате возникла концепция «Расширенной Европы» (Wider Europe), включавшая ЕС и его «соседей». В рамках этой концепции «соседям» было первоначально обещано «все, кроме институтов», т. е. любые формы интеграции с ЕС, кроме прямого вступления.

В отличие от соглашений о партнерстве и сотрудничестве программа «Расширенная Европа» предусматривает активное реформирование государств-партнеров в соответствии с европейскими институтами и ценностями для

320 См. про европеизацию как инструмент европейской внешней политики: Europeanisation and the Southern Periphery/ Ed. by Featherstone K., Kazamias G. London: Frank Cass, 2001; *Коппелерс Б., Хёйссен М.* Европейские институциональные модели как инструменты разрешения конфликтов в разделенных государствах на европейской периферии// CEPS Working document №195. July 2003// www.ceps.be

321 *Gahrton Per.* Report on the communication from the Commission to the Council and the European Parliament on the 'European Union's relations with the South Caucasus, under the partnership and cooperation agreements', European Parliament, Committee on Foreign Affairs, Human Rights, Common Security and Defence Policy. 28 January 2002. A5-0028/2002 final. P.18; *Napoletano P.* Report on 'Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours', European Parliament, Committee on Foreign Affairs, Human Rights, Common Security and Defence Policy. 5.11.2003. A5-0378/2003 final; *Emerson M.* The Wider Europe Matrix. Brussels: CEPS, 2004.

достижения *acquis communautaire*³²². Иными словами, «соседи» становятся объектами политики «европеизации». Однако в случае с Восточной Европой и Балтией главным инструментом поощрения партнеров по этой политике было обещание членства в ЕС. Жесткий отказ в нем лишает «соседей» стимула для «европеизаторских» реформ. Поэтому руководство ЕС во все большей мере заявляет о том, что «вопрос о членстве остается открытым», т.е. пытается создать ситуацию неопределенности. Хотя другие жесты, например, по отношению к Турции, четко говорят о неготовности ЕС к слишком активному расширению.

Третий концентрический круг долгое время представляли собой государства Южного Кавказа и Центральной Азии, воспринимавшиеся ЕС как единый регион, в частности, в контексте энергетической политики в зоне Каспийского моря³²³. С ними также были заключены соглашения о партнерстве и сотрудничестве, хотя в начале 1990-х гг. они и не воспринимались как европейские по своей природе. Скорее, о них говорили как о некоем «мосте» (или «буферной зоне») между Западом и Востоком, Европой и Азией. Однако они после распада СССР стали частью структур безопасности Европы, войдя в ОБСЕ и программы НАТО (СЕАП, «Партнерство ради мира»).

Эти страны долгое время воспринимались не в контексте интеграции и распространения европейских ценностей и институтов, а с точки зрения необходимости стабилизировать ситуацию в них для обеспечения безопасности Европы и более эффективного экономического сотрудничества. Однако с конца 1990-х гг. начался процесс дифференциации данной зоны на две: Южный Кавказ и Центральную Азию. В 1996 г. Армения первой из государств Южного Кавказа получила статус особо приглашенного в ПАСЕ. В начале 1999 г. Грузия была принята в Совет Европы. Программа «соседства» первоначально не распространялась на Южный Кавказ, так как его «европейская природа» еще не признавалась. Однако под влиянием «цветной революции» в Грузии в июне 2004 года государства Южного Кавказа были включены в программу «Расширенная Европа – новое соседство»³²⁴.

Следовательно, теперь страны Южного Кавказа получили признание их «европейской природы». *Это стало естественным следствием процесса непрерывной экспансии единой Европы на Восток.* Одновременно это событие означало окончательную диверсификацию подходов Европейского Союза к Закавказью и Центральной Азии³²⁵. Теперь роль «моста» или даже «буферной зоны»

322 Дословно это означает «то, что достигнуто в рамках ЕС». Это понятие впервые появилось в проекте Договора о Европейском Союзе (Договор о ЕС), принятого Европейским Парламентом 14 февраля 1984 г. В настоящее время оно превращается в часть правовой системы ряда стран СНГ – «соседей» Европы. См. преамбулу Указа Президента Украины от 14 сентября 2000 г. N 1072/2000 «Программа интеграции Украины в Европейский Союз», где указано: «пути и темпы реализации отдельных приоритетов и Программы в целом будут определяться прогрессом в проведении экономических реформ, что является главным условием успешной адаптации Украиной в достаточных объемах правовых и нормативных стандартов ЕС — *Acquis communautaire*».

323 См. *Болгова И.В.* Политика Европейского Союза в Закавказье и Центральной Азии: 1993—2004. дис. канд. полит. наук: 2005/ МГИМО. М., 2005.

324 См, например дискуссии о принятии Южного Кавказа в программу: Arguments Elaborated by the Embassy of Georgia in Benelux countries, Mission to the European Communities for the necessity of Participation of Georgia in the EU "Neighbourhood Initiative" (Wider Europe – Neighbourhood: a new Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours) // www.scpb.org/files/eu/embassy_georgia.pdf; European Commission, Communication "European Neighbourhood Policy. Strategy Paper", COM(2004) 373 final, Brussels. 12.5.2004; 2590th General Affairs Council meeting, Luxembourg, 14 June 2004 // http://ue.eu.int/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/en/gena/80951.pdf.

325 *Болгова И.В.* Политика Европейского Союза в Закавказье и Центральной Азии: 1993—2004. дис. канд. полит. наук: 2005/ МГИМО. М., 2005.

между Западом и Востоком, Азией и Европой осталась только Центральной Азии. В частности, во введении к европейской стратегии по отношению к этому региону отмечается: «Центральная Азия обладает многовековыми традициями объединения Европы и Азии. Данный регион расположен на стратегически важном пересечении двух континентов».³²⁶

В настоящее время Казахстан также ведет борьбу за признание его частью Европы. В частности, это проявилось в попытках добиться членства в Совете Европы³²⁷ и в получении Казахстаном (первым из бывших республик СССР) статуса председателя в ОБСЕ в 2010 г. Сказалось это обстоятельство и на политическом дискурсе в Казахстане. В частности, вновь, как в советское время, стало употребляться словосочетание «Казахстан и Центральная Азия», а некоторые казахстанские депутаты даже предлагали закрепить европейский статус переименованием страны из Казахстана в «Казахию».

После 2004 г. Центральная Азия стала восприниматься как последняя, четвертая зона европеизации постсоциалистических стран Европы. В частности, это показывает политика Казахстана. Однако «европейская природа» региона пока не признается и программа «соседства» на него не распространяется. По отношению к центральноазиатским странам употребляется термин «соседи соседей» Европы. Тем не менее, ЕС в своей центральноазиатской политике начинает выходить за пределы традиционной парадигмы помощи в стабилизации ситуации, прежде всего, с целью развития экономических отношений, которая проявлялась в соглашениях о партнерстве и сотрудничестве. Все большую роль в политике ЕС в регионе начинают играть политические соображения и стремление связать расширение помощи и экономического партнерства с распространением отдельных принципов «*acquis communautaire*». В частности, только в октябре 2007 г. ЕС, наконец, принял по Центральной Азии чисто *политическую* стратегию³²⁸, отдельную от программы экономической помощи на 2007 – 2013 гг.³²⁹ (ранее подобная программа и считалась «стратегией»³³⁰).

На протяжении 1991 – 2008 гг. происходил также и рост интеграции единой Европы «вглубь». На национальном уровне происходил рост согласованности внешних и оборонных политик отдельных стран. На уровне ЕС шло расширение чисто политической, отличной от экономической, проблематики, развитие механизмов Общей внешней политики и политики безопасности и, наконец, сдвиг центра принятия ключевых решений от Европейской Комиссии (технико-исполнительного органа, решающего экономические вопросы) к Совету Европейского Союза (политическому органу, координирующему национальные политики). Все это прямо сказалось на эволюции политики ЕС по отношению к Центральной Азии.

По мере роста степени интегрированности политики единой Европы шел постепенный переход от использования в Центральной Азии преиму-

326 Совет Европейского союза. Генеральный секретариат. Европейский союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства. Октябрь 2007. С. 5.

327 Как мы помним, в случае и с Южным Кавказом и, до этого, с европейскими членами СНГ это – первый шаг в признании «европейской природы» страны.

328 Совет Европейского союза. Генеральный секретариат. Европейский союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства. Октябрь 2007.

329 European Community Regional Strategy Paper for Assistance to Central Asia for the period 2007-2013. June, 2007.

330 Strategy Paper 2002—2006 & Indicative Programme 2002—2004 for Central Asia. 30 October 2002.

щественно экономических инструментов к закреплению роли политической составляющей.

На протяжении 1990-х гг. ЕС в отношениях с Центральной Азией использовал инструменты, сконцентрированные в руках Европейской Комиссии. Та воспринимала ситуацию, прежде всего, с точки зрения экономических интересов Европы. Поэтому на первый план вышли проекты энергетического и транспортного сотрудничества, а Центральная Азия и Южный Кавказ виделись как часть единого Каспийского региона. Последний воспринимался как «мост» между Востоком и Западом, но не часть Европы. Главными механизмами европейской политики в регионе стали программы ТАСИС, ТРАСЕКА, ИНОГЕИТ, ключевую роль в которых играла транспортно-энергетическая составляющая.

Развитие с начала 2000-х гг. механизмов Общей внешней политики и политики безопасности привело к эволюции центра принятия политических решений по региону от Европейской Комиссии к Совету ЕС. Рост политического компонента привел к изменению системы приоритетов единой Европы. Южный Кавказ стал занимать в ней гораздо более высокое место, чем Центральная Азия. За ним была признана европейская природа, и он был включен в 2004 г. в программу «Расширенная Европа – новое соседство», став объектом комплексной интеграционной политики «европеизации». По отношению к Центральной Азии также стал выделяться собственно политический компонент, что и сказалось в принятии Советом ЕС политической стратегии по отношению к региону в 2007 г. *Важнейшей причиной роста политического интереса к Центральной Азии стало активное вовлечение европейских членов НАТО в борьбу с терроризмом в Афганистане, связанное с американской стратегией постепенного перекалывания ответственности за этот регион на Европу, и вызванная этим необходимость поддерживать тыловые базы в центральноазиатских странах.*

Можно отметить, что рост интегрированности внешней политики ЕС по отношению к Центральной Азии был органически связан с двумя уже неоднократно упомянутыми выше в контексте политики США различными проектами «геополитического переустройства» региона. Приоритетный интерес ЕС к энерготранспортным проектам в 1990-е гг. был частью поддержанного США проекта «альтернативной транспортировки» ресурсов и связанного с ним процесса «альтернативной интеграции» постсоветского пространства (ГУУАМ). В то же время, рост политической заинтересованности ЕС в Центральной Азии органически ложится в контекст современной американской стратегии свертывания своего вовлечения в центральноазиатские дела и постепенной передачи ответственности за регион Европе.

Традиционная слабая интегрированность внешней политики ЕС была одной из причин того, что европейские страны на протяжении рассматриваемого периода всегда шли в русле политики и проектов, поддерживаемых США. Рост интегрированности европейской внешней и оборонной политики может со временем ослабить американское лидерство. Тем не менее, Европа вряд ли в обозримой перспективе пойдет на отказ от давно сложившегося и во многом удобного для нее разделения труда, отраженного в известной метафоре: «Американцы готовят, а европейцы моют посуду». Это разделение труда проявляется, прежде всего, по линии «жесткая сила» США (приоритет военных

инструментов и силового решения вопросов) и «мягкая сила» ЕС (преимущественное использование экономической и гуманитарной помощи как инструмента влияния).

В целом, политика ЕС в Центральной Азии на протяжении 1991–2007 г. отличалась очень высокой степенью неопределенности и слабой самостоятельностью по отношению к другим внешним игрокам.

Неопределенность проявлялась в слабой дифференцированности европейской политики по отношению к отдельным группам стран. Первоначально (а до определенной степени эта тенденция сохраняется и до сих пор) Центральная Азия вообще воспринималась как некая анонимная часть «постсоветского пространства», где важнейшим приоритетом являются отношения Европы с Россией. Затем, по мере роста энерготранспортных интересов, она стала трактоваться как часть единого региона с Южным Кавказом (регион Каспийского моря). Лишь после 2004 – 2007 гг. этот регион стал отдельным объектом политики ЕС. Однако и в этой политике сохраняется существенная неопределенность. Например, непонятно, до какой степени Центральная Азия как «сосед соседей» выступает объектом интеграционной политики ЕС?

Слабая самостоятельность политики единой Европы проявилась в следовании в общем русле центральноазиатской политики США со всеми ее непоследовательностями и противоречиями. Кроме того, важным ограничителем европейской (особенно немецкой) политики в регионе была ее иерархическая соподчиненность отношениям с Россией.

Б. Интересы единой Европы в Центральной Азии

В отличие от США ЕС расположен территориально близко к Центральной Азии. Поэтому он имеет набор достаточно специфических интересов в области торгово-экономического, транспортно-энергетического сотрудничества, а также – в сфере обеспечения безопасности.

В случае с Европой принципиально невозможно противопоставление перечисленных выше материальных интересов и интересов, которые имеют «идеально-нормативный характер». В этом плане политика Европейского Союза и его стран в регионе намного более идеалистична, чем даже, например, американская (т.е. в дилемме «интересы-ценности» ЕС больше склонен выбирать полюс «ценностей»).

ЕС рассматривает продвижение либерально-демократических ценностей как императив своей внешней политики. Это особо подчеркивается во всех документах по отношению к Центральной Азии. Даже в текстах, где преобладает чисто экономическая тематика и проблемы оказания помощи (например, соглашения о партнерстве и сотрудничестве), обязательно вставляются пункты, связанные с демократизацией, защитой прав человека, созданием правовых государств и построением рыночной экономики.

У этого есть определенное основание, связанное с высокой ролью экономических интересов ЕС в регионе, что постоянно отмечают европейские эксперты и чиновники³³¹. Эффективное экономическое сотрудничество возможно только со странами, имеющими сходные типы институтов. Иначе, например,

331 Очень существенно, что ни в Центральной Азии, ни в России эту аргументацию обычно не понимают и не принимают.

в случае авторитарных режимов, создается очень высокая неопределенность с европейскими инвестициями. Иностранцы легко могут потерять свою собственность по политическим причинам. Высокая нестабильность, характерная для авторитарных и особенно персоналистских и неопатримониальных режимов, также делает их плохими партнерами для экономических соглашений. Слишком высока вероятность, что из-за смены диктатора или персонального состава группировки вокруг него соглашения не будут выполнены.

Другим важным интересом «идеального» характера является *максимальное способствование интеграционным процессам во всех направлениях*. По отношению к постепенно расширяющейся интеграции внутри самой Европы это было описано выше. Однако ЕС постоянно пытается создать стимулы и для интеграционных процессов внутри Центральной Азии, а также между центральноазиатскими странами и их соседями. С целью расширения трансграничного сотрудничества использовался механизм двухсторонних соглашений о партнерстве и сотрудничестве. Определенная доля средств во всех программах помощи ЕС (например в ТАСИС) также шла на развитие регионального сотрудничества и решение трансграничных проблем. Наконец, большие средства, потраченные ЕС в рамках развития транспортной инфраструктуры (программы ИНОГЕЙТ и особенно ТРАСЕКА), были предназначены для того, чтобы связать Центральную Азию не только с Европой, но и с государствами Южного Кавказа, АТР, Ближнего Востока, Южной Азии и т.д.

Эта политика также имеет прагматический смысл. Ее цель – сформировать атмосферу мира и взаимного доверия на границах и в окружении Европы. Последнее способствовало бы безопасности Европы, а также – стабильному развитию и росту экономических связей окружающих ЕС стран с государствами Европейского Союза.

Переходя к анализу более «материальных» интересов, следует отметить, что в случае с Центральной Азией наиболее очевидным оказывается разрыв между гигантским экономическим потенциалом единой Европы и ее довольно скромной внешней политикой, что хорошо метафорически описано в известной фразе «экономический гигант и политический карлик».

ЕС, в целом, является крупнейшим торговым партнером Центральной Азии, а также – важнейшим источником экономической помощи и инвестиций. При этом он постепенно теснит других игроков, таких как Россия, Турция или Иран. Лишь Китай на протяжении 1991 – 2008 гг. наращивал свою долю в торговле региона сопоставимыми темпами.

Самым крупным торговым партнером ЕС в регионе является Казахстан. В 2005 г. объем взаимной торговли достиг 10 млрд евро (это больше, чем торговля ЕС со всеми остальными странами Центральной Азии и Южного Кавказа, взятыми вместе). При этом нефть составляет 85,4 % казахстанского экспорта в Европу. Из готовых продуктов важной статьёй казахстанской торговли является стальной прокат.

Второй по значимости торговым партнером ЕС в Центральной Азии – Узбекистан. В 2004 г. ЕС импортировал из этой страны товаров на 605 млн евро (большую их часть составляли драгоценные камни, металлы и продукция сельского хозяйства), а экспортировал в нее – на 464 млн евро. В 2005 г. ЕС был крупнейшим источником импорта в Туркменистан (451 млн евро). По объему

туркменского экспорта ЕС также окажется лидером, если учесть то обстоятельство, что Россия замещает туркменским газом на своем внутреннем рынке и на рынке Украины тот газ, который она поставляет в Европу (т.е. косвенно его реэкспортирует). В 2004 г. ЕС импортировал киргизских товаров на 25 млн евро, а экспортировал в эту горную страну на 95 млн евро. В том же году объем торговли ЕС с Таджикистаном составил: 198 млн евро импорт (прежде всего, алюминий и хлопок), 69 млн евро – экспорт.

В целом, ЕС был важнейшим источником поставок в Центральную Азию различного рода машин и оборудования. В свою очередь, он был покупателем львиной доли центральноазиатского сырья (доля ЕС еще больше возрастает, если учесть, что товары, формально проданные из Центральной Азии в Россию, а также ряд других стран – Швейцарию, Украину, Белоруссию, потом часто реэкспортируются в ЕС).

Высокое и непрерывно растущее экономическое влияние Европы в Центральной Азии имеет глубокую историческую обусловленность, связанную с особенностями экономики Российской империи и СССР. Вестернизаторский характер Российской империи воплотился в том, что ее экономика была построена по принципу движения сырьевых товаров с Востока и Юга на Запад и их постепенной переработки. При этом конечные фазы этой переработки, а также источники технологических инноваций оказывались уже за пределами самой империи, в Западной Европе. В этом плане Российская империя была во многом если не сырьевым, то «промышленно-полуфабрикатным» «придатком» Запада³³². Еще больше эта тенденция укрепилась в советской экономике. Она была воплощена, например, в системе транспортных артерий, особенно железных дорог, нефте- и газопроводов. В связи с этим высокую роль России, Украины, Белоруссии и даже Турции в торговле с Центральной Азией можно рассматривать в комплексе экономических связей этих стран с ЕС. В этой ситуации они окажутся прямыми (как в случае перепродажи туркменского газа) или косвенными посредниками западноевропейских торгово-инновационных центров³³³.

Особый интерес для ЕС представляют энергетические ресурсы Центральной Азии³³⁴, а также — создание нового канала транспортного сообщения между Европой и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, который дополнил бы возможности российской Транссибирской магистрали на севере и стал бы работоспособной альтернативой морскому пути через Суэцкий канал и по Индийскому океану.

Этот комплекс интересов вызвал к жизни целую совокупность проектов транспортного и энерготранспортного характера.

В рамках общей программы содействия государствам СНГ ТАСИС ЕС

332 Например, еще до промышленной революции в Англии уральские заводы были крупнейшим источником поставок туда металла, который превращался в конечный товар, точно так же, как это имеет место в отношении поставок металлопроката из России в ЕС теперь.

333 См. подробнее: Ворота в глобальную экономику. Под ред. Андерссон О., Андерссон Д. М., 2001; *Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С.* Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей// Полис. 2007. № 2.; *Сергеев В.М., Казанцев А.А.* Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот»// Полис. 2007. № 2.; *Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Алексеенкова Е.С., Казанцев А.А.* Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей// Полис. 2007. № 2.; *Сергеев В.М. и др.* «Хора» московских «ворот» и сценарии ее развития// Полис. 2007. № 2.

334 Совет Европейского союза. Генеральный секретариат. Европейский союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства. Октябрь 2007. С. 6.

начал разрабатывать проект ИНОГЕЙТ (Interstate Oil and Gas Transport to Europe) с 1993 г. Проект стал реализовываться с конца 1995 — начала 1996 г. На первых заседаниях по программе в Брюсселе были определены направления ее реализации. К их числу был отнесен поиск альтернативных российским маршрутам возможностей транспортировки углеводородов из Центральной Азии и Каспийского региона на европейские рынки³³⁵. Участниками программы с 1996 г. стали все пять центральноазиатских государств.

В официальных документах по программе ИНОГЕЙТ не прослеживается цель продвижения политического влияния ЕС в зоне реализации программы³³⁶. Тем не менее, такая цель указывается как одна из базовых в аналитическом отчете по программе³³⁷.

В соответствии с интересом к диверсификации источников поставок энергетического сырья и поиску новых маршрутов в обход России как ЕС в целом, так и его отдельные государства поддерживали реализованные проекты нефтепроводов Баку—Тбилиси—Джейхан и Баку—Супса, реализуемый проект газопровода «Набукко» и потенциально возможные проекты транскаспийского нефтепровода и газопровода.

Тем не менее, кратчайший маршрут доставки центральноазиатского сырья через Иран и Турцию был заблокирован в соответствии с позицией США. Другой, успешно функционирующий маршрут через Россию до сих пор является основным для доставки центральноазиатских углеводородов. *В этом плане проекты энерготранспортной диверсификации ЕС в Центральной Азии до сих пор далеки от реализации.*

Грандиозным транспортным проектом, инициированным ЕС, является ТРАСЕКА — «Великий шелковый путь»³³⁸. Идея разработки этого трансконтинентального проекта, по словам Э. Шеварднадзе, была высказана им еще в бытность его министром иностранных дел СССР на международной конференции во Владивостоке, а затем, в июне 1993 года, обсуждена с руководителями Казахстана и Китая.

Однако ключевой оказалась позиция ЕС. В мае 1993 года государства Европейского союза подписали Брюссельскую декларацию о разработке транспортного коридора «Европа—Кавказ—Азия» ((TRANsport Corridor Europe — Caucasus — Asia, сокращенно, ТРАСЕКА). С самого начала в формулировке программы фигурировала политическая, а не экономическая цель: «поддержание политической и экономической независимости ННГ путем обеспечения возможности доступа на европейские и мировые рынки через новые транспортные маршруты». В этом плане, в Центральной Азии программа была направлена, прежде всего, против России и Ирана.

Для проведения организационных и исследовательских работ по 23 проектам, условно разделенным на четыре сектора — торговый, морской, железнодорожный и автодорожный, — ЕС выделил тогда же свыше 30 млн экю. Позднее возник дополнительный проект «Виртуальный шелковый путь».

³³⁵ См. // www.inogate.org

³³⁶ Болгова И.В. Политика Европейского Союза в Закавказье и Центральной Азии: 1993—2004. дис. канд. полит. наук: 2005 / МГИМО. М., 2005.

³³⁷ Evaluation of TACIS inter-State Energy and INOGATE Programmes and Related Actions Implemented in the Framework of National Programmes. September 2000.

³³⁸ См. // www.traseca-org.org; Гегешидзе А. Еще раз о «Великом шелковом пути» // Центральная Азия и Кавказ. 1999. №4; Чернявский С. «Великий Шелковый путь» и интересы России // МЭИМО. 1999. №6. С.96.

При подписании Брюссельской декларации было заявлено о необходимости разработки нескольких альтернативных маршрутов с тем, чтобы существовала возможность выбора наиболее выгодных из них в зависимости от видов товаров и услуг. Первоначально речь шла о соединении транспортных магистралей республик Центральной Азии, Кавказа и стран ЕС. Вскоре, однако, о своем участии в предложенном проекте заявили балканско-черноморские страны, Турция, многие исламские государства, Китай и Япония. Средства для финансирования проекта выделялись такими международными финансовыми институтами, как Европейский банк реконструкции и развития, Всемирный банк, МВФ, Азиатский банк развития, Кувейтский фонд, Исламский банк развития. Соединение центральноазиатских и китайских железнодорожных путей открывает особо привлекательные возможности для развития комбинированных перевозок, связывающих бассейны Тихого и Атлантического океанов.

Этапным для программы стала прошедшая в сентябре 1998 г. в Баку международная конференция «Возрождение Великого шелкового пути Европа – Кавказ – Азия». Главным итогом встречи стало подписание Бакинской декларации³³⁹, в которой стороны подчеркнули значение транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия в контексте международного сотрудничества с целью развития стран региона, а также для «поддержания мира, стабильности и безопасности и для урегулирования региональных конфликтов».

Важным шагом в реализации проекта ТРАСЕКА стала конференция Межправительственной комиссии по проекту, прошедшая в Тбилиси в марте 2000 г.³⁴⁰ Вторая конференция Межправительственной комиссии ТРАСЕКА состоялась в апреле 2002 г. в столице Узбекистана. В заключение на конференции была принята Ташкентская Декларация. В ней стороны отметили, что проект ТРАСЕКА по созданию транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия, основы которого были заложены в Брюсселе в 1993 г., имеет важное значение для развития процесса интеграции восьми независимых государств и Европейского Союза³⁴¹.

Между тем в реализации программы ТРАСЕКА есть свое существенное «узкое место». Это – Каспийское море. Паромная переправа через него очень удорожает товары. Поэтому без активного участия Ирана или России (а без этого нельзя обогнуть Каспийское море ни с юга, ни с севера) чисто экономические резоны для развития программы исчезают. Например, себестоимость перевозок по Транссибирской магистрали существенно ниже, чем по путям, предполагаемым в рамках проекта ТРАСЕКА. По проведенным МПС России в самом конце 1990-х гг. оценкам, тарифы на перевозку зерна, хлопка и контейнеров по российским железным дорогам в 1,7 раза, а нефти и цветных металлов в 1,2 раза ниже, чем по маршруту ТРАСЕКА. Сроки доставки грузов по территории России меньше в 1,8 раза³⁴².

Проводившиеся по заказу Европейской Комиссии независимые аналитические оценки программы давали неутешительные результаты. В эксперт-

339 Baku Declaration/ International Conference on the Restoration of the Historic Silk Route, Baku. 7—8 September 1998.

340 См. // www.igc-traceca.org

341 См. // www.traceca-org.org

342 Кочергин Г. Великий Шелковый путь и его обочины/ Г. Кочергин// Труд. 2000. 21 марта.

ном докладе 1998 г. подчеркивается, что проект разрабатывался в условиях спешки и «в атмосфере доминирования политических целей»³⁴³.

«Таким образом, изначально подтверждалась важность политической составляющей программы. При этом признавалась ведущая роль России в регионе, которая остается ведущим торговым партнером стран региона, а также особое влияние Турции и Ирана, которое зачастую недооценивается. Сообщалось, что Казахстан предпочитает использовать дороги, проходящие через территорию России, так как это дешевле, а в целом, за время существования программы, не произошло значительного увеличения грузопотоков по данному маршруту (за исключением узбекского хлопка). Самым слабым звеном проекта ТРАСЕКА остается паромное сообщение через Каспий... В этом контексте признавалась возможность и целесообразность использования маршрутов ТРАСЕКА в комплексе с маршрутами по линии «север – юг»»³⁴⁴.

В другом аналитическом докладе 2003 г. отмечалось, что ценность возможного присоединения Ирана состоит в открытии дорог по оси «север–юг», а не «восток – запад»³⁴⁵. Указывается также, что для большинства центральноазиатских государств ТРАСЕКА не является привлекательной в плане доступа на европейские рынки. В качестве отдельных примеров эффективности пути отмечались алюминиевая промышленность между Украиной и Таджикистаном и доставка гуманитарной помощи в Афганистан. В документе предлагался дифференцированный подход к различным группам государств. В частности, указывалось, что для Центральной Азии ТРАСЕКА маргинальна по сравнению с путями транспортировки через Россию и Иран.

Таким образом, с точки зрения ключевой политической цели (обход России и Ирана), проект ТРАСЕКА можно считать нереализованным и вообще изначально нереализуемым. ЕС и страны Центральной Азии вряд ли будут активизировать идею паромной переправы через Каспий в условиях, когда это существенно удорожает перевозки.

В силу территориальной близости и из-за усиления различного рода нетрадиционных угроз (терроризм, наркоторговля, транснациональная организованная преступность, нелегальная миграция, несостоявшиеся государства) роль Центральной Азии в обеспечении безопасности ЕС непрерывно возрастает на протяжении последних 10 лет. Многие из угроз, проистекающих с территории этого региона, упомянуты в качестве ключевых в «Европейской стратегии безопасности»³⁴⁶. Тем не менее, стоит отметить, что в отличие от Южного Кавказа Центральная Азия в этом документе не упомянута как сфера европейских интересов. Это тем более удивительно, что европейские страны все больше втягиваются в операцию в Афганистане в рамках ISAF³⁴⁷. Специфической тенденцией европейской политики, которая не вполне адекватна центральноазиатским условиям, представляется стремление в условиях

343 European Commission, Evaluation Unit. Evaluation of the Tacis Interstate TRACECA Programme. June 1998.

344 Болгова И.В. Политика Европейского Союза в Закавказье и Центральной Азии: 1993—2004. дис. канд. полит. наук: 2005 / МГИМО. М., 2005.

345 Evaluation of TACIS Regional TRACECA Programme, Final report. July 2003.

346 Солана Х. «Безопасная Европа в мире, который должен стать лучше. Европейская стратегия безопасности»// <http://ue.eu.int/uedocs/cmsUpload/031208ESSIIRU.pdf>

347 В России существует точка зрения из области «теории заговоров», что США специально дестабилизируют Центральную Азию, а затем передают ее на «поруки» Европы, чтобы создать своему экономическому конкуренту максимальные затруднения. Однако «теории заговоров» столь же увлекательны, сколь и недоказуемы.

дефицита реальной военной силы использовать для политической стабилизации «мягкую силу» (т.е. экономическую помощь и привлекательность европейского идеала).

Единая Европа, с учетом ее экономических возможностей и расположения по соседству с Центральной Азией, является одним из крупнейших и наиболее перспективных внешних игроков в регионе. Тем не менее, только к 2007 г. она сумела сформулировать единую политическую стратегию для этой части мира. Весь предшествующий период как ЕС в целом, так и его отдельные государства-члены, в политическом плане следовал (за исключением отдельных нюансов вроде более либерального отношения к Ирану) в общем русле политики США³⁴⁸. Кроме того, одним из ведущих стимулов деятельности европейских стран и ЕС в Центральной Азии долгое время было стремление избежать возникновения недовольства у России. Однако лишь после 2007 г. у единой Европы появляется возможность выйти из «политической тени» США и России. Насколько успешно это будет реализовано — покажет время.

Тем не менее, уже сейчас видно, что многие из европейских *целей* в Центральной Азии для местных политических элит просто непонятны. Не совсем адекватными представляются и *инструменты* европейской политики. Различие типов политической культуры европейских и центральноазиатских стран больше, чем разрыв между ними и США. Силовая политика Америки для политиков типа покойного Сапармурата Туркменбаши или здравствующего Ислама Каримова была не всегда приемлемой, но всегда понятной. В то же время, стремление Европы защищать свои интересы, преимущественно инструментами «мягкой силы», не слишком хорошо отвечает традициям региона.

Уважения, основанного на страхе перед военной силой, единая Европа, в отличие от США, Китая или России, у политических элит региона не вызывает³⁴⁹. Сумма помощи в 750 млн евро на период 2007 – 2013 гг. для 5 стран, согласно региональной стратегии поддержки Центральной Азии Европейским союзом, также представляется неадекватно малой, чтобы обеспечить существенное влияние³⁵⁰. Наконец, несмотря на попытки Европы дистанцироваться от США и позиционировать себя сильным игроком по отношению к России, она не воспринимается в регионе как независимая международная сила.

4. Израиль – центральноазиатский посредник Запада?

Израиль, при всей несомненной специфике еврейского государства, обычно воспринимается на Востоке как органическая часть Запада, иудео-христианского мира, его «форпост» на Ближнем Востоке и даже «еще один

348 В октябре 2006 года директор политического департамента МИД ФРГ Михаэль Шеффер в ходе своего турне по странам Центральной Азии заявил, что его целью является изменение мнения о ЕС как приспешнике США. Европа должна даже дистанцироваться от Соединенных Штатов настолько, насколько в этом будет нуждаться Центральная Азия. Правда, пока реального серьезного изменения политики в этом направлении не наблюдается.

349 По некоторым сообщениям у Сапармурата Туркменбаши заявление В. Путина после теракта в Беслане о том, что выборность глав областей и республик (имелась в виду, естественно, РФ) будет ликвидирована, вызвала приступ страха. Причем его окружению пришлось долго объяснять диктатору, что к нему это не относится.

350 Выступление киргизстанского эксперта А. Князева на семинаре фонда «Наследие Евразии», март 2008 г.

штат США» и т.д. Хотя все это, очевидно, является очень большим упрощением и преувеличением, для возникновения подобной точки зрения имелись определенные основания. Израиль является основным ближневосточным союзником США и таких активных членов НАТО, как, например, Турция. В этом плане Израиль как центральноазиатского игрока вполне можно отнести к западной коалиции.

Тем не менее, этот игрок, по сравнению с другими членами западной коалиции, обладает целым рядом весьма специфических ресурсов.

А. Территориальное расположение в «сердце» исламского мира и большой опыт общения со странами Востока

Израиль, в отличие от США и Европы, расположен *внутри* исламского мира. Это – одна из самых экономически развитых стран региона Ближнего, Среднего Востока и Центральной Азии. Его хозяйство имеет самый наукоемкий и инновационный характер в этой части мира. По размеру ВВП (132,5 млрд долл. в 2007 г.) он занимает 4-е место в регионе (после Турции, Саудовской Аравии и Ирана). Израильская армия также по совокупности количественных и качественных показателей является самой сильной в данной части мира (возможно, правда, сопоставимой по силе с турецкой). Сила израильской экономики и обладание целым рядом хорошо адаптированных для аридного региона технологий в области, например, сельского хозяйства или медицины делает эту страну притягательным партнером для бывших советских республик Средней Азии и Казахстана. Наконец, важным обстоятельством является то, в отличие, скажем, от немцев, что израильтяне за последние полвека накопили очень большой опыт эффективной работы в специфических условиях стран Востока. Причем необходимость адаптации к враждебному Израилю исламскому миру только способствовала развитию различных эффективных внешнеполитических технологий.

Б. Опора на диаспоральные сети

Израиль имеет возможность в проведении своей политики опираться на еврейские диаспоры, живущие во всех странах мира. На этот объективный фактор нанизывается фактор субъективный. Центральноазиатские элиты (частично под влиянием «антисионистской» пропаганды советских времен) сильно преувеличивают роль еврейского лобби в Америке и в Западном мире в целом, что вообще характерно не только для постсоветского пространства, но и для исламского мира. Это восприятие Израиля как страны, «которая может добиться от США любого нужного ей решения», сильно увеличивает вес еврейского государства в глазах руководителей ННГ Центральной Азии.

Например, Ислам Каримов (по некоторым данным, при помощи бухарских евреев, тесно исторически связанных с его собственным самаркандским кланом) неоднократно пытался получить израильское посредничество в деле улучшения отношений Узбекистана и США. Связи между Узбекистаном и живущими по всему миру бухарскими евреями продолжают сохраняться и развиваться. Так, в 2008 г. Узбекистан посетила делегация Всемирного конгресса

са бухарских евреев, в состав которой входили многие известные в Израиле и мире бизнесмены³⁵¹.

Еврейское лобби в Америке также предпринимало усилия с целью гармонизации политики США и Израиля в Центральной Азии. В частности, оно поддерживало проведение через Конгресс различных программ, предусматривавших трехстороннее сотрудничество в Центральной Азии с участием США и Израиля. В рамках такого рода программ Израиль часто выступал посредником, обеспечивавшим эффективное использование американских средств.

Важным ресурсом Израиля являются также эмигранты из бывшего Советского Союза, в том числе его центральноазиатской части, которые хорошо знают регион, его культурные особенности, владеют русским или даже местными языками.

Израильские бизнесмены успешно реализуют целый ряд коммерческих проектов. Известный израильский миллиардер Шауль Айзенберг сделал крупный вклад в реконструкцию Карагандинского металлургического комбината. Некоторые еврейские бизнесмены (например руководитель компании «Мерхав» Й. Майман) также эффективно служили посредниками между Западом и Сапармуратом Туркменбаши. Последний был сам женат на еврейке. Его личными средствами распорядился еврей А. Жадан, который был вообще одним из немногих людей, кому доверял туркменский диктатор³⁵².

Оборотной стороной специфических ресурсов Израиля являются и его специфические минусы в качестве центральноазиатского игрока. Во-первых, в массовом сознании жителей исламского мира еврейское государство имеет имидж «главного врага» мусульман. Для стран, большинство населения которых составляют люди, идентифицирующие себя с исламской традицией, это – серьезный недостаток. Во-вторых, ресурсы Израиля все же достаточно малы для того, чтобы играть существенную роль в структуре международных взаимодействий в Центральной Азии. Скажем, объемы взаимной торговли достаточно невелики. К тому же Израиль слишком занят проблемами Ближнего Востока. Все это мешает тому, чтобы Израиль стал ключевым игроком в Центральноазиатском регионе³⁵³.

Отношения Израиля с ННГ Центральной Азии развивались достаточно динамично с самого начала 1990-х гг. Он одним из первых признал независимость государств региона. В 1992 г. Израиль посетил премьер Казахстана Терещенко, в 1993 г. — Аскар Акаев. Причем это был второй президент страны с мусульманским населением, нанесший визит в Израиль, после президента Египта А. Садата. В 1995 г. Израиль посетили президент Туркменистана Сапармурад Ниязов и президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Мы уже отмечали, что президент Узбекистана Ислам Каримов пытался использовать Израиль как посредника в отношениях с США, особенно после кризиса, возникшего в двухсторонних отношениях в 1993 г.³⁵⁴. В свою очередь, Казахстан

351 Делегация Всемирного конгресса бухарских евреев посетит Узбекистан// <http://eastime.ru/news/1/1/504.html>

352 А. Жадан был управляющим делами еще в ЦК КПТ. А доверие к нему Ниязова, по некоторым данным, проистекает из того, что будущий первый президент Туркменистана помог А. Жадану в ситуации со странным исчезновением партийных денег.

353 Обычно его причисляют к игрокам «второй линии» — *Blank St.* Energy, Economics and Security in Central Asia. Russia and its rivals// Central Asia Survey. vol. 14. 1995. № 3. P. 373.

354 Известия. 5 июля 1994 г.

предлагал Израилю свое посредничество в переговорах с арабскими странами (1995 г.).

В начале 1990-х гг. Израиль ставил в данном регионе следующие задачи.

1. Найти новых союзников в исламском мире, расколов уже и так слабый единый антиизраильский фронт.
2. Наладить экономическое сотрудничество, что имеет большие перспективы в силу хозяйственной взаимодополнительности. Израиль чрезвычайно беден сырьем, а Центральная Азия им богата. Напротив, Израиль имеет развитую промышленность и достаточно интенсивное сельское хозяйство.
3. Израиль не заинтересован в доминировании ни одной из стран в Центральноазиатском регионе. Наиболее выгодно для него соревнование различных сил. Особенно, если оно отвлечет внимание исламских стран, например Ирана или арабских государств, от борьбы против Израиля. Не в интересах Израиля и региональное доминирование Москвы, так как она пытается сотрудничать с противниками еврейского государства.

К середине 1990-х гг. на первый план в центральноазиатской политике Израиля выдвинулась идея «Большого Ближнего Востока»³⁵⁵. Она уже была описана нами выше. Суть ее состояла в том, чтобы путем манипуляций с региональной идентичностью «растворить» враждебные еврейскому государству исламские арабские страны в дружественных ему мусульманских ННГ. Кроме того, при утверждении такого понимания пространственного положения Центральной Азии, Израиль мог рассчитывать на роль *главного посредника Запада в этом регионе*. В результате, все специфические ресурсы Израиля умножились бы многократно и превратили бы его в ключевого центральноазиатского игрока.

К концу 1990-х гг., и особенно после 11 сентября 2001 г., проект «Большого Ближнего Востока» был постепенно забыт, так как цели «войны с терроризмом» выдвинули на первый план идею «Большой Центральной Азии». Однако интересам Израиля в наибольшей мере соответствовал совершенный администрацией Дж. Буша-младшего сдвиг фокуса «войны с терроризмом» с Афганистана на Ирак и, потенциально, даже на Иран. В связи с этим Центральная Азия стала постепенно уходить из сферы существенных внешнеполитических интересов Израиля.

После фактического краха идеи включения ННГ в «Большой Ближний Восток» Израиль вряд ли может рассчитывать на то, чтобы играть роль привилегированного игрока, посредничающего между Западом и Центральной Азией. Тем не менее, его возможности в регионе по-прежнему достаточно велики. Израиль – одна из немногих развитых стран на Востоке, следовательно, он всегда будет желанным экономическим партнером для рассматриваемого региона. Центральноазиатские государства в обозримом времени не присоединятся к стану его противников. Опыт работы в странах «третьего мира», накопленный израильтянами, наряду с возможностью активного использования диаспоральных сетей также является долгосрочным преимуществом этой страны по сравнению с другими игроками Запада.

355 Lewis B. Rethinking the Middle East// Foreign Affairs. Fall 1992. P. 99—119.

Глава 3.

«ИСЛАМСКАЯ КОАЛИЦИЯ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОНА ВООБЩЕ?

Два мусульманина легко могут создать три исламские партии.

Таджикско-северокавказский анекдот

1. Центральноазиатские политики государств исламской исторической традиции: общность и конфликт

До какой степени страны исламской исторической традиции, действующие в Центральной Азии, можно рассматривать как коалицию? Есть ли у них вообще какие-либо пункты схождения интересов? Представляется, что таких моментов три.

А. Все страны исламской исторической традиции в отношениях с центральноазиатским регионом используют, в той или иной мере, общую исламскую идентичность. Следовательно, все они заинтересованы в том, чтобы эта идентичность в центральноазиатских странах максимально развивалась. В этом плане они не заинтересованы ни в слишком быстрой вестернизации или «азиатизации» региона, ни в сохранении в нем российско-советского наследия. Поскольку активные связи с Центральной Азией всех стран данной группы приходится на досоветский и дороссийский периоды, то «возврат» к культуре и социальным и политическим институтам того времени (разумеется, на новой основе) максимально ими приветствуется.

Однако в случае с исламским миром нет правил без исключений. Турция в 1991 – 2008 гг. как *государство* практически не использует в Центральной Азии свою исламскую идентичность (за исключением коротких периодов, когда у власти находятся

умеренные исламисты). Наоборот, Турецкая республика позиционирует себя как *активного борца с исламским путем развития*. Правда, следует отметить, что, по наблюдениям автора этой работы, турки (например турецкие бизнесмены) иногда все-таки используют ислам в качестве общей с представителями коренных центральноазиатских стран идентичности. В этом плане можно говорить, что фактор ислама в Центральной Азии не используется Турцией-государством, но используется Турцией-страной.

Тем не менее, реактивируемые Турецкой республикой пантюркистские идеи также, как и исламская идентичность, опираются на культуру дороссийского и досоветского периодов. Правда, они восходят к архаическим, доисламским временам (хорошим примером подобного рода актуализации доисламских тюркских мифов является «Рухнама» Туркменбаши).

Как мы отмечали в случае Турции, на «низовом» уровне использование представителями стран мусульманской традиции исламской идентичности в Центральной Азии выше, чем на «верхнем». Это относится, практически, ко всем странам исламского мира. Общественное мнение в этом мире весьма скептически относится к собственным государствам как не могущим обеспечить единства исламской *уммы* (т.е. совокупности верующих) и не находящим эффективного «мусульманского ответа» на вызовы современности.

Более того, некоторые специалисты говорят даже о «полумесяце лояльности», существующем в исламском мире. Приверженность местным формам интеграции и идентификации (семья, род, племя, соседская община, регион) в мире ислама очень велики. Затем лояльность резко падает по отношению к национальным государствам и вновь существенно возрастает по отношению к умме. При этом исламский мир, до определенной степени, замещает в сознании многих мусульман человечество в целом (это основано на традиционном исламоцентризме)³⁵⁶.

Примерно сходные формы лояльности существуют и у мусульман Центральной Азии (по крайней мере там, где исламская традиция наиболее крепка). Они обеспечивают создание ощущения единства и взаимодействие «поверх» национальных государств. Примером подобной «интеграции снизу» является деятельность в регионе исламских неправительственных фондов (особенно арабских), которые чрезвычайно сильно способствовали «исламскому возрождению» в регионе. Местные правительства обвиняют их также в привнесении чуждых форм ислама, «салафизации», «ваххабизации» и поддержке религиозного экстремизма. В этом плане исламские фонды можно рассматривать как мощного самостоятельного игрока.

Зачастую они действительно связаны с различными экстремистскими сетевыми организациями как общемусульманского (Аль-Каида, Хизб-ут-Тахрир), так и регионального («Талибан», Исламское движение Узбекистана, Исламское движение Туркестана, чеченские и уйгурские сепаратисты) характера. Все мусульмане мира обязаны платить «закят» (милостыню). Эти деньги собираются в исламских фондах и превращаются в важный политический фактор внутри уммы.

Б. Все страны исламской исторической традиции (включая и Турцию) актив-

но используют в отношениях с центральноазиатскими государствами организации исламского мира как общемусульманского характера (ОИК, Исламский банк развития), так и регионального (ЭКО). У этого фактора есть определенная геополитическая подоплека. Исламские государства хотят, чтобы Центральная Азия как регион твердо определилась в качестве части исламского мира, а не восточноазиатского, западного или «пророссийского».

Правда, и внутри этого пункта единства больше исключений, чем правил. Так, внутри ОИК не удается наладить эффективного взаимодействия даже по наиболее ключевым вопросам общеисламской политики (например, арабо-израильскому конфликту или отношениям с Западом).

Исламский банк развития – это очень солидная организация. Однако он не играет настолько определяющей роли для экономик стран исламского мира, чтобы служить серьезным интеграционным фактором. В Центральной Азии наряду с различными национальными проектами ИБР поддерживал также и проекты альтернативной транспортировки, в частности, в рамках программы «Великий шелковый путь».

ЭКО была создана как региональная экономико-интеграционная структура в 1985 г. После распада СССР в нее вошли 5 центральноазиатских стран и Азербайджан. По сути, внутри ЭКО была сделана попытка воссоздать старое культурно-экономическое единство восточноисламского мира. Последний первоначально возник еще внутри Арабского халифата в качестве противопоставления персоязычного мира с арабским. Затем он расширился на тюркские народы и Индию. Тем не менее, внутри ЭКО, как показывает приведенная ниже таблица, существуют очень большие разрывы в уровнях и темпах экономического развития и хозяйственной мощи разных стран.

Таблица 12. РАЗМЕР НОМИНАЛЬНОГО ВВП И ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЭКО³⁵⁷

Место по объему ВВП	Страна	ВВП (в млрд долларов США по официальному обменному курсу), 2007 г., оценка	ВВП на душу населения (в долларах США по официальному обменному курсу), 2007 г., оценка
1	Турция	482	9 400
2	Иран	278.1	12 300
3	Пакистан	106.3	2 600
4	Казахстан	102.5	10 400
5	Азербайджан	31.07	9 000
6	Туркменистан	26.22	9 200
7	Узбекистан	20.18	2 200
8	Афганистан	9.933	1 000
9	Таджикистан	3.7	1 600
10	Киргизия	3.488	2 000

На объективные экономические различия, препятствующие интеграции, накладываются и политические разногласия. ЭКО имеет двух экономических лидеров – Турцию и Иран. У Турции самый большой объем ВВП, у Ирана

³⁵⁷ Источник// <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2004.html>

— самый большой ВВП на душу населения. Однако политически эти две страны находятся в очень плохих отношениях. С исторической точки зрения, они находятся в геополитической и идеологической вражде с XVI в. — эпохи противостояния шиитского Сефевидского Ирана и суннитской Оттоманской империи. В настоящее время на этот исторический контекст нанизываются разногласия, связанные с моделью развития (светская или исламская, прозападная или антизападная). Все попытки местных умеренных исламистов наладить сотрудничество с Ираном в Турции блокируют военные.

Вторая группа экономических лидеров — Пакистан и Казахстан. Эти страны слишком различны по своим политическим системам (исламское государство Пакистан и светское Казахстан) и культурам (индоисламская культура Пакистана и евразийская, кочевая, поверхностно-исламизированная Казахстана), а также — степени социально-экономического развития (в Казахстане ВВП на душу населения в 4 раза больше, чем в Пакистане, существенно выше и другие показатели, вроде образования или развития здравоохранения).

Третья группа стран по величине ВВП — три ННГ: Азербайджан, Туркменистан и Узбекистан. Здесь опять, как и в предыдущем случае, есть одна страна с низким доходом на душу населения, но большим населением (Узбекистан) и две страны с более высоким доходом на душу населения и маленьким населением (Азербайджан и Туркменистан). При этом между двумя последними странами существуют очень серьезные разногласия по поводу разграничения богатых углеводородами владений на Каспии.

Наконец, четвертая группа — Афганистан, Киргизия и Таджикистан — представляет настоящий экономический «пассив» организации. У этих стран маленький ВВП и малы доходы на душу населения.

Основной проблемой ЭКО является, в целом, аграрно-сырьевой характер экономик всех входящих в эту структуру стран (частичным исключением в настоящее время является лишь Турция). Такие экономики не создают большого стимула для интеграции за пределами естественной природной взаимодополнительности. Например, Пакистан, Турция и северная часть Ирана нуждаются в природном газе из Центральной Азии. Куда более интенсивные экономические связи складываются между странами ЭКО и промышленно развитыми странами — потребителями их сырья.

У стран ЭКО за пределами общего интереса в актуализации старой геополитической идентичности Центральной Азии как части восточноисламского мира также начинаются серьезные разногласия. Например, Иран заинтересован в реализации проекта «восточноиранского мира» как части восточноисламского. Турция — в проекте «тюркского мира». Пакистан — в проекте «Большой Центральной Азии».

В. Все страны исламской исторической традиции в качестве аспекта изменения геополитической ориентации Центральной Азии заинтересованы в том, чтобы маршруты транспортировки сырья из этого региона пошли по южному пути. В этом плане складывается естественный конфликт интересов с Россией (предпочтителен северный маршрут) и странами АТР, прежде всего, Китаем (предпочтителен восточный маршрут).

Однако и здесь начинается конфликт интересов. Пакистан заинтересован в юго-восточном направлении. Он желает выступать в качестве потребителя части сырья (прежде всего, туркменского газа). Далее он хотел бы выступать

транзитной страной, направляющей товарные потоки по Индийскому океану. Иран также нуждается в некотором количестве казахстанской нефти и туркменского газа для покрытия энергодефицита северной части страны. Остальное сырье он желал бы перепродавать на Запад – в Турцию и Европу. Турция наиболее заинтересована в центральноазиатском энергетическом сырье. Однако по политическим мотивам сотрудничество с Ираном в этом направлении блокировано. Желательным поэтому становится транскаспийский маршрут, в частности, в рамках программы ТРАСЕКА – «Великий шелковый путь».

Кроме перечисленных выше моментов разногласий, являющихся оборотными сторонами сходимости интересов, есть еще ряд ключевых конфликтных моментов.

Исламский мир расколот по проблеме отношения к США и арабо-израильской проблеме. Турция выступает в качестве союзника Запада и Израиля. Лояльно относятся и к Западу, и к Израилю центральноазиатские страны. Иран – противник США и Израиля. Многие арабские страны – противники Израиля, но нейтральны или даже союзники по отношению к США. Пакистан находится в промежуточном положении. С одной стороны, он, формально, союзник США сначала по «холодной войне», а затем – по антитеррористической коалиции. С другой стороны, он подвергался санкциям за создание ядерного оружия, а также многие исламские экстремистские организации (прежде всего, «Талибан») действуют на его территории.

Существуют также и очень серьезные исторически обусловленные разногласия по поводу понимания ислама между разными странами, порождающие конфликты всякий раз, как они пытаются использовать исламскую идентичность в отношениях друг с другом.

Исторический разрыв между арабским и тюркским, суннитско-ханбалитским и суннитско-ханифитским исламским миром приводит к конфликтам по поводу «арабского прозелитизма» и поддержки распространения «ваххабизма» на постсоветском пространстве. Турция и Иран, в целом, противостоят этой экспансии, наряду с самими центральноазиатскими режимами.

Исламизация Пакистана и поддержанный им процесс исламизации Афганистана в виде проекта «Талибана» носит принципиально отличный характер от иранского ислама. Шиитский Иран и его союзники внутри Афганистана был одним из противников талибов. Радикально пуштунский характер «Талибана», угнетение национальных меньшинств (узбеков, таджиков), а также его альянс с экстремистскими организациями постсоветского пространства (Исламское движение Узбекистана) привели к тому, что талибы и Пакистан стали восприниматься как главные противники в Центральной Азии.

Наконец, исламская идентичность для самой Центральной Азии не является чем-то самоочевидным. Кочевники-тюрки всегда были слабо исламизированы. Мощное воздействие проекта советской модернизации также привело к сильной деисламизации Центральной Азии. Причем здесь наблюдается диалектическое соотношение позитивных и негативных моментов.

Даже на уровне бытового общения люди, выросшие в рамках советской культуры, значительно отличаются от представителей Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии, не испытавших советского влияния. Через русскую и советскую культуру они оказались более открыты западным влияниям и, следовательно, процессы модернизации зашли намного дальше.

С другой стороны, представители многих центральноазиатских народов в силу деградации традиционной морали в советский период в большей степени склонны к пьянству, сквернословию, проституции, воровству и обману, чем жители Ближнего Востока и Турции. Достаточно существенное влияние на маргинализованные городские низы Средней Азии оказала русская «блатная» культура, что сказалось, например, в серьезной инкорпорации русского мата во все национальные языки. Зачастую представители коренных центральноазиатских народов вообще не кажутся арабам, иранцам или пакистанцам мусульманами.

Это, в свою очередь, снижает эффективность экономического и даже политического сотрудничества. Под влиянием советского наследия представители властей и бизнеса Центральной Азии часто не соблюдают своеобразной деловой этики, основанной на исламских ценностях, исторически выработавшейся и распространившейся в мусульманском мире. *Проще говоря, различие заключается в том, идут ли бизнесмены для решения деловых споров к криминальным или религиозным авторитетам, и опираются ли они при решении вопросов на «понятия» или на исламскую правовую традицию.* Попытки использовать в контактах с центральноазиатскими странами правила исламской деловой этики, основанные на представлении об общей мусульманской идентичности, часто приводят к неудаче.

В свою очередь, центральноазиатские элиты воспринимают своих южных соседей, скорее, как источник угрозы (экстремизм, терроризм, наркоторговля, общая нестабильность и конфликты), чем как набор позитивных возможностей сотрудничества. Это проявляется, например, в том, что «Исламская коалиция» не предложила Центральной Азии ни одной эффективной организации коллективной безопасности. За безопасностью страны региона обращаются к России (ОДКБ, ШОС), Китаю (ШОС), Западу (программы партнерства с НАТО).

В целом, страны исламской традиции в Центральной Азии в значительно большей степени решают разные собственные проблемы, чем пытаются эффективно взаимодействовать друг с другом. Арабские страны ищут новых исламских союзников в противостоянии или в поиске выгодного компромисса с Израилем. Пакистан пытается создать стратегическую опору в борьбе с Индией. Иран заинтересован в создании «восточноиранского мира», стабильности на границах, нейтрализации американского давления, региональном сотрудничестве. Турция пытается позиционировать себя как центр «тюркского мира» и образец прозападного пути развития. Все ключевые исламские страны и прежде всего Саудовская Аравия, имеют интересы, связанные с утверждением их роли как лидеров исламского мира.

Мир ислама слабо влияет на реально складывающиеся региональные структуры в Центральной Азии. Скорее, речь идет о слабо детализированных и заранее обреченных на провал и к тому же плохо связанных друг с другом «проектах». Поэтому опишем эти «проекты» в общих чертах. Только Турция в союзе с Западом несколько более эффективно пыталась выдвинуться на центральную роль в регионе в 1990-е гг. Иран, напротив, играл важную роль в регионе в качестве главного «противника» Запада (по крайней мере, в восприятии последнего). Поэтому центральноазиатская политика этих двух стран будет разобрана более подробно.

2. Турция – геополитические зигзаги?

А. Ататюркизм и «Тюркский проект»

«Тюрко-турецкий проект» для Центральной Азии не совсем понятен без учета контекста основных идей ататюркизма, который до сих пор является определяющей идеологией Турецкой республики. Мустафа Кемаль (Ататюрк) создал проект радикальной насильственной модернизации и европеизации Турции с опорой на военную силу. При этом Ататюрк был, особенно на первых этапах революции, союзником Советской России и часто использовал опыт большевиков³⁵⁸.

До сих пор воспитанная в идеях ататюркизма армия считается гарантом светского и прозападного пути развития Турецкой республики. Она вмешивается в политику в тех случаях, когда видит «сдвиг» в сторону от этого пути. А необходимость во вмешательстве возникает постоянно потому что исламская идентичность у турок сохраняется и в рамках демократической системы к власти периодически приходят партии, использующие исламистские лозунги. Неразрешимая дилемма: военная диктатура или исламское правление, характерная для современной Турции, была заложена еще в эпоху ататюркизма.

Тюрко-турецкая идентичность, являющаяся важнейшим аспектом кемализма, представляет собой результат сознательного конструирования в отчаянной ситуации, когда необходимо было спасти остатки Османской империи от окончательного распада и иностранной оккупации. До кемалистской революции у предков современных турок вообще не было общепринятого самоназвания. Высшие, прежде всего военно-служилые, слои общества называли себя «османлы», т. е. османы. Это название перешло и во все европейские языки. Городская и сельская верхушка обычно именовала себя мусульманами, подменяя этническое название религиозным. Этноним «тюрк», т. е. «турок», был самоназванием, распространенным только среди неграмотных крестьян. Во времена Османской империи у турок было три языка: арабский – язык религии; «османский» – язык официальных кругов и городских, образованных слоев (в нем преобладала арабская и персидская лексика в сочетании с тюркской грамматикой); тюрко-турецкий – язык народный, разговорный, преобладавший, прежде всего, в отсталой Анатолии³⁵⁹. Слово «турок» вообще имело для образованных слоев подтекст «неграмотная деревенщина».

Мустафа Кемаль оперся на идею «народности» («лаицизма») в борьбе за республиканскую форму правления со старыми исламскими политическими формами (султанатом и халифатом). Для того, чтобы провести успешную модернизацию нации ему было необходимо сконструировать какую-то историческую общность из сохранившего независимость обломка Османской империи. Именно в этом контексте он произнес, знаменитую фразу: «Какое счастье быть турком!»

Сам Мустафа Кемаль, уроженец Фессалоник на Балканах, вряд ли мог считаться этническим турком. Он сознательно строил гражданскую нацию по

358 Большевики также пытались использовать в Центральной Азии опыт некоторых младотурецких генералов, например, приехавшего в Советскую Россию в 1920 г. Энвер-паши.

359 *Еремеев Д.Е.* На стыке Азии и Европы (очерки о Турции и турках). М.: Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1980.

образцу французской, а не этно-нацию. То есть все жители Турции, вне зависимости от их этнического происхождения (тюрки, курды, балканские славяне-мусульмане, армяне, греки, евреи) или религии (мусульмане, христиане, иудеи), должны были считаться турками.

Однако новая «гражданская» турецкая идентичность была создана по образцу языка, этничности и культуры анатолийских сельских жителей-тюрок. Она насильственно распространялась на все другие группы населения. Следовательно, внутри ататюркизма имела место амбивалентность гражданско-го, турецкого компонента, и этнического, тюркского. Это и неудивительно, так как у самого Ататюрка турецкое вестернизаторство (гражданская идея) было проникнуто воинственным национализмом (этнонациональная идея).

На эту амбивалентность «наслоилась» другая. Турецкий язык вообще плохо различает понятия «турки» и «тюрки». И то, и другое звучит одинаково («тюрклер»). Когда их хотят дифференцировать, говорят, например, «тюркие тюрклер», т.е. «тюрки Турции». В этом плане *турецкая идентичность слабо отличается от общетюркской*.

Причиной было то, что «турецкие» идеи, например, в период их развития среди реформаторов-младотурок в конце XIX—начале XX века, тесно взаимодействовали с пантюркистскими. У них было очень много общего: направленность на прозападные реформы и стремление найти новые идеи, интегрирующие исламский мир. Многие идеи младотурков были разработаны в прямом взаимодействии с идеологией российских либеральных реформаторов ислама, чаще всего тюркско-татарского происхождения—джадидов³⁶⁰. При этом пантюркистская составляющая турецкой идентичности легко активизировалась всякий раз, как происходило ослабление России (революция 1917 г., распад СССР) или обострялось российско-турецкое противостояние в контексте блоковой политики Турции (Первая мировая война, «холодная война»).

Внутренняя противоречивость ататюркизма определяет высокую степень неопределенности внутри политической системы Турции по линии трех дилемм: исламская традиция или светская, ататюркистская; тюркско-турецкий этнонационализм или гражданская нация; турецкий национализм или пантюркизм? При этом меняющиеся внешние стимулы легко могут «переключать» турецкую внешнюю политику, создавая неожиданные и довольно причудливые зигзаги³⁶¹.

Первые «зигзаги» турецкой внешней политики имели место в 1920-е и 1950-е гг. В 1920-е гг. Турция была союзницей Советской России. Затем она стала все больше ориентироваться на европейские державы. В период Второй мировой войны существовала высокая, хотя, к счастью для самой Турции, нереализовавшаяся вероятность ее выступления на стороне держав «оси». После Второй мировой войны Турция вошла в НАТО и на полвека стала одним из

360 См., например: *Landau J. M.* Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation. London: Hurst & Company, 1995; *Гаспринский И.* Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881; *Червоная С. М.* И. Гаспринский — выдающийся крымско-татарский просветитель и гуманист// Этнографическое обозрение. 1992. № 1. Гаспринского равно можно считать предтечей русского евразийства (он писал о «восточно—русском соглашении»). Однако, равным образом, равным образом, он считается одним из основателей пантюркизма. В современной Турции вообще «евразийство» и пантюркизм – синонимы. Наконец, Гаспринский, несмотря на его либерализм, считается одним из первых панисламистов.

361 В целом можно считать, что первым «зигзагом» турецкой политики был сам радикальный переворот, совершенный Ататюрком. Все остальное – лишь его последствия, наподобие кругов на воде.

самых верных союзников США на юге Европы и на Ближнем Востоке. В этот же период она перешла от «республиканского» авторитаризма к демократии (впрочем, ограниченной периодическими военными переворотами) и подала заявку на вступление в ЕС.

После образования ННГ Центральной Азии наличие общей «тюркской» идентичности четырех центральноазиатских государств (кроме Таджикистана) и Турции стало обоснованием для активной деятельности таких международных структур, как регулярные саммиты тюркоязычных государств (например, можно упомянуть такие важные саммиты, как 28–31 октября 1992 г. и 18–19 октября 1994 г. в Турции, 10 июня 1998 г. в Казахстане и т.д.) и деятельность Организации дружбы, братства и сотрудничества тюркоязычных стран и общин (последний, 11-й ее съезд прошел 17–19 ноября 2007 г. в Баку). В рамках сочетания турецкой и общетюркской идентичности было проведено и празднование 75-й годовщины образования Турции в октябре 1998 г.

Между Турцией и центральноазиатскими странами есть много общего и кроме идей тюркского единства. Турция точно так же, как и страны Центральной Азии, имеет мусульманскую культуру. Преобладающая в ней политико-правовая школа интерпретации ислама – ханифитский масхаб суннитского толка – распространен и в Центральной Азии. Эта школа отличается наибольшим либерализмом в противовес ортодоксальности ханбалитского масхаба, распространенного, например, во многих арабских странах (прежде всего в Саудовской Аравии).

Многие исторические тенденции социально-экономической жизни как в Турции, так и в Центральной Азии сходны. Малая Азия также представляет собой часть исламского мира, затронутую взаимодействием тюркских кочевых и оседлых народов. Этот дуализм кочевой и оседлой культуры сохранялся как в Турции, так и в Центральной Азии вплоть до начала процессов активной модернизации.

Наконец, сами процессы модернизации и в Турции, и в Центральной Азии имели массу сходных черт. В обоих регионах рыночная экономика исторически развивалась, прежде всего, благодаря иностранным и иноверческим влияниям. Даже значительная часть местных капиталистов конца XIX и начала XX вв. и в Турции, и в Центральной Азии были, как правило, немусульманами. Для Турции это – греки, армяне, евреи, левантинцы. Для Центральной Азии – русские, евреи, армяне, татары, персы, китайцы и т. д.

Процессы насильственной модернизации как Турции, так и Центральной Азии в советский период и в период правления Ататюрка, соответственно, также носили в себе очень много сходных черт: развитие национализма и отказ от исламской идентичности, воинствующий секуляризм, этатизм, большая степень вмешательства государства в социальную, экономическую, культурную жизнь, милитаризация, однопартийная система и т.д.

Все эти черты сходства с самого периода распада СССР дали начало идее позиционировать Турцию как «естественный» для тюркско-исламских народов образец развития по западному, секулярному образцу. Для США это было вполне естественное стремление максимально усилить влияние старого и надежного союзника и расширить область сотрудничества с ним, распространив ее не только на Южную Европу, Ближний и Средний Восток, но и на постсоветское пространство, в особенности – на Центральную Азию и Юж-

ный Кавказ. Для Запада это открывало также дополнительную возможность использовать турок как посредников в отношениях с центральноазиатским регионом. Наконец, поддержание тюркско-турецкого проекта давало США возможность контролировать расширение регионального влияния России и, особенно, Ирана.

Б. Соперничество с Россией в 1990-е гг.

Достаточно успешная модернизация Турции, начиная с реформ Ататюрка, бурный рост ее экономики в последние десятилетия и ситуация, сложившаяся после распада СССР, обеспечили для этой страны новые геополитические возможности в центральноазиатском регионе³⁶². На протяжении 1990-х гг. Турция часто воспринималась в России чуть ли не как основной соперник в Центральной Азии (частично, она была для российского политического сознания таким же «фантомным кошмаром», каким Иран был для американского). Представляется, что причина заключалась в попытке Турции занять главную историческую нишу России, твердо отвоеванную ею еще в XIX в., т. е. позицию проводника модернизации в Центральной Азии. Для этих претензий Турции были определенные основания.

ВВП на душу населения в РСФСР в советский период был существенно выше, чем в Турции. Однако в результате спада 1990-х г. номинальный ВВП на душу населения в России в 1996 г. (это год стабилизации экономической ситуации!) составил 2410 долл. США, а в Турции – 2880. В результате распада социалистической экономики структура хозяйства России стала еще более «сырьевой», приблизившись к структуре экономик центральноазиатских стран. Поэтому взаимодополнительность экономик стремительно исчезала. Россия могла быть лишь посредником в поставках сырья в Европу. В то же время Турция к 1990-м гг. превратилась в страну, в экономике которой обрабатывающая промышленность играет достаточно существенную роль. Она во все большей мере становилась потребителем импортного сырья, следовательно, возникала экономическая взаимодополнительность с Центральной Азией.

Кроме того, Турция в 1990-е гг. могла похвастаться тем, к чему Россия официально только стремилась: стабильным партнерством с Западом. Ее политические и экономические институты также представлялись намного более надежными и стабильными, а следовательно, привлекательными в качестве образца для подражания.

Особо острое соперничество между Россией и Турцией развернулось в 1990-е гг. Одной из причин этого была активная политика экспансии на постсоветском пространстве, которую вели два «либеральных» и прозападных президента: Тургут Озал (1989–1993) и Сулейман Демирель (1993–2000). Можно выделить две области, в которых протекало это соперничество.

Политико-идеологическая. Турция предлагала новое переопределение в качестве «тюркского мира» не только Центральной Азии, но и существенной части регионов России. Таким образом, она не только пыталась идеологически вытеснить из России из ее традиционных сфер влияния, но и породить тенденции, угрожающие ее развалом. Эта проблематика особенно обострилась в

362 Larrabee F. S., Lesser I. O. Turkish foreign policy in an age of uncertainty. Santa Monika, Arlington, Pittsburgh. 2003; Turkish foreign policy in post Cold war era. Edited by Idris Bal. Boca Raton (Florida), 2004.

связи с Первой чеченской войной. В ее ходе различные неправительственные организации в Турции и общественное мнение, в целом, поддерживали сепаратистов³⁶³. Серьезное противостояние между Россией и Турцией сложилось не только в Центральной Азии и на Кавказе, но и на Балканах. Обе стороны заняли диаметрально противоположные позиции по конфликту в Боснии и Косово. Причем по всем описанным выше вопросам позиция Турции, в основном, совпадала с позицией Запада.

Именно Стамбул всегда был одним из мест, где евроатлантическими институтами принимались решения, особенно болезненно воспринимавшиеся Россией. Так, на проведенном 18–19 ноября 1999 г. Стамбульском саммите ОБСЕ был одобрен ряд документов, которые потребовали ускоренного вывода российских войск из Молдовы и Грузии, в том числе был принят до сих пор вызывающий разногласия адаптированный Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Кроме того, принятие этих документов шло в контексте заключения соглашений о нефтетранспортных маршрутах в обход России (нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан и Транскаспийский газопровод). Наконец, в контексте решения проблем безопасности в Грузии и Молдове ускорялись процессы «альтернативной интеграции» на постсоветском пространстве. На саммите НАТО в июне 2004 г. в Стамбуле было решено усилить кавказское и центральноазиатское измерения деятельности альянса.

Энергетическое. Интересы Турции и России в Центральной Азии в 1990-е гг. столкнулись и в разных областях экономики. Наиболее болезненными для России были нефтегазовые противоречия. Турция использовала все политические возможности (тюркскую идею, партнерство с США, войну в Чечне, проблему статуса проливов) для того, чтобы пролоббировать строительство нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, «Основного экспортного маршрута»³⁶⁴. *Одновременно разворачивалась борьба за то, чтобы направить по турецкому маршруту также казахстанскую нефть и туркменский газ.* При этом позиции Туркменистана и, особенно, Казахстана постоянно колебались то в пользу турецкого пути³⁶⁵, то против него, за сохранение российского пути как основного.

К концу 1990-х гг. острота российско-турецкого противостояния начала несколько спадать. Тем не менее, 19 января 2000 г. министр по связям с тюркоязычными республиками бывшего СССР Турции Абдулхалук Чай заявил, что Турецкая республика, являясь преемницей великой Османской империи, может и должна создать союзное объединение с Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и Туркменистаном, даже если ценой тому станет резкое усиление турецко-российской конфронтации. Он также выразил надежду на то, что в будущем в «Тюркское Содружество» удастся включить славянскую Украину и, если повезет, исламский Иран. «Мы, Османская им-

363 Впрочем, следует отметить, что и в России общественное мнение в тот период довольно благожелательно относилось к Рабочей партии Курдистана.

364 См., например: Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф. Современные турецко—российские отношения: проблемы сотрудничества и перспективы развития. Нижний Новгород – Стамбул: Институт стратегических исследований Нижегородского государственного университета, 2004. С. 146 — 164; Россия и Закавказье: Реалии независимости и новое партнерство/ Под ред. Р.М. Авакова, А.Г. Лисова. М.: ИМЕИМО РАН, ЗАО Финстатинформ, 2000. С. 192 —195; *Сет I. Turkey in the 21 Century Speeches and Texts Presented at International Fora (1995—2000)*. Published by RUSTEM. 2000. P. 39.

365 Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф. Указ. соч. С. 146 — 164; Российская Федерация сегодня. Июнь 2001. № 12. С. 59.

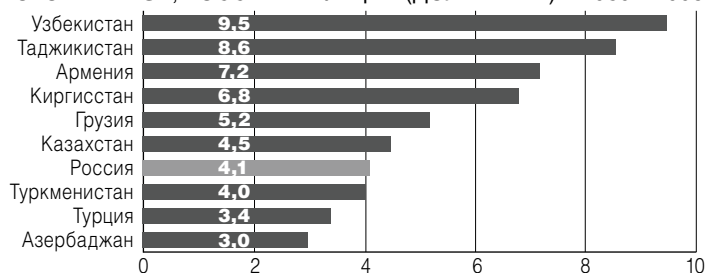
перия, веками правили этими территориями», — заявил Чай³⁶⁶, подчеркнув при этом, что современная Турция обязана выполнить свою «историческую миссию старшего брата стран региона»³⁶⁷.

В. Ограниченность турецкого влияния в Центральной Азии и новые геополитические «зигзаги» Турции

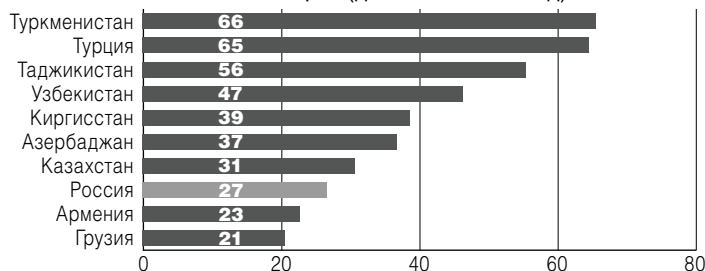
Турция как модернизационный образец для Центральной Азии даже в 1990-е гг. во многом была, скорее, продуктом воображения, чем реальностью. По целому ряду социальных и культурных параметров, не только Россия, но даже и самые отсталые бывшие советские республики еще недавно значительно превосходили эту страну.

Например, посмотрим на данные о расходах на образование и детской смертности в 1989 — 1996 гг. Турция по данным параметрам оказывается на предпоследнем месте в списке, включающем Россию, Узбекистан, Таджикистан, Армению, Киргизию, Грузию, Казахстан, Туркменистан и Азербайджан!

Рисунок 9. РАСХОДЫ НА ОБРАЗОВАНИЕ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ЮЖНОГО КАВКАЗА, РОССИИ И ТУРЦИИ (ДОЛЯ В ВВП) В 1989 – 1995 ГГ.³⁶⁸

Рисунок 10. ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ, РОССИИ И ТУРЦИИ (данные на 1996 год)³⁶⁹

В целом, Турции с самого начала недоставало ресурсов для серьезного влияния на Центральную Азию. Наиболее четко ограниченность ресурсов Турции проявилась в период кризиса «развивающихся рынков» в конце 1990-х гг. Выше мы уже отмечали, что для этого недостаточно экономических возможностей даже у России. Однако соотношение экономических сил России и Турции к 2007 г. радикально изменилось. Экономическое превосходство Турции

³⁶⁶ Следует отметить, что это неверно даже с точки зрения истории, так как до Центральной Азии власть Османской империи никогда не доходила.

³⁶⁷ Независимая газета. 21 января 2000 г.

³⁶⁸ Графики произведены при помощи программы Analyst Encyclopedia Britannica Deluxe Edition CD-ROM, 1999—2000.

³⁶⁹ Графики произведены при помощи программы Analyst Encyclopedia Britannica Deluxe Edition CD-ROM, 1999—2000.

над Россией оказалось весьма краткосрочным явлением. ВВП России в 2007 г. уже почти в три раза больше турецкого, а ВВП на душу населения — больше почти в 1,5 раза.

Турция оказалась не в состоянии реально освоить потребительские и инвестиционные рынки Центральной Азии и Южного Кавказа. В период азиатского кризиса конца 1990-х гг. она оказалась не в состоянии выполнить свои обязательства по отношению к странам Центральной Азии. Связи с ней имеют определенное (и очень далекое от решающего) значение для экономики лишь трех стран. В 2006 г. Турция занимала 2-е место в экспорте нетюркского Таджикистана (31.7 %), 2-е место в импорте Туркменистана (11,1 %) и 4-е место в экспорте Узбекистана (7.6 %). Н. Назарбаев выразил общее мнение центральноазиатских элит, высказавшись однажды в том ключе, что избавившись от российского «покровительства», Центральная Азия не хотела бы идти под турецкий патронаж.

В настоящее время влияние Турции на центральноазиатские экономики в силу отсутствия у нее финансовых ресурсов, современных технологий, большого индустриального потенциала, исчерпывается, в основном, строительным бизнесом и экспортом товаров широкого потребления. Турция заняла также достойное место в сфере высшего образования в центральноазиатском регионе. Однако оно отнюдь не является монопольным, будучи вполне сопоставимым с местами России, стран ЕС, США.

Наибольшее значение идеология единства турок и Центральной Азии приобрела в Туркменистане. Это совершенно естественно, т. к. турецкий, туркменский и азербайджанский языки относятся к одной юго-западной или огузской ветви. В обеих странах активно распространяется идеологема «два государства – один народ»³⁷⁰. Таким образом, современные турецкая и туркменская нация возводятся к древним огузам. Однако со времен огузов прошло очень много лет. Туркмены и турки, несмотря на лингвистическое сходство их языков, обычно не понимают друг друга. Как показала ретрансляция турецкого телевидения в Ашхабаде, содержания произносимого на экране почти никто не понимал. Что касается киргизов, узбеков и казахов, их языки от турецкого и по фонетической, и по лексической структуре достаточно далеки, относясь к другим ветвям тюркской языковой семьи (кипчакской и уйгурско-чагатайской).

Типичным примером может служить введение новых алфавитов на основе латиницы. Почти все тюркские центральноазиатские страны отказались от введенной в сталинские времена кириллицы, что, разумеется, отдалило их от России. Однако ни в одной из центральноазиатских стран не был реализован проект создания общего с Турцией алфавита. Даже в Туркменистане, где благодаря идеологии «одного народа» дело, казалось, шло к принятию турецкого алфавита, был реализован весьма интересный вариант. Эта страна не вернулась к тому латинскому алфавиту, который существовал там в 20-е гг., но и не приняла турецкий алфавит. Был создан новый, совершенно оригинальный алфавит на основе латиницы, соавтором которого стал Сапармурат Туркменбаши, что и перевесило все остальные соображения.

³⁷⁰ См., например: Туркменбаши Сапармурат. Рухнама. Т. 1. Ашгабад: Туркменская Государственная издательская служба, 2002; Türkmenbaşy Saparmyrat. Ruhnama (Ikinji kitap). Tuerkmenin ruhy beýikligi. Ashgabat: Tuerkmen doewlet neshiryat gullugy, 2004.

Нельзя описывать отношения между Россией и Турцией даже в 1990-е гг. исключительно как соперничество. Экономическое сотрудничество между двумя странами также активно развивалось («челночный» бизнес, торговля, строительство, туризм). Крупнейшим проектом, реализованным в российско-турецких экономических отношениях, стал газотранспортный проект «Голубой поток», проложенный по дну Черного моря.

Еще больше улучшились отношения между двумя странами в период «борьбы с терроризмом», совпавший с президентством Ахмета Недждета Сезера (2000 – 2007). Турция в это время стала уделять мало внимания идеям тюркской интеграции. В результате, острота ее противостояния с Россией в Центральной Азии существенно спала.

Причина этого отвлечения внимания Турции в сторону от Центральной Азии заключалась в целой серии важных взаимосвязанных внешнеполитических и внутривосточных событий. Борьба США с терроризмом привела к вторжению в Ирак и, соответственно, к обострению курдской проблемы. После последнего раунда расширения в 2002 г. все более очевидным становилось нежелание ЕС принимать Турцию в свои ряды. Результатом стало обострение проблемы Северного Кипра, а также рост антиевропейских, происламских настроений в самой Турции. Последним либеральная, проевропейская элита активно пыталась противостоять. Рост популярности исламистских политиков и, как результат, роли противостоящей им армии привел к тому, что Турция все меньше начинает восприниматься США и ЕС как желательная модель для развития других стран.

Наконец, в условиях, когда из-за нежелания ЕС принимать Турцию в свои ряды поколебалась основная идея ататюркизма – вестернизация, некоторые турецкие политики стали пытаться сбалансировать отношения с ЕС и США сближением с Россией³⁷¹. Это, в свою очередь, призвано повысить ценность Турции как возможного союзника в глазах Запада³⁷².

В то же время, в 2007–2008 гг. пришедшие к власти умеренные исламисты вновь пытаются активизировать идеи «тюркского сотрудничества». Так, 17–19 ноября 2007 г. в Баку прошел 11-й съезд организации Дружбы, братства и сотрудничества тюркоязычных стран и общин. Выступая на этом съезде, премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган выдвинул инициативу о создании политического союза тюркоязычных государств для координации усилий на важных внешнеполитических направлениях³⁷³. Избранный в 2007 г. президентом Абдулла Гюль заявляет, что во время президентства А. Н. Сезера отношения со странами постсоветской Центральной Азии были незаслуженно отодвинуты на «задворки» внешней политики. Необходимо уделять им такое же внимание, как и при президенте Сулеймане Демиреле в середине 1990-х годов. Однако, учитывая нестабильность внутривосточной ситуации в Турции, неизвестно, сколько продержится власть умеренных исламистов, учитывая то, что армия предпринимает действия по их свержению (например, в 2008 г. генеральный прокурор Турции при поддержке военных направил в Верховный суд страны запрос о признании правящей партии незаконной как отклоняющейся от светского пути).

371 Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф. Указ. соч. С 266 – 312.

372 Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф. Указ. соч. С. 273.

373 Мосаки Нодар. Турция пытается вернуть тюркскую идею// Независимая газета. 2007. 26 ноября.

В целом, период максимальной активизации «тюркского проекта» для Центральной Азии пришелся на 1990-е гг., после чего он начал постепенно сходить на нет. Его результаты в плане продвижения интересов Турции, по сравнению с масштабами самого проекта, оказались достаточно скромными. В основном, они относятся к Южному Кавказу (реализация проектов Баку—Тбилиси—Джейхан и Баку—Тбилиси—Эрзрум). Учитывая постоянные «зигзаги» внешней и внутренней политики Турции, трудно в настоящее время сказать, удастся ли вновь возродить идеи тюркской интеграции.

3. Иран в Центральной Азии: фантомный кошмар Запада

Пожалуй, на политику ни одного другого внерегионального игрока в Центральной Азии столь сильное негативное влияние оказывают внешние для региона события и соображения. Ни для одного другого государства не просматривается также такой огромный разрыв между его реальными действиями в Центральной Азии и их восприятием со стороны международного сообщества (прежде всего, Запада). В США (в существенно меньшей степени в Европе) соседство Центральной Азии с Исламской республикой Ираном (ИРИ) с момента распада СССР описывалось как самая главная угроза безопасности. Иран подозревали в стремлении «экспортировать» в этот регион идеи исламской революции и создать, таким образом, зону своего влияния. Основной целью «турско-тюркского» проекта для Центральной Азии было как раз не допустить реализации этой «угрозы».

Перечисленные выше соображения Запада чрезвычайно серьезно осложнили политику Ирана в Центральной Азии³⁷⁴. США делали все возможное для того, чтобы превратить Иран в «изгоя», «защитить» от него регион, прежде всего, энергетические ресурсы Каспийского моря³⁷⁵. Огромные усилия все последовательно сменявшиеся администрации США в 1991 – 2008 гг. принимали для того, чтобы не дать реализовать ни одного проекта транспортировки центральноазиатских нефти и газа по иранскому маршруту. США блокировали также все попытки европейских энергетических компаний установить

374 См. *Алиев А. А.* Иран vs Ирак. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002; Мусульманские страны у границ СНГ (Афганистан, Пакистан, Иран и Турция — современное состояние, история и перспективы). М.: КРАФТ+, 2002; *Арабаджян А.* Сверхдержавы и Исламская Республика Иран// Иран: ислам и власть. М., 2002; *Бардин М.* Каспийский регион: национальные отношения и международные политические интересы// Вопросы национальных и федеральных отношений. М., 2002; *Братерский М.* Иран и арабские страны: традиционный конфликт и роль США// МЭИМО. 2003. №11; *Константинов А.* США — Иран: о возможности нормализации государственных отношений// Ближний Восток и современность. Вып. 17. М., 2003; *Коэн А.* США: Задачи в сфере защиты безопасности каспийских углеводородов от посягательств Ирана// Центр. Азия и Кавказ. 2002. № 1; *Марков К.* Москва между Вашингтоном и Тегераном// Азия и Африка сегодня. 2003. № 5; *Носов М.* США и Иран: перспективы взаимоотношений// США и Канада: Экономика. Политика. Культура. 2003. № 6; *Ушаков В.* К вопросу о возможности восстановления отношений между Ираном и США// Ближний Восток и современность. М., 1999; *Федорова И.* Американо-иранские отношения: патовая ситуация или обещающие перспективы// Ближний Восток и современность. Вып. 15. М., 2002; *Федорова И.* Ирано-американские отношения — рубеж веков// Иран: ислам и власть. М., 2002. С. 177—183; *Юлдашева Г.* США, Иран и новые республики Центральной Азии// США и Канада: Экономика. Политика. Культура. 2000. №11; *Herzig E.* Iran and the Former Soviet South. London, 1995; *Littwak R.* Rogue States and U.S. Foreign Policy: Containment After the Cold War. Wash., 2000; *Brumberg D.* End of a Brief Affair? The United States and Iran// Policy Brief. №. 14. Wash., March 2002; *Yaphe J.* U.S.-Iran Relations: Normalization in the Future?// Strategic Forum. № 188. January 2002.

375 *Коэн А.* США: Задачи в сфере защиты безопасности каспийских углеводородов от посягательств Ирана// Центр. Азия и Кавказ. 2002. № 1.

чрезвычайно выгодное партнерство с Ираном на Каспии. Тесно связанные с Соединенными Штатами турецкие военные постоянно срывали попытки политического руководства этой страны (прежде всего, правительств умеренно-исламистского характера) расширить экономико-энергетические связи с ИРИ в контексте транспортировки или перепродажи энергетических ресурсов Центральной Азии. Наконец, американское руководство неоднократно выражало свое недовольство и пыталось «сдерживать» российско-иранское сотрудничество, включая его центральноазиатско-каспийское измерение. Именно попытки «обойти» Иран стояли за различными транскаспийскими проектами, в том числе в рамках европейской программы «ТАСИС», которые в силу экономической необоснованности иногда просто превращались в заведомо бессмысленную трату ресурсов.

Однако до какой степени были оправданы все эти страхи и до какой степени разумной была соответствующая центральноазиатская политика США и Запада в целом?

Следует учитывать, что в современной иранской внешней политике существуют как бы два «полюса», которые можно считать ее основной дилеммой. Один из них связан с идеями эпохи Хомейни: универсальности идеи исламской революции, необходимости ее «экспорта» и жесткого противостояния «союзу» «сионистов» и «крестоносцев Запада»³⁷⁶. Именно в этом контексте Иран действует, например, по отношению к Израилю как своему главному идеологическому врагу. И именно в этом аспекте иранская внешняя политика *вообще* воспринимается в США (немалую роль в этом сыграло видение Ближнего и Среднего Востока в контексте стратегического союза Соединенных Штатов и Израиля).

Однако у Ирана есть и другая политика. ИРИ отнюдь не стремится везде действовать в стиле идеологического конфликта. Напротив, в подавляющем большинстве случаев в 1991—2008 гг. в действиях Ирана преобладали отнюдь не мотивы «исламской» внешней политики. Часто он проявлял стремление к толерантности, междивизиционному диалогу и мирному, взаимовыгодному сотрудничеству со всеми странами. Особенно очевидно это было в период президентства «реформатора» Мохаммада Хатами (1997 – 2005)³⁷⁷. Этого ученого-гуманитария, проповедовавшего идеи свободы в рамках исламской религии, в Центральной Азии часто называли «иранским Горбачевым»³⁷⁸. Именно Хатами много сделал для реализации программы ООН по развитию «культуры мира» на планете³⁷⁹. Он предпринимал активные усилия по установлению партнерства со всеми странами мира, включая западные. По отношению

376 О взаимосвязи внешней политики и исламской революции – см: *Akhavi Sh.* Religion and Politics in Contemporary Iran: Clergy- State Relations in the Pahlavi Period. Albany: State University of New York Press, 1980; From Nationalism to Revolutionary Islam: Essays on Social Movements in the Contemporary Near and Middle East. Edited by S.A. Arjomand. Albany: State University of New York Press, 1984; *Bakhash Sh.* The Reign of the Ayatollahs: Iran and the Islamic Revolution. (2d ed.). New York: Basic Books, 1984.

377 *Хатами М.* Ислам, диалог и гражданское общество. М.: Издательство МГУ, 2001; *Хатами М.* Страх перед бурей. М.: Издательство МГУ, 2001; *Хатами М.* Традиция и мысль во власти авторитаризма. М.: Издательство МГУ, 2001.

378 См., например: Иран. «Аятолла Горбачев» и другие... // <http://www.globe.kz>

379 См. также официальную публикацию МИДа Ирана: Iran on the Threshold of the 21 Century. General office for the Iranians residing abroad. 1999. P. 114—115.

к США этот процесс был частично заблокирован иранскими консерваторами, частично – негибкостью американских администраций³⁸⁰.

Подход, предпочитающий мирный диалог и сотрудничество, всегда занимал достаточно серьезное место в центральноазиатской политике Ирана³⁸¹. В этом плане ИРИ, в противоположность доминирующему восприятию Запада, чаще выступала в качестве *стабилизирующего фактора в этом регионе, чем дестабилизирующего*. Причем это касается отнюдь не только периода президентства Хатами, но и администраций «прагматика»³⁸² Хахеми Рафсанджани (1989—1997) и «радикала» Махмуда Ахмадинежада (с 2005 г.).

Обычно западные эксперты называют этот аспект иранской внешней политики «прагматичным», что по отношению, например, к президенту-реформатору звучит особенно странно, учитывая то, что, высказывая те же идеи, что и Хатами, любой западный политик, его назвали бы «неисправимым идеалистом».

При этом на Западе обычно не обращают внимания на следующее обстоятельство. *Второй полюс внешней политики Ирана – это не чистый прагматизм в западном смысле. Скорее, это комплекс соображений, связанных с традиционными особенностями мировосприятия персидской культуры и специфической иранской государственности, восходящими к эпохе Ахеменидской империи*³⁸³.

В частности, Иран, являясь исламской страной, традиционно противопоставляет себя арабскому миру (в этом была одна из причин принятия им шиизма в противовес суннизму арабов)³⁸⁴. В связи с этим исламская революция (1978–1979 гг.) в Иране носила специфически шиитский характер³⁸⁵. Несмотря на поддержку Ираном отдельных экстремистских групп в Палестине и Ливане, в целом, не сложилось союза между «иранскими исламскими революционерами» и радикальными исламистскими суннитскими группировками. Напротив, для последних шииты являются одними из главных врагов (вспомним, например, что в современном Ираке большая часть терактов Аль-Каиды направлена против связанных с Ираном шиитов).

Вопреки американским мифам о единстве «всех стран оси зла», Иран никогда не поддерживал террористическую деятельность Аль-Каиды и экспансию «Талибана». Отвечая на вопрос об оценке событий 11 сентября 2001 года, президент Хатами сказал, что «те, кто ввергают в ад других, никогда не достигнут рая»³⁸⁶. В Афганистане Иран был одним из главных врагов «Тали-

380 См.: *Константинов А.* США — Иран: о возможности нормализации государственных отношений// Ближний Восток и современность. Вып. 17. М., 2003; *Носов М.* США и Иран: перспективы взаимоотношений// США и Канада: Экономика. Политика. Культура. 2003. № 6; *Ушаков В.* К вопросу о возможности восстановления отношений между Ираном и США// Ближний Восток и современность. М., 1999; *Федорова И.* Американо-иранские отношения: патовая ситуация или обещающие перспективы// Ближний Восток и современность. Вып. 15. М., 2002; *Федорова И.* Ирано-американские отношения — рубеж веков// Иран: ислам и власть. М., 2002. С. 177—183; *Brumberg D.* End of a Brief Affair? The United States and Iran// Policy Brief. № 14. Wash., March 2002; *Yaphe J.* U.S.-Iran Relations: Normalization in the Future?// Strategic Forum. № 188. January 2002.

381 Herzog E. Iran and the Former Soviet South. London, 1995.

382 Рафсанджани считается богатейшим человеком в Иране («фисташковым королем»), он даже попал в список сотни богатейших людей по версии Forbes. При этом период его правления был отмечен серьезным ростом коррупционных скандалов (например, связанных со взяткой, полученной его сыном от французской нефтяной компании).

383 *Васильев Л.С.* История Востока. Т. 2. М., 2001. С. 153 – 167; 355 – 359; *Братерский М.* Иран и арабские страны: традиционный конфликт и роль США// МЭИМО. 2003. №11; Gottam R. W. Nationalism in Iran. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1964.

384 *Васильев Л.С.* История Востока. Т. 1. М., 2001. С. 266 – 275; 297 – 306.

385 Указ. соч. С. 153 – 167; 355 – 359.

386 Khatami Slams «Imperial» U.S.// The Harvard Crimson. 2006. September 11.

бана». Союзники Ирана в этой стране хазарейцы-шииты были подвергнуты талибами настоящему геноциду. Во время талибского наступления 8 августа 1998 г. они захватили центр Севера Афганистана город Мазари-Шариф. 11 иранских дипломатов, работавших в генеральном консульстве ИРИ в Балхе, были зверски убиты. По некоторым сведениям, Иран после случившегося начал готовиться к вторжению в Афганистан и подтянул свои войска к границам Афганистана³⁸⁷. Иран также развернул непримиримую войну со связанной с талибами наркомафией на собственной территории. Правда, позднее отношения между Ираном и «Талибаном» несколько стабилизировались и не дошли до открытой войны. В Центральной Азии Иран также выступает одной из сил, противостоящей экспансии салафитского ислама («ваххабизма»), поддерживаемой арабскими фондами.

Граница между иранским и арабским миром, которые характеризуются очень высокой степенью взаимной неприязни, является главной, отделяющей западноисламский (арабоязычный) и восточноисламский (ирано-, тюрко-, урдуязычный мир). Именно этот восточноисламский мир, испытавший очень серьезное влияние персидской культуры, персы воспринимают как «свой». Иранцам также свойственно представление о превосходстве собственной культуры над культурами всех прочих народов мира. При этом они видят себя (прежде всего, в силу историко-культурных причин) как «естественного лидера» восточноисламского мира³⁸⁸.

Описанный комплекс идей сказался на формулировке «иранского проекта» для Центральной Азии. ИРИ видит этот регион как часть восточноисламского мира, который пронизан историческим влиянием персидской культуры. При этом Центральная Азия является наиболее близкой к Ирану частью «восточноисламского мира», по сравнению с другими его частями (Афганистаном, Пакистаном, Турцией).

ННГ Центральной Азии, с точки зрения Ирана, — «восточноиранский мир», культурно-исторически тесно связанный с «западноиранским» (т.е. с самим Ираном). Для этого есть серьезные основания. Предки всех оседлых, а частично, и кочевых народов региона когда-то говорили на разных восточноиранских языках, тесно связанных с официальным языком ИРИ фарси (он считается «западноиранским»).

Попытки объединить регион по принципу культурно-языкового родства сказались, например, на том, что 25 марта 2008 г. в Душанбе министры иностранных дел Таджикистана, Ирана и Афганистана подписали соглашения о создании Экономического совета персоязычного союза.

Культурно-географические представления Ирана о восточноисламском мире сказались и в проекте ЭКО, включающем Иран, Турцию, Пакистан, Афганистан, Азербайджан и 5 центральноазиатских стран. Именно все эти страны и являются традиционно восточноисламским регионом, противопоставляемым арабскому миру еще внутри Халифата. В частности, противостояние этих двух регионов исламского мира выразилось в свержении арабско-нацио-

387 *Нессар Омар*. Талибов пытаются привести к власти для решения «иранской проблемы». 5.10.2007// <http://www.afghanistan.ru/doc/10134.html>.

388 Например, свергнутый исламской революцией шах претендовал на то, что Афганистан и Пакистан должны стать вассальными по отношению к Ирану государствами.

налистического режима Омейядов в Дамаске и в приходе к власти персофильски настроенных Аббасидов, перенесших столицу Халифата в Багдад.

Благодаря своим огромным нефтегазовым ресурсам и несомненным экономическим успехам Иран претендует на лидерство в ЭКО. За последние годы он вышел на 3-е место по объему ВВП в регионе Ближнего и Среднего Востока, потеснив Израиль. В рамках ЭКО у Ирана – вторая по размеру экономика после Турции. Однако он имеет самый большой душевой доход из всех стран этой организации. Несмотря на сохранение сырьевого характера экономики, в последнее время в Иране наблюдается бурное развитие науки и отдельных инновационных отраслей (пример – ядерная энергетика).

Наконец, Иран является ближайшим соседом Центральной Азии. Именно он контролирует кратчайшие пути из этого региона в Европу и к Индийскому океану. В этом плане, перспективы роста сотрудничества ИРИ с Центральной Азией огромны. Проанализируем теперь те ограничения, которые не дали им реализоваться.

Важнейшей из них оказалась политика США по превращению ИРИ в «государство-изгой», связанная с идеологическим противостоянием на Ближнем Востоке. Не будь его (например, сохранись в этой стране светский прозападный режим), Иран мог бы стать главным маршрутом в рамках «альтернативных» транспортных проектов и даже, возможно, крупнейшим посредником в доступе Европы к данному региону.

Однако существуют и серьезные ограничения в реализации «иранского проекта» собственно в Центральной Азии. Иран и страны рассматриваемого региона характеризуются значительными культурными различиями. Большинство коренного населения всех центральноазиатских стран, кроме Таджикистана, тюркоязычно, а не персоязычно. Восточноиранский мир давно вступил в этом регионе в синтез с тюркской номадической культурой. В связи с этим отношение в регионе к иранским идеям «культурного родства» варьируется от равнодушно-отрицательного (те страны, где кочевая евразийская традиция преобладает – Казахстан, Киргизия) до конкурентно-отрицательного (Узбекистан сам позиционирует себя как региональный культурный центр). Туркменистан, несмотря на территориальную близость и официально провозглашаемую «арийскую идею»³⁸⁹, также очень равнодушен к персидской культуре, постулируя «родство» с Турцией.

Лишь в Таджикистане идеи культурной общности с Ираном находят отклик. Однако эти идеи имели серьезную официальную поддержку лишь в короткий период пребывания у власти исламо-демократической оппозиции.

Общее равнодушие или враждебность тюркских народов к Ирану имеют глубокие исторические корни. По сути дела, Иран – это еще одна империя на краю Евразии, которая постепенно наступала на степные народы с юга (правда, отнюдь не столь эффективно, как Россия или Китай, результатом чего и стало заселение тюрками Средней Азии и значительной части самой Персии). Отголоски этой борьбы доходят до нас, например, в эпосе Фирдоуси, рассказывающем о смертельных битвах между иранцами и «туранцами».

Иран имеет уникальную шиитскую идентичность, которая роднит его на

389 См. *Туркменбаши Сапармурат*. Рухнама. Т. 1. Ашгабад: Туркменская Государственная издательская служба, 2002; *Türkmenbaşy Saparmyrat*. Ruhnama (Ikinji kitap). Tuerkmenin ruhy beýikligi. Ashgabat: Tuerkmen doewlet neshiriyat gullugy, 2004.

постсоветском пространстве только с Азербайджаном. Именно оттуда победоносная секта Сефевидов в XVI в. установила господство шиизма в самом Иране. Тем не менее, азербайджанско-иранские отношения в постсоветский период изначально не сложились.

В ситуации армяно-азербайджанского конфликта Иран занял позицию более благожелательного нейтралитета по отношению к Армении и более настороженного – по отношению к Азербайджану. Хотя, казалось бы, соображения исламской и шиитской солидарности диктовали другую стратегию. Однако Иран насторожили пантюркистская и антиисламистская риторика азербайджанского руководства и призывы к «воссоединению» с иранским Южным Азербайджаном (особенно – в короткий период президентства Абульфазы Эльчибея). Однако и при Гейдаре Алиеве, например, азербайджанская партия исламистской ориентации была обвинена в шпионаже и заговоре в пользу Ирана и разгромлена. До сих пор пантюркистская и «паназербайджанская» риторика притушена, но не исчезла совсем; наконец, не может не настораживать Иран прозападный курс и антиисламистские эскапады азербайджанской элиты³⁹⁰.

В целом, Иран и Азербайджан воспринимают друг друга как потенциальных противников. Иран очень опасается возникновения поддержанного Азербайджаном и Западом сепаратизма в своих тюркских районах (около половины населения ИРИ тюркоязычны, а не ираноязычны). Между двумя странами также существует очень серьезный спор по поводу раздела Каспия.

Русификация и советская модернизация привели к существенным различиям между населением Центральной Азии и Ирана (даже если речь идет, например, о туркменах в Туркменистане и соседнем иранском Хорасане). Деисламизация Центральной Азии привела к тому, что в бытовых контактах большинство персов не считают, например, туркмен Туркменистана настоящими мусульманами³⁹¹. Более того, некоторые респонденты, относящиеся к работающим в Центральной Азии представителям иранской политической и деловой элиты, сообщали нам, что им легче иметь дело с настоящими немусульманами – русскими, чем с «фальшивыми мусульманами». Использование Ашхабада как места весьма специфического отдыха (ведь там нет столь строгих законов по поводу алкоголя, наркотиков, проституции, игорного бизнеса и т.д.) также приводит к установлению соответствующих стереотипов среди персов. Наконец, и сами туркмены испытывают бытовую неприязнь к иранцам, которые абсолютно по-другому одеваются, ведут себя, говорят и т.д. Все эти факторы сдерживают межличностные и экономические контакты.

С политической точки зрения иранская модель экономической, политической и социальной жизни обладает весьма малой притягательностью для светских элит Центральной Азии. Определенные симпатии к Ирану в этом плане можно зафиксировать лишь в позициях Исламской партии возрождения в Таджикистане³⁹². Общая региональная нестабильность, повысившаяся сначала благодаря «талибской» угрозе, а затем – иракской войне и иранскому ядерному кризису, также серьезно сдерживает потенциал развития отношений между Ираном и Центральной Азией.

390 См подробнее: *Епишина О.О., Казанцев А.А.* Республика Азербайджан// Мониторинги ИГПИ. М., 1998 – 2000.

391 Данные собственных полевых исследований автора.

392 См подробнее: *Епишина О.О., Казанцев А.А.* Республика Азербайджан// Мониторинги ИГПИ. М., 1998 – 2000.

«Умеренная» позиция Ирана по отношению к Центральной Азии также объясняется его стремлением взаимодействовать с Россией. Сразу же после исламской революции, когда СССР был объявлен «малым шайтаном» по сравнению с «большим шайтаном» США, руководство Ирана изучало возможности «экспорта исламской революции» в направлении Средней Азии. Обострению отношений с Советским Союзом способствовала также и ситуация в Афганистане (там ИРИ поддерживала группировки шиитских моджахедов).

Однако ко времени обретения независимости новыми независимыми государствами Центральной Азии революционный пафос в Иране значительно ослабел. Хомейни умер. И хотя привилегированные позиции радикальных клериков в политической системе Ирана сохранились до сих пор, повестку дня в отношениях со странами бывшего СССР определяли не они. Президентом стал умеренный Хашеми-Рафсанджани (1989–1997), основной проблемой для которого была нормализация ситуации после непрерывной череды катаклизмов, связанных с исламской революцией (1978 – 1979) и необыкновенно жестокой и разрушительной ирано-иракской войной (1980 – 1988). Иран стал активно развивать сотрудничество с Россией в различных областях, видя в этом один из способов преодоления американской блокады.

Тем не менее, между Россией и Ираном также существовали и существуют серьезные противоречия: прозападный курс России в 1990-е гг., а затем частичная поддержка политики США по ядерному нераспространению, чеченская проблема, вопросы раздела Каспия. Обе страны заняли диаметрально противоположные позиции по конфликту в бывшей Югославии.

Уже с президентства Рафсанджани одним из основных приоритетов Ирана на центральноазиатском направлении стало обеспечение безопасности и стабильности на собственных северных границах (в силу концентрации турецкого населения Иран очень опасается волнений в этом регионе).

Пришедшие к власти в результате свержения президента Набиева в Таджикистане «исламо-демократы» испытывали существенные симпатии к Ирану. Вообще, события в Таджикистане, казалось, поддерживали худшие опасения Запада в отношении возможности исламской революции в Центральной Азии по иранскому образцу и при поддержке ИРИ. Тем не менее, до открытого вмешательства в ситуацию гражданской войны дело не дошло. Частично это можно объяснить тем, что Иран не хотел столкновения с Россией, которая поддержала «Народный фронт». В дальнейшем Иран участвовал в межтаджикском мирном процессе. Его влияние на Объединенную таджикскую оппозицию стало важным фактором, который способствовал мирному диалогу. В этой единственной стране, в языковом плане предрасположенной к влиянию Ирана, решающим стало влияние России (а после начала «войны с терроризмом» в Центральной Азии стали крепнуть связи Таджикистана с Западом).

Узбекистан, другая страна региона, которая по своей культуре наиболее близка Ирану (в силу большой роли в нем потомков оседлых восточноиранских народов³⁹³), с самого начала воспринимал его как регионального соперника. Президент Каримов часто использовал напряженные отношения и даже противостояние (правда, больше риторическое) с Ираном как способ улучшить отношения с Западом. В 1995 г. он заявил, что узбекской независимости

393 Даже сам президент Каримов принадлежит к таджикоязычному самаркандскому клану.

«...угрожает опасность с юга – фундаментализм»³⁹⁴. В том же году он сказал в беседе с президентом Международного валютного фонда об американском эмбарго против Ирана: «Мы знаем цели этого эмбарго и мы его поддерживаем»³⁹⁵. Позднее это заявление было дезавуировано министром иностранных дел. Серьезными были разногласия Узбекистана и Ирана по поводу сотрудничества с Израилем, голосования Узбекистана в ООН против Кубы, ситуации в Афганистане и Таджикистане, американского военного присутствия в Центральной Азии и т.д.

Неплохие экономические отношения сложились у Ирана с соседним Туркменистаном. Соединены железнодорожные системы обеих стран. Между ними существует безвизовый приграничный режим и развиваются человеческие контакты. После сооружения газопровода Корпедже–Курт-Куи, Иран стал покупателем туркменского газа (однако мощность этого газопровода не сопоставима ни с российскими маршрутами, ни с реализуемым китайским).

В общем, в экономике Центральной Азии Иран занимает довольно скромное место. Ему принадлежит 2-е место в экспорте соседнего Туркменистана (16,4 %) и 3-е место в экспорте близкого в языковом отношении Таджикистана (5,4 %) (2006 г.). Попыткой компенсировать это стала активная каспийская политика. Кроме попыток добиться проведения по своей территории нефте- и газопроводов из Центральной Азии, Иран активно развивает обмен нефтью на Каспийском море. С этой целью была проведена модернизация его портовой инфраструктуры. Европейские компании, работающие на Каспии, отдают Ирану свою нефть (он использует ее для снабжения энергодефицитного севера страны). В обмен они получают равное количество нефти в Персидском заливе. Эти операции называются «своповыми» (swap), и США прикладывают отчаянные усилия с целью прекратить их. Опираясь на свободную экономическую зону в Персидском заливе, Иран также пытается стать посредником в торговых связях между Центральной Азией и странами Персидского залива (например ОАЭ).

Для развития отношений с Центральной Азией Иран использует не только организации исламского мира (ЭКО, ОИК, ИБР), но и ШОС (он получил статус наблюдателя в этой организации).

В целом, Иран, несмотря на большой и пока нереализованный потенциал развития отношений, никак не является ключевым центральноазиатским игроком. Его роль в регионе была высокой, прежде всего, в том смысле, что антииранские мотивы играли очень важную роль в политике США в Центральной Азии. Отнесение его западными исследователями к группе «лидеров» на центральноазиатском пространстве³⁹⁶ объясняется, как нам представляется, чисто фантомными страхами перед ним.

³⁹⁴ «Central Asia Monitor». 1995. No 3. P. 2.

³⁹⁵ Op. cit. p. 1.

³⁹⁶ Blank S. Energy, Economics and Security in Central Asia. Russia and its rivals// Central Asia Survey. 1995. vol. 14. № 3. P. 373; The New Great Game in Muslim Central Asia. Ed. by Ahrari M.E. and James Beal// Mcnair Paper № 47. Washington, D.C.: National Defense University, January 1996.

4. Пакистан и аравийские монархии в Центральной Азии: трагедия ошибок и несбывшихся надежд

В отношении Пакистана к государствам Центральной Азии существенную роль играют стратегические соображения, связанные с давним конфликтом между ним и Индией³⁹⁷. Пакистан рассматривает новые независимые государства Центральной Азии как мусульманские и рассчитывает найти у них поддержку в противостоянии со своим более сильным соседом. Кроме того, он воспринимает их в контексте традиционного пакистано-китайского сотрудничества. Первоначально оно сложилось при поддержке США с целью совместного противостояния СССР и Индии. Однако теперь Индия все чаще рассматривается как потенциальный союзник США, а Пакистан – как потенциальный противник.

У Пакистана, несмотря на явный недостаток ресурсов, также имеется свой проект для Центральной Азии. В его рамках культурно-исторические соображения неразрывно связаны с военными.

Пакистан, а до этого мусульманская Индия, является результатом взаимодействия индийской культуры с культурой ираноязычных и тюркоязычных центральноазиатских народов. Благодаря вторжениям последних на индийский субконтинент, на него и распространился мир ислама (вспомним, например, про Делийский султанат или империю Великих Моголов). Активно развивались в Средние века также межличностные, культурные, торгово-экономические контакты. Поэтому для Пакистана Центральная Азия – регион, с которым он исторически связан тысячами нитей. Благодаря постоянной подпитке живыми силами из Центральной Азии исламская Индия поддерживала свое существование и расширялась за счет индо-буддистской части субконтинента.

В военно-стратегическом плане Индийский субконтинент очень часто завоевывался именно из Центральной Азии. В этом плане данный регион можно рассматривать как «стратегическую глубину» Пакистана.

Российская, а затем советская граница отсекала исламскую Индию от ее центральноазиатских связей. На протяжении всей своей истории Пакистан находился в конфликте с намного более сильным южным соседом – Индией. СССР выступал союзником последней. Поэтому оккупация Афганистана советскими войсками взвинтила градус противостояния в данном регионе на

397 См.: *Малашенко В.* Пакистан – курс на Центральную Азию// Восток (Oriens). 1996; *Хуссейн Рифат.* Пакистан и Центральная Азия// http://www.ca-c.org/journal/08-1997/st_14_gusein.shtml; *Алексеев А.Е.* Пакистан в политике США в Юго-Западной Азии в 80—е годы: Автореф. дис. канд. ист. наук / РАН. Ин-т востоковедения. М., 1994; Мусульманские страны у границ СНГ (Афганистан, Пакистан, Иран и Турция — современное состояние, история и перспективы). М.: КРАФТ+, 2002; *Reetz D.* Pakistan and the Central Asia Hinterland Option: The Race for Regional Security and Development// Journal of South and Middle Eastern Studies. Fall 1993. vol. XVII. No. 1; *Maqbool Ahmed Bhatti.* Pakistan and the ECO// Regional Studies Quarterly. Spring 1995; *Clawson P.* Is the Great Game Restarting in Central Asia?// From Containment to Stability: Pakistan-United States Relations in the Post-Cold War Era: Proceedings of the First Pakistan-United States Joint Symposium. Ed. by Colonel David O. Smith. Washington, D.C.: National Defense University, 1993; *Sidhu W.P.S.* The U.S. and Kargil// The Hindu. 1999. 15 July; *Evans A.* India, Pakistan, and the Prospect of War// Current History. April 2002; *Akhtar H.* New Delhi's N-Doctrine Threatens Global Peace//«Dawn». September 1999; *Hagerty D.* Preventing Nuclear Proliferation in South Asia. N.Y., 1995; *Gottmoeller R., Longworth R.* Enhancing Nuclear Security in the Counter-Terrorism Struggle: India and Pakistan as a New Region for Cooperation. Wash., 2002; *Cordesman A.* The Asian Conventional Military Balance in 2002: South Asia. Wash., 2003; After the Tests: U.S. Policy Toward India and Pakistan. Report of an Independent Task Force. Council of Foreign Relations. N.Y., 1998.

достаточно высокий уровень. Пакистан оказался в ситуации стратегического окружения. Для того чтобы противодействовать угрозам со стороны советско-индийского блока, Пакистану пришлось еще больше активизировать различного рода ситуационные коалиции (с США и Китаем).

Теперь Пакистан, в котором со времен прихода к власти военного диктатора Зия уль-Хака активно шли процессы исламизации, надеется обрести новых, более приемлемых для его исламской идентичности союзников. Кроме того, он пытается восстановить свое положение как части восточно-исламского мира, как бы вновь обрести «стратегическую глубину». Например, в период особой эскалации пакистано-индийского противостояния 2001 – 2002 гг. Пакистан пытался использовать эту азиатскую «глубину» для того, чтобы спрятать свою авиацию от возможного индийского блицкрига³⁹⁸. В свою очередь, Индия, чтобы не допустить этого и вновь добиться эффекта стратегического окружения Пакистана, пытается получить военную базу в Таджикистане (в Айни).

По причине слабости пакистанской экономики основу сотрудничества этой страны с центральноазиатскими государствами составляет развитие многосторонних связей в рамках ЭКО³⁹⁹. Особое внимание уделяется проектам в области развития коммуникаций: модернизация Каракорумского шоссе⁴⁰⁰, возможная прокладка автомобильных и железных дорог, нефте- и газопроводов через Афганистан. Таким образом, Пакистан пытается переориентировать торговлю Центральной Азии на южноазиатское направление. Так он может решить некоторые собственные проблемы (например, с обеспечением природным газом) и, возможно, даже стать посредником в торговле Центральной Азии с другими странами (по суше – с Южной Азией и даже Индией), по морю – со странами бассейнов Индийского и Тихого океана. Кроме того, это приведет к открытию дополнительных путей в азиатский хинтерланд, которые не будут контролироваться морскими и воздушными силами Индии.

Пакистан еще в 1990-е гг. выразил желание стать полноправным участником «шанхайского процесса». Это вполне естественно, учитывая то обстоятельство, что он является давним партнером Китая и надеется на сотрудничество с центральноазиатскими странами не только в экономической (ЭКО), но и в политической областях. Однако ни Россия, ни центральноазиатские страны, входящие в ШОС, не желали видеть Пакистан в качестве полноправного члена этой организации. Причиной была его поддержка движения «Талибан» и стремление России сохранить союзные отношения с Индией. В конечном итоге, и Индию и Пакистан приняли в ШОС в качестве наблюдателей.

Пакистан прилагает также много усилий для развития своих отношений с центральноазиатскими странами на двусторонней основе. В частности, некоторые планировавшиеся или частично реализованные проекты охватывали такие области, как спутниковая связь, телекоммуникации, ирригация и банковское дело, производство оборудования, строительство железных дорог,

398 Reetz D. Pakistan and the Central Asia Hinterland Option: The Race for Regional Security and Development// Journal of South and Middle Eastern Studies. Fall 1993. vol. XVII. No. 1.

399 Maqbool Ahmed Bhatti. Pakistan and the ECO// Regional Studies Quarterly (Spring 1995).

400 Согласно этому соглашению сухопутный торговый путь, проходящий по Каракорумскому шоссе и соединяющий северный Пакистан и Китай, должен быть открыт для обеспечения прямого выхода Кыргызстана к Индийскому океану.

гидроэлектростанций и т. д. Тем не менее, доля торговли с Пакистаном для центральноазиатских стран несущественна.

Пакистан очень сильно нуждается в новых источниках нефти и, особенно, газа. В этом плане с середины 1990-х гг. муссировалась идея трансафганского газопровода. Тем не менее, нестабильность в Афганистане выступала и до сих пор является одним из важнейших ограничителей на развитие отношений Пакистана с Центральной Азией.

Например, после достижения в октябре 1994 года в Ашхабаде соглашений о расширении сотрудничества в сфере коммуникаций и энергетики между президентами центральноазиатских государств и Пакистана, в конце октября 1994 года из пакистанского пункта Кветта на границе с Афганистаном выехал торговый автокараван. Целью была доставка крупной партии товаров через территорию Афганистана в туркменский город Кушку. Караван состоял из 30 крытых грузовиков. Правительство Пакистана возлагало большие надежды на этот автокараван, стремясь проложить новый торговый маршрут в Центральную Азию. Возглавлял это мероприятие муж тогдашнего премьер-министра Пакистана Беназир Бхутто Асиф Зардари (ставший в 2008 г. президентом Пакистана). Однако при переходе через территорию Афганистана этот автокараван был полностью разграблен моджахедами. В то же время, мулла Омар, глава талибов, гарантировал прохождение торговых караванов. Частично, именно в этом контексте можно воспринять поддержку Пакистаном движения «Талибан». Последнее, как казалось пакистанскому руководству, было способно стабилизировать эту страну и открыть столь желаемые торговые пути в Центральную Азию.

Тем не менее, эта стратегия оказалась глубоко ошибочной. Центральноазиатские политические элиты считали «Талибан» основной угрозой собственной безопасности, а поддерживающий его Пакистан, соответственно, воспринимали как скрытого врага. Эта ситуация наложила на демонизацию Пакистана советской пропагандой, которая часто выставляла Индию в качестве невинной жертвы постоянных пакистанских агрессий. Наконец, центральноазиатские элиты отнюдь не испытывают восторга по поводу политической и экономической системы, существующей в Пакистане (периодические военные диктатуры, экономическая стагнация, исламская система, политическая нестабильность и терроризм). В результате, Пакистан начинает представляться в качестве весьма нежелательного партнера.

Поддержка США идеи «Большой Центральной Азии», казалось бы, могла способствовать продвижению пакистанских интересов. Тем не менее, постоянный рост внутренней нестабильности в самом Пакистане и неуспешность войны США и НАТО с «Талибаном» в Афганистане привели к тому, что отношения с Центральной Азией не только не развивались, но, напротив, стагнировали.

Важнейшую роль в политической культуре **Саудовской Аравии** играет ее идентичность как родины пророка Мухаммеда и места расположения двух самых святых для мусульман городов Медины и Мекки, куда всеми мусульманами совершаются хаджи⁴⁰¹. Даже в титуле короля присутствует наименование

⁴⁰¹ См. Goldberg J. The Foreign Policy of Saudi Arabia. Cambridge: Harvard University Press, 1986; Koury E. M. The Saudi Decision-Making Body: The House of al-Saud. Hyattsville, Maryland: Institute of Middle Eastern and North African Affairs, 1978.

«Хранитель двух священных мечетей». Саудовская Аравия — наиболее теократизированное государство мусульманского мира и даже мира в целом.

Саудовская Аравия рассматривает новые независимые государства Центральной Азии, прежде всего, как часть мусульманского мира. При этом политика данной страны заключается в ее утверждении в качестве лидера мусульманского мира, основываясь на роли Мекки в исламской религии и обладании самыми крупными на Земле запасами нефти. Саудовская Аравия также стремится к укреплению исламской солидарности. Наконец, она является одним из крупнейших мировых доноров. За период 1973–1992 гг. уровень затрат на иностранную помощь составил 5,45 % от среднего размера ВВП (для сравнения, у развитых стран этот показатель не превышал 0,2 %) ⁴⁰². К 1995 г. общий размер помощи другим государствам составил 70,6 млрд долл ⁴⁰³.

Основная часть этих денег тратится на поддержку ислама по всему миру и на различные престижные проекты, повышающие авторитет Саудовской Аравии среди других мусульманских стран. Активность данного государства в Центральной Азии проявляется в религиозной сфере: в распространении исламской литературы, строительстве мечетей, укреплении институтов ислама, содействии в получении религиозного образования, совершении хаджа и изучении арабского языка. Во многом именно саудовские деньги способствовали процессам «исламского возрождения» на постсоветском пространстве.

Проблема заключается в том, что эта деятельность вполне может пониматься и как направленная на утверждение специфического понимания ислама. Люди, получившие образование в Саудовской Аравии, принимают и распространяют в ней ханбалистскую правовую трактовку ислама. Это противоречит традициям центральноазиатского ислама. Он традиционно характеризуется другой школой права (ханифитской) и большой ролью суфийских практик.

Деньги из саудовских фондов, по утверждению центральноазиатских властей, играли существенную роль в росте экстремистских, радикально-исламистских настроений. *В результате Саудовская Аравия с ее благотворительной политикой* ⁴⁰⁴ *начала восприниматься чуть ли не как главный идеологический противник центральноазиатских политических режимов.*

Некоторую привлекательность для центральноазиатских элит имело сочетание эффективного использования природных ресурсов с жестко авторитарным режимом. Большое значение для Туркменистана, например, имела идеология утверждения политической системы наподобие аравийских монархий (много углеводородных ресурсов, мало населения, жестко авторитарный режим). В частности, именно этим обосновывалось решение сделать Туркменбаши пожизненным и, возможно, наследственным правителем.

Другие аравийские монархии активны, в основном, в области экономики. Так Объединенные Арабские Эмираты заняли в 2006 г. первое место в импорте Туркменистана (15,5 %). Дубай позиционируется как торговый центр,

402 Saudi Arabia. A Nation and Achievements. Kingdom of Saudi Arabia. Ministry of Informations' Foreign Information. 1996. P. 5. (официальная публикация)

403 Ibid.

404 Правда, существует точка зрения, что саудовцы помогли религиозным экстремистам сознательно, с целью дестабилизации Каспийского региона и, таким образом, недопущения на рынок его энергоресурсов. Это утверждение, как и другие теории заговоров, трудно доказуемо, но трудно и опровергаемо.

обеспечивающий исламскому миру, включая Центральную Азию, связи с глобальной экономикой. Там, действительно, часто можно встретить центральноазиатских торговцев. Султанат Оман был одним из инициаторов Каспийского трубопроводного консорциума. Тем не менее, арабские благотворительные фонды, работающие в Центральной Азии и вызывающие столь большие нарекания местных властей, получают деньги отнюдь не только из Саудовской Аравии, но и из более мелких аравийских монархий.

Можно провести определенную параллель между результатами центральноазиатских политик Пакистана и Саудовской Аравии. Обе страны попытались использовать идеи и институты ислама для того, чтобы установить эффективные отношения со странами региона. В первом случае это выразилось в поддержке «Талибана». Во втором случае – в помощи через различные исламские фонды религиозному возрождению в Центральной Азии. Однако в обоих случаях результат оказался отрицательным. Избранные политики лишь серьезно дестабилизировали регион. Поддержанный Пакистаном «Талибан» и различные экстремистские движения (ИДУ, Хизб-ут-Тахрир), в становлении которых определенную роль сыграли саудовские деньги, превратились в крупнейшую угрозу безопасности региона. Это очень серьезно испортило имидж Пакистана и Саудовской Аравии в глазах центральноазиатских элит.

Итак, обе страны безуспешно попытались реализовать в Центральной Азии проекты интеграции, основанные на своем специфическом понимании ислама: восточноисламский мир или ханбалитско-ваххабитское понимание.

Глава 4. АЗИАТСКИЕ СТРАНЫ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Встречаются как-то казах и китаец. Последний спрашивает: «Сколько вас всего?»

– «Ну, собственно казахов миллионов семь с половиной, да еще других казахстанцев столько же, а всего – около пятнадцати».

– «Да вы все друг друга в лицо знаете!»

Анекдот из Астаны

1. **Общее и особенное в центральноазиатских политиках стран Азии**

Как и в случае с исламским миром, «азиатская коалиция» в Центральной Азии – нечто достаточно аморфное. Однако, в отличие от России и мира ислама, она обладает огромной экономической мощью, вполне сопоставимой с той, которую имеет Запад. Кроме того, к ней могут быть отнесены такие великие державы, как Китай, Индия и Япония.

Среди стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) наблюдается достаточно сильный культурный и религиозный плюрализм, многообразие и даже гетерогенность. Тем не менее, для большинства из них характерно стремление обеспечить эффективно социальное-экономическое развитие и наладить торгово-инвестиционное взаимодействие в этом направлении. У всех них также отсутствует характерное для Запада желание «навязать» модель политического развития. «Азиатские ценности», выдвигаемые как альтернатива западным, характеризуются

стремлением к органичному синтезу традиции и современности, попытками увязать сильное (зачастую авторитарное) государство и коллективные формы социальной жизни с современной экономикой.

Можно вычленил достаточно четкое осознание общего интереса у всех стран АТР по отношению к Центральной Азии, проявляющееся в том, что для них наиболее желательным вариантом было бы превращение Центральной Азии в «проекцию» Азиатско-Тихоокеанского региона. Они стремятся к увеличению АТР путем привлечения в него центральноазиатских стран. Последние воспринимаются как его естественный резерв в материковом хинтерланде. Это связано с желанием приобрести новых партнеров, новые источники сырья, новые резервы регионального роста.

Страны Центральной Азии в целом благожелательно относятся к проекту расширения АТР на свой регион. Это поможет в какой-то степени приобщиться к процветанию азиатско-тихоокеанского региона и способствовать созданию эффективной системы бюрократическо-элитарного контроля над политической, социальной и экономической жизнью. Для узбекского и, в меньшей степени, туркменского руководства азиатский опыт успешной авторитарной модернизации был способом легитимации режима.

Инструментом политики «азиатизации» Центральной Азии может быть, прежде всего, экономическая экспансия, прокладка новых транспортных маршрутов. Между тремя основными центральноазиатскими игроками из АТР установилось даже своеобразное «разделение труда». Китай играет роль ведущего торгового партнера, Япония выступает в качестве главного кредитора, а южнокорейские корпорации (особенно, в 1990-е гг.) являлись основными прямыми инвесторами⁴⁰⁵. Для проведения политики «расширения» АТР активно используются и различные международные организации, прежде всего, Азиатский банк развития. Китай активно использует ШОС, в рамках которого продвигаются такие проекты, как «энергетический клуб» и «зона свободной торговли».

Уже к 1995 г. на торговлю с Азией приходилось 14 % совокупного экспорта центральноазиатской пятерки и 15 % ее импорта. Государства Азиатско-Тихоокеанского региона стали третьим по значимости внешнеторговым партнером Центральной Азии после России и Западной Европы. Объемы торговли с АТР уже тогда заметно превзошли товарооборот центральноазиатских стран (кроме Туркменистана) с такими соседними азиатскими странами, как Турция и Иран⁴⁰⁶. Львиную долю этой торговли обеспечивали Китай и Южная Корея. Правда, в начале 2000-х гг. доля Южной Кореи в региональной торговле стала резко уменьшаться, а доля Китая, напротив, расти. В основном, за счет последнего АТР и в настоящее время удерживает важные позиции во внешней торговле Казахстана, Киргизии и Узбекистана. Меньшую роль он играет для Таджикистана и совсем маргинальную для Туркменистана (здесь ситуация должна измениться после предполагаемой прокладки газопровода в Китай).

Среди стран Южной Азии, заметных в Центральной Азии, ключевую роль играет Индия. Для нее тоже характерны бурные темпы экономического развития на основе традиционной культуры и азиатистские идеи (в свое время ак-

⁴⁰⁵ Резникова О.В. Центральная Азия и Азиатско-тихоокеанский регион// Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4. С. 100 – 108.

⁴⁰⁶ Там же.

тивным сторонником паназиатизма был, например, Джавахарлал Неру). Тем не менее, Индия заинтересована в развитии транспортных путей не на Восток, в АТР, а на юг, в Южную Азию. В связи с этим, в отличие от Китая, Южной Кореи и Японии, выступающих по некоторым ключевым экономическим вопросам «командой», ее можно рассматривать как «изолированного игрока».

Среди азиатских стран, несмотря на определенные пункты схождения интересов, также очень много разногласий, которые играют свою роль и в формулировании центральноазиатской политики. Китай и Индия выступают в роли традиционных противников. В советские времена Индия была союзницей СССР, Китай вместе с США поддерживал Пакистан. Все страны как АТР, так и Центральной Азии опасаются роста могущества Китая. С другой стороны, Китай и Южная Корея до сих пор предъявляют претензии Японии за зверства ее военщины во время Второй мировой войны и поэтому очень осторожно относятся к ее попыткам играть роль регионального лидера.

Китай начинает восприниматься как главный геополитический и геоэкономический конкурент США. Япония и Южная Корея – традиционные союзники Соединенных Штатов, а Индия все активнее сближается с ними.

Одновременно по центральноазиатским вопросам страны Азии находят возможности для взаимодействия со всеми другими игроками: с США, Европой, Россией, некоторыми исламскими странами. Например, проект «Великого шелкового пути» одновременно пользуется поддержкой Европы, США, многих исламских государств, стран АТР. Китай играет роль главного партнера России в Центральной Азии.

Наряду с рассматриваемыми ниже Китаем, Японией и Южной Кореей предельную активность проявляли в Центральной Азии и другие государства АТР, например, *Малайзия* и *Индонезия*. Последние подчеркивали, наряду с азиатскими ценностями, и роль общей исламской идентичности. При этом пример удачного вписывания исламских стран в экономическую динамику АТР не мог не привлекать центральноазиатские элиты.

В целом, несмотря на огромный экономический потенциал азиатских стран, только Китай играет в центральноазиатских делах заметную роль. В связи с этим наиболее подробно будет анализироваться его региональная политика.

2. Китай – наиболее перспективный игрок в регионе?

А. «Китайский проект» для Центральной Азии: достоинства и недостатки

Для понимания традиции, сформировавшейся в центральноазиатской политике Китая, существенно учесть традиционную для Поднебесной геополитическую модель. «Рассмотрение традиционной китайской идеологией вселенского пространства как единого политического целого во главе с императором Поднебесной формировало практику международных отношений и внешнеполитическую доктрину Китая. Государственная идеология отождествлялась с вселенской, а фактором сущностного сплочения были идеи распространения культуры и защиты “варваров”, ищущих в китай-

ском монархе опору. Традиционная китайская идеология связывала основные функции по разделению и организации пространства со сверхъестественной индивидуальной силой-дэ государя Поднебесной. Считалось, что благотворное влияние этой силы-дэ испытывают не только ханьцы, но и “дальние” народы, которые сами покоряются и прибывают ко двору с данью. В связи с этим все народы и племена, находившиеся в разной степени удаленности от Китая, рассматривались либо как реальные, либо потенциальные вассалы китайского государства, а имперские шаги, направленные на включение новых земель в административно-территориальную структуру, официальная идеология объясняла либо патронажем этнических периферий, либо необходимостью покарания за нарушение вассальных обязанностей»⁴⁰⁷.

Существенно также то, что мир в рамках китаецентричной модели мыслился как серия концентрических кругов китаизации: сама территория Поднебесной – китаизированные («переваренные») и покоренные варвары – некитаизированные («сырые»), но покорные варвары – потенциально покорные варвары. Центральная Азия является объектом политики китаизации с древнейших времен. Правда, наибольших успехов этот процесс достиг в период империи Тан, которая представляла собой «синтез» кочевых центральноазиатских и китайских традиций⁴⁰⁸. От Танской эпохи сохранилось много книг, рассказывающих о Центральной Азии (например, «Иллюстрированное сообщение о дани, преподнесенной на дворцовом приеме киргизами» Люй Шу или гигантский коллективный труд «Иллюстрированный трактат о Западном крае»). По одной из версий, великий китайский поэт той эпохи Ли Бо родился неподалеку от столицы Тюркского каганата города Суяб, расположенного рядом с городом Токмак на территории современной Киргизии⁴⁰⁹.

В то же время, культура пяти стран Центральной Азии испытала влияние китаизации скорее опосредованно, в той мере, в какой она была связана с родственной культурой более близкого Китая Синьцзяна⁴¹⁰. В конечном итоге, сквозь призму проблем и перспектив развития Синьцзяна Китай воспринимает Центральную Азию и сейчас. Однако из этого региона, который достаточно часто испытывал китаизирующее военно-политическое давление, в Центральную Азию попал в качестве устойчивого стереотипа и страх перед китайцами. Его носителями могли стать, например, волны беженцев, посто-

407 Попова И.Ф. Танский Китай и Центральная Азия// <http://www.kyrgyz.ru/?page=264>.

408 Там же.

409 См.// <http://www.easttime.ru/countries/int/3/8/49.html>

410 *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926; *Бичурин И.* Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем его состоянии. Т. 1—2. СПб., 1829; *Бичурин И.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—3., СПб., 1851; Восточный Туркестан и Средняя Азия: История. Культура. Связи. М., 1984; *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: ИВЛ, 1963; *Боровкова Л.А.* Запад Центральной Азии во II в. до н.э. — VII в.н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989; *Малавкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследование. Новосибирск, 1989; *Кузнецов В.С.* Циньская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983; *Кадырбаев А.Ш.* Очерки истории средневековых уйгуров, джалаириров, найманов и киреитов. Алматы: Рауан, 1993; *Караев О.К.* История Караханидского каганата (X — нач. XIII вв.). Фрунзе, 1983; *Литвинский Б.А., Смагина Б.Б.* Манихейство. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос. Языки. Религии. М., 1992; *Попова И.Ф.* Танский Китай и Центральная Азия// <http://www.kyrgyz.ru/?page=312>; *Schafer E.* The Golden Peaches of Samarkand: A Study of T'Ang Exotics. Berkeley: University of California Press, 1985; *China in Central Asia. The Early Stage: 125 B.C. — A.D. 23.* An annotated Translation of Chapters 61 and 96 of the History of the Former Han Dynasty. Tr. by A.F.P. Hulsewe. With an Introduction by M.A.N.Loewe. Leiden, 1979; *Barfield T.* The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge: Blackwell, 1992.

янно переселявшихся из Синьцзяна в Центральную Азию и обратно. Последним примером такого переселения стал массовый исход (более 70 тысяч человек) из Синьцзяна в советские республики Центральной Азии в годы маоистской «культурной революции».

Ужас у народов Синьцзяна и Центральной Азии до сих пор вызывает один из первых в мире актов геноцида, организованный китайским правительством в середине 50-х годов XVIII в., когда было истреблено почти все население соседней Джунгарии (часть его спаслась в русских владениях).

В другом виде и в иных идеологических сочетаниях та же самая политика «китаизации варваров» и «наступления на Запад» проявлялась и в эпоху Мао. Стоит вспомнить, например, про поведение коммунистических властей во внутренней Монголии, Тибете, и Синьцзяне. Эти территории, в разной степени стремившиеся к независимости, были вновь завоеваны маоистским Китаем и стали полигоном для различных социально-идеологических экспериментов, включавших в себя насильственную китаизацию⁴¹¹.

В намного более гуманных формах та же самая политика продолжается и теперь. Она реализуется путем переселения китайцев на запад и создания ситуации их численного доминирования на всех вышеперечисленных территориях, где коренные народы превращаются в национальные меньшинства. Правда, здесь есть и обратная сторона: переселяемые китайцы используются для ускоренного экономического развития соответствующих регионов. Социальными издержками подобной политики становится вытеснение национальных меньшинств из всех более или менее престижных социальных страт (бизнес, даже мелкий, политика, культура). Уйгурский экстремизм стал одним из ответов на эти социальные проблемы.

Связанные с вышеперечисленными обстоятельствами стереотипы восприятия Китая до сих пор сохраняются (и даже усиливаются), например, в культуре казахов. Так, для них присоединение к России оказалось *меньшим злом*, чем китайское завоевание, что отражает следующая легенда. «По преданию, великий Бухар-жырау советовал Аблай-хану: “Нам предстоит выбор между двумя великими соседями и без узды не обойтись. Узда китайская железная – не выпустит. Узда русская кожаная – можно при необходимости растянуть”»⁴¹². Существуют также две казахские пословицы, описывающие оба аспекта этой ситуации: «Дружи с русским, но держи наготове топор», но, с другой стороны: «По сравнению с китайцем русский покажется отцом родным».

Очень важным в этой связи стал вопрос о границах⁴¹³. Маоистский Китай имел очень серьезные территориальные претензии к СССР, в том числе, в Центральной Азии. К чести нынешнего китайского руководства следует отметить, что уже в начале 1990-х гг. оно сделало все, чтобы решить вопрос о границах путем мирных переговоров. Именно из этого диалога и развилась впоследствии ШОС. Правда, по результатам подписанных соглашений о дели-

411 Сладковский М.И. Великоханская доктрина «единой китайской нации»// Маоизм и национальный вопрос. Улан-Батор, 1980; Переломов Л.С., Гончаров С.Н., Никогузов Э.В. Великоханская сущность концепции извечного единого многонационального Китая// Проблемы Дальнего Востока. 1981. N 4.

412 Искалиев Н.И. Казахстан и Узбекистан на пути к интеграции// Внешняя политика Казахстана. Сборник статей. Алма-Аты – Москва. 1995. С. 66.

413 Хафизова К. Казахско-китайская граница в прошлом и сегодня// Многомерные границы Центральной Азии. Под ред. М.Б. Олкотт и А. Малащенко. Вып. 2. М., 2000. С. 70—87; Щукина Н.М. Как создавалась карта Центральной Азии. М., 1955; Мусеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 гг.). Барнаул: Азбука, 2003. С. 5 – 20.

митации границ всех соседних с КНР центральноазиатских стран и России, Китай получил определенную часть территории, которую до этого контролировал СССР.

Киргизия подписала с Китаем ряд пограничных соглашений в 1996—1999 гг., сделав ряд серьезных уступок⁴¹⁴. Причем ратификация этих соглашений парламентом вызвала настоящий народный бунт. Договор между Казахстаном и КНР о границе был заключен в 1994 г., а последние разногласия были улажены в 1997 г. Китаю досталась вершина пика Хан-Тенгри, имеющего культовое значение для казахов⁴¹⁵. Таджикско-китайские соглашения были подписаны в 1999 и 2002 гг. Согласно им, Китай также получил часть спорных территорий (например, в районе Большого Памира).

В целом, «китайский проект» для Центральной Азии, в той мере, в какой он связан с исторической традицией, имеет очень серьезные ограничения. Страх перед демографическим, экономическим, военным и политическим давлением Китая глубоко впитался в национальную психологию его соседей. Однако этот проект несет и очень серьезные перспективы. Только через Китай возможно «подключение» к полюсу глобального экономического роста, формирующемуся в АТР. КНР также демонстрирует чрезвычайно эффективную модель экономических реформ в сочетании с сохранением авторитарных посткоммунистических порядков. Особенно привлекательна эта модель всегда была для политического руководства Узбекистана и Туркменистана (в начале 1990-х гг. эти страны даже заявляли, что следуют «китайской», а не «российской» модели реформ).

В последнее время Китай начинает все большее внимание обращать на необходимость использования «мягкой силы» для поддержки своих проектов в Центральной Азии⁴¹⁶. В частности, он взял на себя обязательство подготовить 15 тысяч специалистов в рамках ШОС. Причем, по некоторым сообщениям, эти люди получают довольно серьезное «китаизирующее» и «конфуцианизирующее», а не, скажем, чисто техническое образование⁴¹⁷.

Б. Центральноазиатская политика Китая в 1990-е гг.: в поисках стабильности

Для Китая распад СССР, который все еще по инерции воспринимался как потенциальный враг, стал как открытием целого ряда новых возможностей, так и источником новых угроз. В условиях резко повысившейся неопределенности основной задачей КНР стало обеспечение стабильности в сопредельных регионах как в качестве условия для собственного развития, так и в качестве базы для построения в дальнейшем эффективного сотрудниче-

414 Материалы и документы о кыргызско-китайской границе. Под ред. Н. Керимбековой. Бишкек, 2003.

415 Хлюпин В.Н. Геополитический треугольник. Казахстан — Китай — Россия. Прошлое и настоящее пограничной проблемы. Вашингтон, 1999.

416 Например, в Китае начинают говорить о необходимости усиления «идеологических инвестиций» в Центральной Азии. См. Первая региональная организация сотрудничества «нового типа» в 21 веке. Комплексный подход к анализу Шанхайской организации сотрудничества. Пекин: Изд-во парт. школы ЦК КПК, 2006.

417 Сообщение научного сотрудника Центра исследования ШОС и проблем региональной безопасности Института Дальнего Востока РАН Задерей Н.В.

ва⁴¹⁸. «...первая половина 1990-х гг. стала подготовительным периодом, когда устремления Пекина не имели четкой стратегической составляющей и ограничивались установлением базовых дипломатических контактов, развитием региональной торговли и собиранием информации»⁴¹⁹.

Китай был одним из лидеров в процессе международного признания ННГ Центральной Азии. По приглашению китайской стороны с февраля 1992 г. по октябрь 1993 г. в КНР с официальными визитами побывали главы пяти государств, а также большинство глав правительств, не считая визитов более низкого уровня. В 1992—1994 гг. Китай подписал со странами Центральной Азии более 90 двусторонних межправительственных соглашений.

Важной задачей в плане обеспечения стабильности стали демилитаризация и повышение мер доверия в зоне бывшей китайско-советской границы. Для реализации этой задачи были задействованы механизмы как двусторонних переговоров с соседями Китая, так и многосторонних консультаций (по модели 5 стран – 2 стороны, т.е. Китай и бывшие советские республики). Эти переговоры привели как к заключению описанных выше соглашений о делимитации границы, так и дали возможность наладить комплексное взаимодействие с соседями. Следует отметить, что правительство КНР было склонно рассматривать отношения с Россией и странами Центральной Азии как единое целое⁴²⁰, не пытаясь играть на противоречиях между бывшими союзными республиками и Москвой. Это, в свою очередь, стало фактором, обусловившим стратегическое сближение России и Китая в дальнейшем.

Важным направлением взаимодействия стало экономическое. В 1990 г. объем двусторонней торговли между КНР и Центральной Азией составлял около 465 млн долл США. Уже в 1992 г. эта цифра выросла в 10 раз. В дальнейшем рост торговли продолжался, в 1994 г. ее объем составил 5,12 млрд долл, а в 1995 г. перевалил за 5,5 млрд. Главными статьями экспорта Китая в Центральную Азию являлись пищевые продукты и изделия легкой промышленности. Импорт включал различного рода сырье. Наиболее бурно развивались экономические связи с Казахстаном: из 190 совместных предприятий, созданных в 1992 г., 110 находились именно там, а объем торговли между Синьцзяном и Казахстаном составил в том же году 2,4 млрд дол (т. е. чуть больше половины всей торговли между Китаем и Центральной Азией вообще). Достаточно большую активность китайские компании проявили при приватизации в Ка-

418 Вопросы политики Китая в 1990-х гг. были рассмотрены в следующих работах: *Затулин К. Ф., Грозин А. В.* Национальная безопасность Казахстана. Проблемы и перспективы. М.: Ин-т стран СНГ, 1998; *Лузянин С. Г.* Китай, Россия и Центральная Азия: разграничение региональных интересов// Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001. С. 311—335; *Лунев С. И.* Независимые республики Центральной Азии и Россия: учеб. пособие. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001; *Burles M.* Chinese Policy toward Russia and the Central Asian Republics. San Francisco: RAND, 1999; *Chung Chien-Peng.* The Defense of Xinjiang. Politics, Economics and Security in Central Asia// Harvard International Review. 2003. Summer. P. 61—62; *Gill B., Oresman M.* China's New Journey to the West. China's Emergence in Central Asia and Implications for U.S. Interests: Strategic Studies Institute Report. New York: U.S. Army War College, 2003; *Hyman A.* Moving out of Moscow's Orbit: The Outlook for Central Asia// International Affairs. 1993. V. 69. N 2. P. 288—304; *Munro R. H.* China's Waxing Spheres of Influence// Orbis. 1994. V. 38. N 4. P. 25—41; Freeman Chair in China Studies, Event Summary, China's Emergence in Central Asia: Security, Diplomatic, and Economic Interests, Forum One: The Current State of China — Central Asia Diplomacy and Implications for US Foreign Policy, Wednesday, February 5, 2003// www.csis.org/china/030205_ce_forum01.pdf (accessed on 4 August 2003).

419 *Боровой В.* Политика КНР в Центральной Азии в первой половине 1990-х гг.// Журнал международного права и международных отношений. 2007. № 1.

420 *Чжан Вэнь.* Отношения КНР с Россией и государствами Центральной Азии: современное состояние, стимулы и перспективы// Дуоу, Элосы, Чжуня яньцзю. 1994. № 4. С. 7—11.

захстане (в 1997 г. 20 % иностранных инвестиций в эту страну пришлось на Китай)⁴²¹.

Отношения с Центральной Азией стали превращаться постепенно в ключевой фактор развития Синьцзяна. Этому сильно способствовали давние исторические связи между основным коренным этносом Синьцзян-уйгурского автономного района (СУАР) уйгурами и народами Центральной Азии⁴²².

Для Китая в целом торговля с Центральной Азией мало значима, составляя менее 1 % его совокупного внешнеторгового оборота. Начиная с первой половины 1990-х гг., развитие экономических контактов с Центральной Азией рассматривалось, скорее, как возможность стимулировать развитие экономики Синьцзян-Уйгурского автономного района, а не как нечто значимое для всего Китая⁴²³. Уже в начале 1990-х гг. более 50 % всей торговли КНР с Центральной Азией приходилось на СУАР. Эта тенденция сохраняется и в 2000-х гг. (свыше 60 % внешнеторгового оборота Синьцзяна приходится на долю сопредельных центральноазиатских стран и России). В 1966 г. удельный вес Казахстана в импорте СУАР составил 43,3 %, Киргизии – 14 %, а доля этих двух государств в экспорте СУАР в этом же году достигла 16 и 13 %. К этому времени Киргизия и, особенно, Казахстан стали для прилегающих территорий Китая основными внешнеторговыми партнерами, опередив даже Гонконг⁴²⁴. Четыре китайских города (Цзимунай, Такшичэн, Турдот, Хундже-раб), расположенные на границах с Казахстаном и Киргизией, стали «городами, открытыми для приграничной торговли». Город Нарын возле китайской границы с Киргизией также стал свободной торговой зоной.

После заметного роста в первой половине 90-х годов, в 1996–1997 гг. торговля между центральноазиатскими государствами и АТР стабилизировалась. Экспорт Казахстана в Китай, например, застыл на уровне примерно 450 млн долл, а импорт – 40–50 млн⁴²⁵. Экономический кризис в Азии сильно способствовал стагнации торговли. Ее оживление стало наблюдаться лишь в связи с началом нового экономического роста в СНГ (к началу нового тысячелетия).

Отсталость и экономическая стагнация как в Центральной Азии (последствия постсоветского кризиса), так и в Восточном Туркестане (один из наименее развитых районов Китая) стали одним из основных ограничителей торговли. В связи с этим дальнейшие перспективы ее развития оказались тесно связанными с реализуемой в Китае с начала 1990-х гг. стратегией освоения и развития западных районов. Последняя направлена на ликвидацию диспропорции в экономическом развитии между западными и восточными провинциями КНР.

Перспективы экономического роста в Китае в значительной мере связаны с тем, насколько успешно эта страна сможет решить проблемы с обеспечением энергоносителями. В этом плане наибольший интерес представляет сдвиг в

421 Резникова О.В. Центральная Азия и Азиатско-тихоокеанский регион// Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4. С. 100-108.

422 Dorian J., Wigdortz B. & Gladney D. Central Asia and Xinjiang, China: Emerging energy, economic and ethnic relations// Central Asian Survey. 1997. № 4. P. 461-486.

423 Шэнь Фану. Великая игра и Центральная Азия: об изменениях в международном стратегическом положении// Цзефанцзюнь вайю сюеюань сюебао. 1996. № 5. С. 107-108.

424 Резникова О.В. Центральная Азия и Азиатско-тихоокеанский регион// Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4. С. 100-108.

425 Там же.

направлении разработки нефтегазовых ресурсов Синьцзян-Уйгурского автономного района (где расположено до 1/3 нефтяных запасов страны)⁴²⁶. Частью этого процесса стала реализация проекта «Западный газ на восток по трубопроводу». Сооружение нефтепровода из Казахстана и газопровода из Туркменистана в Китай стало естественным продолжением данной политики⁴²⁷.

С середины 1990-х гг. стали наблюдаться новые тенденции в политике Китая в Центральной Азии. Появились элементы перехода от стабилизационной политики к интеграционной (как это имело место и в случае с ЕС, правда, на 5 лет позднее). Несколько позднее суть китайской политики в регионе, которая стала выкристаллизовываться именно в описываемый период, была сформулирована следующим образом «...в результате долгого поиска и тщательной подготовки центральноазиатская стратегия Пекина определилась. Она направлена на то, чтобы, опираясь на ШОС, активно участвовать в решении проблем региона, развивать отношения с его странами, способствовать стабильности и процветанию, а также осуществлять свои стратегические интересы, которые, прежде всего, сосредоточены в сфере освоения ресурсов Центральной Азии»⁴²⁸.

«Шанхайская пятерка» (затем ШОС) постепенно стала использоваться как основной инструмент многостороннего китайско-российско-центральноазиатского сотрудничества. Это позволяло «застраховаться» от возможных рисков, связанных с развитием исключительно двусторонних отношений в данном регионе⁴²⁹. Причем шанхайский процесс из первоначальной приграничной проблематики быстро вышел на уровень коллективной борьбы против «трех зол — терроризма, национального сепаратизма и религиозного экстремизма» (китайцев, естественно, интересовал уйгурский экстремизм)⁴³⁰. Одновременно Пекин стал делать попытки использовать механизмы шанхайского процесса для развития экономического сотрудничества. Уже в 1998 г. участники «Шанхайской пятерки» поставили вопрос о поощрении и развитии торгово-экономического сотрудничества. Во время встречи в Бишкеке в 1999 г. речь уже шла о необходимости создания общей транспортно-коммуникационной инфраструктуры.

Другим направлением стало развитие альтернативных транспортных маршрутов. Здесь Китай в рамках проекта «Великий шелковый путь» выступал, скорее, в роли партнера других стран АТР (прежде всего, Японии) и ЕС. Сеть транспортных маршрутов должна «подключить» Центральную Азию к АТР и одновременно создать альтернативный Транссибу и пути по Индийскому океану «мост» между АТР и Европой. Комплексные проекты такого рода включают в себя железнодорожную, автомобильную, трубопроводную и оптико-волоконную составляющую.

Важнейшей сферой китайских интересов в регионе со второй половины

⁴²⁶ Там же.

⁴²⁷ The Economist. 1998. 7 November. P. II.

⁴²⁸ Ли Лифань, Дин Шу. Геополитические интересы России, США и Китая в Центральной Азии// Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 3. С. 164—165.

⁴²⁹ См. Лузянин С.Г. Роль Китая в каспийских энергопроектах// Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Энергетика и политика. М.: Навона, 2005. С. 236 – 254.

⁴³⁰ Син Гуанчэн. Шанхайская организация сотрудничества в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом// Центральная Азия и Кавказ. 2002. №12. С. 37—41.

1990-х гг. стала энергетика. Однако эта тенденция с наибольшей силой проявилась уже в следующий период.

В. Китай и Центральная Азия в 2000-е гг.: новый главный игрок?

Важным фактором в формулировке центральноазиатской стратегии КНР в новом тысячелетии⁴³¹ стало постепенное превращение Китая в сверхдержаву⁴³², геополитически соперничающую с США в АТР, Центральной Евразии, Персидском заливе, Африке, Латинской Америке. Китайское влияние и китайский бизнес начинают проявляться всюду, даже в местах, где ни о каком традиционном китайском влиянии никогда не слышали (например в Анголе или Венесуэле). В этом плане расположенная рядом Центральная Азия уже воспринимается Китаем как своеобразный «стратегический тыл».

В этом контексте можно воспринимать и активизацию политики Пекина по развитию глубинных материковых областей Китая. Все больше усилий тратится на выравнивание социально-экономического разрыва между городом и деревней, между модернизированными приморскими территориями и отсталыми «внутренними» материковыми областями. Это должно способствовать укреплению контроля центральных властей над ситуацией на национальных окраинах, в том числе в СУАР.

Китай предпринимает активные меры по все большему углублению многостороннего сотрудничества в ШОС, созданной в 2001 г., после присоединения к «Шанхайской пятерке» Узбекистана. В рамках ШОС развиваются и механизмы стратегического партнерства. Например, эта организация поддержала решение Узбекистана о выводе американских баз.

Китай также пытается углубить экономическое сотрудничество в рамках Шанхайской организации, превращая ее в инструмент реализации своей экономической стратегии в Центральной Азии.

Энергетическая составляющая сотрудничества была оформлена в «Энергетический клуб» ШОС. В 2002 г. на первой встрече министров торговли «шестерки» китайская сторона выдвинула идею создания зоны свободной торговли в ШОС (эта идея встречает скептическое отношение со стороны как России, так и центральноазиатских стран, боящихся увеличения китайского доминирования в организации).

Росту объемов торговли Китая с Центральной Азией должна способствовать реализация двух грандиозных энерготранспортных проектов, полностью разрушающих российскую монополию на транспортировку ресурсов региона и меняющих всю геоэкономическую ситуацию в регионе. В 2003 и 2004 гг. было достигнуто соглашение о строительстве нефтепровода Казахстан – Китай (Ата-

431 О трансформации внешней политики посткоммунистического Китая см.: *Васильев Л.С.* Китай на рубеже III тысячелетия: конфуцианская традиция или марксизм-маоизм?// Восток. 1992. № 5. С.64—77; *Chinese Foreign Policy: Theory and Practice.* Edited by Thomas W Robinson, David L Shambaugh. Oxford, New York, 1996; *The Making of Chinese Foreign and Security Policy in the Era of Reform.* Edited by David M. Lampton. Stanford, 2001; *Chinese Foreign Policy in Transition.* Edited by Guoli Liu. New York, 2004.

432 В то же время следует учесть, что геополитическое и геоэкономическое соперничество Китая и США не означает превращения этих стран в противников. Напротив, экономически они настолько взаимозависимы, что некоторые эксперты говорят даже о формировании «единой американско-китайской экономики».

су – Алашанькоу)⁴³³. Первый этап проекта уже реализован, правда, по нему пока идет российская нефть.

В 2006 г. было подписано соглашение о строительстве газопровода в Китай из Туркменистана через территорию Казахстана. В настоящее время проект активно реализуется⁴³⁴. Он уже вывел цены на туркменский газ для России на уровень европейских.

Продолжают расти и объемы китайских инвестиций и торговли в регионе. Эта страна стала третьим по значимости партнером региона после России и ЕС. В 2006 г. КНР особо значительные позиции занимала во внешнеторговом обороте двух крупнейших экономик региона: казахстанской и узбекской (3-е место в экспорте, 2-е в импорте Казахстана; 3-е место в экспорте и импорте Узбекистана). Серьезные позиции удерживает Китай и во внешнеэкономических связях Киргизии (5-е место в экспорте и 2-е в импорте) и Таджикистана (4-е место в импорте). В связи с прокладкой китайских трубопроводов в Казахстан и Туркменистан ожидается бурное развитие торговых отношений с этими странами.

В принципе, учитывая стремительный рост экономики Китая и увеличение его потребностей в ресурсах, можно в среднесрочной перспективе прогнозировать, что он, наряду с ЕС, превратится в основного внешнеторгового партнера Центральной Азии, оттеснив Россию (экономический рост в которой связан в основном с добычей и экспортом собственных ресурсов). В долгосрочной перспективе возможен даже выход Китая на первое место во внешней торговле региона.

Г. Общий характер и дилеммы центральноазиатской политики КНР

В целом, можно констатировать наличие определенного параллелизма в центральноазиатских политиках Китая и ЕС. В обоих случаях имели место очень большая осторожность и ориентация на других политических игроков (Россию и США), которые способствовали «сглаживанию» различных дилемм собственной политики. Кроме того, в обоих случаях имел место постепенный и неуклонный рост экономического влияния, сопровождающийся постепенной конкретизацией политики и расширением сфер сотрудничества. В какой-то момент от простого стремления стабилизировать регион, для того чтобы обеспечить эффективное взаимодействие, на достигнутой экономической основе происходит переход к созданию интеграционных институтов. При этом активно используются различные институциональные структуры многостороннего сотрудничества.

Однако осторожность в подходе к политическим дилеммам не дает возможности полностью нейтрализовать их наличие, а лишь минимизирует негативные последствия. Важнейшей дилеммой китайской политики в регионе стало отношение к другим крупным игрокам, прежде всего России и США.

433 Это соглашение рассматривалось как результат определенного разочарования Китая в перспективах энергетического сотрудничества с Россией после отказа от лоббировавшимся ЮКОСОМ проекта «Ангарск-Дацин» и недопуска Китайской государственной нефтегазовой компании (СНПК) к тендеру на приобретение контрольного пакета акций нефтяной компании «Славнефть».

434 Строительство газопровода Туркмения-Китай обойдется в \$6,5 млрд. 14 марта 2008 // <http://www.vz.ru/news/2008/3/14/152317.html>

Как и для ЕС, задачи китайской политики в Центральной Азии оказываются иерархически соподчинены задачам отношений с Россией. В связи с этим, китайское сотрудничество с РФ на глобальном стратегическом уровне основывается на том, что Китай признает российское политическое лидерство в Центральной Азии⁴³⁵. Одновременно в рамках российско-китайского сотрудничества, например внутри ШОС происходит (из-за простой разницы экономических потенциалов) постепенное «перетекание» влияния внутри региона от России к Китаю (это видно на примере осторожного разрушения российской энерготранспортной монополии, чего не смог сделать ЕС). Россия, таким образом, дает Китаю канал роста его влияния под прикрытием сотрудничества с РФ. Правда, Россия, в свою очередь, использует этот канал для того, чтобы контролировать рост китайского влияния в регионе и направлять его по нужному ей руслу. *В целом, КНР нашел очень эффективный способ взаимодействовать с Россией и использовать ее влияние для того, чтобы минимизировать собственные издержки по внедрению в регион.*

Еще более острой дилеммой стали отношения с США. Восприятие Китаем Центральной Азии как «стратегического тыла» диктует опасения в связи с американским присутствием в Центральной Азии и «цветных революций» на постсоветском пространстве⁴³⁶. С другой стороны, Китай нашел очень эффективный способ вписаться в политику «возрождения Шелкового пути», которая пользуется поддержкой США.

Собственно китайской традиционной дилеммой является вопрос о том, какое направление развития и геополитического тяготения считать ключевым: просторы Евразии (западное направление) или моря, омывающие восточную часть Китая⁴³⁷. Политика развития «окраин» свидетельствует о том, что и здесь Пекин пытается найти какую-то эффективную «среднюю линию».

3. Южная Корея и Япония: региональные экономические политики

У политики этих двух стран в Центральной Азии есть одна общая характеристика: большой территориальный разрыв и отсутствие исторических традиций сотрудничества обрекает их на преимущественное использование *экономических инструментов*. При этом у обеих стран есть в регионе общие геоэкономические интересы с Китаем: направить вектор развития Центральной Азии в сторону АТР. Однако обе они в военно-политическом плане выступают в качестве ближайших союзников США.

Южная Корея представляет собой особенно интересный пример необыкновенно «быстрого старта» региональной экономической политики, который позволил «с наскока» завоевать очень серьезные позиции. Однако затем они были постепенно утрачены. Причиной всего этого была избранная Южной

⁴³⁵ Blank S. The new Russo-Chinese «Partnership» and Central Asia// Central Asia and Caucasus Analyst. 2000. August 16// <http://www.cacianalyst.org/Headline1.htm>; Trenin D. The End of Eurasia. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2001. P. 130, 203.

⁴³⁶ См. Лузянин С.Г. Роль Китая в каспийских энергопроектах// Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Энергетика и политика. М.: Навона, 2005. С. 236 – 254.

⁴³⁷ Там же.

Кореей модель политико-экономического развития. В ее рамках наблюдалось очень эффективное взаимодействие с целью реализации проектов экспансии на внешних рынках между жестким авторитарным режимом и чеболями (южнокорейскими монополистическими корпорациями). На первых этапах установления демократии в стране этот союз бюрократии и монополистического капитала сохранялся. Именно это и было причиной необычайно эффективной экономической политики в первой половине 1990-х гг. Затем, под влиянием азиатского экономического кризиса, явившегося для Южной Кореи кризисом системы государственно-монополистического капитализма, и по мере консолидации южнокорейской демократии, союз государства и чеболей был разрушен. В результате прекратилась и активная экспансия южнокорейского капитала.

Основным объектом южнокорейской бизнес-экспансии середины 1990-х гг. на пространстве бывшего СССР были выбраны именно бывшая советская Средняя Азия и Казахстан. В то же время, доля южнокорейских инвестиций в территориально намного ближе расположенной и обладающей значительно большим экономическим потенциалом, более емкими рынками и большими ресурсами России была ниже. Объяснить это можно двумя обстоятельствами: 1) существованием в Южной Корее на уровне картины мира паназиатских представлений и идей «вписать» Центральную Азию в расширенный АТР; 2) большой ролью в политической культуре Южной Кореи представлений о продуктивности бюрократическо-авторитарной модернизации. Именно последнее обстоятельство обусловило выбор Узбекистана в качестве ключевого партнера в Центральной Азии⁴³⁸.

В условиях военной диктатуры чеболи сумели выработать очень эффективные навыки достижения «теневых» неформальных соглашений с чиновниками, которыегодились им на постсоветском пространстве. Они очень хорошо использовали имевшиеся у них благодаря помощи государства прямые выходы на высший политический истеблишмент и чиновничество центральноазиатских стран. Вплоть до кризиса развивающихся рынков конца 90-х гг. конкурентные преимущества южнокорейских чеболей в Центральной Азии базировались на эксклюзивных налоговых и таможенных льготах, а также на открытой поддержке правительством Южной Кореи конкретных проектов.

Такие же льготы южнокорейские инвесторы получили и в Центральной Азии, в особенности, в Узбекистане. Так, правительство Каримова освободило «УзДэумоторс» от налогов сроком на 5 лет, предоставило покупателям его автомобилей выгодные правительственные кредиты и исключение из 5 % дорожного налога, установило высокие налоги на импорт автомобилей из-за рубежа с целью обеспечения конкурентоспособности этого СП и т.д. Наконец, для финансирования этого проекта был создан банк «АСАКА», также на первые 5 лет освобожденный от всех налогов, с участием фирмы «Дэу» (51 % капитала) и «Узавтопрома»⁴³⁹.

Широкого размаха достигло инвестиционное сотрудничество между двумя странами, сделавшее Узбекистан лидером в СНГ по объемам южнокорей-

438 Резникова О.В. Центральная Азия и Азиатско-тихоокеанский регион// Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4. С. 100 – 108.

439 Резникова О.В. Центральная Азия и Азиатско-тихоокеанский регион// Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4. С. 100 – 108.

ских капиталовложений. По этому показателю он опередил Россию примерно в 5 раз, в связи с чем его стали даже неформально называть «Дэустаном». Это название верно схватывало суть дела: для Узбекистана сотрудничество с Южной Кореей имело не только экономический, но и идеологический смысл. Идея «авторитарной модернизации» была важнейшим способом легитимации режима Каримова.

Не менее успешно чеболи привлекали к сотрудничеству местные корейские диаспоры и землячества. В 1989 г. в Казахстане проживало 193 315 лиц корейской национальности, в Узбекистане 183 140 человек, в Киргизии – 18 355 человек, в Таджикистане – 13 431 человек. В Центральную Азию они были сосланы во времена Сталина.

В результате всего этого для Узбекистана и других стран Центральной Азии Южная Корея в 1990-х гг. стала основным экспортным рынком в регионе. Если Китай импортировал продукцию из центральноазиатских государств при сравнительно небольшом экспорте, то Южная Корея наращивала туда и экспортные поставки. Например, в 1995 г. 26,5 % экспорта центральноазиатских стран в Азию направлялось в Китай, 10,5 % в Южную Корею. В общем импорте из стран Азии в этом же году удельный вес Китая составлял 29, Южной Кореи – 33%! При этом в экспорте Южной Кореи основную часть составляли готовые изделия; в импорте преобладали сырье и полуфабрикаты.

Экономические связи между Южной Кореей и другой ключевой страной Центральной Азии, Казахстаном, были значительно скромнее. В 1994 г. товарооборот составил 91,1 млн долл, в 1995 г. – 126,3 млн долл. В те же годы с Узбекистаном он составлял 343 млн долл.! Южная Корея не инвестировала в эту страну столь большие средства, поэтому ее торговля с Казахстаном испытывала хронический дефицит.

Тем не менее, представители южнокорейского бизнеса активно участвовали в казахстанской приватизации: в отдельные годы до 40 % прямых иностранных инвестиций в Казахстан приходилось на Южную Корею. Например, немецкое отделение южнокорейского чеболя «Самсунг» в 1997 г. установило контроль над Джезказганским и Балхашскими медными комбинатами, совокупная мощность которых достигает 400 тыс. тонн в год. Корпорация «Дэу», в свою очередь, в том же году приобрела «Казахтелеком».

Ситуация серьезно изменилась в связи с кризисом на рынках АТР в конце 90-х. Южная Корея была среди стран, наиболее сильно пострадавших от него. В особенности сильно были поражены этим кризисом те из чеболей, которые проводили наиболее агрессивную экспансионистскую политику. В их числе был и «Дэу». В связи с этим в Корее были проведены серьезные реформы, направленные на то, чтобы сделать бизнес более прозрачным, устранить эксклюзивные преференции, «разорвать» связку между чиновничеством и монополиями. Этим реформам способствовал произошедший ранее успешный переход Южной Кореи к демократической форме правления. В результате всех этих событий активность южнокорейских компаний по всему миру, в том числе и в Центральной Азии, существенно снизилась.

Определенные экономические позиции, отвоеванные в результате «бурного старта» в 1990-е гг., сохраняются. Так в 2006 г. Южная Корея все еще занимала 3-е место в импорте Узбекистана.

Для Японии слишком территориально отдаленная Центральная Азия не

совсем относится к ее традиционной сфере интересов⁴⁴⁰. Прошло почти три года после процесса признания независимости ННГ Центральной Азии, в котором активно участвовала и Япония, прежде чем она открыла там посольства⁴⁴¹. Традиционной сферой интересов Японии является АТР. Однако эта страна в настоящее время находится в состоянии пересмотра всей системы своих внешнеполитических отношений, как она сложилась в послевоенный период⁴⁴². Центральноазиатское направление может стать одним из перспективных направлений развития японской внешней политики.

Центральная Азия может интересовать японцев в плане расширения Азиатско-Тихоокеанского региона и создания новых маршрутов, связывающих его с Европой. Кроме того, Страна восходящего солнца желает позиционировать себя в качестве лидера в этой части мира. Она, например, пролоббировала предоставление странам Центральной Азии статуса наибольшего благоприятствования в торговле с США. В свою очередь, Японию интересует увеличение числа государств, поддерживающих ее претензии на членство в Совете Безопасности ООН.

Япония (и в значительной мере контролируемый ею Азиатский банк развития) является крупнейшим инвестором в регионе. Она прямо или косвенно финансирует практически все реализующиеся в Центральной Азии проекты развития транспортных сетей (железнодорожной, автомобильной, оптико-волоконной, авиационной). Основная идея, которая при этом выдвигается, заключается в формировании транспортных магистралей, связывающие АТР с Европой, в контексте идеи «Великого шелкового пути» (в партнерстве с США и ЕС). В 1997 г. Япония так и сформулировала свой курс в Центральной Азии, назвав его «дипломатией Великого шелкового пути». В 2004 г. был выдвинут новый план развития отношений. Важным его аспектом явилась идея трансформации Центральной Азии в «коридор мира и стабильности»⁴⁴³. Для реализации этой цели была создана консультативная группа «Япония + все центральноазиатские государства»⁴⁴⁴.

На протяжении всего периода 1991 – 2008 гг. Япония выдвигала идеи упорядочения трансазиатских транспортных потоков через территорию Центральной Азии. Так, весной 1998 г. японская корпорация «Сумитомо» предложила создать «центры интегрированной логистики» в основных городах Центральной Азии для управления всей центральноазиатской транспортной инфраструктурой⁴⁴⁵.

Слишком большая зависимость от поставок нефти из нестабильного Ближнего Востока в условиях нерешенной территориальной проблемы с Россией побуждает Японию к поиску альтернативных источников углеводородов. В качестве одного из возможных вариантов диверсификации поставок энерго-

440 Хотя есть информация об интересе японских военных к этому региону в период, предшествовавший Второй мировой войне.

441 Усубалиев Э. «Трансформация Центральной Азии в коридор мира и стабильности» – новая инициатива Японии// <http://easttime.ru/analitic/1/5/134.html>

442 Hook G. D. Japan's international relations: Politics, economics and security. London, New York, 2001; Kawashima Y. Japanese foreign policy at the crossroads: Challenges and options for the 21 century. Washington, 2003.

443 Усубалиев Э. О возможной новой роли Японии в Центральной Азии// <http://easttime.ru/analitic/1/5/94.html>.

444 Усубалиев Э. «Трансформация Центральной Азии в коридор мира и стабильности» – новая инициатива Японии// <http://easttime.ru/analitic/1/5/134.html>

445 Резникова О.В. Центральная Азия и Азиатско-тихоокеанский регион// Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4. С. 100 – 108.

ресурсов в XXI веке рассматривается транспортировка казахстанской нефти и туркменского газа по трубопроводам через территории Казахстана и Китая.

Другим движущим мотивом японской центральноазиатской политики выступает тесное военно-политическое партнерство этой страны с США. В этом плане, Япония выступает в качестве источника экономической поддержки, подкрепляющей военно-политическое влияние США в регионе. Например, по просьбе Соединенных Штатов Япония предоставила экономическую помощь Узбекистану в качестве «поощрения» за предоставление антитеррористической коалиции военной базы «Карши-Ханабад»⁴⁴⁶. Аналогичным образом, за счет японских средств была осуществлена реконструкция аэропорта «Манас», где затем была открыта американская военная база. Без этой проведенной заранее реконструкции аэропорт не смог бы быть столь эффективно использован⁴⁴⁷.

Несмотря на перечисленные выше направления сотрудничества, товарооборот Японии со странами региона развивается очень медленно. Проблема в том, что японские товары слишком дорогие и высокотехнологичные. Они предназначены для совсем других рынков.

В целом, в политике Японии в Центральной Азии можно отметить определенное противоречие в целях. С одной стороны, она является одним из представителей коалиции стран АТР (в силу территориального расположения и экономических интересов), с другой стороны, активным членом западной коалиции в рамках стратегического партнерства с США. Поэтому «японский проект» для Центральной Азии весьма неопределен.

4. Индия – не определившийся и изолированный игрок на центральноазиатской арене?

Для Индии Центральная Азия, как мы уже отмечали выше в случае Пакистана, является стратегически важной территорией. Индия многократно подвергалась завоеваниям с Севера. Для Великобритании основным мотивом ведения «Большой игры», собственно, и была задача обезопасить свои индийские владения от какой-либо угрозы с центральноазиатской стороны. Территориальный разрыв между Индией и Центральной Азией и отсутствие налаженных транспортных путей привели к тому, что почти вся центральноазиатская политика этой страны стала определяться военно-стратегическими соображениями в рамках противостояния с Пакистаном⁴⁴⁸. Важным моментом стало также превращение Индии по окончании «Холодной

⁴⁴⁶ Усубалиев Э. Политика Японии в Центральной Азии – геополитический аспект// <http://easttime.ru/analytic/1/5/150.html>

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ См. о центральноазиатской политике Индии в контексте военно-стратегических проблем: After the Tests: U.S. Policy Toward India and Pakistan. Report of an Independent Task Force. Council of Foreign Relations. N.Y., 1998; *Gottemoeller R., Longworth R.* Enhancing Nuclear Security in the Counter-Terrorism Struggle: India and Pakistan as a New Region for Cooperation. Wash., 2002; *Anand V.* Evolution of a Joint Doctrine for Indian Armed Forces//»Strategic Analysis». July 2000. vol. XXIV. no. 4; *Chattopadhyay R.* Indian Maritime Security: Case for a Blue Water Fleet//»Indian Defence Review». July 1994; *Evans A.* India, Pakistan, and the Prospect of War// «Current History». April 2002; *Sakhujia V.* Commander. Sea Based Deterrence and Indian Security// «Strategic Analysis». April 2001. vol. XXV. no. 1; *Shrivastava V.* Indian Army 2020: A Vision Statement on Strategy and Capability//»Strategic Analysis» (Monthly Journal of the IDS A). September 2001. vol. XXV. no. 6; *Sidhu W.P.S.* The U.S. and Kargil// «The Hindu». 1999. 15 July.

войны» в региональную сверхдержаву, абсолютно самостоятельный центр силы, доминирующий на южной оконечности Азии⁴⁴⁹.

Логика борьбы с Пакистаном за региональное преобладание первоначально привела к превращению Пакистана в союзника США и Китая, а Индии – в союзника с СССР. Даже после распада СССР Индия была последней страной, оказывавшей поддержку антипакистански настроенному режиму Наджибуллы в Афганистане. Затем Индия была одним из противников «Талибана». Большую озабоченность Индии вызывает возможность утверждения исламского фундаментализма в Центральной Азии. Учитывая роль поддерживаемой Пакистаном диверсионно-террористической деятельности в кашмирском конфликте, а также рост религиозно-этнических столкновений в Индии, подобный сценарий был бы для нее катастрофичен. Индия проявляет настойчивый интерес к открытию военной базы на территории Таджикистана (Айни), при помощи которой она могла бы контролировать Пакистан с севера.

С политической точки зрения Индия не собирается уступать Пакистану ни в интенсивности, ни в масштабности сотрудничества с государствами Центральной Азии. К этому ее побуждает стремление не допустить чрезмерного сближения центральноазиатских государств с Пакистаном на основе исламской общности, которое могло бы привести их к пропакистанской позиции по кашмирскому вопросу. Планы Пакистана по созданию «общего рынка» восточно-мусульманских государств на основе ЭКО не могут не вызывать существенной озабоченности Индии. Ведь это сильно укрепит позиции ее «естественного» противника, а также отрежет ее от азиатского хинтерланда, изолировав на Индостанском полуострове.

Не меньшую озабоченность вызывали попытки Пакистана стать, при поддержке Китая, членом ШОС и получить, таким образом, новых союзников. Этому противились Россия и центральноазиатские страны, которые желали сбалансировать в ШОС Пакистан Индией. В результате обе страны стали наблюдателями в этой организации.

Среди культурных факторов, которые могут способствовать довольно успешному сотрудничеству Индии с Центральной Азией, следует назвать достаточно тесные отношения СССР (и его среднеазиатской части в особенности) с данной страной. В сознании значительной части советских людей, к числу которых, несомненно, относится и значительная часть нынешней центральноазиатской элиты, утвердился стереотип восприятия Индии как миролюбивого, настроенного на сотрудничество и прогрессивного государства.

У всех центральноазиатских государств, и в особенности Киргизии и Казахстана, не может не вызывать интерес утвердившаяся в этой стране модель развития, которая характеризуется достаточно стабильными демократическими институтами, высокой степенью управляемости общества со стороны политических элит, несмотря на чрезвычайно высокую степень сложности его структуры и откровенную нищету. Определенный интерес для центральноазиатских государств представляет и индийская модель развития экономики, характеризовавшаяся сочетанием государственного планирования и частной инициативы, а затем – довольно успешными реформами по разгосударствле-

⁴⁴⁹ India: Emerging power. Washington, Harrisonburg (Virginia), 2001; India's foreign policy towards 2000 A.D. Edited by R.S. Yadav. New Dehli, 1993; *Krishan D. Mathur & Kamath P.M.* Conduct of India's foreign policy. New Dehli, 1996.

нию экономики. Результатом этих реформ стало развитие новых высокотехнологичных производственных секторов и привлечение значительных объемов иностранного капитала.

Интенсивность сложившихся в советский период культурных связей между Индией и Центральной Азией можно показать, к примеру, на чрезвычайной распространенности и популярности индийских фильмов у населения соответствующих стран. В советский период сложились также и довольно тесные образовательные связи. Многие индийцы получали образование в Ташкенте. Последний вообще позиционировался как образец социалистической модернизации для постколониальных стран Азии, включая Индию.

Существуют и некоторые более глубинные пласты культурной традиции, связывающие Центральную Азию и Индию. Вспомним, например, о распространении буддизма на территории современных центральноазиатских стран до арабского завоевания. Кроме того, Пакистан, безусловно, не может полностью узурпировать наследие мусульманской Индии, имевшей тесные связи с Центральной Азией. Ведь в современной Индии мусульмане также составляют достаточно значительную группу населения, превышающую все население центральноазиатских стран. В этом плане Индия также вполне может в перспективе попытаться сформулировать какой-то свой специфический историко-культурный «проект» развития для Центральной Азии.

Индия занимает 3-е место в Азии по объему ВВП (после Японии и Китая). В последние два десятилетия наблюдается очень интенсивный экономический рост в этой стране, растет потребление привозных сырья и других энергоносителей. В связи с этим Индия обладает достаточно значительным экономическим потенциалом, который позволил бы ей занять устойчивые позиции на рынках Центральной Азии. Из-за географического разрыва этого до сих пор не произошло. Объемы экономического сотрудничества Индии с рассматриваемым регионом достаточно скромны. Тем не менее, повышение глобальной роли индийских компаний, превращающихся в транснациональные, приводит и к росту их инвестиций в Центральной Азии. Например, имеющая индийские корни транснациональная «ЛНМ групп» в ходе приватизационного тендера выкупила Карагандинский металлургический комбинат (проектная мощность 6,3 млн тонн стали в год).

Теоретически Индия чрезвычайно заинтересована в южном маршруте транспортировки туркменского газа. В частности, США лоббируют этот проект, в том числе как способ стабилизации военно-политической ситуации в Южной Азии. Однако этот маршрут должен был бы пройти через нестабильный Афганистан и враждебный Пакистан.

Через Азиатский банк развития Индия сотрудничала в регионе со странами АТР (Японией, например), хотя она вовсе не заинтересована в том, чтобы Центральная Азия стала частью этого региона (это, например, усилило бы позиции враждебного ей Китая). Учитывая заинтересованность Индии в борьбе с исламизацией Центральной Азии и ее противостояние с КНР, на протяжении 1991–2008 гг. она проявляла готовность сотрудничать с Россией и США. То есть она, в принципе, поддерживала безопасные для нее самой постсоветский или западный векторы развития региона. Однако в результате сама Индия формулировала достаточно неопределенную позицию по вопросу о противостоянии в Центральной Азии, развернувшемся между Россией и США.

В последнее время идет медленный и до конца незавершившийся стратегический сдвиг в политике Индии. Наличие общих демократических ценностей и логика борьбы с исламским миром (представленным, прежде всего, Пакистаном) и Китаем приводит к тому, что она постепенно может превратиться в ключевого союзника США на юге Азии. В частности, поэтому проблематичными становятся планы России сделать Индию частью ШОС в плане формирования сформулированной еще Евгением Примаковым идеи «стратегического треугольника» Россия – Китай – Индия. Интересам Индии куда больше соответствовало бы формирование такого «треугольника» в виде США – Индия – Россия. Но это в настоящее время невозможно из-за российско-американских противоречий и курса на стратегическое партнерство России с Китаем. В результате Индия в своей центральноазиатской политике, возможно, надолго обречена на «колебание» в выборе между США и Россией.

Заключение.

Структура региональных взаимодействий и стратегии крупных международных игроков в Центральной Азии

Наблюдаемое в современной Центральной Азии как международном регионе отсутствие устойчивых формальных и неформальных институтов несет с собой целый ряд негативных последствий. В частности, резко увеличивается региональная неопределенность, нестабильность, не создаются условия для продуктивного сотрудничества и реализации интеграционных проектов из-за высоких транзакционных издержек. Действия всех игроков в регионе становятся чрезвычайно непредсказуемыми, а их политики – трудно оптимизируемыми из-за наличия огромного количества различных дилемм рациональности.

Ситуация большой геополитической неопределенности в рассматриваемом регионе сложилась исторически. Она накладывается на высокую степень внутривластительской неопределенности в рамках неопатариомониальных систем и чрезвычайно нестабильные, но «многовекторные» внешнеполитические и внешнеэкономические контакты. Это также проявляется в членстве центральноазиатских государств в беспрецедентно большом количестве международных региональных организаций с противоречащими друг другу интеграционными векторами и обязательствами. На описанные выше факторы неопределенности накладывается, еще более их усиливая, высокая региональная нестабильность (экономический, экологический, социальный, культурный, политический кризис).

В условиях, когда у самих центральноазиатских стран нет нужных ресурсов, структура формальных и неформальных

заключение.

структура региональных взаимодействий
и стратегии крупных международных игроков в центральной азии

институтов в регионе начинает конструироваться преимущественно извне. Внешние силы борются за идентичность региона, за присоединение его к тем или иным частям Евразии (постсоветское пространство, исламский мир, Европа, АТР). Частью этой борьбы является политика в области транспортных и энерготранспортных маршрутов.

Складывающаяся в результате структура региональных взаимодействий радикально отличается от «большой игры» XIX в. Теперь в Центральной Азии имеется значительно большее количество внешних игроков. Такими игроками являются как отдельные государства (Россия, США, государства ЕС, Китай, Турция, Иран, Индия, Пакистан), так и *разнообразные их коалиции краткосрочного или долгосрочного характера, в том числе, формирующиеся по цивилизационно-региональному признаку*. Таких чрезвычайно сложных и противоречиво устроенных «коалиций максимально высокого уровня» можно выделить четыре. Это – «Запад» (США, страны ЕС, Израиль), «исламский мир» (Турция, Иран, Пакистан, арабские страны), Китай и другие страны АТР (Япония, Южная Корея), Россия как представитель коалиции *группы стран постсоветского пространства*. Таким образом, можно говорить о *четырёх* ключевых для мировой политики группах государств, интересы которых сталкиваются в Центральной Азии.

Наличие таких коалиций «максимально высокого уровня» подтверждается следующими фактами: 1) все участники соответствующих коалиций поддерживают проекты интеграции стран Центральной Азии в сторону «своего» региона; 2) все они выступают за то или иное географическое направление развития транспортных маршрутов и, соответственно, за определенный, выгодный им способ включения региона в процесс глобализации и в мирохозяйственные связи; 3) все они используют для поддержания транспортных и интеграционных проектов сходную и дающую им преимущества культурно-цивилизационную идентичность центральноазиатских стран (западно-секулярную; постсоветскую или евразийскую; мусульманскую; различные варианты азиатской); все также поддерживают соответствующий «их» идентичности «путь развития».

Сами центральноазиатские государства также имеют возможность выступать в качестве игроков в своем регионе, будучи, по крайней мере формально, независимыми равноправными членами международного сообщества. Тем не менее, в реальности, им приходится непрерывно лавировать между интересами разных внерегиональных держав и коалиций, что создает очень нестабильную «многовекторную» политику.

Центральная Азия также начинает интересовать крупные внешние силы не только как «путь куда-то» (путь в Индию и Китай в XIX в.), но и сама по себе (в плане энергетических ресурсов и как источник серьезных трансграничных угроз). Речь в настоящее время идет не о включении Центральной Азии в классические «сферы влияния», а о вовлечении ее в интеграционные проекты, имеющие разные геополитические векторы направленности. Наконец, частью этих интеграционных проектов является сознательное манипулирование геополитической принадлежностью региона и идентичностью составляющих его стран.

С этими целями внерегиональные игроки в отношениях со странами Центральной Азии используют разнообразные ресурсы. К их числу можно отне-

сти экономические (инвестиции, торговля, различные виды экономической помощи), политические (влияние на отдельные страны и международные организации), военно-политические и относящиеся к сфере безопасности (военные силы и различные специальные службы). Наконец, важным типом ресурсов являются идеолого-символические (символы общности, наличие историко-культурной связи, привлекательность идентичности, культуры и проекта развития).

В силу переживаемого ими комплексного кризиса и будучи буквально «разрываемыми на части» конкурирующими внешними силами, центральноазиатские страны оказались не в состоянии «сконструировать» свой регион с опорой на внутрорегиональные ресурсы. Поскольку структуры региональных взаимодействий в Центральной Азии «задаются» извне, то все региональные процессы оказываются в полной зависимости от мировой политики и высокой степени неопределенности в ней. Это еще больше усиливает неопределенность в Центральной Азии и затрудняет проведение эффективной политики всеми участниками «игры».

Б. Индекс новой «большой игры» или способы адаптации внерегиональных игроков к геополитической неопределенности в Центральной Азии

В условиях высокой региональной неопределенности, задающей низкую эффективность региональных политик всех игроков, как отдельные страны, так и их коалиции столкнулись с задачей выработать какую-то стратегию для Центральной Азии.

Основной дилеммой для всех участвующих в регионе игроков оказалась дилемма «ответственность» или «свобода рук». Если внешний игрок пытается взять на себя ответственность за все, что происходит в регионе, то ему приходится: а) расходовать на это серьезные ресурсы; б) постоянно менять свою политику в соответствии с непрерывными колебаниями политической конъюнктуры, т. е. отказаться от какой-либо последовательной стратегической линии. Плюсом оказывается рост регионального влияния, который можно использовать для того, чтобы занять наиболее выгодные ниши в сотрудничестве с Центральной Азией.

Если делается выбор в пользу «свободы рук», то тогда игрок отказывается брать на себя ответственность за регион, пытаясь при этом сосредоточиться на каких-то выгодных для себя направлениях сотрудничества (например торговля). В этом случае: а) экономятся ресурсы; б) возможна последовательная стратегия. Обратной стороной является снижение регионального влияния, и, следовательно, недопуск этого игрока к наиболее выгодным «нишам» сотрудничества. Кроме того, последовательность стратегии благодаря непрерывно меняющейся обстановке в Центральной Азии может быть достигнута только за счет ее очень низкой конкретности. Т. е. в этом случае «проект» оказывается чем-то отдельным от реальности.

Другая, производная, дилемма возникает в отношениях между внешними игроками. Любой игрок, берущий на себя затраты по стабилизации региона, неизбежно опасается, что другие игроки, которые таких затрат не несли, в чем-то его обойдут в плане внедрения в наиболее выгодные сферы взаимо-

закключение.

структура региональных взаимодействий
и стратегии крупных международных игроков в центральной Азии

действия. Поэтому все сотрудничающие друг с другом игроки, особенно из разных регионально-цивилизационных «коалиций», сочетают кооперацию с соперничеством.

Если посмотреть на распределение государств по двум «полюсам» дилеммы «ответственность» — «свобода рук», то окажется, что на «полюсе» «ответственности» находятся Россия и США, на полюсе «свободы рук» — страны исламского мира. Выделяется также некий «средний путь», по которому пытаются двигаться ЕС и Китай.

Сложность складывающейся системы региональных взаимодействий в Центральной Азии заключается в том, что разные типы ресурсов несимметрично распределены между государствами-внешними игроками. Ключевые политические силы в регионе (по критериям политического влияния и военного присутствия) — Россия и США; к ним начинает приближаться Китай. Ключевые экономические игроки (по параметрам торговли, экономической помощи, инвестиций, ремиссий капитала трудовыми мигрантами) — Россия и ЕС; к ним также начинает приближаться КНР. Ключевые игроки в сфере идеологической и культурно-идентификационной (культурно-цивилизационная, историческая общность, привлекательность модели развития и предлагаемого региону проекта) — Россия, Турция, Иран; к ним постепенно начинают приближаться ЕС и Китай.

В реальности разные ресурсы превращаются друг в друга и могут быть взаимозаменяемыми. Например, культурная близость облегчает экономические и военно-политические контакты. Напротив, интенсивность последних повышает интерес к культуре соответствующей страны (именно так, например, в свое время сформировался «русский проект» в цивилизационно весьма отличном регионе). Военно-политическое влияние также часто используется для того, чтобы вытеснить конкурентов из наиболее прибыльных экономических «ниш» (особенно нефтегазовой).

Наличие разных типов ресурсов и разные региональные стратегии в значительной мере определяют специфику и результаты политик разных групп стран в Центральной Азии в 1991–2008 гг.

К первой группе относятся две страны, имеющие «сверхдежавные» традиции. Это — Россия и США. Они были готовы брать на себя ответственность за регион и имели для этого определенные ресурсы, прежде всего, в военно-политической сфере (на которые они и опирались). Обе страны постоянно делали попытки играть ключевую роль в формировании всех структур региона (геополитической ориентации, экономики, безопасности, культурно-идентификационных). У обоих государств, в результате, имела место концентрация преимущественно на политических мотивах сотрудничества с центральноазиатскими странами. Большое внимание они придавали геополитической борьбе друг с другом или другими внешними игроками. Необходимость учитывать постоянно меняющуюся ситуацию приводила к нестабильности политик, постоянной смене проектов. В случае США наблюдалась особо активная смена проектов (тюркско-турецкий мир, внутрицентральноазиатская или «альтернативная» интеграция, «Великий шелковый путь», «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия» и т.д.). У России два раза радикально менялась сущность и базовая цель внешней политики: собственная вестернизация (начало 90-х) и уход из постсоветской Центральной Азии или,

напротив, ее реинтеграция с РФ (с середины 90-х). Кроме того, Россия параллельно поддерживает четыре не совсем внутренне единых интеграционных проекта: СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС.

Ко второй группе стран относятся два расположенных поблизости экономических гиганта: Китай и страны ЕС. Они первоначально сконцентрировались на преимущественном использовании экономических ресурсов. Постепенный и неуклонный рост экономического влияния сопровождался конкретизацией политики и расширением сфер сотрудничества. В какой-то момент от простого стремления стабилизировать регион, для того чтобы обеспечить эффективное взаимодействие, на достигнутой экономической основе произошел переход к созданию интеграционных институтов. При этом на всех этапах для достижения региональных целей используется опора на другого политического игрока (Россия для Китая, США и Турция для ЕС). Возможно, именно этот «средний путь» (особенно в его китайском исполнении) и был наиболее оптимальной моделью построения центральноазиатской политики в 1991 – 2008 гг.

К третьей группе относятся, например, страны исламской исторической традиции (Иран, Турция, Пакистан, Саудовская Аравия). Они имеют очень много «символических ресурсов» (т.е. моментов культурно-исторической общности), но явно недостаточно материальных. В результате, они пошли по пути формулировки интеграционных проектов, основанных на историко-культурных аргументах и не подкрепленных достаточными материальными (экономическими и военными) ресурсами. Это – исламский мир (для арабских стран), «восточноисламский мир» (для Пакистана, Ирана), «восточноиранский мир» (для Ирана), «тюркский мир» для Турции. В результате реализации политики «свободы рук» подобный проект остается отдельно где-то в символическом пространстве, а реальность развивается совершенно независимо от него. Сотрудничество особо не складывается с самого начала (Пакистан, арабский мир), либо после бурного старта и периода господства иллюзий, основанных на номинальном следовании проекту (Турция), наступает разочарование и стагнация (Турция, Иран) или даже резкое ухудшение отношений (Пакистан, арабский мир).

Связанным с использованными ресурсами и типом политики оказывается и темпоральное распределение стран по комплексному политико-экономическому влиянию.

Преимущественное использование военно-политических инструментов Россией и США привело со временем к их геополитическому соперничеству. В целом, в 1990-е гг. наблюдалось резкое уменьшение влияния России (хотя процесс этот был весьма неровным), не всегда компенсируемое увеличением влияния США (т.е. соперничества еще не было). К концу 1990-х гг. оно начало волнообразно «колебаться», то уменьшаясь, то вновь возрастая. Одновременно сложилась интересная тенденция: уменьшение влияния России приводило к примерно равному увеличению влияния США и наоборот (т. е. сложилась ситуация чистого соперничества). Сложилась модель соотношения влияний двух стран, которую условно можно назвать «качели» (влияние США поднимается, России – опускается, и обратно).

В случае Китая и, в несколько меньшей степени, ЕС наблюдался постоян-

закключение.

структура региональных взаимодействий
и стратегии крупных международных игроков в центральной азии

ный рост влияния, основывающийся, преимущественно, на экономическом факторе.

Две страны исламской традиции – Турция и Иран – показали стагнацию или даже снижение влияния после очень активного старта в начале 1990-х гг. Причиной была в том, что активное использование символических ресурсов не было подкреплено материальными. По этому же образцу (хотя и по совершенно другим причинам) развивалось и влияние Южной Кореи: бурный рост из-за крупных экономических инвестиций к середине 1990-х гг., затем – существенная потеря темпа к концу 1990-х гг.

Позиции Японии, Индии и Израиля из-за территориальной отделенности и недостаточно активной политики или недостатка ресурсов в регионе, в целом, не демонстрировали особой позитивной динамики с самого начала 1990-х гг. Влияние Пакистана и Саудовской Аравии изначально было незначительным, но затем, из-за сделанных стратегических ошибок (поддержка «Талибана» и исламских экстремистских сетей) еще больше снизилось.

Взаимодействие между внешними игроками характеризовалось очень сложными образцами сотрудничества или соперничества. Так, например, к западной коалиции, представленной преимущественно США, странами ЕС и Израилем, устойчиво примыкали Япония, Южная Корея и Турция. По ряду вопросов она находила важные точки соприкосновения с Пакистаном, Саудовской Аравией, Россией, Китаем.

Внутри разных коалиций также нельзя преувеличивать степень единства. Наиболее тесно интегрированной была западная коалиция. Коалиция стран постсоветского пространства во главе с Россией и исламская коалиция во многом носили скорее зачаточный характер. В их рамках конфликт в 1991 – 2008 гг. преобладал над сотрудничеством. Коалиция стран АТР была интегрирована преимущественно общим экономическим интересом, но глубоко дезинтегрирована в политическом плане.

Если попробовать отследить динамику влияния разных коалиций в Центральной Азии, то получится примерно следующая ситуация.

Россия как лидер постсоветского пространства – постепенное падение в 1990-е гг., затем волнообразные колебания, начиная с конца 1990-х. Хорошие результаты России к 2008 г. объясняются американскими ошибками, связанными с поддержкой «цветных революций» в Центральной Азии.

Запад – постепенное усиление позиций в 1990-е гг., переходящее в «качели» с Россией, в основном за счет волнообразной динамики влияния, придаваемой США. Страны ЕС, благодаря постоянному росту своего экономического влияния, несколько «сглаживают» эту волнообразность и придают ей вектор, направленный, в целом, вверх.

Страны исламской традиции – постепенное падение или стагнация влияния после бурного старта. Причиной, кроме недостатка материальных ресурсов при избытке символическо-идеологических, оказалась еще и внутренняя борьба и несогласованность действий внутри этой коалиции.

Страны АТР – постепенное и постоянное укрепление позиций, хотя и с небольшими колебаниями (например, из-за стагнации экономического влияния Южной Кореи). Следует отметить, что непрерывная позитивная динамика обеспечивается, преимущественно, за счет одного «сильного игрока» – Китая.

Наконец, в заключении данной работы мы попробуем сформулировать три вывода из приведенного в данной монографии материала, которые имеют практически-политические аспекты⁴⁵⁰. Формулировка их будет достаточно резкой, что имеет своей целью инициировать дискуссию, направленную на поиск более эффективной модели региональной политики нашей страны.

1. При движении с запада на восток постсоветского пространства видно существенное повышение геополитической неопределенности, имеющее глубокие исторические корни. В странах Балтии на уровне формальных и неформальных институтов доминируют западные влияния. В европейских странах СНГ (Украина, Молдова, Белоруссия) происходит столкновение между ними и российскими традициями. На Кавказе к этому прибавляется исламский фактор. Наконец, в Центральной Азии геополитическая неопределенность достигает максимума за счет роста влияния Китая и других стран АТР. Политика РФ должна учитывать рост угроз, связанных с неопределенностью, нестабильностью и непредсказуемостью, возникающих при движении на восток постсоветского пространства.
2. Сложившаяся в некоторых центральноазиатских странах неопатримониальная политическая система способна поглотить и потратить «нецелевым образом» очень большие (а, возможно, вообще любые) средства внешних спонсоров, направленные на реализацию тех или иных проектов развития. С другой стороны, Центральная Азия как международный регион не способна поддерживать свою стабильность без постоянной внешней помощи и гарантий безопасности извне. В этом плане выбор между ответственностью за ситуацию (т.е. серьезными финансовыми вложениями) или стремление к «свободе рук» является основной дилеммой российской политики в этой части мира.
3. В силу того, что ряд стран Центральной Азии легко номинально принимает любые интеграционные проекты, не беря на себя реальных обязательств, нельзя считать вступление их в те или иные международные организации (или выход из них) признаком успеха или неуспеха политики внешних игроков. Более того, это вступление и выход, зачастую, принимают циклический характер (наиболее яркий пример – Узбекистан).

⁴⁵⁰ Следует, однако, подчеркнуть, что они имеют *дискуссионно-гипотетический характер* и, потому, требуют для своей проверки привлечения более широкого эмпирического материала (прежде всего, из области внутренней политики стран региона), чем тот, который был рассмотрен в рамках данной работы.

Об авторе

Андрей Анатольевич Казанцев – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра Евро-Атлантической безопасности МГИМО МИД России. В настоящее время также обучается в докторантуре МГИМО (прикреплен к кафедре Политической теории). Эксперт фонда «Наследие Евразии» и Информационно-аналитического центра МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве.

А.А. Казанцев родился в 1974 г. в Ашхабаде и закончил там же среднюю школу. До 1996 г. А. Казанцев был гражданином Туркменистана, затем принял российское гражданство.

В 1991 – 1997 гг. он обучался в Российском государственном гуманитарном институте (РГГУ), специализировался в древней истории и языках. В 1997 – 2000 гг. А. Казанцев проходил обучение в аспирантуре РГГУ (Кафедра общей политологии и специальных политических дисциплин), параллельно работал там же в качестве преподавателя (до 2001 г.). В 2000 г. им была защищена кандидатская диссертация.

В 1998 – 2000 гг. А. Казанцев работал в Международном институте гуманитарно-политических исследований (В. Игрунова), занимался мониторингом и анализом событий в государствах Центральной Азии и Каспийского региона. С 2001 по 2004 г. он был старшим научным сотрудником Центра международных исследований МГИМО. С 2004 г. по настоящее время – научный сотрудник, затем, старший научный сотрудник Центра евроатлантической безопасности МГИМО.

Курсы, читавшиеся в РГГУ и в МГИМО: история политических учений, теория политики, сравнительный внешнеполитический процесс, международные отношения в Центральной Азии.

Сферы научного и экспертного интереса: российско-европейские и российско-американские отношения; энергетическая политика; политические и экономические процессы на постсоветском пространстве (особенно, в Центральной Азии и регионе Каспийского моря); социальные сети в политике.

В качестве эксперта А. Казанцев работал в рамках различных проектов следующих международных организаций (ООН, саммит «Группы восьми» в Санкт-Петербурге, МАГАТЭ, НАТО, ОДКБ, Межпарламентская Ассамблея СНГ), осуществлял экспертную деятельность по заказам следующих российских структур (Администрация президента, Совет безопасности, МИД, Министерство обороны). А. Казанцев получал гранты и участвовал в проектах ряда европейских и американских институтов и фондов: Институт по изучению проблем безопасности Европейского Союза, Женевский центр демократического контроля вооруженных сил, фонды Макартуров и Фридриха Эберта. Проходил стажировку в Великобритании (1999) и Нидерландах (2008).

About the author

Andrey A. Kazantsev – PhD. in Political Science, a Senior research fellow (Center for Euro-Atlantic Security of Moscow State Institute of International Relations of Russian Foreign Ministry (MGIMO).

Spheres of scientific and expert interest: Russian-European and Russian-American relations; energy policy; political, security and economical processes on the Post-Soviet space (especially, in Russia and Caspian Sea region); practical political applications of social networking theory.

A. Kazantsev was born in 1974 in Ashgabat (Turkmenistan) and graduated a secondary school there. Until 1996 A. Kazantsev had Turkmenistan's citizenship, since 1996 he is a citizen of Russian Federation.

Education.

1991 – 1997, student, Russian State University for the Humanities, Institute for History and Archives, specialization in history and languages.

1997 – 2000, Russian State University for the Humanities, Political Science Department, postgraduate student.

In 2000 A. Kazantsev defended *PhD in Political Science* in Russian State University for the Humanities.

Experience of work.

1998 – 2001 – *Assistant lecturer, than, lecturer (2000–2001)*, Russian State University for the Humanities (RGGU), Political Science Department.

1998 – 2000 – *expert and research fellow*, International Institute for the Humanities and Political Studies, IGPI (of Viacheslav Igrunov).

2001 – 2004 – *research fellow*, Center for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of *Ministry of Foreign Affairs of Russia*.

2004 – present, *research fellow, than, senior research fellow*, Center for Euro-Atlantic Security (CEAB of NKSMI), Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of *Ministry of Foreign Affairs of Russia*.

As an expert A. Kazantsev worked for the following international organizations and projects (*some UN, IAEA and NATO projects, G-8 summit in Saint-Petersburg, CSTO, CIS Inter-Parliamentary Assembly*), for Russian governmental and political bodies (*Presidential Executive Office - Administration of the President of Russia, Security Council of Russia, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Ministry of Defense of Russia, Russian Unified Democratic Party “Yabloko”*) and for the Government of Kazakhstan.

A. Kazantsev received grants and participated in common projects with some European and American institutions and foundations (*EU Institute for Security Studies, Geneva Center for the Democratic Control of Armed Forces, Friedrich Ebert Stiftung and MacArthur Foundation*).

Andrey A. Kazantsev is an author of 69 publications in Russian and English. Selected publications are listed below.

А. Казанцев является автором 69 публикаций на русском и английском языках. К их числу относятся:

- Strategic Partnership Russia–EU: Principles and Prospects. Edited by A. Nikitin, A. Kazantsev, Moscow, MGIMO Publishing House, 2006.
- Kazantsev A. Russian Policy in Central Asia and Caspian Sea Region (2000 – 2008), *Europe-Asia studies*, #6, August, 2008, vol.20.
- Казанцев А. Центральная Азия: институциональная структура международных взаимодействий в становящемся регионе// Политические исследования (Полис). 2005. №2.
- Казанцев А., Харченко О. Россия и мир в 2020 году: прогнозы зарубежных аналитиков. Аналитические доклады НКСМИ МГИМО. Декабрь 2006. Выпуск 9(14).
- Казанцев А. Миграционные процессы и нетрадиционные угрозы безопасности России. Аналитические доклады НКСМИ МГИМО. Июнь 2007. Выпуск 5(25).
- Казанцев А. Перспективы развития гидроэнергетического и углеводородного секторов экономик центральноазиатских государств. Некоторые последствия для политики России. Аналитические записки НКСМИ МГИМО. Апрель 2008. Выпуск 2(31).
- Беспалов С.В., Власов А.В., Голубцов П.В., Казанцев А.А., Караваев А.В., Меркушев В.Н. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. М.: Евразийская сеть политических исследований, ИАЦ МГУ по изучению общественно–политических процессов на постсоветском пространстве, 2007.

Контактная информация:

Почтовый адрес: МГИМО, Москва, проспект Вернадского, д. 76,
Центр Евро-Атлантической безопасности.

Факс: +7 495 434 20 44.

E–mail: andrka@mail.ru

Books in English

1. Strategic Partnership Russia–EU: Principles and Prospects. Edited by A. Nikitin, A. Kazantsev, Moscow, MGIMO Publishing House, 2006. 75 p. (<http://old.mgimo.ru/filesserver/books/ad-11.pdf>) (The book is a result of common work of team of Russian and European experts and officials; European side was mostly from the office of **High Representative for the Common Foreign and Security Policy, Secretary–General of the Council of the European Union** and *EU Institute for Security Studies (EUISS)*). The book includes complex analysis of different aspects of possible strategic partnership).

Articles in English

2. Kazantsev A. Vladimir Putin's Central Asian Policy: in Search for Security and Influence, *Russian Analytical Digest*, 4 March 2008, № 36, P. 17 – 21. (<http://se2.isn.ch/serviceengine/FileContent?serviceID=10&fileid=2316ED31-41E5-E1A3-4114-27C3C2DED643&lng=en>)
3. Kazantsev A. Russian Policy in Central Asia and Caspian Sea Region (2000 – 2008), *Europe – Asia studies*, #6, August, 2008, vol.20, P. 1073 –1088.

Books and brochures in russian

- Harchenko O., Kazantsev A. Russia and the World to 2020: Prognoses of Foreign Analysts, Moscow, MGIMO Publishing House, 2006. 40 p. (<http://old.mgimo.ru/filesserver/books/ad-14.pdf>). (In this brochure different prognoses of development of Russia and New Independent States are compared and critically assessed).
- Kazantsev A. Migration Processes and New Challenges to Russia's Security, Moscow, MGIMO Publishing House, 2007. 43 p. (<http://old.mgimo.ru/filesserver/2004/nauka/az-25.pdf>). (In this brochure migration and “brain drain” processes are analyzed from the point of view of new challenges to Russia's security).
- Kazantsev A. Perspectives of Development of Energy Sector in Central Asia, Moscow, MGIMO Publishing House, 2008. 30 p. (This brochure contains complex assessment of potential of oil, gas and electricity development in Central Asia and Caspian Sea region. It analyzes governmental plans and models of development of energy sectors of respective countries, evaluates political risks).
- Bespalov S.V., Vlasov A.V., Golubcov P.V., Kazantsev A., Karavaev A., Merkushev V. Mechanisms of Formation of Positive Image of Russia in Post-Soviet Countries, Moscow, Analytical Center of Moscow State University on Social and Political Processes of the Post-Soviet space, Eurasian Political Studies Network, 2007. 132 p. (This collective book is a result of empirical study of Russian image and soft power potential in New Independent States. Soft power is analyzed as a complex instrument that can be used in economic, energy and security policies of Russia).

Contact information.

Office postal address: Center for Euro-Atlantic Security of MGIMO,
prospect Vernadskogo, 76, Moscow, Russia
Fax # +7 (495) 434-2044
E–mail: andrka@mail.ru

